

Российская академия наук

**Институт Дальнего
Востока**

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF FAR EASTERN STUDIES
Center for Korean Studies

**KOREA:
A VIEW FROM RUSSIA**

Papers presented
at the 11th Academic Conference
of Russia and CIS' Koreanists
Moscow, March 29-30, 2007

Moscow ■ 2007

Российская Академия наук
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Центр корейских исследований

**КОРЕЯ:
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ**

Доклады, представленные
на XI научной конференции корееведов
России и стран СНГ
Москва, 29–30 марта 2007 г.

Москва ■ 2007

УДК 327

ББК 66.3 (5К0)

Корея: взгляд из России. Доклады, представленные на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29-30 марта 2007 г. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2007. 350 с.

Редакторы:

А. З. Жебин (отв. ред.), К. В. Асмолов

В сборнике исследуются актуальные проблемы Корейского полуострова и развития политических, экономических отношений РФ с двумя корейскими государствами. Особое внимание уделено перспективам урегулирования ядерной проблемы, исследованию возможных направлений реализации российских экономических интересов на Корейском полуострове. Используются материалы XI научной конференции корееведов России и стран СНГ, которая проходила 29-30 марта 2007 г. в ИДВ РАН в Москве при содействии Корейского Фонда международных обменов.

This collection deals with the urgent problems of the Korean peninsula and development of political and economic relations between the Russian Federation and both Korean states. Special attention was given to the prospects of the nuclear problem's resolution and to analysis of possible directions for realization of Russia's economic interests on the peninsula. The volume includes papers presented at the 11th Conference of Russia and CIS' Koreanists held on March 29-30, 2007 at the IFES in Moscow with the support from the Korea Foundation.

ISBN 978-5-8381-0133-4

ББК 66.3 (5К0)

© Институт Дальнего Востока РАН, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово директора ИДВ РАН, академика
Титаренко М.Л. 12

Приветственная речь вице-президента Корейского фонда
Ким Сын Ый 15

ПОЛИТИКА

Жебин А.З.

О некоторых аспектах урегулирования ядерной проблемы
на Корейском полуострове 18

Забровская Л.В.

Шестисторонние переговоры: проблемы и перспективы 24

Воронцов А.В.

Ядерная проблема Корейского полуострова и политика США 34

Немов А.А.

Корейский фактор во внешней политике США и обеспечение
национальных интересов России 42

Ли В.Ф.

Международно-правовые аспекты замены Соглашения
о перемирии в Корею мирным договором 50

Юлин Б.В.

Современные проблемы Корейского полуострова как признак
распада послевоенного миропорядка 55

Савельев Р.В.

Российско-южнокорейские отношения: политические аспекты
и экономическая составляющая 59

Асмолов К.В.

КНР и проблемы Корейского полуострова: растущее вовлечение 72

Гринюк В.А.

Проблема похищений японских граждан спецслужбами КНДР 83

Ермолаева Е.М. Антияпонские настроения как феномен современного южнокорейского общества	94
Ким Ен Ун Перемены в госслужбе РК	100
Аптеева О.В. Сонгун – политика военного социализма	113

ЭКОНОМИКА

Суслина С.С. Инвестиционный потенциал РК и перспективы расширения российско-корейского экономического сотрудничества	122
Лешаков П.С. Проблемы современного этапа развития экономических отношений РФ и РК.....	133
Старичков А.Ю. Реструктуризация газовой промышленности РК и перспективы российско-корейского энергетического сотрудничества	142
Стеклов М.М. Перспективы сотрудничества РФ и РК в решении энергетической проблемы КНДР	152
Шалда Е.А. Модификация внешнеэкономической политики КНДР в конце XX – начале XXI вв.	161
Санжиев А.А. Кэсонский промышленный комплекс: экономическое и политическое значения для РК и КНДР	172
Верхотуров Д.Н. Экономическое сотрудничество Узбекистана с Кореей	180
Синякова А.Ф. Особые экономические зоны: корейский опыт в привлечении прямых иностранных инвестиций	185
Попов Ю.М. Прямые иностранные инвестиции в экономике РК – вчера, сегодня, завтра	194

Федоровский А.Ф. Южнокорейский вариант корпоративизма	205
Пак В.Г. О некоторых чертах банковской системы РК	213
Инчоль Д.Г. О проблеме адаптации иностранных рабочих в РК	220

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Концевич Л.Р. Разнообразие в единстве: корейская историческая хронология в контексте дальневосточной хронологии	228
Дьякова О.В. Когуресские параллели в военном зодчестве Бохая и Цзинь	238
Иванов А.Ю. Проблема острова Ноктундо в СМИ Республики Корея	245
Ким Н.Н. В поисках политического единства: из истории политических движений на юге Кореи (1945–1948 гг.)	254
Волков М.Г. Исторический путь православия в Корею: основные вехи	266
Дмитриева В.Н. Глобализация и корейская культура: взгляд из России	274
Подгорная Л.Д. Современная система высшего образования РК: проблемы глобализации и стратегии развития	285
Цой Е.Б., Гущина А.М., Баденкова Ю.А. Ретроспективный анализ результатов научно-образовательного сотрудничества с РК на примере НГТУ: проблемы и перспективы	298
Похолкова Е.А. Южнокорейская экономическая лексика в свете отечественных лингвистических подходов	307
Ни Н.И. Корейский модернизм	316

Аманова Г.А. Некоторые вопросы развития корейской поэзии в период Просветительства (1896–1908 гг.)	325
Хван Л.Б. Особенности восприятия корейской поэзии второй половины XX века	330
Ли Сан Юн Взгляд на корейскую женскую прозу (творчество Ын Хи Гён)	341

CONTENTS

Welcome Address Director IFES RAS, academician M. L. Titarenko	12
Welcome Address Vice-President of the Korea Foundation Kim Seung-eui	15

POLITICS

Zhebin A.Z. On Some Prospects for Settlement of Nuclear Problem on the Korean Peninsula	18
Zabrovskaya L.V. The Six-Party Talks: Problems and Prospects	24
Vorontsov A.V. The U.S. Policy Towards the Korean Peninsula and Nuclear Problem	34
Nemov A.A. “Korean Factor” in U.S. Policy and Russia’s National Interests	42
Lee V.F. International-legal Aspects of Replacement of the Armistice Agreement by a Peace Treaty on the Korean Peninsula	50
Yulin B.V. Korean Peninsula’s Problems as a Sign of Post-WWII World Order’s Crisis	55
Saveliev R.V. Russia- ROK Relations: Political and Economic Aspects	59

Asmolov K.V. PRC’s Growing Involvement in Korean Affairs	72
Grinyuk V.A. The Problem of Abductions of Japanese Citizens by DPRK’s Special Services	83
Ermolaeva E.M. Anti-Japanese Trends in Public Opinion in Modern South Korean Society	94
Kim En Un The Changes in ROK’s Civil Service	100
Apteeva O.V. <i>Songun</i> as a Policy of Military Socialism	113

ECONOMICS

Suslina S.S. The Investment Potential of Republic of Korea and the Perspectives for the Economic Cooperation Between Russia and Korea	122
Leshakov P.S. Problems of Current Development of Economic Relations between Russia and Republic of Korea	133
Starichkov A.Yu. Restructurization of ROK’s Gas Industry and Perspective of Russia – ROK Energy Cooperation	142
Steklov M.M. The Outlook for RF and ROK Cooperation in Energy Assistance to DPRK	152
Shalda E.A. Modification of the External Economic Policy of DPRK in the End of XX and Beginning of XXI Centuries	161
Sanzhiev A.A. Gaesong Industrial Complex: Economic and Political Meanings for North and South Korea	172
Verhoturov D. N. Uzbekistan – Korea Economic Cooperation	180
Sinyakova A.F. Special Economic Zones: Korean Experience of Attraction of Foreign Direct Investments	185

Popov Y.M.	
Foreign Direct Investments in the Economy of Republic of Korea	194
Fedorovskiy A.N.	
South Korean Style of Corporatism	205
Pak V.G.	
On Some Aspects of Banking System in South Korea	213
Inchol D.G.	
Some Issues of Foreign Workers' Adaptation in ROK	220

HISTORY & CULTURE

Kontsevich L.R.	
Variety in Unity: Korean Chronology in Context of Far Eastern Chronological Systems	228
Dyakova O.V.	
Koguryo Traditions in Military Architecture of Bohai and Jin	238
Ivanov A.Yu.	
Noktundo Island Problem in ROK's Mass Media	245
Kim N.N.	
In Search of the Political Unity: From History of Political Movements in South Korea. 1945–1948	254
Volkov M.G.	
Historical Way of Orthodoxy in Korea: Main Milestones	266
Dmitrieva V.N.	
Globalization and Korean Culture as It's Seen from Russia	274
Podgornaya L.D.	
Contemporary High Education System in Republic of Korea: The Globalization Problems and Development Strategy	285
Tsoy E.B., Badenkova Yu.A., Goushchina A.M.	
Retrospective Analysis of the Results of Scientific and Technical Cooperation with Republic of Korea by the Example of Novosibirsk State Technical University: Problems and Future Prospects	298
Poholkova E.A.	
South Korean Business Terminology from the Viewpoint of Russian Linguistics	307

Nee N.I.	
Korean Modernism	316
Amanova G.A.	
On Some Issues of Korean Poetry in the Enlightenment Period (1896–1908)	325
Hwan L.B.	
The Peculiarities of the Perception of Korean Poetry of the Second Half of XX Century	330
Lee Sanyoun	
View on Korean Woman Prose (Fiction by Eun Heekyong)	341

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
директора ИДВ РАН, академика РАН

М.Л. ТИТАРЕНКО

**на церемонии открытия XI научной конференции
корееведов России и стран СНГ**

Уважаемые гости, уважаемые коллеги!

Я рад приветствовать Вас на очередной, уже одиннадцатой, конференции корееведов России и стран СНГ.

Я рад, что на этой конференции, как и на предыдущих, здесь собрались корееведы почти со всей страны, представляя самые разные научные центры и научные школы. При этом, кроме проверенной «старой гвардии», я рад видеть новые лица, которые, надеюсь, станут постоянными участниками этого ежегодного мероприятия.

Конференция корееведов в стенах ИДВ РАН давно превратилась в головной форум ведущих специалистов, профессионалов, экспертов, детально и объективно анализирующих целый комплекс актуальных проблем Корейского полуострова.

2007 год несет корееведам много интересного. Во-первых, начало года и закончившийся на днях шестой раунд шестисторонних переговоров создают видимую надежду на то, что так называемый «второй виток северокорейского ядерного кризиса» может быть конструктивно разрешен. Очень важно то, что на сей раз выход из тупика обеспечивается координированными усилиями всего международного сообщества, и в первую очередь – усилиями дипломатов России, КНР и РК. Заметим, что «временный тупик», в котором оказались переговоры, воспринимается сегодня как чисто техническая сложность, и поведение КНДР не интерпретируется как проявление злой воли или шантаж.

Модель урегулирования во многом повторяет принципы Рамочного соглашения 13-летней давности, но на сей раз его многосторонний формат существенно снижает риск развития неприятной ситуации, при которой изменившаяся политика одной из стран-участниц может торпедировать процесс и отбросить его назад. Нельзя не отметить с удовлетворением того, что принятые меры во многом совпадают с теми предложениями, которые неоднократно высказывались на прошлых конференциях сидящими здесь их участниками.

Во-вторых, текущий год – год президентских выборов в Республике Корея, определяющий политику этой страны как минимум на пять лет вперед. Острых вопросов,

по которым идет дискуссия, в стране достаточно, однако даже сейчас видно, что процесс межкорейского диалога, начатый еще экс-президентом Ким Дэ Чжунгом, похоже, необратим. Вне зависимости от того, будут у власти левые или правые, «холод» в отношениях между Севером и Югом уже не забьет «солнечное тепло».

В-третьих, этот год все яснее отражает тенденции нового миропорядка, постепенно заменяющего тот, что сложился как после Второй мировой, так и в период «холодной» войны и после ее окончания. Как их черты можно отметить и изменение политики США, а также иллюстрирующие отсутствие единой политики по корейскому вопросу и отражающие растущие сложности курса неоконсерваторов на «принесение всему миру демократии на кончиках ракет». Это и растущая роль Китая, который очень скоро займет место «мастерской мира», обеспечивая своим статусом региональной сверхдержавы новый тип мировой политической архитектуры, основанной на принципе «хэси». Растущее вовлечение Китая в дела Корейского полуострова – очень важный признак нового мира. Нельзя не отметить и «новый ревизионизм Японии» – многостороннюю и в чем-то опасную тенденцию, которая устремлена не в прошлое, а в будущее. Сюда же – определенный кризис системы международного права и ослабление роли ООН, на фоне чего мы наблюдаем рост «неформальных» организаций, к которым можно отнести не только «большую восьмерку», но и сообщество, сложившееся в связи с шестисторонними переговорами как региональная структура, в перспективе способная заниматься решением и иных кризисных проблем в рамках СВА.

В-четвертых, 2007 год может стать годом важных решений в сфере сотрудничества России со странами Корейского полуострова. Это – подготовка торговых соглашений и создание базы для развития инфраструктуры в энергетике. Последнее достаточно важно, так как диверсификация торговой и энергетической политики нашей страны и ее «взгляд, обращенный на Дальний Восток», являются значительным элементом будущего российского экономического роста.

Значительный блок материалов конференции посвящен актуальным проблемам современности, но (и это становится хорошей традицией) есть и раздел, посвященный истории и культуре. И потому конференцию можно считать комплексным мероприятием, на котором обсуждаются самые разнообразные темы, отражающие разнонаправленность развития корееведения в России и странах СНГ.

Еще раз приветствуя представителей посольства Республики Корея в России и Корейского Фонда, я благодарю их за моральную и материальную поддержку этого мероприятия и надеюсь, что российский взгляд на ситуацию в Корее будет воспринят ими со вниманием, и суждения ученых будут небезынтесны политикам и бизнесменам.

Есть еще один момент, на который я сразу же хотел обратить Ваше внимание. Важной частью программы этой конференции будет формальное воссоздание ко-

рееведческого сообщества в форме Ассоциации российских корееведов как добровольной научно-общественной и практической организации, цели и задачи которой будут включать в себя содействие исследованию истории, политики, идеологии, экономики, культуры, языка, литературы, письменных памятников, религии корейцев (в том числе корейских диаспор, проживающих за пределами КНДР и Республики Корея), объединение и привлечение к творческой, научной и популяризаторской деятельности возможно более широкого круга лиц, проявляющих интерес к корееведению, и развитие научных контактов с международными и национальными ассоциациями и обществами корееведов. Представляется, что такая ассоциация, необходимость возрождения которой неоднократно дебатировалась, в том числе — и на этих конференциях, не только серьезно укрепит межрегиональные связи, но и позволит нам вместе и лучше делать наше общее дело.

Желаю участникам конференции успешных выступлений и плодотворных дискуссий, напоминая, что материалы этой конференции, как всегда войдут в сборник, который будет выпущен в этом году.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ
вице-президента Корейского фонда международных обменов
КИМ СЫН ЫЙ
на церемонии открытия XI научной конференции корееведов
России и стран СНГ

Уважаемый директор Института Дальнего Востока Российской Академии Наук господин Титаренко!

Уважаемый руководитель Центра корейских исследований господин Жебин!

Уважаемый Министр Посольства Республики Корея господин Пак Сан Хун!

Уважаемые российские участники и ученые, приехавшие из стран СНГ!

Сегодня мир смотрит на Россию. После прихода к власти президента Путина Россия демонстрирует быстрый экономический рост. Мы выражаем глубокое уважение потенциалу российского народа и усилиям представителей всех слоев населения вашей страны, направленным на строительство «сильной России».

Россию и Республику Корея связывают общие ценности демократии и рыночной экономики, цели и интересы. Наши страны объединяют сотрудничество в сферах торговли и инвестиций, в энергетике и сырьевой отрасли, проект соединения железнодорожных магистралей, научно-техническое сотрудничество и взаимодействие в области освоения космического пространства и многие проекты, которые принесут выгоду обеим сторонам.

Объединяет наши два государства и цель, которая заключается в укреплении мира на Корейском полуострове и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии. Наши страны разделяют общее мнение и по международным вопросам, включая предотвращение распространения терроризма и оружия массового уничтожения.

В частности, все больше укрепляется сотрудничество, направленное на мирное решение северокорейской ядерной проблемы. Пользуясь случаем, позвольте выразить России благодарность за усилия, направленные на достижение прогресса на шестисторонних переговорах. Мы хотели бы надеяться на то, что Россия и в дальнейшем будет играть активную роль в этом процессе.

Как вам хорошо известно, в 1897 г. именно в России впервые в мире за пределами полуострова было начато преподавание корейского языка, в Санкт-Петербургском государственном университете. Это говорит о том, насколько давнюю историю и богатые традиции имеет корееведение России. По этой причине не может не радовать то, что многие специалисты, которые изучали корейский

язык и занимались корееведческими исследованиями, сегодня активно трудятся во всех сферах жизни российского общества.

Конечно, путь, пройденный российским корееведением, не всегда был ровным и гладким. И то, что корееведение в России успешно продолжает свое развитие до настоящего времени, является результатом вашей деятельности, которую благодаря своей преданности делу и упорству вы продолжали и в трудных условиях.

Корейский фонд международных обменов считает Россию и страны СНГ важным регионом в плане развития обменов и сотрудничества. В минувшие годы Фондом были реализованы различные программы помощи, и мы планируем и в будущем продолжать осуществлять программы содействия развитию корееведения.

В прошлом году Корейский фонд пригласил в Республику Корея деканов факультетов ведущих российских университетов, имеющих корейские отделения, включая СПГУ, МГУ, ДВГУ. Эта была хорошая возможность познакомить их с нашей страной и обсудить вопросы расширения и дальнейшего развития корееведения в России.

Кроме того, в 2005 г. Корейский фонд открыл представительства в ряде зарубежных стран, включая Россию, и направил на работу своих представителей, благодаря чему мы теперь лучше знаем о потребностях того или иного региона и активизируем усилия на расширении сотрудничества.

Я убежден в том, что такое сотрудничество, а также предложенные вами идеи и проекты, которые направлены на развитие российского корееведения, не только оказывают большую помощь Корейскому фонду в организации нашей дальнейшей работы, но также способствуют развитию корейско-российских отношений и укреплению мира и стабильности в СВА.

Потому что это первый шаг на пути строительства взаимного доверия, а доверие, в свою очередь, создает возможности для нового сотрудничества, а сотрудничество – это основа мира и стабильности.

В регионе СВА, в отличие от Европы, системы многостороннего сотрудничества развиты слабо. Хочу надеяться и уверен в том, что открывающаяся сегодня научная конференция может способствовать достижению этих целей.

В заключение позвольте выразить слова благодарности Директору Института Дальнего Востока Михаилу Леонтьевичу Титаренко за неизменный интерес и помощь в проведении вот уже XI научной конференции корееведов России и стран СНГ, а также руководителю Центру корейских исследований господину А.Жебину и сотрудникам Института, которые прилагают немалые усилия для организации этого мероприятия.

Позвольте высказать пожелание, чтобы в будущем эта конференция продолжалась и развивалась и прочно утвердилась в качестве встречи, дающей возможность провести дискуссии и обсудить важные вопросы корееведения. Желаю дальнейшего развития и процветания Институту Дальнего Востока РАН!

Раздел 1

ПОЛИТИКА

А. З. Жебин*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В начале 2007 г. в ситуации на Корейском полуострове наметились положительные перемены. Многие политики и обозреватели в России и за рубежом даже поспешили охарактеризовать февральские 2007 г. договоренности участников шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы как «прорыв»¹. Однако итоги состоявшихся в марте первых заседаний рабочих групп и самого шестого раунда переговоров, прошедшего 19–22 марта, дают основания для более сдержанных оценок как времени, которое, вероятно, потребует для достижения заявленной цели – денуклеаризации Корейского полуострова, так и самой возможности решения этой сложной, многоплановой задачи.

Позитивные подвижки в разрешении сложившейся ситуации, безусловно, появились. В рамках одной из рабочих групп 5–6 марта 2007 г. в Нью-Йорке продолжился начатый в январе 2007 г. в Берлине де-факто прямой двусторонний американо-северокорейский диалог о нормализации межгосударственных отношений, который обе стороны расценили как конструктивный. С 13 по 14 марта 2007 г. состоялся визит Генерального директора МАГАТЭ М. Эль-Барадеи в Пхеньян, что положило начало контактам о возобновлении сотрудничества агентства с КНДР².

Вместе с тем выявились, если и не тупиковые, то, по крайней мере, такие направления, где прогресса будет достичь чрезвычайно трудно. Это касается, прежде всего, рабочей группы по нормализации отношений между КНДР и Японией, первое заседание которой прошло 7–8 марта в Ханое. Токио настаивает на удовлетворении своих явно завышенных требований о прояснении судьбы японцев, похищенных спецслужбами КНДР в 1970–1980-е годы. Таковых, по их подсчетам, было 17 человек. Северокорейцы же насчитали только 13 и после извинений, лично принесенных Ким Чен Иром в 2002 г. приехавшему в Пхеньян Дз. Коидзуми и возврата 5 человек (остальные 8 объявлены умершими), считают этот вопрос закрытым³.

* Центр корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, Москва.

Пхеньян настаивает – и не без оснований, хотя бы с учетом хронологии и масштабов событий – на компенсации и извинениях Японии за те гораздо более масштабные преступления, которые она совершила в Корею в годы колониального господства и Второй мировой войны. Позиция Токио стала выглядеть особенно неуклюжей после того, как премьер-министр С. Абэ взялся публично отрицать общеизвестные факты прямого участия японской военщины в насильственном обращении женщин ряда оккупированных Японией стран, прежде всего корейцев, в сексуальных рабынь⁴.

Доминирующей, по крайней мере в СМИ, стала тема возврата Пхеньяну около 25 млн. долл., принадлежавших юридическим и физическим лицам КНДР или имеющим отношение к КНДР и находившихся на 52 счетах в одном из банков в Макао – специального административного района КНР и де-факто находящегося под китайской юрисдикцией. Счета были «заморожены» властями Макао еще в 2005 г. из-за позиции американской стороны, обвинившей это финансовое учреждение в отмывании денег и легализации фальшивых долларов из КНДР. В начале шестого раунда переговоров американцы сообщили, что не возражают против перевода этих средств на северокорейские счета в банке какой-либо третьей стороны.

На деле же доступ КНДР к международной банковской системе в результате такого урегулирования не улучшился, а ухудшился. И, думается, американцы это прекрасно понимают. «Размораживая» северокорейские счета, Министерство финансов США одновременно запретило всем американским финансовым институтам иметь дела с этим банком⁵. В результате, в условиях современной мировой финансовой системы, которая имеет в своей основе доллар, он фактически обречен на закрытие.

Тем самым КНДР лишается одного из важных, отлаженных каналов международных расчетов на сотни миллионов долларов, которые были проведены по этим счетам за минувшее время. А это несравнимо важнее возврата означенных миллионов. Ибо трудности с возвратом указанных средств даже через Китай (явно, как организатор переговоров, заинтересованный в скорейшем разрешении ситуации) показали, что КНДР будет чрезвычайно сложно найти новый банк, который согласится вести ее зарубежные расчеты из-за риска попасть под аналогичные американские финансовые санкции⁶. Недвусмысленное предупреждение о возможности их применения содержится в сообщении Министерства финансов США, озвученном во время шестого раунда переговоров в Пекине⁷.

Кроме того, как сообщается, Пхеньян принял на себя обязательства потратить возвращаемые суммы в гуманитарных целях. Между тем, даже сами американцы и независимый аудит, проверивший банк, признали, что происхождение, по крайней мере, почти половины средств полностью законно. Поэтому США не имеют никакого права диктовать, как их тратить. Мир вновь сталкивается с уже известным курсом Вашингтона на распространение своей юрисдикции на иностранные госу-

дарства, их юридических и физических лиц, с попыткой диктовать суверенным государствам, как им тратить собственные деньги. Подобная политика проводится и в отношении Ирана, ряда других стран, и в отношении российских компаний.

Судя по всему, пора всерьез задуматься над этой ситуацией. Разумно ли оставлять доллар основной единицей международных расчетов? Соединенные Штаты все чаще используют это обстоятельство для достижения своих эгоистичных внешнеполитических целей, для расправы с неудобными режимами и давления на экономических конкурентов.

Таким образом, вопрос о финансовых санкциях США в отношении КНДР вроде бы почти разрешен, но решение это весьма неоднозначное. Оно должно восприниматься как довольно опасный прецедент, который может быть использован Соединенными Штатами в отношении других стран. И не стоит думать, что эта проблема не имеет к нам никакого отношения: на каком-то этапе и к России могут попробовать, да и уже пытаются применить нечто подобное.

Практически без внимания остается еще ряд фактов экономического порядка. Напомним, что принципиальное решение вернуть КНДР деньги из Макао было принято в ходе встреч глав делегаций КНДР и США в середине января в Берлине. Вряд ли можно считать случайным, что практически одновременно с этим в ООН с подачи американской стороны разгорелся скандал с использованием пхеньянского представительства Программы развития ООН (ПРООН) чуть ли не в качестве автомата по выдаче наличных режиму Ким Чен Ира.

Собственное расследование этой специализированной организации ООН показало, что речь идет о ничтожной, по меркам современных международных программ помощи, сумме – около 300 тыс. долл., – которые были выплачены наличными местному персоналу и израсходованы на другие, полностью задокументированные цели. Тем не менее, именно под нажимом США деятельность ПРООН в КНДР, и так по масштабам крайне незначительная, оказалась парализованной⁸.

И совсем уже незамеченными остались появившиеся (кстати, тоже в середине минувшего января) сообщения некоторых западных СМИ о предъявлении ныне формально прекратившей свое существование (тоже по настоянию США и вопреки явно не хотевшим этого южнокорейцам) Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО) финансовых претензий КНДР на сумму 1,9 млрд. долл. за недостроенные, оказывается, только по вине Пхеньяна, 2 легководяных реактора. Они должны быть возведены КЕДО согласно рамочным договоренностям между КНДР и США от 1994 г.⁹

Сюда же можно отнести упорное нежелание США внести перечень товаров, произведенных южнокорейскими фирмами в промышленной зоне Кэсон на территории КНДР, в соглашение о свободной торговле с РК, что стало одной из основных причин скандально долгого затягивания с подписанием сторонами этого документа¹⁰.

Так что говорить о радикальных переменах в американских подходах к КНДР рановато. Создавая, а затем убирая явно искусственные, надуманные препятствия, США тут же подыскивают все новые преграды, одновременно не забывая добиваться вполне конкретных и весьма ощутимых уступок за разборку созданных ими же самими завалов. Это «новейшее» изобретение американской дипломатии используется не только в Корее.

В целом, делаемый сейчас в освещении и анализе шестисторонних переговоров акцент на экономических выгодах, которые якобы получит КНДР, представляется неоправданным, более того, уводящим от сути проблемы. Для Пхеньяна экономические выгоды не являются решающим аргументом. Еще 3 года назад Южная Корея предлагала ему поставки электроэнергии в объемах, которые должны были вырабатывать так и не построенные КЕДО 2 реактора на легкой воде. Северокорейцы не согласились. Прежде всего они добиваются нормализации отношений с США, потому что в этом в Пхеньяне, похоже, видят если не гарантии, то создание таких условий, в которых США будет трудно пойти на какие-то силовые акции против КНДР.

Поэтому важно, уделяя внимание экономической стороне урегулирования, все же не забывать, что ядерная проблема – это прежде всего кризис безопасности на Корейском полуострове, а не экономический кризис. И возникла данная проблема как реакция КНДР на односторонние силовые действия США против неудобных стран с целью смены существующих там режимов.

Для КНДР, особенно после нападения США на Югославию и Ирак, главное – безопасность. Для Пхеньяна важно, чтобы американцы не предприняли силовую попытку ликвидировать режим. Для этого надо нормализовать отношения между двумя странами. Надо отменить односторонние санкции США, существующие со времен Корейской войны 1950–1953 гг. Надо вычеркнуть КНДР из списка стран-спонсоров международного терроризма.

Сам госдеп признает, что нет никаких фактов, которые свидетельствуют о причастности КНДР к таким актам, по крайней мере, в последние 20 лет. Последний инцидент, который ставится в вину Пхеньяну – это взрыв южнокорейского самолета над Андаманским морем в 1987 г. С тех пор ничего не было. Единственный аргумент, на основании которого КНДР остается в этом списке – это похищение северокорейскими спецслужбами японцев в 1970–1980-е годы. Как же тогда с точки зрения международного права и национального законодательства ряда европейских стран квалифицировать действия американских спецслужб, которые не во времена «холодной войны», а в XXI в., в наши дни в цивилизованной Европе, среди бела дня похищали (а, возможно, и продолжают это делать) граждан ряда европейских стран, вывозили их в секретные тюрьмы за пределами континента, подвергали пыткам и издевательствам. Подумать только, насколько «ужаснее» оказа-

лись эти северокорейцы: они всего лишь заставляли японцев преподавать язык и обычаи своей страны и, хуже того, позволяли им жить в обычных квартирах, создавать семьи и обзаводиться детьми!

Даже союзникам США – итальянцам пришлось выдать ордера на арест сразу дюжины агентов ЦРУ, занимавшихся таким похищениями. Возбуждено уголовное дело по таким же причинам и в ФРГ.

Большие задачи стоят по определению перечня ядерных программ и списка ядерных объектов КНДР. В частности, предстоит выяснить, имеет ли КНДР вторую программу производства материалов для ядерного оружия на основе обогащения урана. В 2002 г. американцы были категоричны: такая программа существует, там строится завод, который к середине нынешнего десятилетия должен был работать на полную мощность. Теперь американские официальные лица, в том числе представители разведки, в Конгрессе заявили, что северокорейцы приобретали у Пакистана около 20 газовых центрифуг и еще какие-то компоненты, но в том, что они наладили промышленное производство, построили завод, уверенности в настоящее время нет¹¹. А некоторые американские специалисты прямо утверждают, что ничего подобного северокорейцы создать не могли, ибо для этого нужны тысячи центрифуг, а не те два десятка, которые приобрел Пхеньян у американского союзника – Пакистана, а также огромное количество электроэнергии, которой у КНДР нет¹².

Таким образом, в Корею мы столкнулись с преднамеренным конструированием американской стороной ситуации, весьма похожей на ту, что была призвана оправдать вторжение в Ирак. Налицо такой же политически мотивированный заказ для разведки, которая изготавливает документы, на основании которых администрация США принимает решения, ведущие к таким тяжелым последствиям, с которыми мир столкнулся в Ираке.

И, наконец, проблема контроля, верификации. Она весьма чувствительна, поскольку урановая программа, в отличие от плутониевой, требует гораздо меньших помещений, ее гораздо легче спрятать¹³. Под предлогом того, чтобы выяснить, есть ли она или нет, американцы, похоже, намереваются потребовать досмотра чуть ли не буквально всех интересующих их объектов на территории КНДР. Естественно, что вряд ли Пхеньян в условиях отсутствия нормальных отношений с США на это пойдет.

Между тем США отнюдь не спешат предпринимать практические шаги в этом направлении. Напротив, уже на нынешнем, начальном этапе переговоров, заявляется, что этот процесс будет обусловлен удовлетворением претензий США по поводу прав человека в КНДР, ее ракетной программы, сокращения обычных вооружений, ликвидации запасов химического оружия и длинного списка других вопросов¹⁴.

Вышеперечисленные факты и тенденции в сочетании с явным намерением США продолжить развертывание элементов ПРО под предлогом отражения остающейся весьма гипотетической северокорейской ракетной угрозы позволяют сделать вывод о том, что в обозримом будущем в Вашингтоне не планируют нормализации межгосударственных отношений с Пхеньяном. Этого не позволяют ни идеологические пристрастия нынешней администрации, ни интересы американской стратегии в СВА, основанной на укреплении военных альянсов с Японией и РК и передовом базировании американских войск в этих странах. И, наконец, исчезни в результате такой нормализации «северокорейская ракетная угроза», – и ничем уже не прикрыть зияющей правды – против кого же на самом деле создается американская ПРО.

Примечания

¹ <http://usinfo.state.gov/xarchives/display.html?p=washfile-english&y=2007&m=February&x=20070213150224esnamfuak0.8298456>

² Интерфакс-Китай. Пекин. 14.03.2007.

³ РИА-Новости. Токио. 8.03.2007.

⁴ The Washington Post. 24.03.2007.

⁵ Reuters. 17.03.2007.

⁶ Miami Herald. 28.03.2007.

⁷ <http://www.ustreas.gov/press/releases/hp322.htm>

⁸ The International Herald Tribune. 06.03.2007.

⁹ Kyodo. 16.02.2007.

¹⁰ Yonhap. 28.03.2007.

¹¹ The New-York Times. 01.03.2007.

¹² The Financial Times. 14.02.2007.

¹³ The New York Times. 01.03.2007.

¹⁴ См. заявление председателя комитета палаты представителей Конгресса США Т.Лантоса в изложении Bloomberg.com. 01.03.2007.

Л. В. Забровская*

ШЕСТИСТОРОННИЕ ПЕРЕГОВОРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Предыстория формирования группы стран Северо-Восточной Азии, заинтересованных в мирном разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове, сложна и довольно продолжительна. Разделение Кореи на два враждебных друг другу государства делало международную ситуацию в этом районе мира крайне взрывоопасной.

После 1991 г. резко сократилось военно-политическое присутствие России в СВА, что повлекло за собой планы некоторых государств о ликвидации КНДР путем «поглощения» ее Республикой Корея. Ответом Пхеньяна было проведение комплекса мер по накоплению на своих экспериментальных ядерных реакторах плутония и попытки создания собственного ядерного оружия. Подобные действия КНДР вызвали протесты и серьезную озабоченность соседних стран, а также США, которые предприняли ряд силовых и дипломатических мер по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове. Так, в 1994 г. в Женеве состоялись переговоры между КНДР и США, результатом которых стало Рамочное соглашение, предусматривающее выполнение сторонами взаимных обязательств: КНДР должна была заморозить развитие своей ядерной программы, а США — построить в республике атомную электростанцию и установить с ней дипломатические отношения. Однако впоследствии американское правительство под надуманным предлогом отказалось выполнять свои обещания, что повлекло обострение американо-северокорейских отношений.

Китай, являющийся военно-политическим союзником КНДР, предпринял ряд попыток урегулировать американо-северокорейские противоречия дипломатическим путем. Однако четырехсторонние переговоры между КНДР и Китаем, с одной стороны, и США и РК — с другой не принесли положительного результата.

Российский МИД еще в начале 1990-х годов предлагал включить в переговорный процесс Россию и Японию как государства, граничащие с КНДР и кровно заинтересованные в мирном решении ситуации. Однако другие страны Северо-Восточной Азии пытались решить проблему путем двусторонних встреч и не рас-

* *Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВО РАН), Владивосток.*

считывали на результативность многосторонних переговоров. Только в августе 2003 г. Россия и Япония смогли принять участие в первом раунде шестисторонних переговоров по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове.

К началу 2007 г. шестерка заинтересованных стран СВА — Россия, Китай, США, Япония, РК и КНДР — провела в Пекине 5 встреч, первые 3 из которых фактически закончились безрезультатно, так как не было принято ни одного совместного коммюнике и не были намечены планы по мирному урегулированию взрывоопасной ситуации на Корейском полуострове.

При анализе результатов встреч шестерки следует определить широко афишируемые и скрытые цели каждого участника переговорного процесса. Понятно, что их всех объединяет одна цель — добиться мирного разрешения ядерного кризиса в Корее. В то же время почти у каждой из стран-участниц есть и собственные скрытые цели, которые не разглашаются, но подразумеваются.

Китай является наиболее значимым участником встреч шестерки. По китайской инициативе, поддержанной Москвой, в Пекине начались шестисторонние переговоры. Во многих случаях, когда переговорный процесс замедлял ход или вообще грозил застопориться, китайские политики и дипломаты применяли свое умение и аргументацию для влияния как на своего союзника КНДР, так и на США в целях продолжения переговорного процесса.

Однако китайская челночная дипломатия пока не принесла ощутимого результата. Поэтому некоторые зарубежные аналитики пришли к выводу, что Китай заинтересован в затягивании взрывоопасного конфликта на Корейском полуострове на длительное время, так как такая ситуация отвлекает внимание США и не позволяет им всецело сосредоточиться на военно-политической поддержке другого своего союзника в Восточной Азии — Тайваня, в политических кругах которого бродят идеи сепаратизма и желание объявить остров независимой республикой. Китайские власти, поставившие цель «объединения родины» в ближайшем будущем, понимают, что при таком развитии событий процесс объединения Тайваня с Китаем станет абсолютно нереальным. Поэтому скрытая цель Китая состоит в отвлечении США от Тайваня путем создания «горячих точек» в других районах мира.

США, принимая участие в шестисторонних переговорах, также не заинтересованы в полной ликвидации очага напряженности на Севере Корейского полуострова, так как в противном случае у них не будет основания сохранять свои военные базы на территории РК и Японии, вмешиваться во внутренние дела своих военно-политических союзников. В то же время участие США в шестисторонних переговорах представляет им возможность оказывать влияние на политику стран региона.

США заинтересованы в продолжении конфликтной ситуации еще и потому, что таковая, по мнению американских политологов, отвлечет силы и ресурсы Китая, затормозит экономический рост и в целом будет сковывать его международную

активность. Одной из скрытых целей США является предотвращение сближения КНДР с соседями, прежде всего с РК и Японией, сохранение ее международной изоляции. Поэтому для нынешней администрации президента Буша-младшего наиболее приемлема ситуация «долгоиграющего» и управляемого конфликта [1. С. 169].

Хотя **КНДР** и заявляет о жизненной необходимости развития своей ядерной программы в целях самообороны, а также получения электроэнергии, но у северокорейских правящих кругов есть и другая важная цель. Она состоит в том, чтобы использовать ядерный кризис в качестве рычага давления на США для получения дипломатического признания со стороны этой ведущей мировой державы.

Установление официальных дипломатических отношений с США позволит Пхеньяну утвердиться во внутренней политике, выйти из международной изоляции и усилить свой вес в политической жизни региона. Преследование этой цели вынуждает Пхеньян принимать участие в шестисторонних переговорах, в ходе которых проводится диалог с американскими представителями.

Республика Корея является военно-политическим союзником Вашингтона и должна действовать в связке с США. Однако южнокорейские власти вынуждены считаться с антиамериканскими настроениями внутри страны и требованием демократически настроенной общественности расширять всесторонние контакты с КНДР, ориентироваться прежде всего на решение корейских общенациональных проблем, приближающих объединение родины. Поэтому южнокорейские власти рассматривают шестисторонние переговоры как удобную площадку для контактов с КНДР ради сближения точек зрения по другим актуальным для них вопросам.

Инициативы **Японии** также скованы союзническими обязательствами перед США. Цель ее участия в шестисторонних переговорах – ликвидация всех ядерных программ КНДР, так как последние рассматриваются японской общественностью как источник угрозы национальной безопасности.

Вместе с тем японское правительство вынуждено реагировать на требование своей общественности отыскать в КНДР следы японцев, похищенных в 1970-х годах северокорейской разведкой. Хотя претензии по поводу прояснения судьбы похищенных не находят поддержки среди других участников шестисторонних переговоров, считающих этот вопрос частной проблемой японо-северокорейских отношений, японские дипломаты не отказываются от участия в шестисторонних переговорах, рассматривая их как одну из доступных возможностей повлиять на КНДР в целях свертывания ее ядерной программы и возвращения похищенных японцев на родину.

Россия занимает на шестисторонних переговорах позицию благоприятного для КНДР нейтралитета. Она является, пожалуй, единственным участником шестисторонних переговоров, не преследующим скрытых планов. Российские представители открыто заявили на переговорах, что намерение России состоит в мирном разрешении ядерного конфликта в целях предотвращения новой войны на Корейском полуострове.

Кроме того, Россия последовательно выступает против оказания какого-либо давления на КНДР в целях выполнения требований держав. В отличие от США Россия не заинтересована в противостоянии двух корейских государств и сохранении напряженности на Корейском полуострове, а, наоборот, поощряет их сближение и дальнейшее развитие межкорейского диалога, считая, что воссоединение Кореи принесет мир в регион Северо-Восточной Азии.

Хотя влияние России на переговорный процесс невелико и у нее нет средств воздействия на КНДР, какими располагает Китай, но это и составляет преимущество российской позиции, так как может помочь ей стать непредвзятым координатором процесса по мирному разрешению конфликта на Севере Корейского полуострова. При выполнении посреднической миссии российским дипломатам следует учитывать, что конфликтующими сторонами – США и КНДР – движут разные цели. Сближение позиций этих двух государств и станет основной задачей для посредника на переговорах.

При анализе всего комплекса проблем, обсуждаемых на шестисторонних переговорах, следует учитывать, что в ходе их происходит столкновение и соревнование диаметрально противоположных методов ведения переговорного процесса, присущих странам европейской культуры и конфуцианской цивилизации. Зачастую приемы ведения переговорного процесса дальневосточной дипломатией не имеют ничего общего с принятыми в европейском международном праве принципами равноправия сторон, открытостью принятия решений, учетом мнения противоположной стороны, способностью идти на уступки, т.е. со всем тем, чего следует придерживаться двум или нескольким договаривающимся сторонам, пожелавшим прийти к какому-либо соглашению и неукоснительно выполнять его.

Как правило, на переговорах любого ранга дальневосточная дипломатия вынуждает противоположную сторону первой излагать свою точку зрения по обсуждаемой проблеме, считая, что «первым говорит более слабый» – весьма распространенная на Востоке точка зрения. Затем, узнав аргументацию противоположной стороны, представителям дальневосточной дипломатии проще найти слабые места, подвергнуть их сомнению и критике, выдвинуть весомые контраргументы.

Часто сознавая свою слабость или шаткость позиции по тому или иному вопросу, представители дальневосточной школы дипломатии стремятся искусственно нагнетать напряженность на переговорах, угрожая их сорвать или перевести в иную плоскость. Этот прием является излюбленным методом северокорейской дипломатии на шестисторонних переговорах. Представители КНДР могут его применить в самое неожиданное время и под любым, даже незначительным предлогом.

На шестисторонних переговорах главным камнем преткновения явилось требование КНДР признать за ней право на развитие атомной энергетики и завершение строительства атомной электростанции в г. Синпхо. Россия и Китай сочув-

ственно отнеслись к такой постановке вопроса, считая это вполне оправданным мотивом для любого суверенного государства, каким является КНДР. Однако США и их союзники в США отказались продолжать строительство в КНДР дорогостоящей АЭС, оцениваемой в 4,6 млрд. долл. К тому же США решили, что Пхеньяну «не нужны ядерные реакторы, так как ему предложен пакет экономических мер, которые должны восполнить его энергетические затраты» [2]. В этом случае имелось ввиду южнокорейское предложение о ежегодном предоставлении КНДР 2 млн. кВт электроэнергии. КНДР отказалась от такого предложения из-за опасения стать энергозависимой страной.

За прошедшее 10-летие Пхеньян и Вашингтон так и не смогли сдвинуться с мертвой точки в области нормализации политических и экономических отношений, что в период глобализации и упрощения торгово-экономических связей поставило КНДР в положение страны-изгоя. США также не предоставили КНДР специальных гарантий в форме договора, исключающего применение ядерного оружия, что имело для Пхеньяна первостепенное значение, учитывая недавний негативный опыт Ирака.

Между тем правительство КНДР неоднократно предпринимало попытки дипломатического сближения с США. Так, в 2000 г. Пхеньян посетила госсекретарь США М. Олбрайт. В том же году в Вашингтоне побывала северокорейская высокопоставленная военная делегация, и было сделано приглашение президенту Б. Клинтону посетить КНДР с официальным визитом и т.д.

Однако пришедшая к власти республиканская администрация президента Дж. Буша-мл. не посчитала необходимым принять во внимание наработки администрации президента Б. Клинтона, а, напротив, заблокировала все прежние инициативы и договоренности США по корейскому вопросу, втайне надеясь, что после смерти Ким Ир Сена и последовавших затем стихийных бедствий произойдет коллапс КНДР, и американскому правительству не придется выполнять Рамочное соглашение 1994 г., предусматривавшее признание США суверенитета КНДР и установление дипломатических отношений с этой страной, а также выполнение ряда экономических обязательств.

Дальнейшие события вылились в обострение ядерной угрозы на Корейском полуострове, привели к противостоянию в американо-северокорейских отношениях и в целом сделали международную обстановку в США взрывоопасной. Все пять встреч представителей США и КНДР в рамках шестисторонних переговоров свидетельствуют о том, что обе стороны, имея длительный опыт взаимных требований и упреков, вполне могут вернуться к решениям Рамочного соглашения 1994 г. и постараться выполнить хотя бы часть из заявленных в нем намерений.

Учитывая все события американо-северокорейского диалога по ядерной проблеме Корейского полуострова, следует отметить, что позиция КНДР является более четкой, последовательной и аргументированной, преследующей конкретные

цели. Заслуживает внимания и требование КНДР к США заменить временное Соглашение о перемирии, которым завершилась Корейская война 1950–1953 гг., полноценным договором о мире между США и КНДР. «Замена механизма перемирия на мирный механизм на Корейском полуострове приведет к прекращению враждебной политики США в отношении КНДР, снимет вопрос о ядерной угрозе и автоматически вызовет денуклеаризацию Корейского полуострова», – говорится в заявлении МИД КНДР, сделанном перед началом четвертого раунда шестисторонних переговоров [3].

Россия полностью поддержала это предложение КНДР. Договор о мире между США и КНДР содействовал бы углублению взаимопонимания сторон и снял бы опасения КНДР за свою безопасность. Его заключение – в интересах всех стран США, поскольку он также мог бы снять напряжение между обоими корейскими государствами и способствовал бы оздоровлению международного климата в регионе.

Линия поведения, выбранная американской дипломатией, страдает конъюнктурными подходами, является непоследовательной, зависящей от сиюминутных выгод отдельных лиц республиканской администрации. Такая позиция не только вредит установлению дружественных отношений между КНДР и США, но и не способствует закреплению наметившегося улучшения отношений между КНДР и американскими военно-политическими союзниками в США – РК и Японией.

Четвертый раунд шестисторонних переговоров выявил ряд существенных противоречий, главное из которых состояло в различном понимании сторонами процесса «денуклеаризации Корейского полуострова». Так, США, Япония и РК понимали под этим полную ликвидацию всех, в том числе и мирных ядерных разработок на территории КНДР. Последняя же настаивала на своем праве развивать атомную программу в мирных целях, требуя при этом вывода всех ядерных вооружений не только с Юга Корейского полуострова, но и с американских военных баз, расположенных в Японии. Такие диаметрально противоположные взгляды могли бы привести к безрезультатному завершению и этого раунда шестисторонних переговоров. Однако стороны прервали заседания для проведения консультаций со своими правительствами и вновь встретились спустя месяц.

Настойчивость Пхеньяна в отношении сохранения гражданской части своей ядерной программы стала одним из основных обсуждаемых вопросов на переговорах. В довершение к этому делегации США и РК отвергли просьбу КНДР о возобновлении проекта КЕДО и завершении строительства АЭС в г. Синпхо. Более того, просьба КНДР натолкнулась на непреклонную позицию США, которые считают, что «эта страна не должна обладать даже гражданскими ядерными возможностями, поскольку любые ее ядерные программы... потенциально могут стать источником создания атомного оружия» [4].

В ответ на такое замечание министр иностранных дел КНДР Пэк Нам Сун

заявил на региональном форуме АСЕАН о готовности своей страны «вернуться в ДНЯО и вернуть инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты» [5]*, что свидетельствует о готовности северокорейского руководства идти на уступки в решении ядерной проблемы Корейского полуострова.

На четвертой встрече шестерки также возникли споры об очередности проведения мер по решению ядерной проблемы. Так, США требовали, чтобы КНДР сначала ликвидировала свои ядерные реакторы и только после этого могла претендовать на получение экономической помощи. КНДР же настаивала на одновременном совместном разоружении в СВА и выводе американского ядерного оружия с юга Корейского полуострова. Посредничество России в этом вопросе позволило несколько смягчить требование США, которые, в конце концов, согласились на осуществление мирной ядерной программы КНДР при условии одновременного ее возвращения в систему ДНЯО.

Помимо этого, Россия также заявила о своем намерении принять участие в предоставлении компенсационного пакета для КНДР, предложив поставлять ей электроэнергию и природный газ, а также принять участие в реконструкции построенных в эпоху СССР тепловых электростанций.

Российские экономические предложения и позиция на шестисторонних переговорах получили одобрение в северокорейском МИД. Так, северокорейский посол в Москве Пак Ы Чун высоко оценил усилия России по урегулированию ядерного конфликта, отметив, что «поддержка России дает КНДР возможность осуществлять внутренние преобразования» [1. С. 168].

Четвертый раунд шестисторонних переговоров завершился подписанием 19 сентября 2005 г. Совместной декларации, в которой Вашингтон и Пхеньян письменно заявили об уважении суверенитета друг друга, выразили намерение нормализовать отношения и мирно сосуществовать. Между тем, стороны так и не смогли договориться о практическом воплощении заявленных намерений. Фактически шестисторонние переговоры зашли в тупик, так как КНДР отказалась участвовать в последующих заседаниях, сославшись на ужесточение позиции США [5].

На пятом раунде шестисторонних переговоров, начавшихся в ноябре 2005 г., все участники подтвердили приверженность сентябрьским договоренностям и выступили с новыми предложениями по денуклеаризации полуострова. Повесткой этого раунда должна была стать программа мер по реализации Совместной декларации. Однако этот раунд был прерван, едва начавшись. Более года встречи шестерки государств не проводились из-за отказов КНДР принимать в них участие.

Главной причиной столь продолжительной паузы на шестисторонних переговорах стали обострившиеся противоречия между КНДР и США из-за замораживания

* Следует учитывать что доклад был составлен до определенных событий.

северокорейских счетов в банке «Дельта Азия» в Макао. Важно при этом то, что, несмотря на взаимные претензии, КНДР и США подтвердили свою готовность выполнять основные положения Совместной декларации от 19 сентября 2005 г. и руководствоваться принципом «обязательство в ответ на обязательство, действие в ответ на действие» [6. С. 40].

Дальнейшее развитие событий еще более обострило военно-политическую обстановку в СВА: в мае 2006 г. США и их союзники провели широкомасштабные военно-морские учения. В ответ на это КНДР осуществила запуск 7 баллистических ракет в июле того же года и объявила о проведении подземного ядерного испытания 9 октября 2006 г. Эти события сделали затруднительным эволюционное развитие конфликтной ситуации и достижение намеченных в Совместной декларации целей о превращении Корейского полуострова в безъядерную зону.

Тем не менее, в декабре 2006 г. шестерка государств провела 2-ю встречу пятого раунда шестисторонних переговоров, которая была прервана по случаю рождественских праздников. На этой встрече стороны лишь обозначили свои позиции и выразили готовность продолжить переговоры.

На проведенных в феврале 2007 г. заключительных переговорах пятого раунда стороны договорились о создании пяти групп для решения конкретных задач по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове, смягчении японо-северокорейских и американско-северокорейских противоречий. Российским дипломатам было поручено возглавить группу по обеспечению стабильности и безопасности, что в перспективе позволит России получить опыт по координации решения вопросов о безопасности не только на Корейском полуострове, но и во всем регионе СВА. Кроме того, российское правительство, руководствуясь необходимостью ускорить ход переговорного процесса и внести свой вклад в международную экономическую помощь КНДР, решило списать северокорейский долг на 90%. Это снимет многие финансовые запреты для российского бизнеса в его торговых контактах с КНДР, следствием чего станет расширение российско-северокорейского обмена, который можно будет вести без предоплаты.

Как видно, международная обстановка в СВА продолжает оставаться напряженной во многом из-за непреклонной позиции правительств КНДР и США. Противоборствующим сторонам следует учитывать, что помимо военного решения спорных вопросов существуют политические, дипломатические формы компромисса. Россия готова взять на себя роль посредника на американско-северокорейских переговорах, поскольку у нее есть опыт консультаций с обеими соперничающими сторонами, и она заинтересована в сохранении мирной обстановки на Корейском полуострове.

В конце 2006 г. на международном симпозиуме в Токио по проблемам региональной безопасности глава российской делегации на шестисторонних переговорах Александр Алексеев отметил, что Россия «не возлагает вину на кого бы то ни

было за задержку на переговорах шестерки» и считает, что их возобновлению могли бы помочь «компромиссы как со стороны КНДР, так и со стороны США». Российский дипломат также подчеркнул, что шестисторонние переговоры «должны продолжаться, пока не будет достигнуто полное и окончательное решение всех вопросов, связанных с обеспечением свободного от ядерного оружия статуса полуострова». По его мнению, также необходимо «нормализовать отношения между КНДР и США и создать благоприятные условия для социально-экономического развития КНДР» [6. С. 40].

В СВА пока нет международной организации, которая бы регулировала возникающие конфликты. Возможно, шестисторонние встречи представителей России, КНР, Японии, США, РК и КНДР станут прообразом такой будущей организации, которая бы выполняла функции европейской ОБСЕ. Представляется целесообразным, чтобы такая международная организация обладала широкими полномочиями и могла бы гарантировать безопасность для отдельных стран СВА, что сняло бы с повестки дня угрозу развития атомных программ в военных целях (КНДР), в целях самообороны (Япония) или в научных целях (РК). Стоило бы также расширить состав участников таких встреч, пригласив, например, Монголию как страну, тяготеющую к сообществу государств Японского моря и также вынужденную заниматься северокорейскими беженцами.

Практика показывает, что уже назрела необходимость проведения рабочих встреч всех государств СВА на постоянной основе с тем, чтобы обсуждать и решать другие насущные и не терпящие отлагательств вопросы, как, например, меры по пресечению распространения наркотиков, оказание гуманитарной помощи странам, пострадавшим от стихийных бедствий, расширение торгово-экономических контактов, регулирование территориальных споров и т.п. Такой постоянный форум стран СВА даст возможность участвующим сторонам обмениваться мнениями и выработать общие решения. В этом случае форум стран СВА не будет зависеть от какой-либо одной страны и ее желания в нем участвовать.

Для усиления эффективности таких встреч и повышения роли других участников было бы целесообразно менять места их проведения и не придавать Пекину статус «дальневосточной Женевы». Это тем более важно, что практика показывает – Китай не может объективно решать северокорейскую ядерную проблему в силу того, что сам имеет традиционные интересы на севере Корейского полуострова и добровольно не позволит КНДР выйти из-под своей опеки.

Примечания

1. *Асмолов К.* Ученые России и РК об актуальных проблемах Северной Кореи и международных отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5.

2. Пульс планеты. Азиатско-Тихоокеанский регион (ИТАР/ТАСС). М. 24.08.2005.
3. Там же. 22.06.2005.
4. Там же. 02.08.2005.
5. Пульс планеты. Азиатско-тихоокеанский регион (ИТАР/ТАСС). М. 20.10.2006.
6. *Агарков В.* К шестисторонним переговорам по ядерной проблеме // Дипкурьер. 2006. № 7. С. 40.

А. В. Воронцов*

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ПОЛИТИКА США

Малорезультативные итоги 6-го раунда шестисторонних переговоров в Пекине в марте 2007 г. стали одновременно и неожиданными, и предсказуемыми. Неожиданными потому, что мало кто мог предположить, что они забуксуют из-за невозможности оперативно решить чисто технические вопросы по переводу «освобожденных» северокорейских денег с одного банковского счета на другой. Предсказуемыми – так как подтвердили опасения ряда экспертов, к которым принадлежит и автор этих строк, относительно возможности осуществить прорыв в решении ядерной проблемы Корейского полуострова в данный момент, несмотря на оптимистичные настроения, излучаемые американской делегацией после успешной встречи «шестерки» в феврале 2007 г.

Чтобы понять причины сдержанности ожиданий автора, имеет смысл кратко рассмотреть динамику развития ситуации в предшествующий период. В этой связи характер и манера внешнеполитических действий США до и после произведенного КНДР 9 октября 2006 г. ядерного испытания дают богатую пищу для размышлений. Произошедшая в начале 2007 г. метаморфоза в подходе Вашингтона к КНДР заставила даже задуматься о возможности смены глобальных парадигм американской политики применительно к Корейскому полуострову.

Как известно, после окончания «холодной» войны правящий класс США в подходах к миру в целом и к Корейскому полуострову в частности руководствуется двумя, временами диалектически противоречивыми, а временами взаимоисключающими приоритетами. Первый из них, «прагматичный», призван обеспечить нераспространение оружия массового поражения (ОМП). Второй – «мессианский», нацелен на тотальное распространение повсюду на земном шаре демократии американского образца, предусматривающее, в том числе, и смену режимов в странах, не вписывающихся в демократическую картину нового глобализированного мира. К последним, естественно, отнесена и Северная Корея, официально включенная

* *Институт востоковедения РАН, Москва.*

нынешней американской администрацией сначала в «ось зла», а затем и в число «оплотов деспотизма».

На уровне практической реализации этих глобальных концептуальных целей данные подходы часто принимают форму двух неизменных для американской политики взаимодополняющих треков: переговоров и давления. Похоже, что на рубеже 2006–2007 гг. мы имели возможность наблюдать проявление обоих этих подходов в действии.

После взрыва северокорейского ядерного устройства в СМИ Республики Корея, Японии и др. появились утверждения о том, что Пхеньян якобы за 20 минут оповестил о готовящемся событии Китай и за 2 часа – Россию (последнее во время визита в Сеул 17 октября 2006 г. опроверг М. Фрадков). Если следовать такой логике, то больше оснований найдется для утверждений, что если Ким Чен Ир кого и предупредил о ядерном взрыве, так это Вашингтон. Во всяком случае, на такую мысль наводит молниеносность всесторонне отработанной реакции США.

Материальное подтверждение Пхеньяном наличия у него «средств ядерного сдерживания» стало стратегическим поражением политики республиканской администрации на корейском направлении. В распоряжении Вашингтона все эти годы имелись реальные возможности предотвратить нуклеаризацию Северной Кореи в рамках двустороннего дипломатического процесса. Но неоконсерваторы уклонились от прямых переговоров. Они выбрали прямолинейное силовое давление и ультиматумы (достаточно вспомнить формулу «CVID» – «полного проверяемого необратимого демонтажа» всей ядерной инфраструктуры КНДР в качестве предварительного и одностороннего шага). Да и сами шестисторонние переговоры ими рассматривались лишь не более как инструмент достижения капитуляции чуждеего режима. Однако нажим со стороны США заставил Пхеньян не свернуть, а форсировать ядерную программу. Отражением попыток Вашингтона прикрыть неудачу его декларированной корейской политики стало то, что США с их мощнейшими средствами технического контроля оказались единственной страной из числа заинтересованных, которая долго «не могла» обнаружить подтверждения ядерного происхождения произведенного Пхеньяном взрыва. С другой стороны, в плане дипломатического искусства Вашингтон разыграл данную ситуацию, как и ситуацию с ракетными испытаниями в КНДР в июле 2006 г., по-настоящему мастерски.

Республиканцы, придя в Белый дом, особенно и не скрывали, что они взяли курс на смену режима в Пхеньяне, т.е. на ликвидацию не ядерной программы КНДР, а её самой. Не хватало международной поддержки партнеров и союзников в рамках коалиции по изоляции Северной Кореи. Цель определила средства – многосторонний формат взаимодействия. Вашингтон категорически отказался от двустороннего диалога с Пхеньяном, выступив за многосторонние переговоры, каковыми и стала «шестисторонка», стартовавшая в Пекине в 2003 г. Однако

сформировать в рамках шестистороннего процесса единую антипхеньянскую коалицию Вашингтону долго не удавалось. Причина проста. В сопредельных с КНДР странах (Китай, Россия, Республика Корея), во-первых, лучше знали внутрисеверокорейские реалии и понимали, что смена режима в Пхеньяне возможна только в результате широкомасштабной военной интервенции. Во-вторых, государства – участники «шестисторонки», имеющие общую границу с КНДР, рассматривали войну в Корее как нечто неприемлемое с точки зрения собственной национальной безопасности. В итоге в ходе шестисторонних переговоров нередко возникали ситуации, когда по ряду ключевых вопросов (например, о праве КНДР иметь АЭС на базе легководяного реактора) в фактической изоляции оказывался не Пхеньян, а Вашингтон.

Тем не менее, и в таком положении сторонники «твердой линии» в Вашингтоне демонстрировали завидную последовательность и настойчивость. Они повторяли, что не скорректируют свои действия и будут убеждать партнеров в правильности курса на изоляцию Северной Кореи. Долгое время многим аналитикам, включая автора этих строк, подобное упорство творцов республиканской внешней политики представлялось едва ли не единственным ее достоинством. Оставалось непонятным, какие аргументы может выдвинуть Вашингтон для «доказательства недоказуемого».

Тем не менее, после сентября 2005 г. (4-й раунд шестисторонних переговоров) у генеральной линии Вашингтона появились новые ответвления. Одно из них, отражавшее разочарование в шестистороннем переговорном формате, не обеспечившем Америке формирование антипхеньянской коалиции, было связано с инициированием новых переговорных механизмов без участия Пхеньяна: сначала пятисторонней, затем десятисторонней конференции по Северной Корее с участием дополнительно Австралии и ряда стран Юго-Восточной Азии. Предполагалось, что пополнение рядов участников государствами, с одной стороны, союзными или более лояльными США, с другой стороны – в силу их географической удаленности от места гипотетического конфликта не так жестко связывающими свою безопасность с миром на Корейском полуострове, поможет нейтрализовать оппозицию приграничных с КНДР стран жестко силовому курсу Вашингтона.

Другой «находкой» неоконсерваторов стало моделирование внешнеполитических шагов, которые ставили бы оппонентов силовых действий против Пхеньяна в положения, где им будет все труднее воздерживаться от осуждения последнего. Сначала осенью 2005 г. была запущена «инициатива по борьбе с нелегальной экономической деятельностью Северной Кореи – Illicit Economic Activity Initiative (IEI)». Задачей было скомпрометировать Северную Корею, представив её «преступным государством», и заручиться поддержкой международного банковского сообщества в организации финансового давления на КНДР. США выдвинули «железобе-

тонный» принцип: ни одно государство мира не может поддерживать фальшивомонетчиков, контрабандистов, наркодельцов и т.д. Несмотря на то, что многие факты, которыми оперировал официальный Вашингтон, были аргументированно опровергнуты американскими же экспертами, зарубежные банковские счета северокорейских торговых организаций начали замораживаться. Фактически против КНДР были введены финансово-экономические санкции.

По нашим наблюдениям и предположениям, эта инициатива совпала с принципиально важным, пока что официально не декларированным изменением в подходе Вашингтона к нераспространению оружия массового поражения (ОМП) в целом.

Создается впечатление, что руководство США все больше разочаровывается в существующих международных инструментах обеспечения режима нераспространения ОМП, в том числе в эффективности ДНЯО, не способных удержать КНДР и, возможно, некоторые другие страны от создания своего ядерного оружия (ЯО). Отражением указанных сдвигов стало изменение риторики американских представителей, по меньшей мере, в рамках академических дискуссий о возможности появления ЯО у Северной Кореи – от абсолютной недопустимости подобной перспективы до тезиса о том, что несколько маломощных ядерных зарядов прямой угрозы безопасности США не представят и на каком-то этапе могут быть «терпимы».

И вот наступило 9 октября 2006 г. Ядерное испытание, осуществленное КНДР в этот день, стало этапным рубежом в эволюции кризисной ситуации на полуострове, привнесло в её и без того сложное многофакторное содержание ядерную составляющую.

Энергичная работа американской дипломатии оказалась на этот раз не только традиционно напористой, но и профессионально мастерской. Скорость действий американских дипломатов была столь высока, что возникло ощущение, будто проект резолюции СБ ООН № 1718 (как и июльской № 1695) был заготовлен до наступления самих событий. Слаженная работа со своими союзниками на опережение на фоне довольно пассивной (порой казалось – растерянной) реакции Китая и России позволила американцам в кратчайшие сроки провести через СБ ООН жесткую резолюцию по КНДР. При этом усилия Москвы и Пекина по смягчению отдельных формулировок резолюции были предусмотрены заранее.

Самое главное – американская дипломатия добилась своей цели: потенциальные оппоненты силовых действий против Пхеньяна вновь попали в ситуацию, когда не поддерживать «общую линию осуждения» КНДР показалось им невозможным. Прямой вызов режиму нераспространения и ДНЯО не мог не объединить всех постоянных членов Совета Безопасности ООН. В итоге более явственно стала прорисовываться вероятность того, что энергичные усилия Вашингтона преподне-

сти идею смены режима в Пхеньяне в более «удобоваримом» для её оппонентов виде могут увенчаться успехом.

Тем более примечательными стали события последних месяцев, которые свидетельствуют о неожиданной для большинства обозревателей, но, похоже, достаточно серьезной метаморфозе, происходящей в северокорейской политике Вашингтона. Под грузом очевидных неудач как на корейском, так и на ряде других направлениях внешней политики, изменившегося внутривнутриполитического баланса сил, в том числе в Конгрессе США, Белый дом, предварительно освободившись от ряда знаковых фигур, олицетворявших неоконсервативное ядро в руководстве страны, начал проявлять ту гибкость и реализм, к которым его давно, но безуспешно, призывали сторонники нераспространенческой парадигмы. Если допустить, что нынешние новации в подходах администрации Дж. Буша к решению ядерной проблемы КНДР окажутся последовательными, то нельзя исключить даже такого варианта, что и при республиканцах Белый дом повторит тот же круг превращений корейской политики, что и при предшествующей им демократической администрации.

Конечно, делать такие смелые предположения пока явно преждевременно. Тем более что и накануне шестого раунда шестисторонних переговоров в Пекине из Вашингтона поступают противоречивые сигналы, свидетельствующие о продолжении острой борьбы между сторонниками двух противоположных подходов.

С одной стороны, и Вашингтон, и Пхеньян единодушно оценивают результаты визита заместителя министра иностранных дел КНДР Ким Ге Гвана в США в начале марта 2007 г. как конструктивные и весьма полезные. Сенсацией стало то, что высокопоставленные чиновники, работающие на корейском направлении (помощник государственного секретаря США и глава делегации на шестисторонних переговорах К. Хилл в выступлении в институте Брукингс 22 февраля 2007 г.¹; начальник отдела КНДР в секретариате директора национальной разведывательной службы Дж. Детрани в выступлении перед комиссией по вооруженным силам Сената США 27 февраля 2007 г.²), дружно озвучили серьезные сомнения по поводу обоснованности обвинения в отношении осуществления Пхеньяном тайной программы по созданию ядерного оружия на основе обогащенного урана. Напомним, что именно это обвинение, выдвинутое впервые бывшим помощником государственного секретаря Дж. Келли в ходе визита в КНДР в октябре 2002 г., стало детонатором нынешнего второго ядерного кризиса и до сих пор оставалось одним из краеугольных камней в позиции США, мотивировавшим их отказ от прямого диалога с Северной Кореей.

С другой стороны, в отношении еще одного главного камня преткновения в двусторонних отношениях – замораживания северокорейских счетов в Банке Дельта Эйша в Макао осенью 2005 г., положившего начало раскручиванию широкомасштабной инициативы Министерства финансов США по пресечению преступной

экономической деятельности КНДР, из Вашингтона поступают противоречивые сигналы. Полугодовое расследование, осуществлявшееся в том числе независимой юридической фирмой из Сан-Франциско, сняло с администрации банка все обвинения, «кроме не очень аккуратного ведения бухгалтерского учета»³, пришло к выводу о возможности уже сейчас разблокировать более половины из арестованных счетов внешнеторговых организаций КНДР. Обещание добиться прогресса в устранении данного препятствия входило в пакет американских обязательств по итогам февральского (2007 г.) раунда «шестисторонки».

На фоне таких позитивных новостей тем более неприятной неожиданностью стало решение Министерства финансов США, принятое за несколько дней до встречи дипломатов шести стран в Пекине, обязать все американские банки прервать отношения с «несчастливым» банком в Макао, несмотря на вышеотмеченные результаты расследования⁴. Тем самым Вашингтон подтвердил, что продолжает считать данный банк «соучастником незаконной экономической деятельности КНДР». Данное тревожное сообщение аналитиками было воспринято как шаг, который неизбежно и серьезно осложнит начинающиеся переговоры. Такая же оценка прозвучала и в заявлении официального представителя МИД КНР 15 марта с.г. Подтверждение данных опасений не заставило себя ждать. Половинчатость и неконкретность действий Казначейства США привели к тому, что к началу переговоров Пхеньян физически деньги получить не смог. Дело в том, что Министерство финансов США разморозило все счета КНДР в этом банке, но отказалось снять с них лейбл «грязных денег». Поэтому другие банки, включая Госбанк КНР в Пекине, отказались принимать и переводить в Северную Корею данные денежные средства. Это и стало причиной неуспеха мартовской встречи.

Такой разворот событий позволил корреспонденту РИА-Новости, освещавшему ход переговоров, следующим образом интерпретировать оценку последних, высказанную главой российской делегации: «Причиной неудачи шестого раунда переговоров по северокорейской ядерной проблеме замглавы МИД РФ Александр Лосюков назвал позицию США. «Они (США) обещали это сделать (разморозить счета КНДР), но это обещание не было выполнено», – сказал Лосюков журналистам в аэропорту Шереметьево-2 после возвращения из Пекина, где проходили шестисторонние переговоры по ядерной проблеме КНДР»⁵.

Тем самым подтвердился факт, что продолжающиеся в Вашингтоне яростные споры представителей двух вышеупомянутых политических линий не перестают оказывать неблагоприятное влияние на ход шестисторонних переговоров. Считается, что нынешнее пекинское соглашение во многом стало результатом победы умеренных сил в американском правящем классе, прежде всего Госдепартамента и его главы К. Райс, которая сумела убедить своего президента в целесообразности пакетной сделки с Пхеньяном.

Однако неустойчивость достигнутого компромисса очевидна уже хотя бы потому, что фундаментальные и непримиримые противники КНДР в американских властных структурах обладают неоспоримым численным и качественным превосходством над «голубыми». Именно поэтому любые попытки урегулировать политические проблемы между Вашингтоном и Пхеньяном, будь то исключение КНДР из террористических списков или тем более движение к установлению полномасштабных дипломатических отношений, будут наталкиваться на яростное сопротивление антисеверокорейского лобби, способного торпедировать или безнадежно затянуть любое конструктивное решение. Похоже, именно этого они и добились в марте с.г., взяв своего рода реванш за успех представителей гибкой линии, достигнутый месяцем ранее.

Даже если допустить, что нынешние политико-технические трудности стартового этапа в выполнении пекинских договоренностей будут благополучно преодолены, то в отношении дальнейших шагов по выполнению подписанного в феврале 2006 г. Совместного соглашения⁶ остается большая неопределенность. Пока выработано общее понимание, что КНДР в награду за осуществленные определенные шаги получит весьма солидную компенсацию. Тем не менее, интерпретация сторонами сути зафиксированных на бумаге обязательств по многим принципиальным моментам не совпадает.

Позиция КНДР, озвученная официальным агентством ЦТАК, основывается на понимании, что Пхеньяну будет предоставлена помощь на сумму, эквивалентную стоимости 1 млн. т топочного мазута лишь за сам первый шаг – «временную остановку ядерных объектов». О возможности последующего перехода к их демонтажу в Пхеньяне говорят весьма неохотно, явно давая понять, что цена, которая будет запрошена за такой шаг, еще подлежит обсуждению и окажется весьма высокой.

Партнеры КНДР придерживаются совершенно иного подхода, полагая, что уже анонсированную помощь Пхеньяну еще предстоит заработать, и она может быть реально предоставлена лишь после декларирования всех ядерных программ, включая, видимо, и наработанный расщепляющийся материал, и по завершении вывода из рабочего состояния соответствующих ядерных установок, названного термином «Disablement». Очевидно, что вокруг интерпретации этого нестандартного, но вместе с тем принципиально важного определения, на предстоящих раундах переговоров развернутся тяжелые дискуссии.

Так что, возможно, могут оправдаться тревоги ряда обозревателей. Их суть сводится к тому, что если в расчете на ближайшую перспективу и существуют определенные основания для сдержанного оптимизма в отношении шестисторонних переговоров, то в по поводу их конечной цели сомнений больше, чем надежд. С учетом истинных намерений сторон и дефицита доверия между ключевыми

партнерами, возможно, время для реальных качественных сдвигов в решении корейской ядерной проблемы еще не пришло.

В стратегическом же плане проблема долгосрочного обеспечения безопасности Корейского полуострова коренится в неурегулированности отношений между Вашингтоном и Пхеньяном, детерминирующей очередность смены фаз относительного затухания и резкого обострения конфликтности. И пока вряд ли кто может утвердительно ответить на вопрос: «Способен ли Вашингтон в принципе пойти на замирение с такой страной как КНДР или же при всех вариантах он будет стремиться к развалу северокорейского режима, не дожидаясь его возможной мирной трансформации на путях обозначившихся реформ?»

Примечания

- ¹ U.S. to offer North Korea face-saving nuclear plan// New York Times. 05.03.2007; U.S. acknowledges gaps on N.Korea nuclear program. Reuters. 22.02.2007.
- ² "U.S. less confident of N.Korea covert program". Reuters. 27.02.2007.
- ³ Macao inquiry clears Bank of money laundering for N. Korea // International Herald Tribune. 2007. 12.03.2007.
- ⁴ U.S. to cut off Macau Bank; move follows probe of North Korean ties, could hinder nuclear talks// Wall Street Journal. 13.03.2007.
- ⁵ РИА-Новости. 22.03.2007.
- ⁶ Initial Actions for the Implementation of the Joint Statement Joint Statement from the Third Session of the Fifth Round of the Six-Party Talks February 13th, 2007// Northeast Asia peace and security network, special report. <http://www.nautilus.org>

А. А. Немов*

«КОРЕЙСКИЙ ФАКТОР» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Решение «корейского вопроса» является одним из основных факторов в обеспечении системы безопасности в Северо-Восточной Азии и в АТР в целом. От урегулирования этой проблемы зависит также военно-политическая и экономическая расстановка сил в регионе. Соединенные Штаты – страна, противостоящая КНДР, пытаются с максимальной выгодой для себя использовать разрешение ситуации вокруг полуострова. Основная цель Вашингтона – укрепление своих позиций и возможность влиять на развитие процессов в данном регионе¹.

В то же время следует признать, что США пока не обладают достаточными возможностями для того, чтобы переломить ситуацию путем односторонних действий. В своей политике на корейском направлении они вынуждены опираться на своих союзников – Японию и Республику Корея, а также учитывать позицию Китая в этом вопросе.

Такая «коллегиальная» ответственность в решении ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) и межкорейского урегулирования, которое в последнее время сопряжено с ЯПКП, явно не вписывается в сценарий американской стороны и является одной из причин ее желания сохранить статус-кво в решении проблемы. В создавшихся условиях заметно стремление Вашингтона разыграть в выгодном для себя ключе «корейскую карту» применительно к другим направлениям своей внешней политики, в первую очередь по вопросам режима нераспространения.

Вслед за разрывом КНДР Рамочного соглашения 1994 г. и выходом этой страны в январе 2003 г. из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) президент Дж. Буш 31 мая того же года в Кракове заявил о намерении создать новую структуру – Инициативу по борьбе с распространением ОМУ (ИБОР/ Proliferation Security Initiative, PSI). По мнению американской администрации, она должна стать еще одним инструментом укрепления режима нераспространения и воспрепятствовать попыткам террористических организаций получить доступ к ОМУ.

* *Российский институт стратегических исследований.*

4 сентября 2003 г. в Париже было принято заявление о принципах ИБОР, ставшее фактически уставом организации. При этом Инициатива провозглашалась политическим, а не правовым соглашением. Ее сторонники подчеркивали, что речь идет не об «организации», а о «деятельности», открытой для всех государств. К настоящему времени ИБОР поддержали более 60 государств; Россия с оговорками вступила в нее 31 мая 2004 г.²

Большинство принципов ИБОР вступает в противоречие с международным правом (в первую очередь с Конвенцией по морскому судоходству) и Уставом ООН. В частности, это касается действий, связанных с досмотром, перехватом и арестом судов, заподозренных в нелегальной перевозке оружия массового уничтожения и его компонентов³.

В целом же Инициатива подменяет в угоду США деятельность МАГАТЭ по контролю за распространением ядерных материалов. Как полагают иностранные эксперты, она полностью соответствует военно-политической доктрине, разработанной администрацией Буша, и дополняет новую стратегию национальной безопасности, основывающуюся на доктрине превентивного удара, а также новую национальную стратегию борьбы с ОМУ⁴.

Хотя в ИБОР прямо не говорится, что основной ее целью является перехват транспортируемых северокорейских ракетно-ядерных материалов и технологий, не вызывает сомнения, что именно эта страна сегодня считается главным объектом предлагаемых мер. Доказательством этого служит факт проведения 25 октября 2004 г., т.е. через год после создания Инициативы, в Токийском заливе международных учений в рамках ИБОР по перехвату судов, заподозренных в контрабанде оружия массового уничтожения. В них приняли участие военнослужащие Австралии, Франции, США и Японии, которые успешно перехватили два судна, по сценарию перевозившие зарин. Руководство КНДР назвало такие учения «провокацией»⁵.

Принятие СБ ООН резолюции № 1718 по Северной Корее послужило дополнительным импульсом для активизации попыток Соединенных Штатов осуществлять контроль за морскими грузоперевозками КНДР в рамках ИБОР и задействовать в этом максимальное количество стран. С 2004 г. одним из приоритетных направлений Инициативы является Иран. Таким образом, можно говорить о том, что ИБОР рассматривается в Вашингтоне как альтернативное средство борьбы с распространением, способное заменить существующие международные институты.

Вашингтон использует трудности в диалоге с КНДР в целях реализации своих далеко идущих планов в области создания региональных систем противоракетной обороны (ПРО). При этом в американской риторике Северная Корея выступает в качестве жупела для оправдания действий по «защите союзников» от ракетно-ядерных программ этой страны. Япония, традиционно следующая в кильватере политики Вашингтона, полностью разделяет мнение Белого дома относительно

необходимости качественного и количественного совершенствования систем ПРО в регионе и активно выступает за дальнейшее продвижение этих инициатив. Так, с сентября 2006 г. на базе японских ВВС в городе Цугару начал работать новейший радар раннего оповещения о пусках баллистических ракет. Он был установлен после появления сведений о подготовке КНДР к испытаниям ракет, способных достигать территории США. В середине 2007 г. на базе ВВС США в г. Мисава планируется разместить систему обработки информации о пусках баллистических ракет, которая будет получать первичную информацию со спутников раннего предупреждения, к числу которых специалисты относят тот, что был запущен Японией в феврале 2007 г.

Тезис о ракетно-ядерной угрозе КНДР прозвучал в речи главы отдела ПРО Пентагона генерал-лейтенанта Г. Оберинга и заместителя помощника министра обороны США Брайана Грина 25 января 2007 г. на специальном брифинге для журналистов, где они рассказали о планах развертывания в Восточной Европе (Чехии и Польше) 10 ракет-перехватчиков и радиолокационной станции. Правда, понимая нелепость этого надуманного предложения, представители Пентагона в своем выступлении упомянули более актуальную для европейских государств тему — «опасность ракетного нападения со стороны Ирана». Тем не менее, ссылка американской стороны на Северную Корею заставила экспертов НАТО проанализировать возможности Пхеньяна по запуску баллистических ракет в сторону Европы. В результате проведенной работы генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер выступил 12 марта 2007 г. с заявлением, в котором подчеркнул, что Североатлантическому альянсу угрожают ракетные атаки со стороны КНДР и Ирана. В частности, генсек НАТО сказал следующее: «Существует множество причин быть уверенным в этом, принимая во внимание северокорейские ракетные испытания и иранские возможности (в области ракетных технологий), а также заявления иранцев». По его мнению, развертывание элементов системы противоракетной обороны в Европе способно снизить уязвимость континента.

Еще одной темой, которую США тиражируют на всех уровнях, добиваясь осуществления давления на Северную Корею со стороны своих союзников, является вопрос о соблюдении прав человека в КНДР.

История этого вопроса выглядит следующим образом. 4 октября 2004 г. американский Конгресс единогласно одобрил Акт о правах человека в Северной Корее. В соответствии с документом, автором которого считается сенатор-республиканец Сэм Браунбэк, планируется ежегодное выделение в течение 5 лет не менее 20 млн. долл. на оказание гуманитарной помощи гражданам Северной Кореи и перебежчикам, а также 4 млн. долл. в год на расширение объемов радиовещания на КНДР. Акт предусматривает также оказание содействия «государственным органам, частным и общественным организациям, проводящим программы по защите прав че-

ловека, поддержке демократизации общества и рыночных реформ в Северной Корее». Предусмотрен также строгий контроль над распределением гуманитарной помощи с целью не допустить её использование на нужды северокорейской армии. Документ даёт право перебежчикам из Северной Кореи получить в США статус беженцев. Акт обязывает официальных представителей Соединенных Штатов на любом уровне включать данный вопрос в повестку дня переговоров, затрагивающих ситуацию вокруг КНДР.

С принятием акта Вашингтон заявил, что он должен будет привлекать внимание к этой проблеме и содействовать усилиям по улучшению положения северокорейских граждан. По словам высокопоставленного американского представителя, «США заинтересованы в диалоге по правам человека и надеются, что Пхеньян тоже серьезно к этому относится».

Ко всему прочему президент США Джордж Буш назначил бывшего советника Белого дома Джея Лефковица первым специальным посланником США по правам человека в Северной Корее.

В январском номере «The Wall Street Journal» этот чиновник опубликовал свою статью под названием «Рабочие любимого вождя». Она примечательна тем, что автор, освещая вопрос использования труда северокорейских рабочих за рубежом, в частности в России, в неприкрытой форме критикует политику нашего государства в области сотрудничества с Северной Кореей. При этом применяются достаточно резкие обвинения: «...используют контрабандный северокорейский труд...», «эта практика противоречит протоколу ООН, запрещающему торговлю людьми, участницей которого является Россия», «валюта, которую эти страны отправляют в КНДР, пойдет на финансирование ядерных амбиций режима, а не на улучшение жизни граждан КНДР»⁶. Все это являет собой пример прямого вмешательства Вашингтона во внутренние и внешние дела других государств с целью заставить изменить в выгодном для себя ключе позицию по решению своих же проблем в двусторонних отношениях.

Одним из результатов действий американской администрации в этом направлении стало принятие Советом Европы в 2005 г. резолюции о правах человека в Северной Корее, чему предшествовал ряд переговоров между американскими и европейскими чиновниками. Данный документ впоследствии был направлен в комитет ООН по правам человека. 17 ноября 2006 г. этот комитет одобрил Специальную резолюцию по правам человека в Северной Корее, в которой Пхеньян обвиняется в проведении публичных казней, пытках, политических преследованиях и прочих нарушениях. На очередном пленарном заседании Ассамблеи ООН данная резолюция была утверждена. Ее поддержало 91 государство, 21 страна проголосовала против, 60 членов ООН воздержались. Грузия, Казахстан, Молдавия и Украина согласились с тем, что положение с правами человека в КНДР дает основания для

беспокойства. Россия, Белоруссия, Узбекистан и Таджикистан оказались в числе воздержавшихся при голосовании.

Все эти действия привели к ограничению взаимодействия между КНДР и ЕС, так как Европейский союз тесным образом увязывает оказание экономической и гуманитарной помощи с решением вопроса о соблюдении прав человека в этой стране. Тем временем Сенат Соединенных Штатов, «обкатав» данную проблему на Северной Корее, планирует использовать ее в отношении других государств.

Говоря о действиях США на корейском направлении, нельзя не заметить такой яркий пример использования Белым домом финансовых рычагов воздействия, как скандал вокруг Банка Дельта Эйша в Макао⁷. Одним из следствий деятельности США в этом направлении стал отказ китайских банков принимать перевод разблокированных северокорейских счетов из-за опасений возможных последующих обструкций со стороны Вашингтона. Это же явилось причиной срыва последнего раунда шестисторонних переговоров. В настоящее время Китай вынужден принимать экстренные меры как для урегулирования данного инцидента между США и КНДР, так и для обеспечения безопасности своих финансовых учреждений.

Таким образом, очевидно стремление Вашингтона решить корейскую проблему методом «интернационализации» отдельных ее аспектов, подразумевая оказание давления на Пхеньян в том числе со стороны своих союзников. При этом США совершенно игнорируют то обстоятельство, что урегулирование лежит в плоскости двусторонних американо-северокорейских отношений. С другой стороны, можно сделать оправданный вывод о желании администрации Дж. Буша затянуть на неопределенно долгий срок разрешение кризиса с тем, чтобы использовать его в качестве контролируемой потенциальной «горячей точки» в собственных интересах. Тем более что в заявлениях и действиях Северной Кореи отсутствуют признаки агрессии по отношению к соседям по региону, кроме вполне объяснимой защиты собственного суверенитета и существующего режима.

Курс Белого дома на затягивание решения по урегулированию ситуации вокруг Корейского полуострова и ЯПКП и отказ на неоднократные призывы Пхеньяна решить проблемы в ходе двусторонних встреч привели к ужесточению позиции северокорейцев. В ответ на американскую политику руководство КНДР пошло на резкое обострение ситуации, создав и испытал собственное ядерное устройство. Таким образом, реалией сегодняшнего дня стало появление ядерного государства, граничащего с Россией. Создавшаяся ситуация не может не вызывать беспокойства, поскольку действия обеих конфликтующих стран непосредственным образом затрагивают безопасность нашего государства малопрогнозируемым развитием событий, особенно в случае отказа какой-либо из сторон соблюдать существующие договоренности и нормы международного права.

Поэтому было бы целесообразным рассмотреть пакетный перечень мер, направленных на дальнейшее обеспечение переговоров, укрепление позиций Российской Федерации в этой сфере и расширение влияния нашей страны на Корейском полуострове.

Во-первых, необходимо сохранить тот конструктивный настрой на урегулирование ЯПКП дипломатическими методами, который был продемонстрирован на предпоследнем раунде шестисторонних переговоров всеми участниками, за исключением, пожалуй, Японии. В этой связи нашей стороне на всех уровнях следует проводить целенаправленную работу с представителями остальных участников «шестисторонки» с целью не допустить повторного «замораживания» процесса из-за обмена выпадами ключевых игроков – США и КНДР, что наблюдалось после принятия Совместного заявления. Кроме того, российским госорганами, политиками и специалистам следует также проявлять сдержанность в официальных комментариях относительно хода и перспектив процесса урегулирования. Для этого необходимо руководствоваться последовательной позицией нашей стороны, которую регулярно озвучивают Президент⁸ и МИД страны и избегать высказываний, которые могут быть расценены как дезавуирование взятых на себя обязательств.

Интересам российской стороны отвечает подход, основанный на четком соблюдении норм международного права и Устава ООН. Поэтому было бы желательным провести ревизию на соответствие им и нашего внутреннего законодательства, соглашений в ИБОР и подобных структурах для того, чтобы не быть втянутыми в сомнительную деятельность, которая нанесла бы ущерб нашей декларативной позиции⁹.

В целях укрепления нашего авторитета необходимо противодействовать усилиям некоторых стран по подмене международного права внутренним законодательством (как в случае с замораживанием северокорейских счетов). В ходе работы, предшествующей раундам шестисторонних переговоров, не допускать попыток вынести вопросы двусторонних отношений других государств со странами Корейского полуострова на обсуждение в рамках шестистороннего формата (за исключением отношений основных конфликтующих сторон).

Ввиду перспективы, в случае успеха, перерастания шестисторонних переговоров в механизм обеспечения региональной безопасности принять меры к выработке соответствующей позиции, наилучшим образом обеспечивающей наши интересы. Отсутствие работы в этом направлении чревато потерей контроля за развитием ситуации не только на полуострове, но и в регионе.

В ходе заседаний рабочих групп нашей стороне следует активизировать выполнение достигнутых договоренностей, закрепленных в документах от 19 сентября 2005 г. и 13 февраля 2007 г. Перспективным было бы выработать и внести на рассмотрение новые предложения с учетом интересов всех стран – участников

«шестисторонки» по вовлечению КНДР в интеграционные процессы. В то же время следует избегать попыток других сторон возложить на Россию дополнительные, в том числе экономические, обязанности по обеспечению стабильности на полуострове.

Наша последовательная позиция, направленная на разделение ядерной проблемы Корейского полуострова и вопросов межкорейского урегулирования, встречает положительный отклик как на Юге, так и на Севере. Поэтому для России жизненно необходимо проводить такую политику в дальнейшем, не увязывая также развитие своего двустороннего сотрудничества с обоими корейскими государствами с перспективами денуклеаризации полуострова.

Наиболее действенной мерой на ближайшее время в плане активизации нашего экономического сотрудничества с КНДР может стать подписание ряда соглашений в том числе о списании долга Северной Кореи, которые рассматривались 23 марта 2007 г. на заседании межправительственной комиссии. Заключение данных договоренностей в соответствии с планами, озвученными сопредседателем комиссии с российской стороны К. Пуликовским, придаст дополнительный импульс развитию нашего партнерства. В то же время наряду с этим нужно приложить максимальные усилия к разрешению тех многочисленных правовых вопросов, которые тормозят взаимодействие между Москвой и Пхеньяном. Параллельно с этим целесообразно устранить препятствия, мешающие экономическому сотрудничеству с Сеулом и детализировать наш подход к выполнению заключенных соглашений.

Активизации требует и реализация трехсторонних проектов, таких, как соединение Транссиба с Транскорейской железной дорогой и возможность переброски электроэнергии с Дальнего Востока на Корейский полуостров. Данные проекты вполне могут стать «пилотными» в контексте рассмотрения других возможных предложений по сотрудничеству между странами.

Следует исходить еще из того, что наиболее реалистичной формой экономического взаимодействия России с КНДР пока продолжают оставаться региональные связи. Было бы желательно, чтобы в итоговых документах в рамках работы комиссии по развитию Дальнего Востока, которая начала деятельность 13 марта 2007 г., нашла бы свое отражение и эта сторона внешнеэкономической деятельности региона.

Все вышеперечисленные меры ни в коей мере не являются окончательными; однако они могут рассматриваться в качестве первоочередных, способных углубить основу для повышения нашего влияния на Корейском полуострове.

Примечания

¹ *Воронцов А.* Северокорейская проблема после испытания в КНДР ядерного оружия. Статья доступна на сайте Фонда стратегической культуры: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=336>

² The Proliferation Security Initiative (PSI) At a Glance. <http://www.armscontrol.org/factsheets/PSI.asp>

³ *Новиков В.Е.* Проблема распространения ядерного оружия на современном этапе. М., 2007.

⁴ Там же.

⁵ <http://pda.lenta.ru/world/2004/10/26/drill/>

⁶ <http://www.inopressa.ru/print/wsj/2007/01/10/14:00:09/koreya>

⁷ Следует признать, что этот случай не является первым в практике применения Соединенными Штатами ограничений против финансовых структур. Прецедентом послужили проверки американскими специалистами в середине 2003 г. ряда коммерческих и государственных банков Саудовской Аравии и Омана на предмет выявления источников и схем финансирования террористических организаций. Примечательно, что на время проверки были блокированы даже государственные счета ряда мусульманских стран. Критика действий США осталась незамеченной на фоне антитеррористической риторики Вашингтона, а также начавшейся иракской кампании.

⁸ *Денисов В.И.* Корейская ядерная проблема: возможности политического урегулирования сохраняются // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Вып. 8 (20).

⁹ Заявление по вопросам нераспространения (по итогам саммита G-8 в Санкт-Петербурге). <http://g8russia.ru/docs/20.html>

В. Ф. Лу*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАМЕНЫ СОГЛАШЕНИЯ О ПЕРЕМИРИИ МИРНЫМ ДОГОВОРом НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В 2007 г. исполняется 54 года с того памятного дня 27 июля 1953 г., когда по всей планете молнией пронеслась долгожданная весть о прекращении безумной, братоубийственной бойни на Корейском полуострове.

Напомним кратко содержание временного Соглашения о перемирии. Статья 1 определяла военно-демаркационную линию в основном по рубежам противостояния воюющих войск и предусматривала создание демилитаризованной зоны на расстоянии 2 км от линии демаркации. Статья 2 предусматривала процедуру прекращения огня и отвод войск обеих сторон из демилитаризованной зоны. Военная комиссия по перемирию формировалась из представителей корейско-китайской стороны и «войск ООН», а комиссия нейтральных государств по наблюдению за перемирием – из представителей Польши, Чехословакии, Швеции и Швейцарии. Статья 3 раскрывала процедуру репатриации военнопленных. Статья 4 устанавливала 3-месячный срок для созыва широкой политической конференции с целью окончательного мирного урегулирования корейской проблемы. Наконец, Статья 5 раскрывала процедуру внесения соответствующих поправок и дополнений к Соглашению о перемирии на основе консультаций между главнокомандующими войсками обеих сторон, т.е. между Ким Ир Сенем и М. Кларком.

Более столетия, отделяющие нас от окончания «великой ограниченной войны» в Корее, не разрешили целого ряда исторических парадоксов и международно-правовых казусов, которые в наши дни являются непреодолимой преградой на пути замены временного Соглашения о перемирии постоянно действующим Мирным договором на Корейском полуострове.

Прежде всего оказался весьма запутанным вопрос об основных субъектах выработки и подписания Соглашения о перемирии. Первоначально советская сторона энергично отклоняла не только возможность своего открытого участия в мирных переговорах, но и стремилась не допустить участия в них на высшем уровне КНДР, полагая, что перемирие может быть достигнуто лишь путем двустороннего

китайско-американского соглашения. Отодвигая КНДР за дипломатические кулисы, тогдашнее советское руководство, связанное теснейшими военно-блоковыми отношениями с Пхеньяном, стремилось еще больше завуалировать свою реальную роль в Корейской войне. Не случайно вопрос о личном участии Ким Ир Сена в переговорах обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС 24 июля 1953 г., т.е. всего лишь за несколько дней до решающей встречи делегаций воюющих сторон в Корее. В шифрограмме советскому послу, направленной в этот день в Пхеньян, содержалось указание исключить по соображениям безопасности прямое дипломатическое участие Ким Ир Сена в подписании Соглашения о перемирии с тем, чтобы эту функцию взял на себя Пэн Дэхуай с участием одного из заместителей премьер-министра КНДР. Однако этот сложный дипломатический маневр советского руководства того времени не удался, поскольку китайская сторона решительно ответила, что без Ким Ир Сена Пэн Дэхуай в мирных переговорах участвовать не будет, что в свою очередь могло позволить США использовать ситуацию для дальнейшего затягивания перемирия.

Напряженная дипломатическая интрига была разрешена путем следующей комбинации. 27 июля 1953 г. в 10 часов утра в «Доме мира» в пограничном Пханмунчжоме Соглашение о перемирии предварительно подписали лично прибывшие на переговоры генерал Нам Ир от северокорейско-китайской стороны и представитель «войск ООН» генерал Гаррисон. Затем под документом были поставлены подписи Ким Ир Сена, Пэн Дэхуая и генерала Кларка, которые непосредственно в церемонии подписания не участвовали. Для сбора всех подписей понадобилось около 12 часов, и лишь в 22 часа по корейскому времени Соглашение о перемирии вступило в силу¹. Таким образом, Соглашение о перемирии в Корее юридически зафиксировало только трех юридических авторов Корейской войны – КНДР, КНР, а также США, действовавших под флагом войск ООН.

Соглашение не отразило крупномасштабного реального участия в войне не только Республики Корея в силу открытого противодействия Ли Сын Мана мирным переговорам, но также и Советского Союза. Этот казус, не имевший весомого значения в годы биполярного противостояния, стал явным дипломатическим анахронизмом в контексте нынешних поисков путей универсального урегулирования в Корее. Причем он явно противоречит не только исторической реальности, но и международно-правовой логике.

Соглашение о перемирии от 27 июля 1953 г., отражая во многом равновесный стратегический баланс сил между двумя эпицентрами биполярного послевоенного развития, со всей очевидностью раскрыло неспособность воюющих сторон (советско-китайско-северокорейского блока и ведомой США «группировки ООН») одержать решающую военно-политическую победу в Корее. Воевавшие стороны не смогли сделать и другой определяющий шаг – провести результативную мирную конференцию и окончательно урегулировать корейский вопрос, хотя попытка такого урегулирования

* Центр АТР и Секция корееведения Дипакадемии МИД РФ, Москва.

была предпринята, в частности на Женевской конференции министров иностранных дел СССР, КНР, США, Великобритании и Франции (26.04–21.07.1954 г.).

Состав этой конференции также не лишен политико-дипломатического парадокса. Приглашенные на конференцию делегации КНДР и РК не считались официальными участниками конференции. Вместе с тем СССР, который де-юре не был причастен к Корейской войне и не подписывал Соглашения о перемирии в Пханмунчжоме, стал одним из основных участников мирных переговоров. Это был, в сущности, первый официальный выход советской дипломатии на международную арену в качестве реального субъекта мирного урегулирования на полуострове. Не случайно предложения главы внешнеполитического ведомства СССР В. М. Молотова в Женеве 15 июня 1954 г. прозвучали как предложения представителя не нейтральной, а ранее воевавшей стороны.

В. М. Молотов предложил провести общекорейские выборы при соблюдении пропорционального представительства и при участии совместной комиссии из представителей Севера и Юга, вывести с Корейского полуострова до проведения выборов все иностранные войска, образовать международную комиссию по наблюдению за проведением указанных выборов, а мирное развитие Кореи обеспечить гарантиями «со стороны государств, наиболее заинтересованных в поддержании мира на Дальнем Востоке»². Советские предложения, и в первую очередь предложение о выводе всех иностранных войск, были категорически отвергнуты США и их союзниками.

Безрезультатная Женевская конференция 1954 г. по Корею, а равно и общеполитические резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (1975 г.) и другие международные события (включая принятие в ООН КНДР и РК в 1991 г.) оставили открытым вопрос о том, какие государства могут быть наделены правом подписания Мирного договора по Корею. Предварительных вариантов подхода к данной проблеме целая серия. Одни эксперты полагают, что в таком Договоре должны участвовать лишь субъекты Соглашения о перемирии в Корею от 27 июля 1953 г. По мнению других, Мирный договор по Корею – это исключительная прерогатива двух реально существующих государств полуострова – КНДР и РК. Высказываются суждения в пользу возврата к структуре Женевских переговоров 1954 г. по корейскому вопросу, т.е. в составе «большой пятерки» – США, Китая, России, Великобритании и Франции и т.д. Нам представляется, что в каждом из вышеупомянутых сценариев есть существенные международно-правовые изъяны, которые вряд ли позволят реально продвинуть вперед мирное урегулирование на полуострове.

За минувшие полвека корейская проблема обрела новые геополитические и геостратегические очертания и не может успешно решаться без учета новых исторических и международно-правовых реалий. К их числу необходимо отнести, во-первых, превращение двух корейских государств (КНДР и РК) в полноправных субъектов международных отношений, включая де-факто взаимное признание; во-

вторых, возникновение принципиально нового многостороннего института мирного урегулирования на Корейском полуострове («пекинской шестерки») и, наконец, в-третьих, признание Россией исторического факта крупномасштабного вовлечения СССР в Корейскую войну 1950–1953 гг.

Из обширной серии рассекреченных советских документов, переданных Россией Республике Корея в июле 1994 г. (так называемая «коллекция Ельцина»), стали известны ошеломляющие сведения о скрытой причастности Кремля к подготовке и развязыванию войны в Корею 25 июня 1950 г. Не будем вникать здесь в подробности и сошлемся лишь на некоторые из вышеупомянутых документов. В официальной справке МИД СССР в ЦК КПСС от 10 августа 1966 г. содержится открытое признание того, что к маю 1950 г. СССР, Китай и КНДР завершили разработку оперативного плана массированного наступления на Юг с целью силового объединения Кореи. Причем именно по настоянию Ким Ир Сена начало военных действий было назначено на 25 июня 1950 г.³ К этому следовало бы добавить, что высокопоставленные советские генералы Н. А. Васильев, Т. Ф. Штыков и другие после провала разработанного под их руководством стратегического плана «освобождения» Юга были в феврале 1951 г. смещены со своих постов и позднее уволены из армии и с дипломатической службы.

Непосредственная вовлеченность СССР в Корейскую войну подтверждается также обнародованными в последние годы данными о потерях СССР в локальных вооруженных конфликтах второй половины XX в. Всего в канун войны в КНДР находилось 4293 советских специалиста, в том числе 4020 военнослужащих. «Воздушный зонтик» в небе Северной Кореи обеспечивал 64-й истребительский авиакорпус, состав которого в 1952 г. насчитывал 26 тыс. военнослужащих. Советские пилоты совершили в период Корейской войны свыше 63 тыс. боевых вылетов, уничтожив (вместе с зенитчиками) 1309 самолетов противника, потеряв 335 своих самолетов и 120 пилотов⁴. Итак, вопрос о Российской Федерации – правопреемнице СССР, как об одном из основных субъектов Корейской войны, в историческом плане теперь уже невозможно оспорить никакими другими фактами и аргументами. Но в пользу СССР (РФ), как субъекта Корейской войны 1950–1953 гг., говорит и международно-правовой опыт регламентации окончания военных действий и прекращения состояния войны⁵. Какие же выводы логически напрашиваются из вышеизложенного ситуационного и международно-правового анализа? Очевидно, что состав основных субъектов выработки Мирного договора по Корею не может ограничиться теми государствами, которые поставили свои подписи под Соглашением о перемирии в Корею от 27 июля 1953 г., т.е. КНДР, КНР, США. Вместе с тем США, будучи одним из ведущих фигурантов дипломатического урегулирования в Корею, не могут единолично представлять «войска ООН», хотя такие страны, как Австралия, Канада, Франция, Турция, Великобритания и некоторые другие понесли ощу-

тимые потери в Корейской войне. Любые претензии США на монопольное обладание мандатом ООН в урегулировании корейского вопроса были бы ущемлением прерогатив и полномочий других членов ООН, включая не только Север, но и Юг Кореи. Наконец, в новом балансе сил в Северо-Восточной Азии нельзя не учитывать возрастающую геополитическую роль Японии, участие которой в мирном урегулировании в Корее может носить конструктивный характер.

Все вышеизложенное убедительно говорит о том, что оптимальный состав процесса замены Соглашения о перемирии постоянным Мирным договором в Корее следовало бы передать «пекинской шестерке», т. е. КНДР, Республике Корея, США, Китаю, России и Японии. В текст такого рода договора в интересах всеобъемлющего урегулирования военно-политических, социально-экономических, гуманитарных и иных проблем желательно было бы включить: а) проблему дальнейшего углубления межкорейского диалога и объединительного процесса на основе идей конвергенции⁶; б) идею провозглашения бессрочного нейтралитета Корейского полуострова на основе отказа двух Корей (а в дальнейшем и единой Кореи) от военно-ядерных программ⁷; и, наконец, в) вопрос о выплате Японией репараций КНДР за 35 лет колониального порабощения и эксплуатации с учетом того, что Югу такие платежи частично выплачены.

Хотелось бы надеяться, что такого рода универсальный подход к мирному урегулированию на Корейском полуострове получит в целом определенную дипломатическую реакцию не только на Севере, но и на Юге Кореи. В этой связи представляется, что без выработки Мирного договора достижение всеобъемлющего политического урегулирования на Корейском полуострове весьма затруднено.

Примечания

¹ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 830. Л. 170–171.

² Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945–1980. Документы и материалы. М.: Наука, 1981. С. 103–104.

³ Торкунов А.В. Загадочная война. Корейский конфликт 1950–1953 гг. М., 2000. С. 72–75; *Weathersby K.* New Russian Documents on the Korean War // Bulletin of the Cold War International History Project. Winter 1995–1996.

⁴ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 524.

⁵ Так, в Сан-Францисской конференции 1951 г. по выработке мирного договора с Японией участвовало 51 государство, вовлеченное в тихоокеанскую войну. И хотя СССР не подписал указанный договор, документ положил конец состоянию войны между Японией и союзными с США государствами. Именно реальными участниками вооруженного конфликта было подписано Соглашение о прекращении огня в Алжире (Эвианские соглашения 18 марта 1962 г., Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме от 27 января 1973 г. и др.).

⁶ Материалы VII Российско-Корейского Форума. М., 2007. Рукописный фонд Центра АТР ДА МИД РФ.

⁷ Ли Вл. Ф. О бессрочном нейтралитете Корейского полуострова в свете мирового опыта XX века. М., Научная книга, 1999.

Б. В. Юлин*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА КАК ПРИЗНАК РАСПАДА ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОПОРЯДКА

Любое право, в том числе и международное, базируется на возможности его обеспечить, реализовать. То есть должны существовать механизмы, которые препятствуют нарушению этого права. В однополярном мире таких механизмов нет. Вернее, право обеспечивает сильнейший, гегемон. И обеспечивает он его в тех случаях, когда право работает в его интересах. В противном случае право игнорируется. Сейчас почти все уже забыли, что в 1949 г. Антарктида была не зоной свободных и мирных исследований, а территорией, разделенной между США, Францией, Англией и её доминионами. Это может служить лишь одной из иллюстраций. Сюда можно добавить и подавление освободительного движения в Греции, и участие в гражданской войне в Китае. Право обеспечивалось только силой его применявшего или его союзников. Собственно, сложившуюся после Второй мировой войны, в результате американской монополии на атомную бомбу относительную однополярность удалось разрушить только созданием аналогичного оружия в СССР.

Именно рост оборонной мощи СССР позволил изменить картину мира и подвести реальную опору под международное право. Наиболее ярко это продемонстрировано Хельсинскими договорённостями, которыми объявлялись не подлежащими пересмотру послевоенные границы и ограничивалась гонка вооружений. В это время большинство второстепенных стран могли играть на противоречиях между великими державами и обеспечивать этим свою самостоятельность. Здесь хорошим примером является Югославия, не присоединившаяся ни к какому из лагерей. Маневрирование между центрами силы позволило этой стране проводить самостоятельную внешнюю политику, а также иметь свободу манёвра во внешне-экономической деятельности и идеологии. Именно в это время наиболее весомой стала роль ООН, которая могла большинством голосов принять решение, оказы-

* Независимый эксперт.

вавшееся обязательным к исполнению, ибо его поддерживала хотя бы одна из двух сверхдержав. Второй же приходилось учитывать мнение ООН даже при несогласии с позицией большинства. Эта картина несколько упрощена. Всё было далеко от идеала, но принципиально система работала и обеспечивала определённое правовое поле.

Но эта сложившаяся и казавшаяся нерушимой система исчезла с распадом СССР и Организации Варшавского договора. С этого момента мир стал однополярным, с чётко выраженным мировым гегемоном – США и связанным с ним военно-политическим союзом – НАТО. Если до этого момента США могли единолично определять правила игры только на американском континенте (вторжение на Гренаду), то теперь подобная практика стала распространяться на весь мир. Первыми ласточками новой политики были обстрелы Бейрута американским линкором и вторжение в Панаму со свержением правительства этой страны. В дальнейшем, с усилением роли США, резко упала роль так называемого «международного права». Имеющиеся противоречия и споры между членами НАТО лишь немного сглаживают получившуюся картину.

Собственно примером явного нарушения существующих договорённостей стало признание новых образований после распада СССР. Но более грубым поправимым всех норм стала агрессия против Югославии и Ирака. В случае с Югославией мы наблюдаем последний акт этой драмы. Сербия согласилась на ввод натовских войск в Косово при условии гарантий территориальной целостности Сербии. Но уже сейчас предлагается предоставить Косово независимость.

В случае с Ираком мы видим вторжение войск США и их союзников без объявления войны, немотивированно и под надуманным (как потом оказалось, лживым) предлогом в страну – члена ООН. Перед этим Саддам Хусейн выполнил все требования международной комиссии. То есть, по логике международного права, под санкциями мирового сообщества должны были оказаться США как виновник агрессии, а не Ирак.

При этом на агрессора даже не оказывается попыток международного воздействия. Прямая вооружённая агрессия и интервенция в мирную страну называется миротворческой операцией. Защитники своей страны от оккупантов объявляются террористами. Продолжающаяся 5 лет оккупация с разграблением ресурсов страны – наведением конституционного порядка и построением демократического общества. В Косово накануне оккупации было около 50% сербов и более 50% албанцев. Это данные из средств массовой информации периода бомбардировок. Сейчас американский представитель заявляет, что албанцы в Косово имеют право на независимость, так как составляют более 90% населения. И при этом продолжаются разговоры о геноциде именно албанцев, а не сербов.

Подобная алогичность оценок не даёт возможности странам, чьи права попираются, хоть как-то апеллировать к мировому общественному мнению. Любая попытка отстоять свои права делает эти страны автоматически виноватыми во всём. Торжествует право сильного.

В таких условиях страны, назначенные виноватыми, а к ним относятся Иран и Северная Корея, не имеют возможности хоть что-то решить путём переговоров в правовом поле. Правового поля просто не существует. Единственным возможным путём становится попытка хоть как-то, пускай на местном локальном уровне, выровнять военные потенциалы. И если раньше химическое оружие называли атомной бомбой для бедных, то теперь атомная бомба является шансом для бедных на выживание. Шансом призрачным. Но другого больше нет, ибо предыдущее оружие слабых стран против сверхдержав – террор, уже не приносит никаких плодов. Оно полностью обесценено идеологической победой Запада. Именно разрушение существовавшего в биполярном мире порядка и международного права привело к тому, что каждая страна, которая не прикрыта военными союзами и имеет техническую возможность, начинает работы по созданию ядерного оружия. Первой в этой цепочке была Индия. Для неё, как для лидера движения неприсоединения, исчезновение возможности защитить себя мирными средствами послужило главным стимулом для создания атомной бомбы. Благо, возможности страны позволяли. При этом Индия даже сочла меньшим из зол введение против себя экономических и политических санкций.

Для остальных стран последним звонком оказалась ситуация с Ираком. Она показала, что с США, ООН и НАТО договариваться совершенно бессмысленно и опасно. Любые уступки только ослабляют оборонный потенциал и приближают агрессию и оккупацию. В переговоры можно вступать, только опираясь на право сильного. То есть с серьёзными козырями типа атомной бомбы. Любой другой вариант бесперспективен. При этом практика международных отношений показывает, что наличие ядерного оружия снижает прессинг на страну-обладателя. Обычно в общении с такими странами стараются ограничиваться политическим и экономическим давлением, без апелляции к военной силе.

Что же означает такая геополитическая картина? А означает, в том числе и то, что в ближайшие годы все страны, которые не входят в военные блоки, но обладают соответствующим техническим потенциалом, обзаведутся ядерным оружием. Это уменьшит военное преобладание США и их союзников и повысит риски военных операций. Ядерное оружие не способно обеспечить надёжную защиту от агрессии, особенно при отсутствии соответствующих средств доставки. Но сделать вторжение малоприемлемым – вполне. Например, только наличие ядерного оружия может дать какие-то гарантии Северной Корее против вторжения США. В таком ключе политика Ким Чен Ира выглядит

предельно трезвой и продуманной. При этом можно предположить, что ядерное оружие Северная Корея сохранит, невзирая ни на что. Также более продуманной выглядит позиция Ирана.

Нуклеаризация Дальневосточного региона выглядит почти неизбежной. И КНДР здесь лишь первая ласточка. Ни о каких режимах нераспространения ЯО в условиях попрания мирового права и разрушения стабильного миропорядка и речи быть не может. Вообще альтернатива есть только одна – это снижение угрозы отдельным странам со стороны США. Достигнуть подобного можно частичным разоружением США, отводом американских сил на собственно американскую территорию и созданием международных институтов, способных остановить агрессию любого государства. То есть сознательное создание нынешним гегемоном ситуации не с одним, а с несколькими самостоятельными и равновесными центрами силы, как это было в конце XIX в. Но такой вариант скорее из области фантастики.

Р. В. Савельев*

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

После установления официальных отношений руководящие круги обеих стран были полны радужных надежд. Предполагалось, что ничто не омрачит намечавшееся развитие двусторонних связей. В Москву с официальным визитом впервые был приглашен южнокорейский президент – генерал Ро Дэ У, сторонник налаживания отношений с Россией. Свой внешнеполитический курс он помпезно именовал «северной политикой».

В Москве в ходе переговоров ему подтвердили поддержку продуктивному внутрикореysкому диалогу, который «мог бы устранить политическую и военную конфронтацию между двумя Кореями»¹. Визит завершился подписанием совместного документа, ставшего известным как «Московская декларация». По оценкам многих зарубежных СМИ, «завершив период “холодной войны”», она открыла новую главу в отношениях двух стран, способствовала смягчению напряженности на Корейском полуострове».

Пойдя на нормализацию и развитие отношений, каждая из сторон преследовала свои цели. Проследить их динамику весьма полезно, поскольку многое из того, о чем стороны договаривались или решали на начальных этапах, потом видоизменялось и не всегда оставляло положительный след в двусторонних связях.

Москва надеялась, укрепляя пошатнувшийся авторитет в регионе, получить политическую поддержку от Сеула и конструктивно воздействовать на обстановку на Корейском полуострове. Но эти надежды, как уже отмечалось, были в основном увязаны с проблемами самого полуострова. В более широком региональном контексте ожидать от Южной Кореи существенной поддержки вряд ли было возможным. В двусторонних отношениях надо отметить расчеты (часть таковых и сегодня остается в силе) о налаживании с РК деловых связей за счет восточных российских районов, расширении товарооборота, увеличении импорта сравнительно дешевых

* Центр корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, Москва.

южнокорейских судов, автомашин, электрооборудования, электроники. Предполагалось также получить южнокорейские займы и инвестиции на разработку полезных ископаемых Сибири и Дальнего Востока.

Сеул, главным образом, надеялся на политические дивиденды. Он рассчитывал, что Москва, будучи в недалеком прошлом союзником Пхеньяна, окажет на него сдерживающее влияние и убедит отказаться от силовых приемов в отношениях с Югом, что способствовало бы стабилизации обстановки на полуострове и, следовательно, меньшим военным расходам. Южнокорейское руководство надеялось использовать сэкономленные средства для удовлетворения социальных нужд населения и дальнейшего развития экономики.

Вслед за установлением официальных отношений между РФ и РК последовало интенсивное развитие сотрудничества по различным каналам. Как и рассчитывали в Сеуле, расширился комплекс двусторонних политических связей. Стал традиционным обмен визитами президентов обеих стран, министров иностранных дел, других должностных лиц. Между РФ и РК были налажены почтовая, телеграфная и телексная связь, а также регулярное воздушное сообщение Москва – Сеул и прямая морская линия между Находкой и южнокорейскими портами. Позже к ним были добавлены авиарейсы во Владивосток и Санкт-Петербург. На уровне министров иностранных дел подписаны Консульская конвенция и Меморандум о взаимопонимании по визовым вопросам. Эти документы сняли ранее существующие ограничения на взаимные поездки российских и южнокорейских граждан по служебным и частным делам, обеспечили широкий туристический обмен для различных слоев населения. Действуют не только посольства, но и генконсульства – южнокорейское во Владивостоке и российское в Пусане². По мере расширения деловых контактов начало функционировать южнокорейское генконсульство в российском Северо-Западном административном округе, упрощены визовые формальности по отдельным категориям российских и южнокорейских граждан.

Обоюдный интерес стороны проявили к контактам в военной области. Был принят Меморандум о развитии связей между военными ведомствами и его активном претворении в жизнь в последующие периоды³. На правительственном уровне между РФ и РК были подписаны договорные документы, заложившие правовую основу для интенсификации деловых отношений. Среди них Конвенция об избежании двойного налогообложения, соглашения о гарантиях инвестиций, о взаимном предоставлении статуса наибольшего благоприятствования в торговле, о помощи по таможенным вопросам. То есть то, что обычно, как неоднократно подчеркивалось российской стороной, гарантирует установление и устойчивое расширение не только деловых, но и политических связей между странами.

На первых порах такая направленность в связях двух стран создавала дополнительный импульс для их интенсивного развития. С началом официальных отно-

шений товарооборот увеличился до 1,2 млрд. долл. в 1991 г. Однако в дальнейшем он пошел на убыль, а затем незначительно увеличился, явно не отражая реальные возможности сторон. Такие колебания южнокорейская сторона объясняла неустойчивой политической и правовой обстановкой российского партнера и незнанием им местной конъюнктуры.

На деле же имеются более существенные факторы: каждый раз, решая вопрос о деловом, в том числе инвестиционном, сотрудничестве с Россией, в Сеуле ожидают не снижающегося активного политического воздействия на Северную Корею. Как подтверждает практика, это касается конкретной внутренней обстановки на полуострове, свертывания северокорейских ракетной и ядерной программ и, начиная с 2003 г., привлечения Пхеньяна силами российской дипломатии к шестисторонним переговорам в Пекине.

Только к 2000 г. вслед за политическим диалогом в деловых связях обозначилась тенденция к их реальному увеличению. В торговле в ценовом выражении отметка с заметными колебаниями поднялась к 2,2 млрд. долл., а затем – к 3,29 млрд. Однако структурные характеристики двусторонних торговых обменов оставались неизменными: в российском экспорте преобладали сырьевые товары и полуфабрикаты, в южнокорейском – потребительские и промышленные изделия⁴. Подобная тенденция остается преобладающей и в настоящее время, хотя в 2005 г. товарооборот возрос до 6 млрд., а в 2006 г. до 7,8 млрд. долл.

Не набрали желаемых темпов инвестиционные проекты, которые, согласно заявлениям южнокорейской стороны, предполагалось развернуть на территории России. Известные индустриально-промышленные группы «Хёнде» и «Лахи Голдстар» в свое время намечали, например, разработку нефти и газа в Калмыкии, строительство газопровода из Якутии через территорию КНДР, реконструкцию Ижорского машиностроительного завода (Ленинградская область) и другие внешне привлекательные проекты⁵. Уже в первое 5-летие после установления отношений российские экономические ведомства подготовили и передали южнокорейской стороне технико-экономические обоснования по 65 народнохозяйственным объектам.

Создание совместных предприятий, на что некоторые круги в России возлагали немалые надежды, свелось в основном к открытию нескольких предприятий в сфере обслуживания, доходность которых достигалась, как правило, за счет реализации услуг за конвертируемую валюту. Реально функционировало лишь лесозаготовительное предприятие «Светлое» в Приморском крае, но и оно просуществовало недолго и закрылось из-за несоблюдения местного природоохранного законодательства.

В целом Сеул неохотно соглашался на расширение инвестиционного сотрудничества с Россией. Уже после установления официальных отношений южнокорейское правительство присоединилось к известной системе КОКОМ, предусматри-

вавшей ограничения на экспорт в Россию интересующих её технологий и изделий. Появились и другие объективные и субъективные обстоятельства, в том числе политического плана, тормозившие двусторонние деловые связи. Сложившуюся ситуацию каждая из сторон объясняла по-своему, приводя убедительные, с её точки зрения, аргументы.

В самой РК устами парламентской оппозиции, которая в международных делах подчас становится выразителем взглядов правящих кругов, время от времени высказывалась мысль об ограниченной полезности связей с Россией. Ее представители порой заявляли, что, согласившись на нормализацию отношений с Южной Кореей, Москва была озабочена главным образом тем, чтобы получить для себя чрезмерные кредиты от Сеула. Исходя из этой посылки, предлагалось рассматривать решение о выделении 3 млрд. долл. не иначе как ошибку ушедшей в отставку президентской администрации. Следует, однако, иметь в виду, что из этой суммы Россией в действительности было получено и израсходовано меньше половины, точнее 1,47 млрд. долл.⁶ Одно время в Москве в этой связи не исключали наличия в Сеуле группы влиятельных политиков, которые надеялись, что со временем сложится ситуация, когда российский партнер в стремлении получить южнокорейские кредиты в более значительном объеме будет вынужден пойти на дополнительные уступки, в первую очередь на наращивание односторонней политической поддержки Югу в ущерб своим отношениям с Севером.

В Москве не сразу осознали, что имеются и другие факторы, которые в сложившихся условиях делали расчеты на солидные южнокорейские инвестиции в российскую экономику иллюзорными. Так, с определенной долей уверенности можно было говорить о вполне обоснованном желании политических и деловых кругов РК иметь резервные фонды для инвестиционных вложений в Северную Корею на случай, если начнет меняться обстановка в благоприятном для южнокорейского бизнеса направлении. Эта тенденция в полной мере подтвердилась после 2000 г., когда Южная Корея, постепенно увеличивая экономическую помощь Северу, побуждала его к налаживанию межкорейских обменов в политической, гуманитарной и других сферах. На этом же этапе другая часть южнокорейского инвестиционного потока, минуя Россию, активно направлялась в Китай. Делалось это не в последнюю очередь по политическим соображениям в надежде ослабить связи Пекина с КНДР и увеличить за счет этого изоляцию северокорейского режима на международной арене.

В России южнокорейская сторона ориентировалась при ограниченных капиталовложениях на получение доступа к разработке топливно-энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока. При этом делался расчет на перспективу реализации очередного прорыва в ее экспортно-ориентированной экономике. Как известно, первый подобный прорыв РК осуществила к началу 1980-х годов, участвуя

в программах развития Ближнего Востока, что в последующем обеспечило ей приток долларов и нефти. «Мы очень рады, что у японцев территориальный конфликт с Москвой, и они не занимаются Сибирью», – открыто высказывался на этот счет Чон Чжу Ен, крупный корейский предприниматель, который имел тесные связи с президентской администрацией и по ее рекомендациям неоднократно подключался к установлению связей с Россией. Южная Корея также надеялась на получение тех видов современной технологии, в которых она нуждалась, но не могла приобрести в других странах, в частности, в Японии и США, хотя имела с ними союзнические отношения по линии договора о взаимной безопасности.

Уже при преемниках Ро Дэ У российские ведомства согласились передать РК свыше 280 видов передовых российских технологий для промышленного применения, включая технологии ядерного синтеза и реакторов-размножителей на быстрых нейтронах. В свою очередь РК согласилась поделиться своим опытом производства потребительских товаров. Кроме того, представители южнокорейских финансовых кругов сообщили о возможности предоставить Москве кредиты в виде капиталовложений в отдельные экономические проекты.

В последующий период стороны сумели выявить сближающие их аспекты для политического взаимодействия. Был подписан Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея. При этом сторонами было подчеркнуто, что договор станет основой для дальнейшего политико-экономического сотрудничества двух стран, не нарушая при этом интересы какой-либо третьей страны. Считалось, что такая формулировка должна была несколько успокоить Пхеньян⁷. Москва брала на себя обязательство оказать содействие вступлению Южной Кореи в ООН, даже если КНДР будет возражать против раздельного вхождения «обоих корейских государств в эту международную организацию». Было также одобрено намерение РК возобновить официальные межкорейские переговоры. Более того, в Москве пошли дальше, предложив заключить договор о «добрососедстве и сотрудничестве», чтобы «закрепить на будущее динамичное развитие взаимных связей». Однако последнее предложение было, видимо, преждевременным. В Сеуле не были готовы к столь динамичному сближению и смогли лишь пообещать, что не оставят это предложение без внимания. Перед принятием такого решения там сочли необходимым проконсультироваться с долговременными партнерами – США и Японией.

Отдельные аспекты политики южнокорейского правительства в отношении Москвы по конъюнктурным соображениям подвергались критике со стороны влиятельных политических партий. Особенно часто такое происходило во время предвыборных кампаний. Одни ожидали, что в Москве приоткроют «завесу» над предысторией Корейской войны и сообщат новые «сенсационные подробности об инциденте» с пассажирским самолетом КАЛ-007. Другие раз за разом поднимали

вопрос о займах, подчеркивая, что они слишком велики для южнокорейской экономики, которая и без того испытывала внешнеторговый дефицит, составивший задолго до азиатского финансово-экономического кризиса более 2,2 млрд. долл.⁸ Приводились и другие веские аргументы, в частности о том, что из-за растущей политической и экономической нестабильности в России своевременно не были четко определены гарантии возвращения займов. Вслед за этим появились утверждения о том, что Москва якобы продолжала не критически поддерживать требования КНДР к РК, а также снабжать Пхеньян отдельными видами вооружений.

В 1994 г. Москву посетил президент РК Ким Ён Сам. В ходе его визита стороны «пришли к взаимопониманию» по важным региональным проблемам, прежде всего относительно нераспространения ядерного оружия на Корейском полуострове. Ким Ён Сам заручился поддержкой России при выборе Республики Кореи в непостоянные члены Совета безопасности ООН. В свою очередь он обещал содействие своей страны при рассмотрении кандидатуры России в Азиатско-Тихоокеанском экономическом совете (АТЭС)⁹. Был подписан ряд межправительственных соглашений. Южнокорейской стороне передали документы из российских архивов, касающиеся Корейской войны. По окончании переговоров была опубликована российско-южнокорейская совместная декларация, в которой давалась позитивная оценка состоянию отношений двух стран и определялся характер будущих взаимных связей¹⁰.

Визит был позитивно оценен и в Москве, и в Сеуле. Однако южнокорейская сторона, как отмечали некоторые ее представители, все же испытала некоторое разочарование, так как «ожидала большей ясности о сроках выплаты Россией задолженности по кредитам». Не прояснилась ситуация и с северокорейскими лесорубами, которые после работы на лесозаготовках в Хабаровском крае не желали возвращаться в КНДР и стремились попасть в РК¹¹. Последнее вызывало у южнокорейского правительства тревогу, поскольку постоянные просьбы северокорейских граждан о предоставлении политического убежища ещё больше осложняли отношения с Пхеньяном. По политическим и юридическим мотивам Сеул не решался категорически отказывать северокорейским перебежчикам, так как, по Конституции РК, все население КНДР считается находящимся под юрисдикцией Сеула.

В заключение визита южнокорейский президент посетил Приморский край. На встрече с его руководителями он выразил надежду на «превращение Приморья в центр российско-южнокорейского сотрудничества в преддверии грядущей Тихоокеанской эры»¹². Он также подчеркнул, что именно Приморье могло бы совершить «наиболее успешные шаги в развитии российско-южнокорейских связей», имея в виду создание и функционирование в крае в будущем совместных предприятий¹³. Символичным для дальнейшего развития отношений двух стран было и посещение Ким Ён Самом штаба Тихоокеанского флота и большого противолодочного корабля

«Адмирал Виноградов», которое Ким оценил как «проявление российско-южнокорейского партнерства по обеспечению безопасности» в Северо-Восточной Азии¹⁴.

Визит южнокорейского президента в Приморье сопровождавшие его бизнесмены использовали для детального ознакомления с общим положением в крае, возможностями использования там южнокорейских инвестиций. Делегацию бизнесменов возглавляли руководители Корейско-Русской ассоциации по сотрудничеству с российским Дальним Востоком и Сибирью, которые одновременно представляли владельцев крупных южнокорейских корпораций. Посетив местную СЭЗ, крупные комбинаты по переработке морепродуктов, порты Восточный и Находка, они выразили заинтересованность в инвестировании финансовых средств в отдельные объекты Приморского края. Вместе с тем ими были высказаны опасения за судьбу инвестиций в связи с неотлаженным налогообложением в крае, нечеткостью правовых норм о порядке вывоза прибыли, отсутствием государственного страхования инвестиций. Как стало ясно позже, эти и другие особенности местного законодательства вынудили южнокорейцев уклониться в последующем от крупных капиталовложений в экономику края, хотя известные корпорации «Хёндэ», «Хала» и «Кохал» уже имели во Владивостоке свои представительства, которые выполняли наблюдательные функции.

После визита Ким Ён Сама у южнокорейской стороны повысился интерес к сотрудничеству с Россией по военной линии. В мае 1995 г. в Сеуле впервые побывала российская военная делегация во главе с министром обороны. Она рассчитывала в ходе контактов с южнокорейскими военными расширить уровень двусторонних отношений в военной сфере. В Москве предусматривалось начать погашать долговые обязательства Республике Корея, в том числе за счет поставок военной техники. В Сеуле состоялись переговоры в Министерстве обороны РК, подписан меморандум о взаимопонимании и военном сотрудничестве на предстоящий период, а также соглашение о защите военных секретов. Министерство обороны РК выразило желание расширить связи с Россией, в частности начать закупки наиболее современных видов российских вооружений.

В последующем южнокорейские военные не раз проявляли интерес к различным российским вооружениям, начиная от дизельных подводных лодок и усовершенствованных зенитных комплексов ЗРК-300 до боевых машин пехоты и вертолетной техники. Как и было обговорено, они имели возможность детально ознакомиться со многими интересовавшими их образцами. Побывавшим в России их военным делегациям предоставлялась соответствующая сопроводительная документация, в ряде случаев в порядке исключения – технологического характера. Ряд сделок в дальнейшем был заключен, но от большинства южнокорейцы отказались. Сказалось давление американского Пентагона и военно-промышленных корпораций США.

В ходе обсуждения политических вопросов российская делегация поддержала предложение руководства Министерства обороны РК о превращении Корейского полуострова в зону, свободную от атомного оружия, и объявила желательным, чтобы КНДР предоставила возможность МАГАТЭ инспектировать её ядерные объекты.

Результаты пребывания первой российской военной делегации в РК с южнокорейской стороны были сформулированы следующим образом: «Южная Корея нуждается в помощи России, которая может оказать ей содействие в налаживании отношений с КНДР. России же необходимо увеличение объемов продаж оружия в Южную Корею с тем, чтобы расширить экономическое сотрудничество с Сеулом»¹⁵. Очередным шагом России, который должен был придать новый импульс отношениям между двумя странами, явился официальный визит в Сеул российско-го премьер-министра В. Черномырдина. Визит был приурочен к 5-й годовщине установления российско-южнокорейских отношений (сентябрь 1995 г.).

На переговорах с южнокорейским премьер-министром Ли Хон Гу в развитие того, что в Сеуле обещали российской военной делегации, была достигнута договоренность об активизации военно-технического сотрудничества. Стороны согласились приступить к совместному производству боевых машин пехоты нового поколения, которые должны были превосходить зарубежные аналоги¹⁶. Намечалось также использование российских ноу-хау в совместной разработке конструкций боевых и учебно-тренировочных самолетов, гидропланов, экранопланов и средств связи.

Российский премьер, имея определенную цель – получение коммерческих кредитов – хотел привлечь внимание к перспективным совместным российско-южнокорейским проектам, в том числе к разработке газовых месторождений в Республике Саха-Якутия и Иркутской области. Их общая оценочная стоимость должна была превысить 40 млрд. долл., включая сооружение газопроводов, которые, как предполагалось, могли пройти по территории Китая, Монголии и КНДР. Перспективным, по мнению российской стороны, было бы участие РК в совместном проекте по разработке угольных месторождений в Бурятии и Республике Саха-Якутия с последующей поставкой угля в Южную Корею на долгосрочной основе.

Среди других крупных программ были названы строительство технополиса в свободной экономической зоне «Находка» и корейского бизнес-центра в Москве. Прогнозируемый объем инвестиций по каждой из них достигал 400–500 млн. долл. Кроме того российский премьер отметил, что правительство располагает пакетом проектов, предполагающих создание в ближайшее время в России производств по сборке южнокорейских моделей легковых автомобилей, автобусов с последующей их реализацией на рынках стран СНГ.

Неожиданным для южнокорейских деловых кругов стало предложение российского премьера наладить экономическое сотрудничество в треугольнике РК – Рос-

сия – КНДР, в котором могли бы быть задействованы созданные в 1950–1980-е годы на севере полуострова при помощи советских специалистов производственные мощности, дешевая северокорейская рабочая сила, российский рынок сбыта и южнокорейские ноу-хау.

В подписанной Декларации о содействии развитию торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между РФ и РК было зафиксировано намерение расширять и углублять связи в различных областях на принципах равенства и взаимной выгоды «в целях дальнейшего продвижения и конструктивному взаимодополняющему партнерству, в стремлении к совместному процветанию на пути к XXI веку»¹⁷.

Однако ситуация сложилась таким образом, что уже в 1997–1998 гг. российско-южнокорейские отношения подверглись серьезному испытанию. Жесткий финансовый кризис в обеих странах, особенно в России, заметно сузил возможности экономического сотрудничества, о котором договаривались ранее. Отдельные проработанные проекты, в том числе создание высокотехнологичного комплекса в СЭЗ «Находка», были приостановлены. Двусторонний товарооборот 1998 г. составил 2,1 млрд. долл., в 1996 г. – 3,6 млрд. В России функционировали совместные предприятия с участием южнокорейского капитала, инвестировавшим всего 120 млн. долл.

Неблагоприятно отразился на двустороннем взаимопонимании инцидент, случившийся летом 1998 г. Разбирательство двух Министерств иностранных дел относительно деятельности одного из дипломатических работников посольства РК в Москве вышло на политический уровень. К чести обеих сторон, инцидент был своевременно исчерпан, и они сумели развернуть развитие отношений в конструктивное русло, что, в свою очередь, дало возможность начать подготовку к визиту в Российскую Федерацию нового президента РК Ким Дэ Чжуна. Стало очевидным, что стороны освобождаются от прежних иллюзий и завышенных ожиданий, в большей степени ориентируясь на прагматичные подходы друг к другу¹⁸. Очередной российско-южнокорейский саммит с участием Ким Дэ Чжуна состоялся в Москве в мае 1999 г. В совместном заявлении говорилось: «Стороны согласились с тем, что укрепление конструктивного и взаимодополняющего партнерства является руководящей концепцией плодотворного сотрудничества между двумя государствами на пороге XXI века»¹⁹.

Результаты их переговоров предотвратили распространение суждений об охлаждении отношений и надвигающемся кризисе между Москвой и Сеулом. Как сообщили корейские СМИ, по мнению южнокорейских участников, главным итогом переговоров стало то, что «Ким заручился важным обязательством России поддерживать его северокорейскую политику и обещанием президента Б. Ельцина играть конструктивную роль в её осуществлении»²⁰. Для российской стороны было важно заявление президента РК о том, что он считает РФ активным участником процес-

сов, происходящих на Корейском полуострове, способным выполнить позитивную роль, и разделяет российский подход к организации многостороннего форума по решению проблем стабильности и безопасности Корейского полуострова и Северо-Восточной Азии.

Свидетельством предстоящего более высокого уровня двустороннего партнерства стало заключение соглашений о взаимной юридической помощи в рамках борьбы с преступностью и сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии, а также меморандума о взаимопонимании в сфере промышленного сотрудничества.

Факторами, способствовавшими сближению позиций РФ и РК по ряду важных международных вопросов, стали решение Сеула не участвовать в планах США по созданию новой системы противоракетной обороны театра военных действий в районе Дальнего Востока, а также зафиксированная в совместном заявлении, как и в других двусторонних совместных документах, приверженность сторон к идее денуклеаризации Корейского полуострова.

Линия на углубление двустороннего сотрудничества получила развитие в 2000 г. Событием года стало прибытие в Москву премьер-министра Ли Хан Дона, который передал приглашение вновь избранному президенту В. Путину посетить Сеул. Первый ответный визит российского президента состоялся в феврале 2001 г. Проходившие в Сеуле российско-южнокорейские переговоры продемонстрировали преемственность и последовательность активной и сбалансированной политики России на Корейском полуострове.

В целом начавшееся первое десятилетие нового века отмечено стремлением России, не сглаживая возникавшие порой естественные трудности, но и не заостряя их, продолжать конструктивное сотрудничество с Южной Кореей. Для политического направления оно оказалось характерным там, где уже имелись положительные заделы. К их числу следует отнести обоюдное стремление к постепенной нормализации общей ситуации в регионе, предотвращение возникновения здесь террористических тенденций, сотрудничество по линии ООН и совершенствование ее деятельности в качестве универсальной международной организации. На этом последнем направлении следует отметить, что Россия сочла необходимым оказать серьезную политическую и организационную поддержку министру иностранных дел РК Пан Ги Муну при его избрании в 2006 г. на пост Генерального секретаря ООН. Россия стремилась дополнить поддержку на должном уровне политических отношений укреплением деловых отношений, основу которых, как принято считать, составляют торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, связи в инфомационно-инновационной и научной сферах, в других смежных областях. Со стороны России были предложены инициативы по созданию необычного в мировой практике железнодорожного маршрута, который начинался бы с территории Юж-

ной Кореи, проследовал через КНДР и соединился с Транссибом через пограничные станции Туманган и Хасан, т.е. через Сибирь соединил бы Восточную Азию с Центральной и Северной Европой. Интерес к такому проекту особенно возрос в последние 2–3 года у европейских железнодорожных специалистов. Своё желание начать работы по проекту неоднократно подтверждали официальные структуры Юга и Севера, в том числе на высшем уровне. Несомненная значимость не только экономических но и политических аспектов проекта очевидна, особенно для Южной Кореи, которая предпринимает усилия для налаживания всесторонних связей, включая транспортные, с соотечественниками на Севере. Однако конкретные работы, в том числе по модернизации железнодорожных магистралей на избранном маршруте проделали только российские ведомства на своей территории, а также на севере полуострова. Для этого в одностороннем порядке были затрачены соответствующие материальные и финансовые ресурсы. Со своей стороны задержки с конкретными мерами по проекту транспортные ведомства РК, как и северокорейские, объясняют сложной военно-политической обстановкой в регионе. При этом и те, и другие недооценивают несомненное влияние такого сотрудничества и на политическую, и на экономическую ситуацию и, следовательно, на снижение общей напряженности на полуострове.

Это обстоятельство относится и к другим проектам, включая перспективный газовый проект, который с середины 1990-х годов инициировала южнокорейская сторона. Им предусматривается снабжение РК по трубопроводам через КНДР или по дну Бохайского залива российским природным газом с Ковьктинских (Иркутская область) и Сахалинских месторождений. Но, как и с железнодорожным проектом, до конкретного решения дело пока не дошло «из-за сложной обстановки». Соответственно, возможности для налаживания выгодных деловых связей и вслед за этим формирования политического взаимопонимания остаются в Сеуле не востребованными.

В последующем наиболее продуктивными оказались приглашение в Москву президента Но Му Хена, переговоры с ним В. В. Путина, и их последующий саммит в Пусане после завершения сессии АТЭС-2005. Эти встречи были использованы сторонами для уточнения оценок ситуации на Корейском полуострове и обсуждения международных проблем, остающихся актуальными для начала XXI в. На переговорах в сентябре 2004 г. было условлено, что в дальнейшем двустороннее деловое сотрудничество будет выстраиваться на основе так называемого Совместного плана действий с фиксацией в нем приоритетных направлений и долгосрочных ориентиров. В окончательном виде план действий был согласован и подписан В. В. Путиным и Но Му Хёном в 2005 г. в Пусане. Параллельно были достигнуты договоренности о сотрудничестве по мирному использованию атомной энергии и освоению космического пространства. Предусмотрен полет в 2008 г.

первого южнокорейского специалиста на российском космическом корабле. С марта 2007 г. соответствующую годовичную подготовку в российском учебном центре начали два южнокорейских представителя, одному из которых предстоит участвовать в предстоящем космическом эксперименте.

Сотрудничество в области атомных разработок в условиях Корейского полуострова естественно соприкасается с политической сферой и вопросами безопасности в США. Заключая те или иные соглашения, Россия и Южная Корея учитывают в числе иных аспектов еще не закончившиеся шестисторонние переговоры в Пекине, имеющие целью превращение полуострова в зону, свободную от атомного оружия.

В октябре 2006 г. Сеул с официальным визитом посетил Председатель российского правительства М. Е. Фрадков. С премьер-министром РК Хан Мён Сук были обсуждены первые итоги плана действий, северокорейская ядерная проблема и денуклеаризация Корейского полуострова. Для совершенствования договорно-правовой базы и двустороннего взаимодействия были заключены ряд новых соглашений, в том числе о мерах по охране технологий при сотрудничестве в области космоса, об упразднении визовых формальностей для владельцев служебных паспортов, о сотрудничестве ведомств по управлению особыми экономическими зонами.

Напрашивается вполне обоснованный вывод о том, что в современных условиях Россия намерена строить свои отношения с Республикой Корея на достаточно весомой основе. Её позиция определяется стремлением к стабильности на полуострове и в США, что объективно отвечает государственным интересам обеих стран, в том числе и на отдаленную перспективу. Этого возможно достигнуть за счет устранения потенциального очага напряженности в регионе и воссоздания, когда созреют соответствующие условия, единой миролюбивой Кореи, каковой она оставалась на протяжении своей многовековой истории.

В свою очередь, и Корея будущего проявит заинтересованность в России, стабильной в своих взглядах и способной к взаимовыгодному сотрудничеству в различных областях.

Примечания

- ¹ *Ahn Byung joon. South Korean-Soviet Relations. Contemporary Issues and Prospects // AS. 1991. Vol. XXXI. № 9.*
- ² *Актуальные проблемы Корейского полуострова. М.: ИДВ РАН, 1996. С. 211.*
- ³ *The Korea Herald. November 1995, May 11.*
- ⁴ *Российские вести. 07.02.1995.*
- ⁵ *Интервью с председателем Совета директоров корпорации «Лаки Голдстар Интернэшнл» К° Бен Хваном. Известия. 12.12.1997.*
- ⁶ *Интервью директора Экспортно-импортного банка Кореи Син Дон Гю // Сеульский вестник.*

2005 г. № 96. После начисления процентов к 2006 г. задолженность России по этому займу возросла до 2,7 млрд. долл.

- ⁷ *Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2000. Приложение 14. С. 207.*
- ⁸ *Хангук чүё кёнчжэ чипхё. Основные показатели экономики Кореи. Сеул, 1998.*
- ⁹ *Россия – Республика Корея: курсом конструктивного партнерства: К итогам визита президента РК в РФ // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4. С. 4–6.*
- ¹⁰ *Там же. С. 10–11.*
- ¹¹ *President Kim's Visit to Russia // ВК. 1994. Vol. 11. № 12.*
- ¹² *Владивосток. 08.06.94.*
- ¹³ *Kim Yu-nam. A Review of Seoul-Moscow Relation // KF. 1995. Vol. 3. № 6.*
- ¹⁴ *Красная звезда. 09.06.94.*
- ¹⁵ *Seoul-Moscow Military Ties // Diplomacy. 1995. Vol. VI. № 1. P. 25.*
- ¹⁶ *Известия. 30.09.95.*
- ¹⁷ *Пульс планеты. Азиатско-Тихоокеанский регион. ИТАР-ТАСС. 28.09.95.*
- ¹⁸ *Воронцов А.В. Эволюция политики США, КНР, Японии и России в отношении Корейского полуострова // Корея на рубеже веков. М. 2002. С. 301, 302.*
- ¹⁹ *Дипломатический вестник МИД РФ. № 3. 1999. С. 31.*
- ²⁰ *Korea Herald. 29.05.1999.*

К. В. Асмолов*

КНР И ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА. РАСТУЩЕЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ

Начало XXI в. ознаменовалось окончательным выходом Китая из того периода, который в Поднебесной традиционно называли «веком позора». Превращение Китая в региональную сверхдержаву и основной элемент структуры многополярного мира имеет много следствий, одно из которых – растущее вовлечение Китая в дела и актуальные проблемы Корейского полуострова, в первую очередь касающиеся КНДР. Данная статья посвящена анализу основных элементов этого вовлечения и причин подобной политики.

Общие положения. Внутренняя ситуация в КНР и важность приграничной стабильности

Сегодняшний Китай – стремительно развивающаяся региональная сверхдержава, которая имеет все шансы к началу 2040-х годов, при условии сохранения существующих тенденций развития, стать страной с крупнейшим ВВП в мире в долларовом выражении¹. Однако столь быстрый рост имеет свою цену. Это и усиливающееся социальное расслоение, и связанная с ним коррупция; и определенная неравномерность экономического развития регионов – в первую очередь, контраст между приморскими и иными районами; и определенный идеологический кризис, связанный с тем, что формально правящая партия до сих пор является коммунистической и исповедует коммунистическую идеологию; и сложности с экологической обстановкой.

Пекин хорошо понимает, что пока страна развивается динамично, эти трудности считаются приемлемой ценой за экономическое развитие. Но понимает и то, что как только/если темпы роста замедлятся, они немедленно станут серьезной угрозой благосостоянию страны, и потому уже сейчас делает многое для их решения (например, активно тратит силы и средства на подтягивание проблемных областей своей страны как минимум до среднестатистического уровня). Все это требует значительных вложений и, главное, внешней стабильности.

Иными словами, основными проблемами для Китая сегодня являются внутренние. Задачи внешней политики сводятся к обеспечению стране «благоприятной окружающей среды» с тем, чтобы процесс ее развития не встречал никаких препятствий, и не надо было бы тратить много сил и ресурсов на урегулирование проблем на сопредельных территориях.

Любой конфликт в непосредственной близости от КНР (особенно – на территории Корейского полуострова), будь то война или гуманитарная катастрофа, сопровождающаяся потоками беженцев, безусловно, отразится на Китае хотя бы потому, что неизбежно повлечет за собой расходование сил и средств, которые в иной обстановке пошли бы на решение более стратегически приоритетных задач.

При этом корейская граница по сравнению с остальными как бы «наименее прикрыта». Если потенциально горячие приграничные точки на иных направлениях или условно блокированы дружественными или нейтральными соседями, или отделены от стратегически важных районов страны большим пространством, стратегическое расположение Корейского полуострова, который не раз оказывался узловой точкой противостояния сверхдержав, заставляет относиться к его актуальным проблемам с особой тщательностью.

Исходя из этого, основные цели китайской внешнеполитической стратегии в целом и применительно к Корее можно свести к следующему.

- Предотвращение вмешательства прочих сверхдержав в его «зону ответственности». В применении к Корее сюда входят действия, так или иначе направленные на предотвращение усиления там позиции США, а также поддержание ведущей роли на шестисторонних переговорах, ход которых подчеркивает положение Китая как регионального гегемона.

- Предотвращение возникновения на пограничных/сопредельных территориях горячих точек или зон нестабильности, которые могли бы распространиться на Китай. В применении к Корее это означает, что Китаю невыгодно ослабление режима, способное повлечь за собой гуманитарную катастрофу, либо силовой вариант развития событий по иракскому образцу.

- Обеспечение дальнейшего экономического развития страны и создание ориентированной на Китай международной экономической структуры. Применительно к Корее это означает рост объема торговли как с Севером, так и с Югом, и курс на превращение Северной Кореи в площадку для китайской инвестиционной и торговой деятельности.

- Обеспечение лояльности неханьского населения и противодействие проникновению тех идеологий, которые прямо или косвенно будут ее понижать. Применительно к Корее это означает комплекс мероприятий, направленных на обработку многочисленной и компактно расположенной корейской диаспоры. Внедряемая туда РК идеология корейского национализма в сочетании с определенными националистическими

* *Центр корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, Москва.*

настроениями в самой Корее может восприниматься Пекином как угроза такого же типа (хотя и куда меньшего размера и остроты), как внедрение в западные/«мусульманские» регионы Китая идей исламизма и концепции «Великого Туркестана».

■ При этом следует отметить, что у Китая нет желания (а точнее – возможности) «помогать колосьям расти», ускоряя процесс усиления своего внешнего влияния путем силовых мер или внешней экспансии. Применительно к Корее это значит, что сам Китай вряд ли пойдет на провоцирование военного конфликта со своим участием и крайне маловероятно, что он пойдет на силовую акцию, направленную на изменение режима в КНДР. Это не означает полную неготовность Китая к войне, но ему нет смысла нападать: а) первым, б) сейчас. Время работает на него.

Современный Китай проводит в отношении корейских государств политику, которую можно назвать «равносторонней» или «равно ориентированной». Поддерживая Север по мере возможности, он стремится укреплять отношения с Югом, пытаясь как бы восстановить ситуацию, при которой корейские государства вошли бы в состав «конфуцианского культурного региона», построенного на единой традиции. РК воспринимается как перспективный партнер, контакты с которым в условиях изменившегося миропорядка создают на полуострове благоприятную для КНР внешнюю среду и позволяют не превращать РК в полностью проамериканского спутника.

Сохранение Северной Кореи в том виде, в каком она есть, выгодно Китаю для защиты своих стратегических интересов в регионе. По этой же причине Пекин предпочитает не акцентировать внимание на политических и идеологических особенностях северокорейского общества, полагая, что стабильность в стране – главный приоритет.

С другой стороны, Китаю не нужно особенно беспокоиться о том, чтобы «привязать» Северную Корею к себе. В условиях нынешней политики России и еще не налаженных связей с западным миром у Ким Чен Ира остается очень мало пространства для маневра.

Тем не менее, способность Пекина влиять на Пхеньян меньше, чем нам может казаться. Во-первых, межгосударственные контакты Китая во многом связаны с взаимодействием правящих партий и их идеологической совместимостью, однако идеи Ким Ир Сена и Ким Чен Ира скорее противоположны идеям Дэн Сяопина. И «взаимное доверие между лидерами двух стран серьезно подорвано»². Во-вторых, сыграла свою роль смена поколений: те, кто «вместе делил горести и радости во время Корейской войны», либо умерли, либо сошли с политической арены.

С другой стороны, с конца 1950-х, когда Ким Ир Сен разгромил прокитайскую фракцию, в стране не было организованной силы, которую можно было бы назвать китайским лобби. Северная Корея никогда не использовала в отношении Китая принцип «служения старшему» (*садэчжуйи*) и, более того, в отношениях между КНР и КНДР бывали периоды очень значительного обострения.

Именно поэтому, помимо взаимодействия с Северной Кореей по общерегиональным вопросам, Китай и КНДР стремятся урегулировать и те проблемы, которые являются в основном двусторонними. В первую очередь, это проблема беженцев/отходников/мигрантов. Здесь нельзя не отметить курс, направленный на то, чтобы снова «закрыть границу», отражающий новое в политике и КНР, и КНДР. Пхеньян, возможно, решил, что поскольку основные проблемы позади, де-факто открытая граница больше не нужна как клапан для выпуска пара, и гайки можно потихоньку закручивать. Пекин же таким образом ослабляет проблему нелегальных мигрантов из КНДР, наплыв которых несет ему целый пакет разнообразных неприятностей.

Реакция Китая на северокорейский ядерный кризис

Поведение Китая во время второго витка ядерного противостояния хорошо характеризуется английским словом «proactive», которое на русский можно перевести как «активные действия по контролю над проблемой и ее разрешением». Однако до конца 2002 г. Китай придерживался стратегии избегания риска и определенного невмешательства. Соображения безопасности, связанные с настоящим желанием США «ответить на северокорейский ядерный вызов», изменили его стратегию и привели к первому раунду шестисторонних переговоров, который состоялся в Пекине в августе 2003 г.³

Принципиальную позицию КНР хорошо демонстрирует фраза Ху Цзиньтао, высказанная в телефонном разговоре с Дж. Бушем 26 апреля 2003 г.: «Свободный от ядерного оружия полуостров способствует миру и стабильности в регионе и соответствует интересам всех сторон. В то же время вопросы безопасности Северной Кореи и ее опасения должны быть решены. Понимая комплексность проблемы, выход постепенно можно найти при условии, что каждая из сторон обладает искренностью и будет настаивать на диалоге и консультациях»⁴.

После жесткой реакции КНР на ракетные пуски лета 2006 г. в мире заговорили о том, что КНР меняет свою политику, но последующие заявления китайского руководства (в том числе – о необходимости решения проблемы за столом шестисторонних переговоров или осуждения политики односторонних санкций, принятых в отношении Пхеньяна⁵) говорят о том, что радикального изменения в политике не произошло. Скорее, тогда Ким Чен Иру дали понять, что терпение Пекина на исходе, и если он и дальше будет совершать необдуманные поступки, церемониться с ним не будут, и Ким Чен Ир намек понял. Это было видно и по заранее объявленному предупреждению о том, что ядерные испытания будут, и по извещению именно Пекина о взрыве за 20 минут до него.

После ядерных испытаний китайское общество осуждало Пхеньян за дерзость и неблагодарность и советовало принять меры. В частности, такой точки зрения

придерживалось большинство посетителей Интернет-форумов, а также ряд ученых, в основном из пров. Цзялинь.

Однако позицию официального Пекина лучше отразила статья Шэнь Динли⁶ – Пхеньян поставил свои собственные национальные интересы выше, чем отношения с Китаем, и это понимаемо, так как ключ от системы безопасности страны должен находиться в ее собственных руках. Да, чрезвычайно неприятно, что 12-летняя работа КНР в этом направлении закончилась провалом, но ядерная КНДР – куда меньшее зло, чем КНДР в состоянии нестабильности или внешней агрессии, тем более что истоки кризиса скорее кроются в политике США. Поэтому Китаю следует принять «символическое» участие в тех санкциях, которые, безусловно, будут наложены на КНДР международным сообществом (включая направленные на ограничение развития ее ядерных технологий). Но введение «широких» экономических санкций, равно как и иных мер, направленных на «смену режима», Китай должен блокировать, не идя на поводу у тех, кто хотел бы от него демонстрации его «ответственности за судьбы мира»⁷.

Выгодна ли Китаю ядерная Северная Корея – вопрос сложный. Однако, если Пекину удастся уговорить Пхеньян удовольствоваться номинальным членством в ядерном клубе, которое будет давать ему определенные гарантии безопасности, но при этом заставить его заморозить свою военную ядерную программу и вернуться под контроль МАГАТЭ и в ДНЯО в качестве формально ядерной державы (внешний престиж КНДР в этом случае не страдает), такая ядерная КНДР не представляет для него угрозы.

Как бы то ни было, итоги последних раундов шестисторонних переговоров не только повысили престиж Пекина, продемонстрировав, что курс на стимулирование диалога был политически более выгоден, чем то грубое давление, которого ранее придерживались США (и которое стало косвенной причиной того, что КНДР «пошла ва-банк»), но и дали Китаю новые рычаги для влияния на ситуацию в целом, и в первую очередь – рычаги экономические.

То, что «Рамочное соглашение-2», в отличие от первого, является многосторонним, может привести к тому, что при малом желании вкладываться со стороны США и Японии основным донором станет КНР, что опять-таки укрепит его позиции и авторитет, так как де-факто всем будет понятно, «кто платит», а кто платит, тот и заказывает музыку.

Экономическое проникновение Китая в КНДР

В 2000 г. товарооборот между КНР и КНДР составил 490 млн. долл. Из них 450 млн. – китайский экспорт в Северную Корею: в основном продукты питания, уголь, нефтепродукты, химические удобрения. В 2001 г. объем торговли с Китаем оценивался уже в 656 млн. долл., а его доля во внешней торговле Севера составила

30,1%. Китайский импорт составил 534 млн. долл., или 42,1% объема всего импорта⁸. Торговля осуществляется в основном с тремя провинциями северо-востока КНР. На 2004 г. 85% экспорта и 64% импорта КНДР приходилось на них.

Доля КНР и РК в торговом товарообороте КНДР раньше составляла 30–40%, а теперь 60%. 80% всех потребительских товаров в КНДР китайские. Китайские таможенники говорят о высоких таможенных пошлинах (8,2%), но поскольку товары, считающиеся гуманитарной помощью, пошлиной не облагаются, очень многие китайские коммерсанты экспортируют в КНДР товары под маской гуманитарной помощи. Объем торговли между КНДР и КНР возрос в 3–4 раза, но его номенклатура очень неравномерна. Если КНДР экспортирует в Китай 15 наименований товаров, то КНР в КНДР – 78.

Инвестиции Китая в КНДР в 2003 г. составили 1300 тыс. долл., но в 2004 г. они возросли до 170 млн. долл. После визита Ху Цзиньтао в КНДР в 2005 г. было подписано Соглашение об экономическом и технологическом сотрудничестве, а в конце того же года заявлен совместный проект разработки нефти в Желтом море.

Китайцы подчеркивают важность сотрудничества в области энергетики и развития природных ресурсов КНДР, так что некоторые специалисты РК даже говорят о стремлении Пекина превратить Северную Корею в свой сырьевой придаток. Разработка медной и железной руды в КНДР осуществляются с китайской подачи и на китайские средства. КНР приобрел лицензию на строительство в Пхеньяне и иных городах универмагов (супермаркетов) современного типа. В г. Хэсан такой универмаг существует с 2002 г. Есть договоренность об открытии пограничного рынка в Хверёне и создании ярмарки (рынка свободной торговли) на стыке границ КНР, России и КНДР – в провинции Северная Хамгён. Есть лицензии на использование нескольких портов, в том числе Рачжина. Иными словами, почти все отрасли экономики КНДР развиваются с помощью Китая.

В настоящее время Пекин начал постепенно списывать долги КНДР (примерно 4,5 млрд. долл.), стараясь не афишировать этого.

Кроме торговых отношений, Китай на регулярной основе оказывает безвозмездную экономическую помощь КНДР. Часто такая помощь приурочена к официальным мероприятиям. Так, в ходе визита в КНДР Цзян Цзяминя было принято решение о безвозмездном предоставлении КНДР 200 тыс. т продовольствия и 30 тыс. т дизельного топлива. Больше половины экономической помощи приходится на продукты питания, нефтепродукты, уголь. Кроме того, очень важно то, что если Запад, и особенно – США, навязчиво требуют мониторинга распределения гуманитарной помощи, ни Пекин, ни Сеул этого не делают.

Проникновение Китая на Север пугает южан, несмотря на то, что РК имеет еще более тесные отношения с Китаем, чем Север. Южане привыкли считать

Северную Корею зоной своих собственных экономических интересов, т.е. чтобы прочие страны разрабатывали бы ее ресурсы как бы совместно с Югом. С Китаем такого сотрудничества не получается. И более того, южане хорошо знают, что китайский бизнес будет очень трудно «выкурить» с Севера, если он там укрепит-ся. Иными словами, ранее южане были уверены в том, что Северная Корея будет принадлежать им в политическом и экономическом смысле, а теперь существует возможность, что ее придется в этом делить с Китаем. В результате северокорейский рынок стал полем для конкуренции китайских и южнокорейских бизнесменов.

Надо, однако, помнить, что экономическое проникновение Китая на Юг осуществляется с еще большим напором, и по общему объему торговли с РК Китай начал опережать США. Есть мнение, что Китай может даже не бояться объединенной Кореи как серьезного конкурента. При существующих темпах экономического сотрудничества между Китаем и государствами Корейского полуострова объединенная Корея будет очень сильно зависеть от Китая.

О возможности «смены режима»

На фоне прошедшего в 2005–2006 гг. нового всплеска рассуждений о том, какой будет посткимченировская Корея, и уже упомянутой нами жесткой реакции Китая на ракетные испытания в КНДР в научном сообществе начали рассматривать возможность варианта, при котором КНР начнет более серьезно давить на Пхеньян, дабы тот шел путем китайских реформ, а то и вообще собирается осуществить там переворот. А. Мансуров тоже не исключает того, что Ким Чен Ир может стать жертвой «насильственного устранения от власти, организованного Китаем»⁹. Да, на фоне китайского курса реформ Северная Корея выглядит неприятным анахронизмом, и вздумай Пхеньян двигаться в сторону реформ, он станет более «любимым вассалом». Однако в Пекине хорошо понимают, что хотя Ким Чен Ир – не самый лучший союзник, но лучше с ним, чем без него.

Во-первых, сместить Ким Чен Ира методом «дворцового переворота» не представляется возможным хотя бы ввиду отсутствия подходящей кандидатуры на его место, так как новый лидер не будет достаточно легитимен и вряд ли будет обладать такими навыками управленца.

Во-вторых, при нынешней ситуации в КНДР, весьма нестойкой в случае сильного давления со стороны Пекина, попытка менять режим очень рискованна. Система во многом держится на автаркии, «закрученных гайках» и информационном контроле, снижение которого в сочетании с внутренней обстановкой в стране может вызвать процессы, похожие на те, которые привели к распаду СССР в результате гласности и перестройки. А это отнюдь не будет способствовать укреплению стабильности.

Наконец, в Пекине, скорее всего, хорошо понимают, что две страны находятся в очень разных стартовых условиях, и потому буквальное заимствование китайского пути невозможно: не тот стартовый потенциал и не та политическая ситуация. Механическое повторение китайского пути для Пхеньяна невозможно, и попытка использовать этот рецепт без поправки на местные реалии имеет большой шанс закончиться социальным взрывом, который затронет и Китай.

Китай пойдет на смену режима только, если увидит в развитии ситуации реальную угрозу своим национальным интересам. Заметим, что такой угрозой кажется и рост националистических / реваншистских тенденций в РК, где, как мы уже говорили, наблюдается определенная и не очень приятная тенденция.

Назначение Северо-восточного проекта

С февраля 2002 г. «Центр исследований истории границ Китая» осуществляет так называемый «Северо-восточный проект» – изучение истории Северо-Востока Китая и Корейского полуострова. Результаты этой работы появились достаточно быстро, причем стало очевидно, что китайские ученые при поддержке официальных органов пытаются заново переписать историю государства Когурё, представ-ляя его «региональным вассальным режимом».

Китайский курс вызвал в Южной Корее не меньший всплеск возмущения, чем японские учебники истории, а ряд зарубежных изданий, в том числе «Вашингтон Пост», усмотрели в Северо-восточном проекте обоснование ввода китайских войск на территорию КНДР для защиты своих национальных интересов – в случае смерти Ким Чен Ира или в иной критической ситуации, угрожающей региональной стабильности.

Однако в рамках политики укрепления государства путем сплочения национальных меньшинств своей страны проекты, подобные Северо-восточному, осуществляются на нескольких направлениях. Собственно Северо-восточный проект, созданный в 2002 г. и рассчитанный на 5 лет, – исследовательский проект по изучению истории окраинных земель Китая и современного положения в трех северо-восточных провинциях (Хэйлунцзян, Цзилинь, Яолин) предусматривает изучение не только истории Когурё, но и России, исследование которой составляет четверть проекта¹⁰, причем корейское направление не является в нем магистральным.

Как уже было сказано, опасаясь возможных проблем, связанных с развитием национального самосознания у народностей национальных окраин, китайское руководство начало активную пропаганду патриотизма и утверждения у народов Китая осознания их принадлежности к единой нации¹¹, условным лозунгом которой можно назвать формулу «Неважно, кто ты по национальности. Главное – ты гражданин КНР». В рамках этой практики история государств, располагавшихся на современ-

ной территории КНР, конечно, изучается как история Китая. Естественно, в таких разработках к истории густо примешивается пропаганда.

Но корейское направление занимает особенное место – опять-таки по понятным причинам. Существующий на территории КНР Корейский автономный район, территория которого составляет 1/4 Корейского полуострова (свыше 43 500 кв. км), имеющий общую границу с КНДР, является источником растущего беспокойства не только из-за большого количества перебежчиков из Северной Кореи. Не забудем, что почти двухмиллионная корейская диаспора в КНР – самая многочисленная среди корейских диаспор мира, а в начале XX в. число корейцев в Кандо превосходило ханьское население.

При этом существует несколько факторов, способствующих росту национального самосознания китайских корейцев: участвовавшие контакты с экономически развитой Южной Кореей, значительное количество перебежчиков с Севера, а также целенаправленная политика РК, условным лозунгом которой можно назвать формулу «Где бы ни жил кореец, он, в первую очередь, кореец и поэтому основным объектом его лояльности должна быть Корея, а не страна пребывания».

Учитывая, что Пекин проводит точно такую же политику в отношении китайской диаспоры в Азии, и политика эта осуществляется куда более успешно, там хорошо понимают, какими проблемами может быть чревато появление на территории самого Китая диаспоры с подобным лозунгом.

К тому же мифы корейского национализма включают в себя и рассуждения о том, какой великой была бы Корея, если бы она не потеряла определенные территории, в первую очередь территории Маньчжурии, которые некогда были частью Когурё.

На настоящем этапе в южнокорейском обществе сложился определенный консенсус по поводу того, что «утраченные земли» так или иначе должны быть «возвращены». В корейской историографии достаточно прочное место заняла концепция истории корейско-китайских отношений как истории борьбы за Маньчжурию и Ляодун – территории, изначально принадлежавшие «корейской нации», откуда та была вытеснена Китаем¹². Известная книга Кеннета Ли, где идея «нашей Маньчжурии» была высказана уже не по-корейски, а по-английски (т.е. не только «для внутреннего употребления»), вышла в 2002 г. Это период, сравнимый с началом деятельности китайского Северо-восточного проекта. Можно вспомнить и весьма популярный в определенных кругах сайт <http://gando.or.kr/>, существующий с 2005 г. Не зная корейского языка будет достаточно посмотреть на его заставку – карту Кореи «в ее исторических границах», включающую в себя и Маньчжурию, и Ляодунский полуостров, и очень большой кусок Российской Федерации – по сути, все Приморье и весь российский Дальний Восток.

Итоги и прогнозы

Китай, несомненно, заинтересован в том, чтобы на Корейском полуострове был, наконец, установлен мир, отношения добрососедства и сотрудничества, так как любое беспокойство на полуострове негативно влияет на национальную безопасность Китая.

Китай нуждается в существовании Северной Кореи: в лучшем случае – как стратегического союзника, в худшем – как буфера. Понятно, что ядерные испытания несколько охладили отношения между двумя странами, но говорить о полной смене политики нельзя. Северная Корея слишком нужна Китаю.

В будущем вероятно усиление экономического и отчасти идеологического влияния Китая на как на Север, так и на Юг. При этом идеологическое проникновение Китая на Юг, возможно, пойдет под лозунгами внимания к конфуцианской традиции и формирования азиатских ценностей. Можно ожидать определенной конкуренции между Китаем и РК в борьбе за влияние на Северную Корею, причем конкуренции, которая скорее пойдет под лозунгом «Кто больше вложит в развитие страны», а не «Кто лучше подставит ножку другому».

Примечания

- ¹ <http://www2.goldmansachs.com/insight/research/reports/report6.html>
- ² Mansourov A. Lip Serving the Great (Sadajejuui) with an Attitude: North Korea's China Debate // Forum. 2004. № 1–2. P. 11.
- ³ Samuel Kim. China's new role in the nuclear confrontation // Asian perspective. 2004. Vol. 28. № 4. P. 147–184.
- ⁴ Лу Гуаньге. Ядерная проблема КНДР: выход постепенно может быть найден // Вестник Кит. ин-та межд. стратегич. исследований. № 3. 2003.
- ⁵ http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=12551
- ⁶ По сути предложения Шэнь Динли совпали с политикой Пекина. Официально китайцы действительно назвали действия КНДР «дерзкими», но при этом сделали все, чтобы через СБ ООН прошел «мягкий» вариант резолюции, и были куда более последовательны, чем в случае ракетного кризиса.
- ⁷ Shen Dingli. PRC Scholar Analyzes Implications of a DPRK Nuclear Test. <http://www.nautilus.org>
- ⁸ North Korean trades with US rises sharply // Korea Times. Nov. 25.
- ⁹ Mansourov A. Указ. соч. P. 15.
- ¹⁰ Данное направление исследования включает изучение истории экономических взаимоотношений между Россией и китайскими северо-восточными землями, изучение истории эмиграции китайцев в восточную часть России и положения китайцев на российском Дальнем Востоке, исследование исторической географии Китая со времени прихода Японии и России, сравнительное изучение межнациональных отношений в Северо-Восточном Китае и Дальневосточном регионе России. Кроме вышеперечисленного, проект следит за научными достижениями России в области изучения материальных памятников и письменных источ-

ников государства Парха, а также за вековой стратегией России по развитию Северо-Восточного Китая. Также в проекте существует 6 основных программ по подготовке русско-говорящих китайцев-переводчиков для работы в районе бассейна р. Амур.

¹¹ На настоящее время кроме ханьцев, составляющих 92% населения КНР, в Китае живут представители 55 национальностей, из которых корейцы занимают 14-е место по численности – 1 млн. 920 тыс. человек).

¹² См., напр.: *Ким Хангю*. Ханчуньквангеса (История корейско-китайских отношений). В 2-х т. Сеул, 1999.

В. А. Гринюк*

ПРОБЛЕМА ПОХИЩЕНИЙ ЯПОНСКИХ ГРАЖДАН СПЕЦСЛУЖБАМИ КНДР

В ходе состоявшегося в сентябре 2002 г. официального визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Пхеньян председатель Комитета обороны КНДР Ким Чен Ир признал факты похищений японских граждан спецслужбами КНДР и принёс извинения. В подписанной руководителями двух государств во время визита «Пхеньянской декларации» по этому поводу говорится следующее: «Относительно еще не разрешённых вопросов, затрагивающих жизнь и безопасность японского народа, Корейская Народно-Демократическая Республика подтвердила, что примет надлежащие меры, чтобы достойные сожаления проблемы, порождённые в обстановке отсутствия нормальных японо-корейских отношений, впредь не возникали»¹.

Согласно разъяснениям северокорейской стороны, изложенным в докладе следственной группы японского правительства, события развивались следующим образом: 15 ноября 1977 г. в городе Ниигата 13-летняя девочка М. Ёкота на пути домой из школы была похищена северокорейским разведчиком и вывезена в КНДР. Как объясняли представители Пхеньяна, их оперативник действовал самовольно и пошёл на похищение школьницы, потому что в тот момент возникла опасность его разоблачения. Далее, по версии северокорейской стороны, после инцидента с М. Ёкотой в руководстве спецслужб КНДР возникла идея вывозить взрослых японских граждан в КНДР для использования их в качестве преподавателей японского языка в разведшколах и для обеспечения действующих в Японии северокорейских нелегалов подлинными документами и биографиями реальных людей. Спецслужбы якобы самовольно провели ряд операций: с июня 1978 г. по июль 1983 г. в КНДР были тайно доставлены из Японии и из стран Западной Европы 13 японцев и японок. Из них 8 человек были украдены, а 5 прибыли в КНДР добровольно².

Что касается судеб людей, увезённых в КНДР, то северокорейская сторона сообщила, что из их числа в живых осталось 5 человек, а 8 умерли в результате

* Центр исследований Японии Института Дальнего Востока РАН, Москва.

болезней или несчастных случаев. Характерно, что умершими были объявлены все японцы, которых сотрудники спецслужб привезли в КНДР, якобы предварительно заручившись их согласием. По объяснениям северокорейской стороны, люди ушли из жизни в результате болезней, дорожно-транспортных происшествий, отравлений угарным газом. При этом захороненные на кладбищах останки семерых покойных якобы были смыты водой во время наводнений.

Согласно информации, предоставленной северокорейской стороной, трагически завершилась в КНДР и жизнь М. Ёкоты, чьё похищение в 1977 г. положило начало череде спецопераций северокорейской разведки в отношении японских граждан. Как и другие соотечественники, она до июля 1986 г. проживала в специальном «доме для гостей». В августе 1986 г. Ёкота вышла замуж за гражданина КНДР и спустя год родила дочь, а в марте 1993 г. умерла в результате психического заболевания.

В неволе удалось выжить двум японцам и трём японкам. 23-летний ученик плотника Х. Тимура был выкраден в июле 1978 г. в г. Обама префектуры Фукуи. В ноябре 1979 г. Тимура женился на Ю. Хамамото — ровеснице и подруге, выкраденной вместе с ним в г. Обама. Живы также К. Хасуикэ, 1959 г. рождения, бывший студент Университета Тюо, и его подруга Ю. Окудо, 1956 г. рождения, служащая компании Канэбо. Оба были похищены в июле 1978 г. в г. Касивадзаки (преф. Ниигата) и переправлены в КНДР. В мае 1980 г. они поженились, у них родился сын. Х. Сога, 1959 г. рождения, медсестра из уезда Садо преф. Ниигата, в августе 1978 г. была похищена неким японским предпринимателем по заданию северокорейского разведсотрудника и была переправлена в КНДР. В августе 1980 г. она вышла замуж за Чарльза Роберта Дженкинса — сержанта армии США, в 1965 г. дезертировавшего из дислоцированной в Южной Корее воинской части и бежавшего на север. Супруги имеют двоих детей. О деталях жизни в КНДР пяти ныне здравствующих граждан Японии из числа похищенных не сообщается — известно лишь, что Хоси Тимура и Каору Хасуикэ в сентябре 2002 г. работали переводчицами в Институте этнографии Академии общественных наук КНДР³.

По имеющейся у японской стороны информации, также были похищены Ю. Куэмэ и М. Сога, но северокорейские представители заявили, что они никогда не были на территории КНДР.

Объяснения северокорейской стороны с самого начала были восприняты в Токио с недоверием. Японская полиция в результате собственного расследования пришла к выводу, что все люди, о которых идёт речь, были похищены и насильно доставлены в КНДР. В частности, студенты К. Мацуки, Т. Исиока и К. Аримото, проходившие практику в Испании и Великобритании, были похищены в Западной Европе при участии преступников из левацкой группировки «Сэкигун», совершивших в 1970 г. захват пассажирского самолёта «Ёдо-го» авиакомпании JAL и угнав-

ших его в КНДР. Совершенно неправдоподобными выглядели разъяснения Пхеньяна о «самовольном» характере действий сотрудников северокорейских спецслужб: в обстановке жёсткой регламентации всех сторон жизни в КНДР разведчики не могли и шага ступить без одобрения сверху. С другой стороны, в изданной в Японии книге перебежавшего в Южную Корею бывшего сотрудника разведки КНДР Ким Тон Хёка утверждается, что, в силу ряда обстоятельств (географическая близость Японии к Корее, наличие в стране большого числа корейцев и мощной организации соотечественников «Тёсэн сорэн», отсутствие законов против шпионажа и пр.), Ким Ир Сен считал Японию «интересным объектом» с точки зрения прокладывания «обходного пути» для проникновения в Южную Корею. Указанный автор пишет, что ещё в ноябре 1969 г. на расширенном заседании руководства КНДР Ким Ир Сен конкретно говорил об операциях по похищению японцев как о мерах, «полезных для осуществления революции»⁴.

Проблема похищений японских граждан стала серьёзным препятствием для нормализации японо-северокорейских отношений. В период с 1991 по 2002 г. в ходе встреч дипломатов и представителей обществ Красного Креста двух стран японская сторона настойчиво поднимала вопрос о похищенных соотечественниках, но представители Пхеньяна отрицали факты захвата людей, возражали против использования при двусторонних контактах термина «похищения» и отказывались вести переговоры на эту тему⁵.

Визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в КНДР в сентябре 2002 г. и подписание Пхеньянской декларации получили в Японии высокую оценку и расценивались как серьёзный успех японской внешней политики. Наблюдатели считали важнейшими результатами переговоров премьер-министра Японии с председателем Комитета обороны КНДР Ким Чен Иром 17 сентября 2002 г. сделанное северокорейским руководителем признание факта похищений японских граждан спецслужбами КНДР и принесённое им извинение. Это был беспрецедентный шаг северокорейской стороны.

15 октября 2002 г. в Японию прибыло пятеро японских граждан из числа похищенных северокорейскими спецслужбами, а именно супружеские пары Тимура и Хасуикэ, а также Х. Сога. Однако воссоединение их с родственниками, оставшимися в КНДР, надолго задержалось. Хотя между японской и северокорейской сторонами было согласовано, что перечисленные выше японские граждане возвратятся в КНДР после посещения Японии, а вопрос их окончательного возвращения на родину будет урегулирован позднее, Токио предпринял шаги вразрез с этими договорённостями. 24 октября 2002 г. генеральный секретарь кабинета министров Японии С. Абэ выступил с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Японское правительство позволит пяти похищенным гражданам остаться на родине, а что касается членов их семей, оставшихся в Северной Корее, то мы будем реше-

тельно настаивать на том, чтобы Северная Корея обеспечила их безопасность и назначила дату их возвращения в Японию»⁶.

Такая линия поведения Токио вызвала резкое недовольство руководства КНДР, которое обвиняло японскую сторону в нарушении своего обещания в отношении пяти японских граждан – бывших заложников Северной Кореи. Пхеньян долго не давал согласия на переезд в Японию родственников похищенных.

Среди японцев усиливались антисеворокорейские настроения. Лидерами общественного мнения в вопросе отношения к Северной Корее стали организации членов семей похищенных – Комитет связи семей пострадавших в результате похищений и Комитет спасения. Эти организации настаивали на решительных мерах японского правительства для скорейшего воссоединения членов семей похищенных. Учитывая настроения общественности, японский парламент в 2004 г. принял Поправки к закону о валютном регулировании и Закон об особых мерах по запрещению захода в японские порты определённых морских судов. Эти законы позволяли запретить денежные переводы и приостановить доставку в Северную Корею грузов из Японии, прежде всего на теплоходе «Мангёнбон-92», совершающим рейсы между Ниигата и корейскими портами⁷.

Для премьер-министра Дз. Коидзуми нормализация отношений его страны с КНДР составляла одну из приоритетных целей, которых он хотел бы достичь до истечения срока своих полномочий в качестве председателя ЛДП в сентябре 2006 г. 22 мая 2004 г. Дз. Коидзуми предпринял второй визит в Пхеньян, состоялась его встреча с северококорейским лидером Ким Чен Иром. В ходе переговоров руководитель КНДР во изменение прежней позиции, сводившейся к тому, что «проблема похищений полностью разрешена», дал обещание «провести повторное тщательное расследование с чистого листа» в отношении 10 японских граждан, которых японская сторона считает похищенными и удерживаемыми КНДР⁸.

Прямым результатом визита Дз. Коидзуми в Пхеньян стало окончательное возвращение в Японию детей супругов Тимура и Хасуикэ, т.е. 5 из оставшихся в КНДР на тот момент 8 родственников японских граждан, репатриированных в октябре 2002 г.⁹

В период после второго визита премьер-министра Японии в Пхеньян японская сторона продолжала добиваться от представителей Северной Кореи полной информации об исчезнувших соотечественниках. Северококорейская сторона в ноябре 2004 г. передала представителям Токио «вещественные доказательства» смерти японцев: «останки М. Ёкоты», «историю болезни М. Ёкоты», копии протоколов автомобильных аварий, в которых якобы погибли люди. Проверка «останков» с использованием анализа ДНК, проведённая в Японии в университете Тэйкё и в Национальном исследовательском институте полиции показала, что предоставленные северококорейцами фрагменты костей принадлежали не М. Ёкоте, а были остан-

ками другого человека. «История болезни», якобы принадлежащая М. Ёкоте, содержит записи о нескольких пациентах разного возраста. Протоколы автомобильных аварий частично вымараны, в них не указаны фамилии погибших. В целом, как отмечается в докладе японского правительства, опубликованном 24 декабря 2004 г., северококорейская сторона не смогла предъявить весомых подтверждений смерти восьми похищенных японских граждан и доказательств в отношении ещё двоих граждан, что они не были насильственно доставлены в КНДР. «Повторное расследование, предпринятое “следственным комитетом”, не вызывает достаточного доверия, и его нельзя считать “повторным тщательным расследованием с чистого листа”, обещанным председателем Ким Чен Иром»¹⁰, – подчёркивается в докладе.

Этот документ вызвал резкий протест Пхеньяна. 24 января 2005 г. правительство КНДР направило правительству Японии меморандум, в котором результаты проведённых японской стороной исследований «останков» объявляются «явной фальшивкой». Меморандум содержал требование северококорейской стороны к японскому правительству «возвратить останки в их первоначальном состоянии, провести тщательную проверку, установить истину о подделке результатов анализа и строго наказать виновных в фабрикации»¹¹.

После ожесточённого спора по проблеме подлинности останков М. Ёкоты, возникшего в ноябре 2004 г., подвижки в разрешении проблемы похищений отсутствуют. В апреле 2005 г. правительство Японии установило факт ещё одного похищения, имевшего место в 1978 г. – тогда северококорейские спецслужбы выкрали и переправили в КНДР жителя г. Кобэ Минору Танака. 15 ноября 2006 г. список жертв северококорейской разведки пополнился семнадцатым, и на сегодня завершающим, именем Кёко Мацумото, жительницы префектуры Тоттори, похищенной в октябре 1977 г.¹² Между тем Пхеньян продолжает утверждать, что в КНДР были ввезены только 13 граждан Японии.

Токио стремился использовать для разрешения вопроса похищений людей механизм шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове. Однако притом, что США не возражают против обсуждения этой темы в рамках шестисторонних переговоров, КНР и Республика Корея считают, что вопрос похищений относится всецело к двусторонним отношениям между Японией и КНДР. Поэтому выдвижение его в повестку дня переговоров могло бы вызвать резкое противодействие Пхеньяна, что затруднило бы продвижение к разрешению ядерной проблемы¹³. Сходную позицию по этому вопросу занимает и российская сторона.

На проходивших параллельно с четвёртым раундом шестисторонних переговоров в Пекине в июле–сентябре 2006 г. японо-северококорейских консультациях была достигнута договорённость возобновить диалог между правительствами Японии и КНДР по проблемам похищений японских граждан, ядерных и ракетной программ

КНДР. Японо-северокорейские переговоры по проблеме похищенных японских граждан, о нормализации отношений между двумя государствами и по вопросам безопасности (вокруг ядерных и ракетной программ КНДР) состоялись в Пекине 4–8 февраля 2006 г. Руководитель японской делегации заявил, что без разрешения проблемы похищенных граждан нормализация японо-северокорейских отношений невозможна. Японская сторона выдвинула представителям Северной Кореи требования: а) незамедлительно возвратить в Японию всех оставшихся в живых похищенных японских граждан; б) тщательно расследовать обстоятельства похищений; в) передать японским властям непосредственных исполнителей преступлений Син Гван Су, Ким Се Хо и К. Уомото¹⁴. Делегация КНДР критиковала отношение японских властей к предоставленным северокорейской стороной останкам М. Ёкоты и настаивала на их возвращении. Далее, посланцы Пхеньяна энергично требовали от Японии «расчета с прошлым». Под этим подразумевались искренние извинения и компенсация за преступления, совершённые Японией в период её колониального господства на Корейском полуострове (подавление языка и письменности корейского народа, насильственное переселение корейцев в Японию и на Сахалин, захват корейских женщин для оказания сексуальных услуг японским военным и пр.). В этой связи северокорейская сторона настаивала на первоочередном осуществлении Японией экономического содействия КНДР. Вместе с тем корейцы добились повышения статуса проживающих в Японии соотечественников, которые подвергаются политической, социальной и культурной дискриминации, а также возвращения в КНДР всех культурных ценностей, вывезенных с её территории до и во время Второй мировой войны¹⁵.

Продолжая дискуссию по теме похищений, представители КНДР не только отказались передать Японии трёх подозреваемых в преступлениях, но и осудили деятельность японских неправительственных организаций, оказывающих поддержку северокорейским беженцам, поскольку они «насильно увозят и похищают граждан КНДР из регионов, расположенных рядом с границей с Китаем». Представители Пхеньяна потребовали передать властям Северной Кореи семерых японцев – руководителей и активистов этих неправительственных организаций как лиц, нарушивших уголовный кодекс КНДР¹⁶.

Запуски баллистических ракет и проведение испытания ядерного устройства в КНДР в 2006 г. ещё более затруднили перспективы нормализации отношений между Японией и КНДР. Токио последовательно осуществляет введённые решением Совета Безопасности ООН экономические санкции против Северной Кореи и полностью прервал торгово-экономические связи с Пхеньяном. Накануне открытия в декабре 2006 г. 2-й сессии пятого раунда шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове министр иностранных дел Японии Т. Асо подчеркнул, что японское правительство расставляет проблемы,

которые необходимо решить в отношениях с КНДР в следующем порядке с точки зрения их приоритетности: похищения людей, ядерная проблема, баллистические ракеты Северной Кореи¹⁷. В ходе шестисторонних переговоров японская сторона заявила, что не будет принимать участия в оказании экономической помощи КНДР до тех пор, пока не будет окончательно разрешена проблема похищений японских граждан. Согласно достигнутой на переговорах договорённости, была сформирована рабочая группа из представителей Японии и КНДР, призванная обсуждать вопросы нормализации двусторонних межгосударственных отношений. Однако проведённые в Ханое 7–8 марта 2007 г. заседания рабочей группы Японии и КНДР не дали позитивных результатов. Японская сторона, помимо нового расследования похищений, потребовала от КНДР гарантий безопасности и скорейшего возвращения на родину выкраденных японских граждан и членов их семей, установления истины и передачи японским властям исполнителей похищений. Северокорейские дипломаты вновь объявили проблему похищений окончательно разрешённой и, в качестве условия новых расследований, потребовали прекратить экономические санкции в отношении КНДР¹⁸.

Руководство Японии считает необходимым в вопросе похищений оказывать на Пхеньян давление на международном масштабе. В частности, это подчеркивал видный деятель Либерально-демократической партии Японии С. Исиба, занимавший в 2002–2004 гг. пост начальника Управления национальной обороны. По его мнению, могли бы быть эффективными и экономические санкции в отношении КНДР, если бы их поддержало мировое сообщество, поэтому Япония должна добиваться международной поддержки своей позиции¹⁹.

И действительно, руководство Японии стремится придать проблеме похищений людей спецслужбами КНДР международное звучание. Эта проблема была внесена на обсуждение в ходе саммита G-8 в Си-Айленде (США) в июне 2004 г. В заключительном документе саммита была выражена поддержка шестисторонним переговорам по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове, усилиям по комплексному разрешению проблем ядерного оружия, обеспечения безопасности, похищений граждан и других проблем гуманитарного характера²⁰. 27 октября 2005 г. тема похищений японских граждан северокорейскими спецслужбами обсуждалась в Третьем комитете (по правам человека) Генеральной Ассамблеи ООН. 16 декабря 2005 г. ГА ООН большинством в 88 голосов приняла резолюцию, в которой похищения людей осуждались как «организованные нарушения прав человека»²¹. Требование скорейшего разрешения проблемы похищений граждан содержалось и в итоговом документе саммита G-8 в Санкт-Петербурге в июле 2006 г.²²

«Интернационализации» данного вопроса служат и сообщения прессы о том, что пленниками северокорейских разведчиков становились не только

японцы, но и люди других национальностей. Х. Сога, вернувшись в Японию после многолетнего пребывания в неволе в КНДР, рассказала журналистам, что встречалась в Пхеньяне с румынкой, которую обманым путём привезли из Италии, и с тайской женщиной, похищенной в Макао²³. В июне 2006 г. была опубликована информация ЦРУ Южной Кореи о том, что спецслужбы КНДР выкрали из Республики Корея 489 её граждан, из них 103 человека живы²⁴. Газета «Ёмиури» в феврале 2006 г. привела информацию «Коррера делла сера» о том, что выкраденная во второй половине 1970-х годов северокорейцами ливанская женщина встречала в КНДР также нескольких насильно привезённых туда итальянок²⁵. Японские организации родственников похищенных граждан устанавливают связи с товарищами по несчастью из других стран для усиления международного давления на власти КНДР. В декабре 2005 г. в Токио состоялась встреча солидарности представителей родственников похищенных людей из Японии, Южной Кореи, Ливана и Таиланда²⁶.

Руководство Японии, добиваясь нормализации отношений с КНДР, вместе с тем наряду с прочими вариантами обдумывает и сценарии действий на случай краха нынешней политической системы Северной Кореи. Часть японских экспертов связывает перспективы окончательного урегулирования проблемы похищения граждан спецслужбами КНДР со сменой политического режима в стране. Показательны соображения на этот счёт доктора философии, доцента Киотского университета М. Осава. Учёный считает, что подобно тому, как падение берлинской стены в 1989 г. было подготовлено массовой эмиграцией граждан ГДР через территорию Венгрии в ФРГ, толчком к процессу демократизации (то есть к смене режима) в КНДР могла бы стать массовая эмиграция из Северной Кореи. По мнению Осава, Япония следовало бы объявить о готовности принять на японской территории всех граждан КНДР, пожелавших эмигрировать²⁷. Но такое подталкивание к хаосу в КНДР могло бы привести к эффекту, обратному демократизации, а именно запустить механизм массовых репрессий в Северной Корее.

Понимая сложность проблем японо-северокорейских отношений, авторитетные японские специалисты призывают в подходе к ним проявлять сдержанность и терпение. Бывший заместитель министра иностранных дел Японии Х. Танака, участвовавший в подготовке визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в КНДР в сентябре 2002 г., своей статье отмечает: «В послевоенный период японцы обычно смотрели на свою страну как на виновницу бед, а теперь, столкнувшись с недопустимыми действиями Северной Кореи, они впервые испытали негодование жертвы... Но Северная Корея чувствует глубокую обиду в отношении Японии, поскольку в период её колониального господства до Второй мировой войны попирались человеческие права корейцев, многие из них

погибли. Опасно то, что в японо-северокорейских отношениях имеет место противостояние эмоций»²⁸.

Более того, в Японии подвергается критике негибкая позиция руководства страны, поскольку оно намертво связало вопрос нормализации отношений с КНДР с разрешением болезненной проблемы похищений граждан. Некоторые специалисты усматривают в современной японской дипломатии и в подходе Японии к Северной Корее усиление националистической тенденции. В частности, на это указывает бывший дипломат М. Сато, в прошлом игравший заметную роль в развитии японо-российских отношений²⁹.

Вместе с тем звучат и предостережения против безоговорочной поддержки Соединёнными Штатами позиции родственников похищенных японских граждан. Американский исследователь Дж. Шофф из действующего в Гонолулу Центра стратегических международных исследований в статье от 25 апреля 2006 г. упомянул о предпринятом послом США в Японии в марте 2006 г. посещении района, где была похищена японская школьница М. Ёкота, и о его обещании рассказать о трагедии президенту Дж. Бушу. Учёный отмечает, что активными помощниками родственников похищенных выступают представители правого, националистического крыла в органах власти, в неправительственных организациях и в СМИ Японии – как раз те, кто настаивают на оправдании в учебниках милитаристской политики этой страны во время Второй мировой войны. Поэтому эксперт выражал опасение в связи с тем, что участие посла в мероприятиях, посвящённых памяти М. Ёкоты, может быть расценено в Пекине и в Сеуле как знак поддержки Вашингтоном позиции Токио в споре по поводу интерпретации истории³⁰.

В то же время к нападкам против КНДР не спешит присоединяться Южная Корея. Хотя эта страна имеет свой список соотечественников, похищенных северокорейскими спецслужбами, во время голосования на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 2005 г. по проблеме похищений представитель Республики Корея воздержался. Терпеливо и упорно отстаивая связи с Северной Кореей, Сеул рассматривает вопрос мира на Корейском полуострове как приоритетный даже в отношении проблемы прав человека³¹.

Думается, что полную правду о похищениях людей – трагического эпизода «холодной» войны – можно было бы установить в условиях демократических преобразований в КНДР. Однако, как показывает международный опыт, в том числе опыт Республики Корея, этот процесс может быть очень сложным и длительным. КНДР должна самостоятельно пройти тернистый путь к демократии, внешнее вмешательство стало бы контрпродуктивным. Напротив, снятие санкций против Пхеньяна, стимулирование его международных контактов создало бы благоприятные предпосылки для развития естественного процесса демократизации Северной Кореи. Япония могла бы сыграть в этом важную роль.

Примечания

- ¹ Гайко фуораму. 2002.12. № 173. С.15.
- ² <http://www.asahi.com/special/abductees/report/html>
- ³ <http://www.asahi.com/special/abductees/report/html>
- ⁴ *Ким Тон Хёк*. Киннсэй но химицу кёдзи (Секретные указания Ким Ир Сена). Токио: Санкэй симбунся, 2004. С.129–130.
- ⁵ The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Outline and Background of Abduction Cases of Japanese Nationals by North Korea. April 2002. http://www.mofa.go.jp/region/asia-pasi/n_korea/abduct.html
- ⁶ http://mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/ccs0210.html
- ⁷ Харука нару риндзин-ниттё но мэйро (Далёкий сосед. Японо-северокорейский лабиринт). Токио: Кёдо цусинся, 2004. С. 218.
- ⁸ Рондза. 07.2004. С. 12–13. Эти десять человек включают восьмерых японских граждан, которые, по признанию северокорейской стороны, были насильно или с их согласия привезены в КНДР, но, по уверениям Пхеньяна, умерли. В это число входят также японец Ю.Кумэ и японка М.Сога (мать Х.Сога, ставшей пленницей северокорейской разведки в 1978 г. и в октябре 2002 вернувшейся в Японию). По информации, которой располагает японская сторона, эти двое также были похищены и увезены в КНДР. Позднее были получены данные о похищении ещё двоих граждан Японии (см. ниже).
- ⁹ Что касается остальных троих, то встреча Х.Сога с её двумя детьми и мужем Чарльзом Дженкинсом произошла в Индонезии в июле 2004 г., а в декабре 2004 г. семья в полном составе поселилась на родине супруги – в городе Садо префектуры Ниигата.
- ¹⁰ http://www.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/invest0412.pdf
- ¹¹ http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/comment0502.pdf.
- ¹² Ёмиури.16.11.2006.
- ¹³ http://yomiuri.co.jp/features/eank/200507/ea20050712_01.htm
- ¹⁴ Согласно опубликованным в прессе данным южнокорейских спецслужб, основанным на показаниях самого Син Гван Су (возраст 76 лет) – это северокорейский разведчик высокого ранга. В июне 1980 г. Син Гван Су похитил в Японии Т.Хара. и, выдавая себя за этого японца, в течение нескольких лет вёл разведывательную деятельность в Японии. В феврале 1985 г. разведчик прибыл в Южную Корею по паспорту Т.Хара, но был арестован южнокорейской спецслужбой. В ноябре 1985 г. окружной суд Сеула приговорил Син Гван Су к смертной казни, но в декабре 1999 г. он был освобождён по амнистии и в сентябре 2000 г. передан КНДР (Ёмиури. 04.02.06). Ким Се Хо – северокорейский оперативник, которого японская сторона подозревает в причастности к похищению Ю. Кумэ. К. Уомото – участник захвата и угона в КНДР в 1970 г. пассажирского авиалайнера «Ёдо-го», подозревается в причастности к похищению К. Аримото (Асахи. 06.02.06)
- ¹⁵ Ёмиури. 06.02.06.
- ¹⁶ Ёмиури. 08.02.06.
- ¹⁷ Ёмиури. 17.12.06.
- ¹⁸ Ёмиури. 09.03.06.
- ¹⁹ *Исиба Сигэру*. Кокубо (Национальная оборона). Токио: Синтёся, 2005. С. 132
- ²⁰ Ёмиури.11.06.04.
- ²¹ Санкэй симбун. 23.12.05.
- ²² Ёмиури. 18.07.06.

- ²³ Ёмиури. 08.10.2005.
- ²⁴ Ёмиури. 05.06.2006.
- ²⁵ Ёмиури. 22.02.2006.
- ²⁶ Ёмиури. 21.12.2005.
- ²⁷ *Осава Масати*. Гэндзицу но муко (По ту сторону реальности). Токио, 2005. С. 51–52.
- ²⁸ *Танака Хитоси*. Табу о ябурадзуситэ нихон но мирай ва най (Без разрушения табу у Японии не будет будущего)// Рондза.11.2005. С. 154
- ²⁹ *Сато Масару*. Миндзоку но вана (Западня национализма) // Сэкай. 2005.12. С. 97.
- ³⁰ *James L. Shoff*. Abduction Diplomacy and the Six-Party Talks. Pacific Forum CSIS. April 25,2006. www.csis.org/media/csis/pubs/pacs0618.pdf Дальнейшее развитие событий даёт повод для новых опасений такого рода. 27 апреля 2006 г. Сакиэ Ёкота, мать выкраденной в 1977 г. школьницы, выступила на слушаниях в палате представителей конгресса США с показаниями о похищениях. На следующий день состоялась встреча Сакиэ Ёкоты и её сына Такуя с Дж. Бушем. Президент США осудил действия КНДР и обещал содействие в разрешении проблемы похищений.
- ³¹ Ibid.

Е. М. Ермолаева*

АНТИЯПОНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня Азия является местом концентрации пробудившегося в последнее время и все более активизирующегося массового национализма, который подпитывается внезапным появлением доступа к СМИ, растущими социальными надеждами, порожденными ростом экономического благосостояния. В то же время наблюдается увеличивающееся неравенство в социальном положении, бурные темпы роста населения и урбанизации. В свете масштабов наращивания вооружений в Азии эти факторы приобретают весьма неоднозначный характер¹.

В этих условиях стоит поближе присмотреться к конфликтам, присутствующим в регионе и способствующим растущей политической неопределенности. К подобным конфликтам автор относит весьма напряженную ситуацию в отношениях между Республикой Корея и Японией, противостояние между которыми, по мнению автора, уходит корнями в историческое прошлое.

Если взглянуть на то, как выглядит корейско-японский конфликт сегодня, то, на первый взгляд, в основе его будут лежать экономическое противостояние и территориальные претензии. Однако основополагающим фактором является взаимная неприязнь на уровне психологического восприятия «соседа» в качестве врага и потенциальной опасности. Поэтому данный конфликт следует рассматривать скорее не на уровне политики и экономики, а со стороны идеологического противостояния.

Рассматривая корейско-японский конфликт таким образом, можно выделить составляющие, способствующие его динамике: историческая подоплека формы современных корейско-японских отношений, противостояние между Кореей и Японией на уровне националистических настроений народных масс и, наконец, отражение конфликта на уровне межгосударственных отношений.

Говоря об исторических предпосылках, необходимо отметить, что агрессором в отношениях двух государств по большей части являлась Япония. И хотя чаша весов не всегда склонялась в пользу завоевателей (как это было во время Имчжинской войны), каждое столкновение со своим восточным соседом означало для Кореи серьезные разрушения и большие человеческие потери.

В конце XIX в. ослабевшей Корее пришлось пойти на ряд неравноправных договоров, первый из которых был заключен с Японией. Дальнейшее давление со стороны Японии усилилось после Японо-китайской войны 1894 г., когда, проиграв войну, Китай отказался от ранее действующих сюзерено-вассальных отношений с Кореей. Окончательное закабаление Японией Кореи произошло в 1910 г., когда был подписан Договор об аннексии. Аннексия Японией Кореи закончилась в 1945 г. с поражением последней во Второй мировой войне.

Мнения двух государств относительно периода аннексии диаметрально противоположны. Если корейская точка зрения рассматривает 35 лет колониального правления как самый черный период корейской истории, то японские учебники истории для средних классов, выпущенные издательством Фусося Паблишинг К^о. и поддерживаемые правой организацией «Японское общество реформ учебников по истории», содержат главу, которая называется «Япония помогает модернизировать Корею» и очевидным образом оправдывает период колонизации в пользу Японии².

В некотором плане заявления о модернизации Кореи являются обоснованными. Действительно, в действиях японцев на Корейском полуострове в области экономики можно проследить положительные для Кореи моменты. Увеличение производства, применение новых технологий, активное строительство, в том числе железных дорог, действительно имело место, но практической выгоды непосредственно для корейского населения в этом было мало. Более того, за период аннексии Япония сильно обогатилась за счет Кореи, и это скорее было вытягивание из страны ресурсов для собственной выгоды, а не ее развитие. Кроме того, не следует забывать об унижении корейского населения, в ходе которого корейцам приходилось менять свои фамилии на японские, хотя сегодня японцы заявляют, что это происходило по собственной инициативе корейцев и никак не связано с притеснением ими корейского населения³.

Развитие отношений Японии и Республики Корея после второй мировой войны во многом происходило под контролем США. Первые шаги к диалогу были сделаны сразу после войны, когда Соединенным Штатам было необходимо создание антикоммунистического блока на территории Азиатско-Тихоокеанского региона. Несмотря на антияпонскую пропаганду со стороны первого президента Республики Корея Ли Сын Мана, правительство США через командование оккупационных войск в Японии выступало инициатором японо-южнокорейских переговоров, но до реальных договоренностей дело дошло только во время правления Пак Чжон Хи.

В июне 1965 г. были подписаны соглашения между Японией и Южной Кореей. Но, несмотря на стремление Республики Корея стать единственным законным государством на Корейском полуострове, а возможно, именно по этой причине, японские делегаты не в полной мере учли интересы РК и оставили за собой право

* ДВГУ, Владивосток.

для поддержания определенных контактов с КНДР, что вызвало негодование южно-корейской общественности.

На сегодняшний день первое место среди туристов в Республике Корея занимают японцы, в молодежную культуру Кореи проникают японские веяния, также наблюдается и обратный процесс. Все это демонстрирует нам видимую стабильность ситуации, касающейся взаимоотношений двух государств. Хотелось бы подчеркнуть слово «видимую», так как за общим фасадом гармоничного взаимодействия остаются факторы, свидетельствующие о множестве противоречий.

По мнению автора, сущность корейско-японских отношений лежит не столько в динамичности экономического сектора, так как экономическое партнерство лишь необходимость, изначально продиктованная давлением со стороны Соединенных Штатов и укрепленная совместными интересами в рамках современных реалий. Важным фактором в этих отношениях на данный момент является личное отношение граждан этих стран друг к другу. Здесь и заключается основная сложность — в исторической ненависти на уровне идеологии, которая и в Японии, и в РК все больше склоняется к ярко выраженному национализму.

Неудивительно, что систематическое угнетение корейского народа со стороны японцев является питательным материалом для проявления национализма, но вопрос усиления националистических настроений становится актуальным уже в Республике Корея. Как писала газета «Кенхян синмун»: «Если антияпонские настроения в Республике Корея вырастут до шовинистического национализма, мы уже не сможем далее критиковать правый национализм Японии»⁴.

Кроме того, необходимо отметить высокую активность корейцев в решении вопросов, касающихся их интересов. Это очень весомый фактор, когда речь идет о националистической идеологии. Сегодня каждому корейцу предоставлена возможность самостоятельно оценивать историческую несправедливость по отношению к своему народу на основе различной информации, предоставляемой ему государством и СМИ. Из-за этого обида, нанесенная в прошлом японской агрессией, принимает для каждого личный характер. А особая эмоциональность корейцев проецирует события прошлого на проблемы, существующие сегодня, усиливая их значение и создавая ощущение постоянной опасности со стороны японской нации в целом. Таким образом, формируются образ японца как врага и непреодолимое чувство ненависти, постепенно переходящее в националистические настроения, передаваемые новому поколению в чистом виде.

Негативный настрой каждого отдельного человека порождает общественное мнение в целом. Реакция общества на события, происходящие в политической жизни Южной Кореи, связанные с какими-либо действиями японской стороны, с каждым днем становится все более бурной. Например, проблема островов Токто, на которые Япония выдвинула свои претензии.

Данные острова уже в течение многих лет остаются причиной серьезных разногласий между двумя государствами. Фактически они являются территорией Республики Корея, но, несмотря на это, Япония претендует на них, обосновывая свои требования исторической принадлежностью. Несколько таких попыток, в частности, произвести аэрофотосъемку и исследовать прибрежную зону островов Токто, едва не привели к вооруженному конфликту⁵. 22 февраля 2005 г. японской префектурой Симанэ было принято постановление о том, чтобы считать 22 февраля «днем Такэсима» (Такэсима — это японский вариант названия островов Токто), этим Япония в очередной раз выразила свои территориальные претензии⁶.

События, связанные с проблемой принадлежности Токто, вызвали крайне эмоциональную реакцию корейской общественности. В газетах, интернет-ресурсах получили распространение призывы к активным действиям против японцев, причем подобная реакция хоть и была предсказуемой, но все же привела японцев в некоторое замешательство. Угроза корейской стороне «пойти на любые меры» в защите своей территориальной целостности пока еще не приобрела практическую форму, однако корейские дети уже давно имеют возможность «спасти Токто» и безжалостно выгнать японцев, играя в компьютерную игру, одну из самых популярных в РК⁷. Кроме того, детям начальных классов предлагают в качестве развивающей программы заполнить электронную открытку-карту Кореи. При этом учителя поясняют детям принадлежность островов Токто, сопровождая урок такими высказываниями, как: «Мы ведь знаем с вами, что острова принадлежат Корее? И мы должны всем рассказать об этом!»⁸ С апреля 2006 г. в Южной Корее распространяется карта с названием «Корея в развитии», на которой помещены фотографии островов Токто и рисунок объединенной Кореи как намек на то, что Южная Корея скорее объединится с Северной, чем отдаст Японии эти острова⁹.

На фоне этого особо интересным представляется поведение студентов вузов Республики Корея. За последние годы в стране наблюдается явное снижение активности студенческих масс в политической жизни, но когда дело касается взаимоотношения их государства с Японией, студенчество принимает активнейшее участие в решении этих вопросов, применяя для этого все доступные им средства. А именно — интернет (активная переписка, тематические чаты, открытые лозунги с призывами объединиться против Японии); создание организаций против «японских агрессоров», носящих характер ополчения; публичные демонстрации.

Таким образом, можно сделать вывод, что корейское общество в «японском вопросе» представляет собой однородную массу, характерными чертами которой является оправдание экономического сотрудничества с японским государством и полное внутреннее непринятие японцев в целом.

Подобная реакция со стороны корейского общества полностью устраивает власти, которые нередко демонстрируют поддержку этих настроений и (в случае

необходимости) подпитывают их новой негативной информацией относительно Японии. Просматривается стремление поддерживать накал страстей на таком уровне, чтобы вызвать явную нервозность со стороны японской стороны. Подобный метод давления является скорее вынужденным за неимением каких-либо других средств для воздействия. Разумеется, для самой Японии факт массовых протестов в Южной Корее хотя и является неприятным, но особой угрозы в себе не несет.

Вместе с тем проникновение сообщений на эту тему в СМИ привлекает нежелательное для Японии внимание со стороны других государств, в частности США, к данной проблеме. Южная Корея как бы вынуждает Америку применять собственные методы давления для урегулирования ситуации в регионе, будь то, например, требования США в марте 2005 г. об отмене эмбарго на ввоз говядины в Японию, при этом в случае отказа Дж. Буш младший заявил о возможности ухудшения американо-японских отношений¹⁰.

Острова Токто – не единственный проблемный момент в отношениях двух государств. Существуют и другие, менее масштабные, но вызывающие не меньшее беспокойство. Речь идет о посещении бывшим премьер-министром Японии Дз. Коидзуми храма Ясукуни. Нынешний премьер министр Японии Синдзо Абэ, несмотря на требование Но Му Хёна не посещать этот храм в дальнейшем, ответил, что он «пока не принял определенного решения»¹¹.

Подводя итоги, можно сказать, что Япония и Республика Корея балансируют на грани развития серьезного конфликта и не стремятся «очистить» политический диалог от груза предубеждений, сформированного взаимными обидами прошлого и территориальными претензиями. Но, доводя конфликтную ситуацию до необходимого «накала», стороны используют ее в интересах собственной выгоды и для решения внутренних проблем.

Поэтому взаимные претензии стран по отношению друг к другу представляют собой лишь средство проведения динамичной политической игры. Трансформация периодически возникающих конфликтных ситуаций в вооруженное столкновение не выгодна ни одной из сторон, так как тесные связи в области торговли и финансов породили между двумя государствами сильную взаимозависимость, и любые попытки разрушить мир могут привести к нежелательным последствиям для каждой. С учетом внешних факторов, довлеющих над ситуацией в японо-корейских отношениях (а именно, влияния США и общемировых интеграционных процессов в целом), перспектива вооруженного конфликта представляется маловероятной.

Однако, наряду с ядерной программой КНДР, усиление националистических настроений в Республике Корея и Японии является дополнительным препятствием на пути интеграции в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона. Игра общественными настроениями может вылиться в неконтролируемую ситуацию, так как играет роль катализатора националистических идей.

Примечания

- ¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. On-line. Available: <http://www.rurik.ru/lib/act/Bjez/bjez6.htm>. 2007. March.14
- ² Чосон Ильбо. 12.03. 2005.
- ³ Там же.
- ⁴ Кенхян синмун. 06.04.2005.
- ⁵ Чунганг ильбо. 24.04.2006.
- ⁶ *Казиков О.* Системный кризис в Российско-японских отношениях? On-line. Available: russia-japan.nm.ru/kazakov05.htm. 2007. March 10.
- ⁷ *James J.* Dokdo/Takeshima Flares up again? On-line. Available: www.korealiberator.org/2006/04/19/dokdotakeshia-flares-up-again2007. March 14.
- ⁸ VANK plans to 'educate' children about Dokdo. <http://occidentalism.org>
- ⁹ Our love for Dokdo. <http://www.dynamic-korea.com>
- ¹⁰ Чосон ильбо. 19.04. 2006.
- ¹¹ Чосон ильбо. 21.10.2006.

Ким Ен Ун*

ПЕРЕМЕНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Развитие общества в эпоху глобализации, информационных технологий и возрастания роли гражданского общества ведет к расширению и усложнению функций государственных служащих. Растут требования не только к профессиональной аппаратной подготовке, постоянному повышению квалификации и способностям овладевать новыми управленческими методами работы, но и к пониманию специфики работы не столько государственных организаций, сколько частных, общественных организаций, с которыми тесно взаимодействуют госслужащие.

В последние годы в РК приняты радикальные решения, позволяющие фактически сломать систему постепенного продвижения чиновника от низшего ранга к более высокому. С одной стороны, это связано с тем, что сейчас после сдачи соответствующего экзамена можно сразу получить должность, соответствующую третьему должностному рангу. А на должности второго и первого рангов (уровень заместителя министра) вообще могут быть назначены люди, никогда не работавшие в госаппарате. С другой стороны, в ближайшее время до 60% всех дипломатов будут не карьерными дипломатами, а специалистами отдельных отраслей экономики или социальной сферы.

В Республике Корея под государственной службой понимается работа во всех органах и структурах государственной власти (включая собственно госаппарат, служащих органов местного самоуправления, армии, полиции, судебных органов), в учреждениях, организациях (включая школы и иные государственные образовательные и научные учреждения), фирмах, которые финансируются из бюджета. По нашей терминологии – это бюджетники. Соответственно, все занятые в этих учреждениях, организациях и предприятиях, финансируемых из государственного или муниципального бюджета, включая рабочих, называются государственными служащими. Руководители, служащие, занятые в них, имеют соответствующие ранги государственных служащих. Это отличается от принятого в Российской Федерации перечня государственных служащих.

В настоящем исследовании освещены вопросы, касающиеся только работников органов исполнительной власти и исполнительных органов (аппаратов) представительных и правоохранительных органов, выполняющих административную работу и имеющих ранг государственных служащих, и опускаются вопросы службы военнослужащих, работников правоохранительных органов, государственных образовательных и научных учреждений и производственных предприятий, а также занятых в них работников физического труда или различного рода технических, вспомогательных служб.

Главным образом работа государственных служащих регулировалась в течение всего периода существования Республики Корея в рамках административного права. В результате эволюции трудового законодательства, борьбы госслужащих в конце XX – в начале XXI вв. она стала регулироваться в большей степени трудовым законодательством с сохранением значительной доли административного регулирования.

В последние годы, в связи с активным включением РК в мировые глобализационные процессы, стала проявляться довольно спорная, хотя и объяснимая благими желаниями повышения эффективности государственного управления и ликвидации бюрократизма и коррупции, тенденция к переходу регулирования трудовых отношений в сфере государственного управления от норм трудового права к нормам гражданского права, т.е. к коммерциализации оценки работы госслужащих¹. Это соответствует нарастающей после распада социалистической системы общей тенденции к возврату регулирования трудовых отношений не на основе трудового права, а на базе гражданского, что значительно ухудшает положение персонала и перекладывает на его плечи все тяготы от усиливающейся конкуренции в мировой и национальной экономике.

Одной из особенностей государственной службы в РК является заметное влияние конфуцианских традиций на общественное положение, права и обязанности государственных служащих, для которых работа в органах государственной власти является профессией, которую выбирают на всю жизнь. Это понимание и признание высокой ответственности человека, вносящего вклад в решение государственных дел. В государственных служащих издавна старались воспитывать чувство долга, подчинения личных и семейных интересов государственным, формирования активной жизненной позиции, когда государственный служащий никогда не пройдет мимо несправедливости, нарушения законности кем бы то ни было. До сих пор в Корее сохраняется система писем, которые болеющий душой за состояние дел в стране госслужащий отправляет на имя не только своего руководителя отдела, департамента или министра, но и главе правительства и президенту. Каждое такое письмо рассматривается и заявителю направляется ответ. При этом, чем более дельное написал человек, тем больше гарантий того, что это заметят и поощрят

* *Центр корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, Москва.*

повышением служебного разряда и должности. Причем не суть важно, что один направил пространное письмо объемом в несколько десятков, а то и сотен страниц, а другой ограничился всего одной-двумя страницами, но такими, по которым правительство приняло решение или даже принят закон.

Кроме того, существует система социальных гарантий, например, наличие государственных экзаменов на звание государственного служащего, социальных гарантий для госслужащих, предоставляемых государством, в том числе пенсионной системы для них.

Последнее очень важно, так как РК, как относительно молодая страна с рыночной экономикой, не имеет системы государственного пенсионного обеспечения в том виде, как это существовало в СССР и существует в Российской Федерации. Государственные пенсии там получают только госслужащие. Правда, сейчас вводится пенсионное обеспечение для всех нуждающихся граждан старше 60 лет, но размеры пенсий крайне малы. Пенсии им будут выплачиваться при условии, что они действительно относятся к нуждающимся, по 100 тыс. вон² в месяц, на что в Южной Корее просто невозможно прожить, для сравнения: проезд в метро стоит 1100 вон, килограмм самого дешевого риса – 2500 вон, билет в кино – 7000 вон, литр бензина – 1600 вон, оплата коммунальных услуг за однокомнатную квартиру в месяц – минимум 200 тыс. вон.

Поэтому государственная пенсионная система, которая существует в РК для госслужащих, является очень привлекательной социальной защитой, и люди стремятся получить ее, часто теряя в зарплате по сравнению с работой в частных учреждениях и фирмах. Например, разница в оплате труда рядовых служащих крупных корпораций и госслужащих обычно составляет 2 раза, а руководящего состава – до 10 и более раз.

В Республике Корея создана основательная нормативная база государственной службы в виде множества законов, указов Президента РК, постановлений и распоряжений Правительства, а также документов, регулирующих трудовые отношения служащих, занятых в правоохранительных органах, работе аппаратов парламента, избирательных комиссий, судов. Среди них можно отметить следующие законы: «О государственных служащих»³, «О работниках физического труда в государственных учреждениях»⁴, «О пенсиях для государственных служащих», «О Конституционном Суде», «О Верховном Суде», «О дипломатических работников», «О полицейских служащих», «О создании военной полиции», «О служащих противопожарной службы», «О создании системы подготовки сотрудников охраны исправительных учреждений», «О педагогах – государственных служащих», «О выплатах военнослужащим», «О гражданских служащих системы Министерства обороны»⁵, «О работниках Агентства государственной информации»⁶, «О назначении военных юристов», «О служащих местных органов власти», «О формировании правитель-

ства», «Об этике государственного служащего». Есть «Положение об оплате труда государственных служащих». Некоторые законы действуют с 1963 г., как, например, базовый закон о госслужащих (с тех пор в него 30 раз вносились изменения и дополнения, в последний раз – 28 июля 2005 г.), некоторые – с середины 1990-х годов, например, Закон «О Конституционном Суде».

Таким образом, есть общая нормативная база в виде законов, которые распространяются на все категории государственных служащих (например, Закон о государственных служащих), но особенности регулирования государственной службы в каждой из ветвей власти, а также в Центральной избирательной комиссии (далее – ЦИК), и в избирательных комиссиях более низкого уровня регулируются каждым органом в рамках общей нормативной базы. При этом требования, предъявляемые к госслужащим по вопросам этики, запрета заниматься политической и коммерческой деятельностью, одинаковы для всех тех, кто имеет статус госслужащего независимо от того, в каком из органов государственной власти он работает, раз он получает зарплату из бюджета, будь то государственный или местный (провинциальный или муниципальный) бюджет.

В Республике Корея принята система разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

В каждой из ветвей власти система регулирования трудовых отношений и прохождения госслужбы – своя. Соответственно этому, вопросы государственной службы в этих органах регулируются нормативными актами, касающимися полномочий Президента РК, парламента, Верховного и Конституционного Судов, ЦИК, а также исходящими от них.

При этом Президент не может издавать нормативные акты, касающиеся регулирования госслужбы в парламенте, в судебных органах, в ЦИК, точно также как нормативные акты этих органов не могут касаться вопросов госслужбы в органах исполнительной власти, а также администрации (Секретариата) Президента РК.

Работники органов государственной власти делятся на тех, кто имеет статус карьерных государственных служащих со всеми сопутствующими этому статусу правами, привилегиями и обязанностями и ограничениями и тех, кто не имеет такого статуса. Статус карьерных государственных служащих с присвоением классовых чинов имеют работники органов исполнительной власти и исполнительных органов судебной и представительной власти, выполняющие административную работу. Поэтому, например, бухгалтеры, компьютерщики, переводчики, библиотекари, архивисты, работники юридических, технических служб не имеют статуса карьерных госслужащих.

Государственные органы исполнительной власти делятся на 18 министерств («бу»), 18 Служб («чон») – самостоятельные ведомства в составе министерств, 4 Агентства («чо») – ведомства, находящиеся непосредственно под руководством

Премьер-министра) и 1 учреждение, в названии которого содержится слово «вон»⁷. Некоторые руководители «чонов», «чо» и «вонов» имеют ранг министра.

Половина министерств, главным образом «производственных», находится в городе Квачхон, в 25 км к юго-востоку от столицы – Сеула.

Большая часть ведомств под названием «чон» находятся в г. Тэчжон в 160 км к югу от Сеула.

Все органы под названием «чо» находятся в Сеуле.

В системе судебной и представительной властей имеются по одному учреждению с названием «вон». Слово «вон» содержится в их названии, подчеркивая их властную автономию. К ним относятся Верховный суд («тэбопвон»), Бюро аудита и инспекции (аналог Счетной палаты РФ, но с несколько более широкими полномочиями – «камсавон»).

Особое место занимает входящий в систему судебных органов Конституционный суд – самостоятельный орган, не подчиняющийся ни парламенту, ни президенту, ни правительству, но который в силу малой численности занятых в его аппарате людей не удостоился титула «вон».

В каждом государственном учреждении точно определено, сколько в нем может быть департаментов, отделов, секторов и сотрудников, а также сколько служащих, имеющих тот или иной классный чин.

Государственные служащие делятся на карьерных и особых карьерных госслужащих.

Карьерные госслужащие делятся на обычных, специальных и квалифицированных служащих (правильнее было бы их назвать специалистами или экспертами в определенной области, не связанной непосредственно с управленческими функциями).

Обычные госслужащие: отвечают за работу в области техники, науки и административного управления и подразделяются по должностям и классным чинам.

К специальным госслужащим относятся дипломатические работники, работники правоохранительных органов, противопожарной службы, военные, служащие вооруженных сил, научные сотрудники при Конституционном Суде и сотрудники Национальной разведывательной службы, педагогические работники (учителя и преподаватели государственных школ, училищ, техникумов и вузов), научные работники (государственных научных учреждений).

Обычные госслужащие и квалифицированные госслужащие делятся на 9 классных чинов (9 классный чин самый низкий). Предусмотрено, что должности в аппаратах министерств, провинциальных и местных органах власти могут занимать только служащие, имеющие соответствующие ранги. То есть служащий, имеющий 7 классный чин, не может занимать должность, которая требует служащего 4 класса.

Министры, руководители ведомств (Агентств, Служб, высших судебных органов), их заместители, руководитель секретариата, старшие помощники и старшие

секретари, помощники президента (аналог нашей Администрации президента) как политические назначенцы не имеют рангов или классных чинов госслужащих. По государственной иерархии в армии им соответствуют генералы армии, в вузах – президент (ректор) университета.

Первый классный чин⁸ имеет помощник министра в ранге заместителя («чагванбо»). Этот классный чин имеет также начальник департамента планирования министерства (это не плановый отдел в советском понимании, а департамент планирования работы того государственного органа, чьим подразделением он является), по-корейски – «кихвек квалли сильчжан». В любом правительственном учреждении это самый важный департамент, и его начальник является самым высокопоставленным среди руководителей всех департаментов и, соответственно, имеет более высокий классный чин, чем все остальные руководители департаментов.

Первый ранг, необходимый для занятия такого поста, называется «кваллиган»⁹. В армии этому классному чину соответствуют генерал-полковник или генерал-лейтенант, в государственном вузе – Председатель Ученого Совета.

Второй классный чин – начальник департамента министерства наиболее значимых министерств (Минобороны, МИД). Должность – «кукчжан», или начальник департамента планирования небольшого министерства, а также руководитель секретариата (аппарата) министра или иного руководителя ведомства.

Этому чину положен ранг: «исагван» – «имеющий ранг члена правления» (по аналогии с нашими структурами в советское время – член Коллегии ведомства). В армии ему соответствует генерал-майор, в вузе – профессор.

Третий классный чин – начальник департамента не самого крупного министерства (например, таких, как Министерство морского рыболовства, Министерство сельского и лесного хозяйства) – «гукчжан». Положенный ранг – «пуисагван», т.е. «заместитель члена правления (коллегии)». В армии ему соответствует полковник, в вузе – доцент.

Четвертый класс – начальник отдела в департаменте министерства – «гвачжан». Положенный ранг – «согиван», т.е. «секретарь» (в значении не секретарь (помощник) начальника, а ответственный за какое-то направление работы (как в советское время секретарь парткома, секретарь исполкома рай-, гор-, облсовета, секретарь Президиума Верховного Совета СССР, секретарь райкома, обкома, ЦК ВЛКСМ, КПСС, секретарь ВЦСПС). В армии ему соответствует майор, в вузе – старший преподаватель.

Пятый классный чин – заведующий сектором в отделе департамента министерства – «кечжан». Но госслужащий пятого класса может стать начальником отдела в провинциальном министерстве или в Агентстве, Службе. Он может назначаться непосредственно после сдачи экзамена в Институте повышения квалифика-

ции по государственному управлению. Он уже отвечает за планирование работы и всю работу своего сектора, какого-то направления работы своего учреждения.

Положенный ранг – «самугван» буквально означает «делопроизводитель», или «управляющий делами». В армии ему соответствует капитан, в вузе – штатный лектор.

Шестой классный чин – в госучреждении ему соответствует старший сотрудник отдела ведущего министерства или заведующий сектором в отделе департамента провинциального министерства или территориального отделения какого-либо правительственного агентства (например, заведующий отделом таможи в Инчхонском международном аэропорту), отвечающий за выполнение запланированной работы – «сусок кевон».

Положенный ранг – «чжуса» – младший управляющий. В армии ему соответствует лейтенант¹⁰, в вузе – штатный лектор.

Седьмой классный чин – старший сотрудник отдела в департаменте не крупного министерства или Агентства, Службы или подразделения или заведующий сектором – «кевон».

Положенный ранг – «чусабо» – помощник «чуса».

В армии ему соответствует младший лейтенант или старший прапорщик, в вузе – лаборант.

Восьмой классный чин – сотрудник отдела, сектора крупного министерства – «гевон», отвечающий за простую работу или помогающий выполнению более сложной работы.

Положенный ранг – «соги» – «секретарь (в значении помощник)». В армии ему соответствует старший сержант или сержант.

Девятый классный чин – сотрудник отдела, сектора других органов госвласти, как правило, помогающий сотруднику восьмого класса.

Положенный ранг – «согибо» – помощник секретаря.

Квалифицированные госслужащие делятся на классные чины в соответствии с правилами, устанавливаемыми парламентом, Верховным и Конституционным Судами, (ЦИК) и Президентом РК. Они разделены на 10 категорий (рангов)¹¹.

Госслужащие научные работники («енгвон») делятся на 2 ранга: «енгугван» (т.е. наделенный властными полномочиями, могущий управлять, повелевать и принимать обязательные для подчиненных решения – фактические руководители научных институтов и их заместители, а также крупных структурных подразделений) и «енгуса» (рядовые научные сотрудники и административные служащие).

Особые карьерные госслужащие делятся на политических госслужащих, специальных служащих, контрактных госслужащих (специалисты на определенный срок по техническим и иным вопросам), наемных госслужащих (выполняющих простые обязанности).

Госслужащие – руководящий состав делится на 2 ранга: «чидогван» (т.е. наделенный властными полномочиями, могущий управлять и повелевать и принимать организационно-политические решения) и «чидоса».

У дипломатических работников – 14 рангов.

У работников Службы полиции – 11 рангов.

У работников противопожарной службы – 10 разрядов.

Срок полномочий государственных служащих на определенной должности составляет 3 года с возможностью повторного занятия должности. При этом каждые 3 года проводится аттестация, по результатам которой госслужащий либо сохраняет свою должность, либо теряет право на нее. Если он теряет право на свою должность по результатам аттестации, он временно отстраняется от должности и ему подыскивают работу, соответствующую его классному чину либо в другом подразделении ведомства, либо в другом ведомстве, либо в учреждении более низкого уровня, например, переводят из центрального аппарата в местное отделение.

За исключением задержания непосредственно на месте преступления, госслужащего в РК можно задержать или арестовать только с согласия руководителя ведомства. В этом смысле он защищен от произвола не совсем порядочных или слишком ретивых работников правоохранительных органов.

В последнее время в Республике Корея проводится эксперимент по ротации кадров не только внутри ведомств, но и между ведомствами. Например, обмен руководителями отделов или департаментов, решающих сходные задачи (планирование или связи с общественностью и т.д.). Насколько это эффективно, покажет практика, хотя антикоррупционная составляющая такого подхода вполне очевидна. В то же время каждый госслужащий обрастает не только знакомствами, а опытом работы, более глубоким знанием специфики работы. Уходящий работник не оставляет преемнику свою базу данных, кроме тех, которые должны храниться по инструкции. Поэтому новый человек должен начинать добывать иногда элементарные сведения заново, в том числе о людях, с которыми приходится сталкиваться в процессе работы.

В последнее время в некоторых министерствах проводится эксперимент, в ходе которого вместо привычных департаментов и отделов, секций создается группа по конкретному направлению или по конкретной тематике, в которой вместе работают, обсуждают и делят ответственность работники разных рангов. Такая группа легко может быть расформирована для выполнения другой задачи.

Государственный служащий не может без разрешения руководителя своего ведомства или без уважительных причин уволиться с работы.

Госслужащий не может кроме своей работы заниматься деятельностью, связанной с получением дохода, а также заниматься работой по совместительству без разрешения руководителя своего органа.

Госслужащему запрещается заниматься политической деятельностью. Он не может участвовать в формировании партии или политической организации, а также вступать в них. Ему не разрешается осуществлять следующие действия в связи с выборами: а) участвовать в деятельности, направленной на агитацию за участие или неучастие в выборах; б) поддерживать или пытаться проводить кампанию по сбору подписей за или против кандидата; в) выставлять предвыборные агитационные материалы в официальных учреждениях (в общественных местах); участвовать в сборе пожертвований, а также использовать общественные деньги; д) проводить агитационные мероприятия за или против вступления каких-то лиц в партию или в политическую организацию.

Госслужащий, если он собирается избираться депутатом или главой администрации любого (избираемого) органа власти, должен до начала регистрации кандидата уволиться с занимаемой должности, а соответственно, и с государственной службы. Возврат на государственную службу в таком случае не допускается. Занимая должность в любом органе государственной власти, госслужащий не может быть зарегистрирован в качестве кандидата в депутаты или главы администрации.

Финансирование государственной службы в РК происходит в рамках расходов, утверждаемых в бюджете страны на каждый год. Расходы на государственную службу включают расходы на зарплату, на отчисления в Пенсионный фонд государственных служащих. Фонд выплачивает пенсии различного рода (включая пенсии по выслуге лет, по возрасту, по инвалидности, по потере кормильца), оплачивает лечение (амбулаторное, стационарное и санаторное, лекарственное обеспечение), выплачивает выходные пособия при увольнении, единовременное пенсионное пособие при полном и неполном стаже госслужбы, пособия в случае смерти госслужащего или членов его семьи. Он же выдает кредиты на обучение детей госслужащих и т.д. Так что Пенсионный фонд выполняет и функции Фонда медицинского страхования для госслужащих.

Каждый год Правительство корректирует заработную плату госслужащих, если разница между ростом потребительских цен и услуг и заработной платой госслужащих превышает 2%. Если такая разница проявляется по результатам изменения цен и услуг за 2 или 3 года, соответственно размер оплаты труда корректируется через 2 или 3 года.

Государство финансирует расходы на повышение квалификации и подготовку кадров госслужащих, что проявляется в финансировании работы двух крупных государственных институтов подготовки и повышения квалификации кадров, деятельности государственных учебных заведений, готовящих кадры госслужбы, в том числе не только административных работников, но и дипломатов, работников правоохранительной системы.

Вместе с тем, размер заработной платы госслужащих Южной Кореи является не слишком значительным. При валовом национальном продукте на душу населения в 16 тыс. долл. зарплата основной массы госслужащих составляет около 1,5 тыс. долл. в месяц.

При Президенте РК имеется Центральная Комиссия по кадровым вопросам, которая и определяет регулирование использования и движения кадров госслужащих.

Комиссии по кадровым вопросам имеются также во всех ведомствах и администрациях провинций и городов-мегаполисов¹².

Именно Центральная комиссия по кадровым вопросам определяет численность штатов правительственных органов, количество и наименование должностей, количество и соотношение госслужащих определенных классов чинов в органах исполнительной власти. Она же проводит открытый конкурсный экзамен на госслужащих 5-го и выше классов чинов, определяет и составляет список выдержавших экзамен, готовит рекомендацию на представление и на присвоение им соответствующих классов чинов. Эту рекомендацию министр государственного управления и местного самоуправления оформляет в виде представления, которое после одобрительной визы премьер-министра утверждается Указом Президента РК о присвоении классов чинов. Таким образом, каждому государственному служащему РК 5-го и выше классов чинов этот чин присваивается лично Президентом РК. Классные чины с 9-го по 6-й присваивает по результатам экзаменов министр государственного управления и местного самоуправления.

Для того чтобы стать госслужащими с 9-го по 5-й классные чины, необходимо сдавать квалификационные экзамены. Обычно — это корейский и английский языки, история Кореи и «национальные нравственные ценности». Кроме того, соискатель пишет реферат на какую-либо тему, определенную экзаменационной комиссией.

Госслужащие с 1-го по 4-й класс определялись только путем повышения по службе. Но с 1 июля 2006 г. 20% чиновников 1–3 рангов отбираются из числа не имеющих опыта госслужбы, по открытому конкурсу. Подобные перемены ждут и дипломатический корпус, причем на дипломатическую службу будут принимать возрастающее число ученых, журналистов, специалистов различного профиля, а также проживающих за рубежом корейцев¹³.

Среди новшеств последнего времени необходимо отметить предложения правительства, которые существенно ухудшают положение госслужащих-пенсионеров. По действующему ныне положению, минимальный стаж госслужбы для назначения пенсии составляет 20 лет. И при таком стаже пенсия составляет 50% среднего заработка перед выходом на пенсию. За каждый проработанный сверх минимального стажа год, но не более 13 лет, начислялось дополнительно 2%. Человек,

имеющий стаж госслужбы 33 года, мог получать пенсию в размере 76% зарплаты перед выходом на пенсию. Это была максимальная пенсия для госслужащего.

До 2000 г. любой госслужащий, имевший стаж госслужбы 20 лет, мог уходить на пенсию и получать ее. С 2001 г. введено правило, по которому при стаже 20 лет и более пенсия за госслужбу начинает выдаваться по достижении возраста 50 лет (с 2001 по 2002 г.), и так каждые 2 года увеличивается на 1 год возраст, с которого начнут выплачивать пенсию. Поэтому в 2017–2018 гг. пенсию за госслужбу начнут выдавать только по достижении 59 лет.

Взносы для пенсий, пособий выплачиваются самими госслужащими и государством, местными органами власти в Пенсионный фонд госслужащих. Их размеры пересматриваются не реже одного раза в 5 лет. При этом госслужащие ежемесячно вносят с 1995 г. 8,5% своего заработка¹⁴. Государство, местные органы власти вносят также средства, равные 8,5% фонда оплаты госслужащих, умноженные на устанавливаемый президентом РК коэффициент. Органы власти обязаны ежегодно вносить дополнительные средства на счет Пенсионного фонда, если обнаруживается недостаток средств, выплачиваемых на различные пособия и пенсии госслужащим и их семьям.

В связи с ростом численности государственных служащих¹⁵ и старением населения, правительство решило реформировать пенсионную систему для госслужащих. К 2015 г. планируется увеличить вносимые служащими взносы в пенсионный фонд с нынешних 8,5 до 14%, а с 2023 по 2031 г. увеличить возраст выхода на пенсию до 65 лет¹⁶. Кроме того, меняется размер максимальной пенсии: после реформы она не сможет превышать 50% даже после 40 лет работы на госслужбе¹⁷.

Меняется и сама система подсчета зарплаты госслужащего. Если сейчас берется месячная зарплата перед выходом на пенсию, то предполагается вывести заработок, от которого назначается пенсия, как среднюю месячную за все время работы в качестве госслужащего. С учетом того, что в любой стране с рыночной экономикой за 20 лет деньги обесцениваются в среднем в 2 раза даже при самых благоприятных экономических условиях, а за 30 лет – и вовсе в 4 раза, то намечаемая реформа приведет к снижению реального размера пенсии госслужащего минимум в 2 раза.

За время после провозглашения борьбы со спекуляцией недвижимостью произошло повышение стоимости жилья почти в 2 раза, только за один 2006 г. она выросла на 40%. Соответственно возросли и налоги на жилье для людей, у которых своя квартира является единственной недвижимостью. В частности, пенсионер, Ли Чже Тхэк в южной части Сеула, купивший квартиру общей площадью 93 кв. м. (сюда входит не только площадь квартиры, но и доля коридора, лестниц, подземной или наземной парковки автомобиля, что составляет примерно четверть площади квартиры) 23 года назад, с 2007 г. платит налог на жилье в размере 4,5 тыс.

долл., что в 3 раза больше, чем в 2006 г. Купленная в 1984 г. за 100 тыс. долл. квартира сейчас оценена в 800 тыс. долл. и стала считаться роскошной, облагаемой налогом по повышенным ставкам. А общий его доход за месяц сейчас составляет 420 долл.¹⁸

Перемены в государственной службе последних лет ведут к снижению привлекательности госслужбы и снижению социального статуса этой категории трудящихся, что вполне может привести и к снижению уровня исполнительского и профессионального мастерства работников госаппарата со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Примечания

- ¹ В СССР в свое время также были попытки оценки работы служащих госаппарата по экономическим показателям отрасли и даже перевода министерств на хозрасчет, но они не прижились из-за принципиальной несовместимости государственного управления, а также регулирования трудовых отношений госслужащих на основе административного права с хозрасчетом и с регулированием трудовых отношений других категорий трудящихся, отношения с которыми регулировались нормами трудового права. К тому же наличие большого количества министерств отраслей, которые были не производительными, а потребляющими отраслями, не позволяла распространять на них хозрасчет в его истинном значении.
- ² По состоянию на 29 марта 2007 г. курс вон составляет 953,4 вон за 1 долл. США.
- ³ Закон впервые был принят в 1963 г., с тех пор в него вносились более 25 раз изменения. Последние частичные изменения внесены законом № 7614 от 28 июля 2005 г.
- ⁴ Дословно закон носит название «О государственных работниках физического труда».
- ⁵ По принятой в России терминологии, закон регулирует трудовые отношения с вольнонаемными служащими Вооруженных сил, не имеющими воинских званий.
- ⁶ Название службы, исполняющей задачи обеспечения государственной безопасности, контрразведки, внешней разведки. В российской литературе принято называть этот орган Национальной разведывательной службой Кореи, поэтому в дальнейшем он будет называться Национальной разведывательной службой.
- ⁷ Речь идет о Национальной разведывательной службе.
- ⁸ В РК для обозначения классного чина применяется термин «кып», который обычно переводится как «класс», хотя можно перевести и как «разряд», «ранг».
- ⁹ То есть, имеющий право управлять и контролировать. Следовательно, ранг «кваллиган» – высший среди классных чинов госслужащих, и его имеют помощник министра в ранге заместителя министра, отвечающий за повседневную работу аппарата министерства, и начальники департаментов планирования крупных министерств.
- ¹⁰ В южнокорейской армии нет воинского звания «старший лейтенант». Поэтому их лейтенант имеет три звездочки, т.е. соответствует нашему старшему лейтенанту; соответственно, их младший лейтенант имеет две звездочки, т.е. соответствует нашему лейтенанту.
- ¹¹ Закон о государственных служащих (국가공무원법), ст. 4.
- ¹² Это 7 городов с населением более 1 млн. человек, которые имеют статус провинций. В РК городов-миллионников более 10.

¹³ http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2007/02/14/200702140012.asp

¹⁴ В соответствии с планами правительства РК в связи со старением населения имеется в виду к 2015 г. размер отчисления с заработка госслужащих увеличить до 14%.

¹⁵ Только за 2003–2006 гг. численность госслужащих в стране возросла на 49 тыс. человек, в том числе в центральных органах власти на 14 тыс. человек. В начале 2007 г. правительство обнародовало планы увеличения численности госслужащих в 2007–2011 гг. еще на 50 тыс. человек. https://www.koreaherald.co.kr/site/data/html_dir/2007/04/24/200704240042.asp

¹⁶ http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2007/01/11/200701110038.asp

¹⁷ http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2007/04/20/2007042000721.html

¹⁸ http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2007/04/30/2007043000975.html

О. В. Аптеева*

СОНГУН – ПОЛИТИКА ВОЕННОГО СОЦИАЛИЗМА

На протяжении более чем полувековой истории КНДР один за другим сменялись лозунги, которые были призваны воодушевить народные массы на достижение поставленных государством задач по восстановлению разрушенного хозяйства, затем его модернизации в условиях изоляции и необходимости поиска внутренних резервов. Перед северокорейским руководством стояла задача теоретически обосновать свою политику и выстроить стройную пропагандистскую кампанию поддержки провозглашаемых планов. С этой целью Ким Ир Сенем были выдвинуты «самобытные идеи чучхе», а Ким Чен Ир «унаследовал и расширил» их до политики *сонгун* – приоритета армии.

Истоки *сонгун*

Поскольку передача власти была фактически закончена еще при жизни Ким Ир Сена, он сам изначально predetermined для сына армию как опору его власти, что со временем вылилось в необходимость создания соответствующей идеологической базы. В декабре 1991 г. Ким Чен Ир становится Верховным Главнокомандующим Корейской народной армии, а в апреле 1993 г. возглавляет Государственный комитет обороны. Полководец начинает свой «долгий путь» по воинским частям, где дает указания, проводит смотры и проверки. На этой основе в армии проводится интенсивная идеологическая кампания в поддержку «любимого руководителя», солдаты, офицеры и генералы воспитываются в духе преданности новому Верховному Главнокомандующему. Лозунг «грудью защитим штаб революции во главе с Ким Чен Иром» и даваемые повсеместно «клятвы верности» Ким Чен Иру становятся важнейшей частью всей работы политруков в войсках.

Приход наследника к власти необходимо было отметить какой-то «новизной», при этом нужно было подчеркнуть «новаторский ум» нового руководителя и показать преемственность великого дела Ким Ир Сена. Эту роль во многом и сыграла провозглашенная в 1994–1995 гг. политика *сонгун* – «считать военное дело первостепенным, направить силы на укрепление военной мощи, главное внимание уделять делу укрепления обороноспособности страны»¹.

* МГИМО(У) МИД РФ, Москва.

На этапе становления концепции *сонгун* официальная пропаганда, в частности подчеркивала, что Ким Чен Ир при разработке своей идеологии «унаследовал и систематизировал идеи отца, начал эпоху *сонгун* как новый этап корейской революции». Политика *сонгун* называлась воплощением применительно к нынешним условиям «военной мысли Ким Ир Сена, поставившего армию в центр внимания»². На арену выходит лозунг о «сонгунской винтовке», суть которого заключается в том, чтобы, опираясь на армию и укрепляя военную мощь, добиться соблюдения суверенитета страны. Северокорейская доктрина предусматривает сохранение политического строя за счет «опережающего развития военного дела и оборонной промышленности», рассматривая армию в качестве главного двигателя «корейской революции». Армия по-северокорейски – это и «партия, и народ, и государство», а основная цель Ким Чен Ира – «обеспечить защиту народных масс».

Можно отметить, что на начальном этапе новая политика и идеология практически вытеснили из внутривнутриполитической риторики идеи чучхе, оставив за последними в основном значение «знамени дела самостоятельности революционных народов, знамени социализма»³. В то время пресса писала, что *сонгун* – это «новый этап развития идей чучхе, выводящий дело борьбы за независимость на новый уровень», «высшее проявление идеи независимости и идеи социализма». Подчеркивалось, что идеи чучхе могут быть реализованы только за счет мощной армии⁴. Государственная пропаганда постоянно напоминает гражданам КНДР о том, «насколько дальновидным был выбор Трудовой партии Кореи в пользу сонгунской политики»⁵.

Начиная с середины 1990-х, Ким Чен Ир уделяет первостепенное внимание армии и органам безопасности. Проводятся съезды различных видов вооруженных сил, главная цель которых – еще прочнее сцементировать армию, укрепить ее идейное и политическое единство, сплотить вокруг полководца. В пропагандистских материалах по идеям *сонгун* постоянно проводится мысль о том, что, сделав ставку на армию, полностью доверив ей защиту страны на всех фронтах, Ким Чен Ир оказал военнотрудовому КНА «великую честь», которую они должны оправдать своей «беззаветной службой»⁶.

С этого момента армия, которой и до этого уделялось много внимания, становится образцом для подражания. В пропагандистских материалах говорится, что всем слоям общества необходимо проявлять «революционный дух немедленного и безупречного выполнения всех задач, поставленных полководцем, как это делает Народная Армия, для которой замыслы великого полководца являются абсолютным критерием». Армия, в свою очередь, призывается к тому, чтобы «всем сердцем воспринять идеи *сонгун* и стать главным защитником и проводником в жизнь политики *сонгун*»⁷.

Плюсы и минусы *сонгун*

Естественно, что такая политика имела и обратную сторону. Огромная для 23-миллионного населения армия требует крупных материальных затрат. Во всех бюджетах оборонка стоит на первом месте (на сессии ВНС в марте 2003 г. национальная оборона и ВПК названы главным приоритетом в экономическом строительстве). Несмотря на отсутствие реальных цифр статистики, можно с уверенностью говорить, что содержание вооруженных сил стало тяжелым бременем для остальной части общества. Если ключевой тезис политработы в армии звучал как «сильная в идеологическом отношении армия, даже уступающая врагу в техническом оснащении, непобедима», то основной акцент в идеологической обработке остального населения делался на неотъемлемости армии от самого понятия выживания страны. Перекосы морального восприятия военных компенсировались созданием светлого образа «винтовки» как части повседневной жизни каждого гражданина республики, способной вывести индивидуума и государство к прогрессу.

В общем контексте активизации идеологической работы Трудовая партия Кореи вынуждена была даже вернуться к практике проведения крупномасштабных партийных мероприятий, законодательно оформлявших и по-новому преподносивших достижения *сонгун*. Яркий пример – 26–27 февраля 2004 г. в Пхеньяне состоялся общепартийный съезд идеологических работников. Съезд, приуроченный к 30-летию провозглашения Ким Чен Иром программы чучхеизации всего общества, проходил под лозунгами: «Ускорим темпы чучхеизации общества под знаменем идей *сонгун!*», «Идейные взгляды, дух борьбы и образ жизни в соответствии с требованием *сонгун!*».

Реалии и новации современности

На 4-й сессии ВНС КНДР XI созыва, состоявшейся в Пхеньяне в апреле 2006 г., было заявлено о том, что госбюджет на текущий год составлен «с учетом полного финансового обеспечения генерального марша сонгунской революции». Было объявлено о намерении направить «15,9% госрасходов на оборонные нужды», «вооружить весь народ и превратить страну в неприступную крепость». Была поставлена «боевая задача добиться рывка в генеральном марше сонгунской революции, всемерно проявить превосходство социализма корейского образца во всех сферах». Как обычно, успех сонгунской революции напрямую связывался с поворотом в строительстве социалистической экономики и улучшении жизни народа. Еще раз подчеркивалось, что Народная Армия является «ядром самооборонительных сил и авангардом сонгунской революции»⁸.

Характерно, что процесс «сонгунизации» общества активизировался на фоне обострения северокорейской ядерной проблемы. Местная пропаганда получила возможность в полной мере использовать образ внешнего врага – США и Японии

для обоснования необходимости оказания первоочередного внимания военным вопросам. Самым важным государственным делом в КНДР стало укрепление независимых вооруженных сил. Не так давно руководство КНДР объявило о создании «сил ядерного сдерживания», что, естественно, стало возможным именно благодаря *сонгун*. «Обретение нами ядерных сил сдерживания является национально-историческим событием, в котором отражены многовековые чаяния нашего народа, горячо желавшего иметь никем непоколебимую и несокрушимую мощь. Наша армия и народ... в состоянии решительно противостоять вызовам и угрозам и защитить социалистическую отчизну»⁹.

В последнее время в СМИ КНДР звучит мысль, что именно благодаря политике *сонгун* Северная Корея побеждает в борьбе с империализмом, и прежде всего с США. Тем самым, дескать, подтверждается практическая значимость проводимой политики, которая перешла из этапа борьбы в этап побед. Все чаще упоминается и внешнеполитическая сторона *сонгун* – это политика мира и независимости, которая несет в себе надежное обеспечение безопасности на Корейском полуострове и регионе в целом, служит не только народу Севера, но и Юга. Укрепление же вооруженных сил должно сопровождаться, как полагают в Пхеньяне, бескомпромиссной дипломатической борьбой. Под этот тезис приводятся и конкретные примеры – войны в Югославии, Афганистане и Ираке, приведшие к разгрому из-за постоянных уступок со стороны властей этих стран, не имевших такой твердой политической опоры, как *сонгун*.

Политика и идеология *сонгун* в настоящее время строятся практически на единственном постулате – в условиях враждебного окружения, готовящего новую агрессию против Северной Кореи, и потери союзников в лице социалистического лагеря, КНДР для успешного завершения великого дела революции может рассчитывать только на свои силы, прежде всего на армию. Однако армия сильна не сама по себе, а лишь в том случае, если она тесно сплочена вокруг вождя и готова без колебаний защищать его не на жизнь, а на смерть. Таким образом, традиционная для КНДР пропаганда культа вождя приобрела новую окраску и тесную связь с армией как основным гарантом существования социалистического строя как такового. Армия – образец культуры быта, дисциплинированности и политической подготовки. Главная задача всего общества – проявлять бдительность и высокую сознательность, беря пример с армии. Партия подчеркивает, что между армией и народом должно быть единство духа, которое является главным оружием революции, более грозным, чем ядерное оружие. В задачах, поставленных перед солдатами и офицерами КНА в 2007 г., звучит призыв «продемонстрировать огромную мощь революционного духа военных, укрепленную во время проведения военно-ориентированной политики» и «прославиться как главная ударная сила *сонгун* в борьбе за процветание страны и счастье народа»¹⁰.

Ситуацию с продвижением политики *сонгун* наглядно характеризуют и задачи, тиражируемые в решениях различных съездов и в установочных материалах прессы:

- защищать сонгунскую революцию, поднимать партию и весь корейский народ на защиту социализма и на строительство мощной и процветающей державы;
- проводить пропагандистско-воспитательную работу для того, чтобы армия и народ прониклись духом борьбы до последней капли крови за революционное руководство, защищали Полководца ценой жизни, считали идею *сонгун* главной идеологией революции и строительства и полностью восприняли военноориентированную политику партии;
- вести пропаганду для разъяснения и внедрения в массы проводимой партией политики эпохи *сонгун*, в частности следующих ее элементов: курс на строительство социалистической экономики, курс на техническую перестройку народного хозяйства, курс на сельскохозяйственную революцию, борьба на научно-техническом фронте;
- призывать армию и народ к тому, чтобы под знаменем идей *сонгун* ускоренными темпами объединить родину и тем самым завершить великое дело чучхейской революции;
- бороться с идейно-культурным проникновением империализма в КНДР, бескомпромиссно бороться с империалистическими реакционерами и классовыми врагами;
- убеждать молодежь и весь народ в том, что высшее проявление патриотизма – это защита родины с винтовкой в руках, активнее привлекать их к участию в обороне государства¹¹.

Интересный момент: на состоявшемся 3 февраля 2005 г. слете участников генерального марша сонгунской революции Председатель Кабинета министров КНДР Пак Пон Чжу в своем докладе, помимо вышеупомянутых задач, большое внимание уделил вопросу развития независимой социалистической экономики на основе научно-технических достижений, фактически призвав делать это, базируясь на опыте оборонной промышленности¹².

В прессе все чаще сообщается, что армия и народ Кореи «за прошедшие десять с лишним лет под сонгунским знаменем всесторонне укрепляли единство революционных рядов, усилили обороноспособность страны, подготовили мощную материальную базу для построения экономической державы». Теперь, по утверждению северокорейских идеологов, наступил этап побед. Перед страной ставится «боевая задача» – «в очередной раз, ускоряя генеральный марш сонгунской революции, всесторонне демонстрировать превосходство социализма корейского образца во всех областях – политической, военной, экономической, культурной»¹³.

* * *

В целом в последние несколько лет политика приоритета армии получает значительно более широкую пропаганду и дальнейшее теоретическое развитие. Если раньше речь, как правило, шла лишь о «политике *сонгун*», то за последние 5 лет в обиход вошли такие новые понятия как «руководство *сонгун*», «революция *сонгун*», «идеология *сонгун*», и всеобъемлющий термин, характеризующий нынешний период в целом – «эпоха *сонгун*». Большинство лозунгов в КНДР теперь начинается со слов «в соответствии с требованиями эпохи *сонгун*» или «под знаменем политики *сонгун*».

Не так давно статус идей *сонгун* повысился до «философии *сонгун*», что означает их приравнивание по значимости к «философии чучхе». Если раньше в официальной идеологии говорилось о том, что вождь Ким Ир Сен первым выдвинул политику приоритета ружья (총중시정치), то накануне 75-й годовщины образования Корейской народной армии все чаще звучит версия о том, что вождь первым начал сонгунское руководство (선군령도) и «сонгунско-чучхейскую революцию».

Суть политики *сонгун* и ее перспективы

Анализируя идеологическую концепцию или, как говорят северокорейцы, научную теорию *сонгун*, можно сделать вывод, что важнейшая задача этой политики состоит в обосновании нынешнего экономического курса государства. Он продиктован невозможностью совместить решение насущных проблем выведения страны из кризиса с опасным для политической системы проникновением внешних сил в экономику и общество. Поэтому проще поддерживать во внешнем мире образ врага и продолжать с ним стоическое противостояние, в котором первоочередное внимание естественно уделять нуждам армии и оборонной промышленности. При этом народу стараются разъяснять, что политика *сонгун* ставит задачу эпохально улучшить жизнь трудящихся. Свое практическое выражение этот тезис, например, нашел в понятии – «новый курс партии на экономическое строительство эпохи *сонгун*».

Такая позиция позволяет пропагандистам объяснить народу причину сохраняющихся экономических и социальных трудностей в стране. Приоритет армии и военной промышленности обеспечивает и возможность сбора у населения «добровольных» пожертвований на нужды армии, и проведение кампаний по всяческому поощрению помощи армии в любых формах, вплоть до взятия той или иной деревней «на довольствие» расположенной неподалеку воинской части. Идеология *сонгун* укореняется в народе и по другой причине – как говорят сами корейцы, сейчас практически в любой семье кто-либо служит в армии, поэтому помощь армии всегда означает на бытовом уровне поддержку близкого человека.

В 2005 г. появились и два любопытных термина: «*вонмин*» (помощь народу) и «*вонгун*» (помощь армии). Дух *вонмин* проявляется в том, что армия должна активно помогать народу в политико-идеологической, культурной сфере, содействовать не только трудовыми ресурсами, но и материально-техническими средствами. Дух *вонгун* означает, что народ «любит, заботится и относится к армии, как к близкому родственнику». Организуются движения «наш пост – наш завод», «наш пост – наш колхоз» и т.д.¹⁴ Фактически же помощь выражается в материальном безвозмездном содействии армии.

Одним из тезисов, получивших широкое распространение в пропаганде последнего времени, стало утверждение о том, что благодаря политике *сонгун* в перспективе будет достигнут рост всей экономики, поскольку, мол, необходимость снабжения армии и «оборонки» качественными изделиями и сырьем неизбежно заставит другие отрасли подтянуться до современного уровня. В этом контексте постоянно повторяющиеся призывы к модернизации промышленности, использованию новейших научных достижений подразумевают также укрепление обороны страны. В условиях КНДР, где оборонная промышленность существует параллельно с гражданской экономикой, у пропагандистов всегда имеется возможность заявить, что пусть в гражданской промышленности не все идет на лад, зато в «оборонке» все в полном порядке. Представляет интерес и такое рассуждение: мол, если говорить о принципе «реальной выгоды» как кардинальной линии развития экономики, то приоритет оборонной промышленности не таит в себе никакого противоречия – ведь выгода не обязательно должна иметь денежное выражение, а может заключаться в возможности использования новых технологий, сначала примененных при производстве вооружений.

Вплотную к пропаганде идей *сонгун* в экономике примыкают и призывы к народу усиливать идейную и политическую бдительность «в соответствии с требованиями эпохи *сонгун*», чтобы не допустить проникновения в страну чуждых идеологических и культурных веяний. Армия подается как «образец революционного сознания и самобытной корейской культуры». Поэтому «все попытки империалистов навязать КНДР загнивший буржуазный образ жизни, подорвать социалистический строй изнутри обречены на крах»¹⁵.

Совместная новогодняя статья от 1 января 2007 г. (которая была опубликована в 3 ведущих газетах: «Нодон синмун», «Чосон инмингун», «Чхоннён чхонви»), где традиционно излагается программа жизни государства на текущий год, подводя итоги года ушедшего, оповестила весь корейский народ и весь мир, что наступил долгожданный «рассвет могучей и процветающей социалистической державы». Отмечаются достижения *сонгунской* Кореи в 2006 г. – ядерные испытания и запуск ракет, которые «потрясли весь мир, заставляют испытывать чувство огромной революционной гордости не только граждан КНДР, но и всех соотечественников».

С гордостью сообщается, что в 2006 г. в области строительства социалистической экономики народ КНДР добился «намного больше успехов, чем за несколько предшествовавших лет», и что Корея сегодня «прославлена в качестве сонгунской сверхдержавы, что является национально-историческим чудом»¹⁶.

Можно предположить, что в такой трактовке политика *сонгун* останется ведущей идеей корейского общества на ближайшие годы и ей вряд ли будет найдена достойная альтернатива, по крайней мере, до тех пор, пока не будет существенных сдвигов в экономическом развитии КНДР, и рост благосостояния населения позволит отказаться от «затягивания поясов», или не произойдет сдвигов в геополитических воззрениях мировых держав на Корейский полуостров, что изменит систему безопасности в СВА и подтолкнет Пхеньян к выработке новой концепции сосуществования с внешним миром.

Примечания

¹ Ким Чер У. Военноориентированная политика Ким Чен Ира. Пхеньян, 2002. С. 3.

² Там же. С. 11.

³ Ким Чен Ир. Избранные сочинения. Пхеньян, 1999. Т. 10. С. 353.

⁴ Нодон синмун. 12.02.2005.

⁵ Совместная передовая статья. 01.01.2007.

⁶ Минчжу чосон. 08.11.2005.

⁷ Совместная передовая статья. 01.01.2006.

⁸ ЦТАК. 11.04.2006.

⁹ Совместная передовая статья. 01.01.2007.

¹⁰ Там же.

¹¹ Нодон синмун. 28.02.2004.

¹² Нодон синмун. 03.02.2005.

¹³ Совместная передовая статья. 01.01.2006.

¹⁴ Нодон синмун. 21.04.2005.

¹⁵ Нодон синмун. 07.07.2005.

¹⁶ Совместная передовая статья. 01.01.2007.

Раздел II

ЭКОНОМИКА

С. С. Суслина*

Инвестиционный потенциал Республики Корея и перспективы для расширения российско-корейского экономического сотрудничества

В числе важнейших тенденций мирового развития на современном этапе следует отметить постоянное увеличение доли прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) в мировом ВВП. Это связано с процессами экономической интеграции, все более принимающей глобальный характер. Этот показатель увеличился с 0,4% в 1970 г. до 2,0% в 2002 г.¹ В 2005–2006 гг. он достиг 5%.

Роль ПЗИ значительно возросла в 1990-е годы, когда инвестиции стали рассматриваться как одно из основных средств интеграции национальной экономики в мировое хозяйство на основе перевода производственных мощностей, капиталов, передачи технологий, управленческого опыта и навыков, а также инноваций в принимающую страну.

Зарубежные инвестиции содействуют росту экономики принимающей страны на основе более эффективного использования национальных ресурсов. По оценкам, увеличение нетто-притока ПЗИ на каждый доллар вложений сопровождается ростом совокупного капитала в принимающей стране более, чем на 1 доллар. Размер этого превышения может различаться в 1,5–2,3 раза.

Доля ПЗИ в совокупных капиталах промышленно развитых стран примерно в 2 раз меньше этого показателя для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. ПЗИ во многих случаях осуществляются не как инвестиции, а как международные слияния и поглощения, представляя собой передачу зарубежным компаниям прав собственности на активы национальных фирм, и роль такой формы ПЗИ постоянно растет. Кроме того, ПЗИ нередко финансируются за счет рефинансирования доходов.

В целом связь ПЗИ с объемом накопленных капиталов весьма различна в разных странах и зависит от национальной политики, форм зарубежных инвестиций, конкурентоспособности национальных компаний.

Определимся с понятием *инвестиционного потенциала*. Строго говоря, четко, общепринятого его определения в научной литературе мне найти не удалось. Однако по аналогии с понятием «сырьевой потенциал», или «потенциальные природные ресурсы»² можно заключить, что инвестиционный потенциал — это совокупность всех факторов, которыми располагает страна как для привлечения иностранного капитала в свою страну, так и для экспорта своего капитала за рубеж, что, в конечном итоге, определяет ее возможности и позиции на мировом рынке инвестиций и свидетельствует о степени ее участия в мировых интеграционных процессах. Говоря об *инвестиционном потенциале*, остановимся на составляющих его, на наш взгляд, основных элементах. Одной из таких составляющих, бесспорно, является *инвестиционная политика государства*, которая осуществляется в рамках национальной внешнеэкономической политики, а ее специфика зависит от содержания и целей импортной или экспортной ориентации внешнеторговой политики, а также от соотношения между ее тенденциями, т.е. между протекционизмом и либерализацией. От содержания внешнеторговой политики зависит характер государственных ограничений в отношении ПЗИ (доля зарубежной собственности, свобода доступа на рынок принимающей страны, экспорт лишь части произведенной продукции, квоты на использование местной рабочей силы и др.).

С начала 1960-х годов РК придерживается политики стимулирования экспорта, которая предполагает, что ПЗИ служат источником стимулирования экспорта с использованием местной рабочей силы, а также природных ресурсов. Первоначально Южная Корея создавала экспортно-производственные зоны (ЭПЗ) или зоны свободной торговли, предлагающие наиболее льготный режим для своих компаний, в частности сниженные налоговые ставки, беспрошленный ввоз оборудования и сырья. Как правило, инвестиционный режим в условиях *политики стимулирования экспорта* благоприятнее, чем в условиях импортозамещения.

Следует учитывать также и то, что, несмотря на в целом благоприятное отношение к привлечению долгосрочных ПЗИ, любое государство *регулирует* зарубежные инвестиции, в частности, влияя на их объем и отраслевое распространение.

Как правило, оба направления — *регулирование и стимулирование* ПЗИ — проводятся одновременно. Но акцент делается на одном из них в зависимости от уровня экономического развития страны и лоббирования правительством интересов соответствующих групп населения.

Национальную инвестиционную стратегию правительство выбирает в соответствии со своими целями и приоритетами экономического развития. Обычно, чем выше уровень экономического развития страны, тем свободнее допуск ПЗИ.

Важно учитывать *инвестиционный климат*, который определяется совокупностью правовых, экономических, политических и социальных факторов, определяющих привлекательность государства для зарубежных инвестиций. В основе теории

* Центр корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, Москва.

инвестиционной привлекательности страны с точки зрения ПЗИ лежит концепция ОЛИ, разработанная Дж. Даннингом³ и названная им «эклетиической парадигмой». Концепция ОЛИ предполагает учет следующих факторов.

1. Сравнительные преимущества фирмы (ее нематериальные активы, в частности собственные технологии).

2. Национальные сравнительные преимущества (например, емкий внутренний рынок, высокоразвитая инфраструктура, высокая квалификация и низкая стоимость рабочей силы).

3. Преимущества интернационализации – наличие аффилированных структур, конкуренция между независимыми инвесторами и реципиентами.

Поскольку между странами существуют экономические и политические различия, инвестиционная привлекательность страны чаще всего трактуется широко, т.е. учитываются макроэкономические факторы, правовой режим регулирования, меры по содействию и стимулированию инвестиций.

Какие факторы принимаются в расчет при *оценке инвестиционного климата?* Во-первых, это правовые факторы (стабильность, прозрачность и предсказуемость в отношении допуска на рынок и функционирования зарубежных инвестиций, особенности национального режима или режима наибольшего благоприятствования, формы государственных гарантий). Во-вторых, это макроэкономические факторы (емкость рынка принимающей страны, определяемая объемом ВВП в целом и объемом этого показателя на душу населения, уровень политического риска страны). Далее, динамика курса национальной валюты (повышение курса стимулирует приток ПЗИ, а снижение курса ведет к их уменьшению). В-третьих, это географические и природно-климатические факторы, особенно важные при вложении инвестиций в добывающие отрасли и сельское хозяйство. И, наконец, *четвертая группа* факторов, это – предпринимательский климат страны (уровень издержек, специфика налоговой системы, размер ставок корпоративного и других налогов, специфика налоговых льгот, размер арендной платы, административные процедуры и т.д.).

Посмотрим теперь, как эти факторы определяют и влияют на развитие инвестиционного сотрудничества в Южной Корее и России и на их взаимодействие в данной сфере экономических связей.

Хорошо развитая производственная инфраструктура, государственная поддержка деловой активности, обширный внутренний рынок, благоприятный инвестиционный климат – всё это является привлекательной средой для иностранных инвестиций в экономику Республики Корея. Активное инвестирование в национальную экономику началось в 1962 г., когда объем инвестиций составил всего 3,575 млн. долл. В 2005 г. в южнокорейскую экономику было вложено уже 11,5 млрд. долл. иностранных инвестиций. Объем накопленных ПИИ за 1962–2005 гг. составил 115 млрд. долл. (табл. 1).

Таблица 1

Иностранные инвестиции, тыс. долл.

Год	Количество инвестиций	Сумма	Год	Количество инвестиций	Сумма
1962	2	3575	1995	906	1 947 637
1965	10	21 824	2000	4 275	15 249 609
1970	140	75 892	2001	3 421	11 286 223
1975	99	207 317	2002	2 442	9 092 581
1980	109	143 136	2003	2 599	6 469 055
1985	218	532 197	2004	3 110	12 792 042
1990	504	802 635	2005	3 707	11 563 518

Источник: Сайт kbsradio. 10.11.2006.

Если в 1960–1970-е годы иностранных инвесторов привлекала, главным образом, дешевая рабочая сила, то сейчас – высокая квалификация рабочих и развитая производственная инфраструктура.

Политика Южной Кореи относительно своих зарубежных инвестиций также пережила определенную трансформацию: от робкого проникновения на международный рынок капитала с предложением строительных услуг до активного внедрения своих ТНК в производственно-сбытовую деятельность ряда стран мира. При этом менялись географические и отраслевые ориентиры этой политики.

Что касается России, то какие здесь факторы принимаются в расчет при оценке ее потенциала инвестиционного сотрудничества? Как РФ выглядит по этим показателям? Во-первых, если рассматривать правовые факторы (стабильность, прозрачность и предсказуемость в отношении допуска на рынок и функционирования зарубежных инвестиций, особенности национального режима или режима наибольшего благоприятствования, формы государственных гарантий), то следует признать, что в целом после 2000 г. ситуация улучшилась и продолжает улучшаться по мере ввода в действие новых более совершенных законодательных норм. Но, строго говоря, не до конца преодоленная запутанность, неоправданная усложненность процесса допуска иностранного инвестора на внутренний рынок страны отмечаются компаниями многих стран, действующими в России. Возможно, что вступление России в ВТО упростит и стандартизирует этот процесс. Во-вторых, это макроэкономические факторы (емкость рынка принимающей страны, определяемая объемом ВВП в целом и объемом этого показателя на душу населения, уровень политического риска страны). Здесь следует отметить, что в последние годы Россия обрела устойчиво позитивную динамику, которая свидетельствует, что постепенно страна преодолевает трансформационный спад начала 1990-х годов и

повышает благосостояние населения. В-третьих, это географические и природно-климатические факторы, особенно важные при вложении инвестиций в добывающие отрасли и сельское хозяйство. Конечно, эти условия в России сильно разнятся и в большей своей мере не благоприятные. И, тем не менее, есть возможности их преодоления посредством улучшения инфраструктуры и предоставления больших льгот и преференций, защиты от рисков. Правда, как раз здесь России предстоит большая работа. И, наконец, четвертая группа факторов – это предпринимательский климат страны (уровень издержек, специфика налоговой системы, размер ставок корпоративного и других налогов, специфика налоговых льгот, размер арендной платы, административные процедуры и т.д.). Наверное, можно констатировать, что теперь эта категория факторов выходит для России на первый план и от того, какое направление (стимулирование или регулирование) будет выбрано, зависит ее дальнейшее участие и положение на мировом рынке капитала. Представляется, что у России пока не сложилось комплексного подхода в области инвестиционной политики и зарубежного инвестиционного сотрудничества. Как это касается ее инвестиционного сотрудничества с Южной Кореей, станет центральным аспектом нашего анализа.

История развития экономического взаимодействия России с РК насчитывает менее двух десятков лет, но имеет уже опыт эйфорических ожиданий и горьких разочарований. Не вдаваясь глубоко в анализ общих проблем и причин, лежащих в основе такого порядка вещей, выделим главное – за столь незначительный в историческом плане, но достаточно существенный в условиях глобальных тенденций отрезок времени, российско-корейским инвестиционным сотрудничеством достигнуты минимальные результаты в сопоставлении с *возможностями, интересами и потенциалами* двух стран. Возможности здесь взяты в широком смысле. Это и взаимодополняемость (ресурсная, сырьевая и т.д.) экономик, это и географическая и историческая близость. Это и позитивные изменения в политической ситуации (стабилизация политической системы в России, демократизация в РК, общие тенденции экономического развития двух стран в направлении к более либерализованному рынку, к международной интеграции и т.д.). Что касается интересов, то здесь Россию и РК связывает многое. Это и интересы политической и экономической стабильности на Корейском полуострове, но это и задачи, связанные с восстановлением и углублением экономической региональной интеграции и повышением статуса и уровня этой интеграции до важной составляющей Восточно-Азиатской экономической региональной группировки. В современном мире, видимо, только в этом многостороннем формате возможно решение трудных задач дальнейшего экономического и социального развития (для России – экономический подъем ее Дальнего Востока, а для РК – повышение конкурентоспособности ее экономики и укрепление ее позиций в Восточной Азии в качестве одного из финансово-деловых центров).

Что касается потенциалов инвестиционного сотрудничества, то здесь после периода тщетных ожиданий 1990-х годов, наконец, как представляется, произошел некоторый позитивный сдвиг, ознаменовавшийся пакетом вложений южнокорейского капитала в целый ряд российских производственных и инфраструктурных объектов.

Однако вопрос по-прежнему состоит в том, насколько это соответствует нашим возможностям и отвечает насущным проблемам. По всей вероятности, если брать возможности расширяющейся ежегодно в среднем на 6% южнокорейской экономики и сейчас несколько превосходящей ее по темпам прироста российской экономики 7%, такой накопленный объем взаимных инвестиций вносит очень мало значительный вклад в наши экономики. Масштабы южнокорейского инвестирования в России до недавнего времени составляли около 250–260 млн. долл. В текущий период предполагается, что РК осуществит вложения, прежде всего в нефтеперерабатывающие и нефтехимические объекты, до 4 млрд. долл. на основе соглашений, подписанных во время визита в 2005 г. президента Но Му Хёна в Москву. Накопленный объем российских инвестиций в Южной Корее по состоянию на 2005 г. немного превышает 18 млн. долл., в то время как китайских – 1,8 млрд. долл.⁴ Эти объемы следует соотнести с общим объемом накопленных Южной Кореей прямых иностранных инвестиций, который за 1962–2005 гг. превысил 115 млрд. долл. В то же время объем сотрудничества РК с США и Японией составляет соответственно 35 и 13 млрд. долл.

Справедливости ради следует отметить, что РК не является заметным мировым экспортером прямых инвестиций. Ее доля от общемирового показателя мизерна и находится на уровне 0,1%. Даже Россия значительно обходит ее: 2,3% в 2006 г. (28,4 млрд. долл.).

Таким образом, можно сказать, что пока инвестиции каждой из стран не играют существенной роли друг для друга и практически не стимулируют динамичное развитие каждой. В связи с этим не будет преувеличением отметить, что мы фактически лишаем себя таких важных с макроэкономической точки зрения преимуществ, как географическая близость и возможность производственной интеграции, которые продуктивно используются всеми развитыми странами (США, Канада и Мексика; страны ЕС и т.д.).

Сейчас активно обсуждается процесс наводнения российского Дальнего Востока (РДВ) китайцами и другими азиатскими народами. Возможность интеграции Дальнего Востока в рамках СВА иногда рассматривается как угроза потенциальной дезинтеграции его с центром России. Несомненно, такого рода опасения имеют основания, но консервация существующих отсталости и проблем этого российского региона создают почву для реализации этой угрозы.

На фоне этих мрачных для России перспектив корейский фактор участия РДВ

в интеграционных процессах в Северо-Восточной Азии выглядит более предпочтительным хотя бы потому, что он дает основания рассчитывать на более высокий технологический уровень такого сотрудничества. Вместе с тем это отнюдь не означает, что необходимо закрываться от «нежелательного» экономического интереса со стороны других стран. Сегодня это почти невозможно. Вопрос заключается в цене и выгоде такого взаимодействия.

Рассмотрим динамику *инвестиционного сотрудничества России с РК*.

Нормализация дипломатических отношений между Сеулом и Москвой в сентябре 1990 г. послужила первоначальным толчком для корейских инвестиций в Россию. Однако политическая и экономическая нестабильность значительно ухудшили инвестиционный климат страны.

С середины 1990-х годов прямые инвестиции заметно выросли. В 1996 г. Южная Корея инвестировала 41 млн. долл., – на 30% больше по сравнению с 1995 г. Однако в 1997 г. из-за финансового кризиса поток инвестиций резко сократился до 8 млн. долл. В 1998 г. объем южнокорейских инвестиций составил 35 млн. долл., но в 1999 г. опять упал до 0,7 млн. долл. Это падение продолжалось и в первой половине 2000 г. Общая сумма прямых южнокорейских инвестиций к концу июля 2000 г. составила 153 млн. долл. в 102 проектах, или примерно 57% от планируемой и объявленной суммы инвестиций.

Наиболее привлекательным сектором вложения южнокорейского капитала по объему и количеству проектов является *обрабатывающая промышленность*; добывающая промышленность по объему вложения занимает 2-е место. Инвестирования в финансовый, страховой, транспортной сектора экономики и в оптовую торговлю не наблюдается.

Обрабатывающий сектор – это крупнейшая область вложения южнокорейского капитала не только в России, но и в других странах мира. В то время как в России данный сектор составляет 31,1% от всего объема южнокорейских инвестиций, в среднем по миру он составляет 53,3%. Тогда как сектор оптовой и розничной торговли составляет 22,2% всех южнокорейских инвестиций по миру, в России данный показатель равен 5,8%.

В последние годы в связи с высокой ценой на нефть и большим влиянием, которое этот фактор оказывает на экономический рост, РК стремится обеспечить себя бесперебойными поставками энергоресурсов не только по внешнеторговым каналам, но и, используя возможности участия в инвестициях в совместных разработках месторождений нефти и газа, например, готовятся проекты (Корейская нефтяная корпорация и «Роснефть») об участии РК в разработках нефти на Западной Камчатке, а также газа совместно с «Газпромом» на Сахалине. Известно, что Южная Корея *планирует инвестировать в 2007 г. около 4 млрд. долл. в сырьевые активы за рубежом*. Это, в частности, свидетельствует о намерении РК к 2013 г.

Таблица 2

Отраслевая структура южнокорейских прямых инвестиций в РФ

Отрасль	Количество проектов	Объем, млн. долл.	Доля, %
Сельское хозяйство	13	5,925	3,9
Добывающая промышленность	1	29,065	18,9
Обрабатывающая промышленность	36	47,839	31,1
Строительство	1	0,104	0,1
Оптовая торговля, розничная торговля	36	8,914	5,8
Транспортный сектор	0	0,0	0
Коммуникации	5	20,231	13,6
Финансы, страхование	0	0	0
Гостиничный и ресторанный бизнес	4	19,562	12,7
Сервисное обслуживание	6	22,124	14,4
Другие	0	0,0	0,0
Итого	102	153,764	100

добывать 18% необходимой стране нефти за счет совместных разработок месторождений энергоресурсов⁵.

Более 60% южнокорейских инвестиций направлялись в Дальневосточный регион и примерно 20% приходится на Москву. Географическое распределение южнокорейских инвестиций выглядит следующим образом.

Регион	Количество проектов
Москва	30
Дальневосточный	87
Приморский край	36
Хабаровск	22
Сахалин	23
Другие дальневосточные территории	6
Другие регионы	24
Итого	147

Географическое распределение южнокорейских инвестиций в России заметно отличается от других стран. К примеру, иностранные прямые инвестиции других стран в России базируются в основном в Москве (54%) с более или менее равным распространением остальной части инвестиций по другим регионам страны. И только 7% от общего объема иностранных инвестиций вложены в Дальневосточный регион.

Концентрация южнокорейских инвестиций на Дальнем Востоке связана в большей степени с географической близостью к Корейскому полуострову. Этот регион, который занимает 35% территории России, с населением всего 7,3 млн. человек, отдален от политических и экономических центров России и экономически слабо развит. Но для корейских бизнесменов данный регион является привлекательным. Исторически сложилось, что большое количество этнических корейцев населяет данный регион. Также Дальний Восток богат своими природными ресурсами, включая минералы, лесные и рыбные ресурсы.

Немаловажным аспектом совместного сотрудничества российских и южнокорейских деловых кругов является проблема сбалансированности интересов обеих сторон в созданных предприятиях. В России компании, полностью созданные южнокорейской стороной, составляют 45% от всех проектов (54% – в среднем по миру). Предприятия, в которых доля южнокорейского капитала более 50%, составляют 55% от всех созданных южнокорейскими инвесторами на территории России (72% – в среднем по миру). Корейский бизнес склоняется к предпочтению создания полностью своего предприятия или к обеспечению преобладающего интереса в совместном предприятии. В России они более склонны к работе с совместными предприятиями даже с долей своего капитала, равной 50% и меньше, что происходит из-за слабой уверенности в ведении самостоятельного бизнеса без знания местного (российского) рынка и без необходимого опыта ведения дел в России. Другими словами, многие корейские инвесторы пришли к выводу, что выгода от создания совместного предприятия с национальным партнером перевешивает выгоду от создания полностью своего предприятия или от обеспечения преобладающей доли южнокорейского капитала.

Фактор риска является доминирующим в вопросе инвестирования. Средний размер инвестиций в 1 проект равен 3,8 млн. долл., что свидетельствует об осторожном отношении южнокорейских инвесторов к России. Инвестиционное сотрудничество пока не оправдало тех надежд, которые возлагались на него обеими сторонами. Накопленный объем прямых южнокорейских капиталовложений в России составлял в 2005 г. 265 млн. долл., российских инвестиций в РК – 18 млн. долл. Подписанные в ходе визита в сентябре 2004 г. в Москву президента РК Но Му Хёна соглашения предусматривают приток южнокорейского капитала в российскую экономику в размере 4 млрд. долл., в основном – в нефтехимическую и автомобильную промышленность.

Как в отношениях с другими странами Азии (Китай, Вьетнам), уровень инвестиционной деятельности корейских компаний и фирм в России остается низким. *Общая сумма реализованных прямых южнокорейских инвестиций в российскую экономику (по состоянию на 1 декабря 2005 г.) составляла 264 млн. долл. по 174 проектам, что равно 0,45% от общей суммы инвестиций РК за рубежом. В целом*

же объем выданных лицензий был равен 502,969 млн. долл. по 235 проектам.

Из более значимых инвестиционных проектов можно назвать: инвестиции ФПГ «Лотте» в строительство в Москве крупного гостинично-делового комплекса (объем капиталовложений оценивается в 260 млн. долл.), а корпорация «Эл Джи» завершила строительство завода по производству бытовой электроники в Подмоскowie.

Инвестиционная деятельность некрупных корейских компаний в России заметна в тех хозяйственных сферах (в дальневосточных районах, либо в Москве), где гарантирована быстрая окупаемость при небольших капиталовложениях (легкая, пищевая промышленность, судоремонт, туризм, сервисный гостиничный бизнес, средства связи и коммуникаций и т.п.). Основной причиной является неудовлетворительное состояние инвестиционного климата из-за большой степени рисков, сохраняющегося у корейских бизнесменов недоверия к российским партнерам, слабо проработанной законодательно-правовой базы для привлечения иностранных инвестиций. Перспективным направлением сотрудничества может стать взаимодействие в топливно-энергетическом комплексе.

Республика Корея прорабатывает вопрос участия в освоении нефтяных месторождений в Западно-Камчатском регионе и на Сахалине. Кроме того, в июле 2005 г. был подписан договор на 20 лет об импорте 1,5 млн. тонн сахалинского сжиженного природного газа. С 2006 г. началась активная реализация проекта строительства нефтепровода в Восточной Сибири, в котором заинтересована и южнокорейская сторона⁶.

Развивается двустороннее сотрудничество на региональном уровне; прямыми контактам с регионами Сибири и Дальнего Востока многие корейские фирмы и компании отдают заметное предпочтение. В рамках межрегиональных программ прорабатываются проекты комплексного освоения и переработки океанического сырья, строительства объектов соцкультбыта, транспорта и инфраструктуры и т.п. Сотрудничество в экономическом развитии регионов строится на основе межправительственных соглашений, заключаемых между Россией и Республикой Корея. Действует Межправительственное соглашение от 27 февраля 1995 г. между Россией и РК о сотрудничестве в экономическом развитии Республики Саха (Якутия).

В апреле 2004 г. в Москве было проведено первое трехстороннее совещание специалистов в области железнодорожного транспорта с участием представителей Южной и Северной Кореи и России по обсуждению проекта соединения Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью.

Соединение Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью является совместным транспортным проектом трех стран: РК, КНДР и России.

В заключение остановимся на оценке реальных перспектив инвестиционного сотрудничества России с РК. Представляется, что в ближайшее 5-летие можно

ожидать определенного всплеска интереса двух стран к этой форме сотрудничества. В поддержку этого предположения свидетельствуют следующие предпосылки:

1. Проблема дефицита топливно-сырьевых ресурсов для южнокорейской экономики. Рост мировых цен.
2. В целом стабильная динамика экономического развития России и РК.
3. Проблемы устойчивого развития, свойственные экономикам двух стран.
4. Политика российского руководства, нацеленная на создание и развитие необходимой инфраструктуры на Дальнем Востоке, на участие в интеграционных процессах в АТР, Восточной и Северо-восточной Азии.
5. Развитие предпринимательской структуры на РДВ и стремление российского бизнеса к расширению своих позиций, в том числе и в соседних странах.
6. Стремление южнокорейского руководства обеспечить стране заметные, если не лидерские позиции в регионе СВА. Это ставит задачи достижения весомых результатов не только во внешнеторговой, но и в инвестиционной сфере.

Примечания

- ¹ Ливенцев Н.Н., Костюнина Г.М. Международное движение капитала. М., 2003. С. 33.
- ² Economics and finance. Англо-русский словарь по экономике и финансам / Под ред. проф., д.э.н. А.В.Аникина. С-Пб: Экономическая школа, 1993. С. 367–368.
- ³ Dunning J.H. Multinational Enterprises and the Global Economy. Wokingham: Addison-Wesley, 1993.
- ⁴ www.unktad.org
- ⁵ Polpred.com
- ⁶ Интервью министра иностранных дел и внешней торговли Пан Ги Муна. ИТАР-ТАСС. 12.01.2006.

П. С. Лешаков*

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В ноябре 2006 г. в канун празднования 43-й годовщины национального Дня экспорта южнокорейское бизнес-сообщество торжественно отметило очередной успех: экспорт Республики Корея впервые превысил уровень 300 млрд. долл. Ориентированной на внешние рынки экономике РК есть чем гордиться: в 2003–2006 гг. ежегодные темпы роста экспорта выражались в двузначных числах, а его объем фактически удвоился, достигнув в 2006 г. 325 млрд. долл. (табл. 1). Причем форсированный рост экспорта наблюдался на фоне укрепления местной валюты¹ и высоких мировых цен на сырье и энергоносители. На основе достигнутых успехов делаются не менее впечатлительные прогнозы: в течение следующих 5 лет объем экспорта предполагается увеличить до 500 млрд. долл., что позволит РК переместиться с нынешнего 11-го на 8-е место в рейтинге крупнейших мировых экспортеров вслед за Германией, США, КНР, Японией, Францией, Великобританией и Канадой².

Стоимостной объем вывоза товаров из Российской Федерации в конце 2006 г. также впервые за всю не только российскую, но и советскую историю превысил рубеж в 300 млрд. долл. Правда, аналогичное событие в нашей стране прошло почти незамеченным. Разительно отличающаяся реакция общественности на эти сходные достижения вполне понятна. Беспрецедентный скачок российского экспорта, который за те же 2003–2006 гг. утроился, основывался, главным образом, на резком росте мировых цен на топливо и минеральное сырье, в то время как рост южнокорейского экспорта базировался на вывозе конкурентных высокотехнологичных товаров, прежде всего микроэлектроники, автомобилей, средств мобильной связи и продукции судостроения.

2006 год ознаменовался еще одним важным событием, непосредственно отражающим макроэкономические показатели наших двух стран. По расчетам специалистов МВФ, в уходящем финансовом году (заканчивается в марте 2007 г.) ВВП РФ достигнет в стоимостном выражении 975 млрд. долл. В результате по данному

* Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

Таблица 1

Динамика внешней торговли РФ и РК, млн. долл.

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Вся внешняя торговля РФ	145 516	150 427	155 367	168 213	211 365	278 019	370 378	468 400
<i>в том числе:</i>								
экспорт	82 913	105 565	101 603	107 247	135 929	183 185	245 255	304 500
импорт	62 603	44 862	58 764	75 436	75 436	94 834	125 123	163 900
Торговля РФ с РК	3309	2846	2867	4181	4181	6010	7801	9752
<i>в том числе:</i>								
экспорт	1893	2058	1929	2522	2522	3671	3937	4573
импорт	1416	788	938	1659	1659	2339	3864	5179
Вся внешняя торговля РК	260 177	332 749	291 537	372 644	372 644	478 308	545 657	634 848
<i>в том числе:</i>								
экспорт	125 158	172 268	150 439	193 817	193 817	253 845	284 419	325 465
импорт	135 119	160 481	141 098	178 827	178 827	224 463	261 238	309 383

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики РФ и Таможенной службы РК/

показателю РФ становится 10-й крупнейшей мировой экономической державой и вместе с быстрорастущей экономикой Индии (прогноз ВВП на 2006–2007 финансовый год – 840 млрд. долл.) и, возможно, Бразилией, оттесняет РК (оценка ВВП – 827 млрд. долл.) с 11-го места на несколько позиций вниз³. Для РК это фактически означает отказ от давно вынашиваемых планов попадания в ближайшей перспективе в «золотую десятку» экономических тяжеловесов.

Другими словами, сегодня мы можем констатировать тот факт, что экономики наших стран находятся в одной весовой категории, хотя еще несколько лет назад это казалось малореальным. Более того, в последние годы в экономиках обеих стран проявились схожие благоприятные тенденции – темпы роста экспорта и в целом внешнеторгового товарооборота в РФ и РК в 2–3 раза превышали среднемировые показатели. Вполне понятно возникает вопрос, как это отразилось на двусторонних экономических связях. Ведь прорыв в политических отношениях между СССР и РК в свое время базировался на ожиданиях форсированного роста экономического сотрудничества в рамках так называемой «взаимодополняемости» экономик двух стран.

На первом официальном саммите в декабре 1990 г. в Москве южнокорейский президент прогнозировал увеличение взаимной торговли к концу 10-летия до 10

млрд. долл.⁴ Тем не менее, в 2000–2001 гг. двусторонний товарооборот по официальной статистике не превышал 3 млрд. долл. В последующие 5 лет, отражая общие тенденции роста внешнеторгового товарооборота двух стран, он утроился, вплотную подойдя к намеченной планке⁵. Но даже в рекордном 2006 г. на российско-южнокорейскую торговлю приходилось всего лишь 2% от общего внешнеторгового товарооборота РФ и чуть более 1,5% от внешней торговли РК. В списке основных торговых партнеров РК в мире РФ в 2006 г. занимала 12-е место в числе импортеров и 16-е место – в числе экспортеров, пропустив вперед Оман и Иран, что весьма показательно⁶.

Ситуация выглядит еще более обескураживающей, если мы обратимся к взаимным инвестициям. На конец 2006 г. накопленные прямые инвестиции РК в экономику России достигли 372 млн. долл. (табл. 2), причем более 1/4 из них приходится только на 2006 г., когда наблюдался их 3-кратный рост (с 34,2 млн. долл. в 2005 г. до 102,5 млн. долл. в 2006 г.). Но даже в самый благоприятный 2006 г., по оптимистичным оценкам, доля южнокорейского капитала в общем объеме прямых иностранных инвестиций в РФ не превысила 0,75%⁷. При этом в 2001–2005 гг. совокупные прямые инвестиции РК за рубеж достигли 20 млрд. долл., из них в РФ было направлено менее 250 млн. долл., или всего лишь 1,25% всех капиталовложений⁸. Что касается российских инвестиций в РК, то их совокупный объем на конец 2005 г. составлял символические 11 млн. долл., и в особых комментариях не нуждается.

Таким образом, самый поверхностный анализ современного состояния российско-южнокорейских экономических отношений подтверждает, что и товарооборот, и взаимные инвестиции двух стран, претендующих на вхождение в десятку ведущих экономических держав мира, явно отстают от современной динамики развития РФ и РК и не отвечают их экономическим и политическим интересам.

Во внешней торговле российской стороне в ближайшее время важно обратить внимание не только на стимулирование количественного роста, но и на сокращение торгового дисбаланса, складывающегося в последнее время. Если в 2000–2002 гг. российский экспорт устойчиво преобладал над импортом, то в 2003–2004 гг., несмотря на сохранявшиеся тенденции роста индекса цен на основные товары российского экспорта, взаимная торговля становится сбалансированной, а в 2005–2006 гг. уже наблюдается дефицит. По оценкам официальной таможенной статистики двух стран, в 2005–2006 гг. он в совокупности превысил 2 млрд. долл. Не случайно в эти годы Республика Корея занимала 8-ю строчку в рейтинге крупнейших стран-экспортеров своих товаров на российский рынок, в то время как в списке импортеров российской продукции она занимала скромное 23-е место⁹.

Если учитывать, что среднестатистическая доля так называемого «серого» импорта в РФ, т.е. товаров, ввозимых по заниженной таможенной стоимости (в

Таблица 2

Прямые инвестиции РК в РФ по секторам экономики

Сфера инвестирования	2005 г., тыс. долл.	2006 г., тыс. долл.	Накопленные инвестиции	
			тыс. долл.	доля, %
Сельское хозяйство и рыболовство	7 606	5 442	24 680	6,6
Добывающая промышленность	-	-	29 065	7,8
Производство	17 614	30 615	116 707	31,4
Строительство	4 450	3 755	8 359	2,2
Оптовая и розничная торговля	1 054	57 163	74 310	19,9
Транспорт и логистика	-	3 410	3 910	1,1
Телекоммуникации	-	-	28 088	7,6
Ресторанный и гостиничный бизнес	2 680	1 335	48 543	13,1
Сфера услуг	753	120	4 657	1,4
Недвижимость	-	695	33 245	8,9
ВСЕГО:	34 157	102 535	371 564	100

Источник: информация торгового представительства РФ в РК.

основном продукция легкой промышленности и бытовой электроники, индивидуальных средств связи, т.е. существенная доля южнокорейского импорта в РФ), в 2001–2006 гг. варьировалась в пределах 22–26%¹⁰, реальный торговый дефицит в 2003–2006 гг. составил уже не менее 5 млрд. долл. Причем динамичное расширение экспорта РК на российский рынок в последние годы базируется на таких высокотехнологичных товарах, как автомобили (28% всего ввоза в 2006 г.), промышленное оборудование (16%), суда, включая плавучие буровые установки для нефтегазовой промышленности (7,5%), автомобильные компоненты и запчасти (6%) (рис. 1).

Данные двусторонней торговли в январе–феврале 2007 г., когда южнокорейский экспорт в РФ подскочил соответственно на 96,9% и 100,5%¹¹, косвенно подтверждают стабильную востребованность поставляемых южнокорейских товаров на российском рынке и позволяют с достаточной степенью точности прогнозировать увеличение торгового дефицита в 2007 г. Другими словами, на ближайшей повестке дня наиболее остро будет стоять вопрос сокращения дисбаланса в двусторонней торговле.

В российском же экспорте в РК в последние годы наблюдалась прямо противоположная картина. В 2006 г. доля минеральных продуктов, топливно-энергетических товаров и металлов достигла 82,68% (рис. 2). При этом более половины стоимостного объема российского экспорта в 2006 г. приходилось практически на

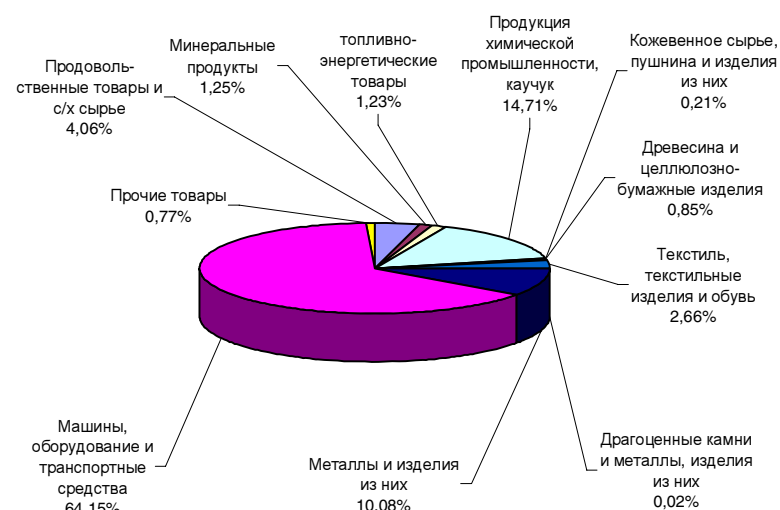

Рис. 1. Структура импорта России из РК в 2006 г.

пять наименований: необработанный алюминий и алюминиевые сплавы (20%), сырая нефть (16%), светлые нефтепродукты (9%), необработанный никель (7%) и битуминозный уголь (6,7%), т.е. 1/4 ввозимых товаров – это цветные металлы и 1/4 – нефть и нефтепродукты.

Конечно, если учитывать, что в настоящее время РК более чем на 80% зависит от поставок сырой нефти с Ближнего Востока, а на долю РФ приходится лишь 1% всего южнокорейского импорта этого продукта, то можно прогнозировать диверсификацию, которая создаст дополнительные возможности для роста объемов поставок российских энергоносителей. Однако расширение экспорта нефти и других сырьевых ресурсов уже сдерживается узостью российской транспортной инфраструктуры. Что касается поставок такого важного для РК энергоносителя как газа, то, кроме инфраструктурных ограничений, тут есть и технологические проблемы, связанные с изначальной ориентированностью экономики РК на потребление сжиженного природного газа (СПГ). Поэтому в ближайшие годы поставки СПГ из РФ могут осуществляться только танкерами с месторождения «Сахалин-2», где РК законтрактовала 16% от запланированного производства, или 1,5 млн. т СПГ в год¹². Не стоит очень надеяться и на продолжение бурного роста цен на энергетические и минеральные ресурсы, который бы автоматически повышал стоимостной объем экспорта.

Рис. 2. Структура экспорта России в РК в 2006 г.

Соответственно, серьезного увеличения масштабов российского экспорта в РК можно добиться только за счет расширения номенклатуры вывозимых товаров. И это проблема не столько российско-южнокорейской торговли, сколько российской внешнеторговой стратегии в целом. Последние тенденции в экономике РФ, связанные с экспансией государства в энергетический сектор, созданием национальных компаний мирового уровня в других ключевых отраслях хозяйства, попыткой (впервые за многие годы) реализации новой промышленной политики в рамках приоритетных национальных проектов, использованием для модернизации и реструктуризации индустрии частно-государственного партнерства – все это неизбежно должно привести к государственной поддержке конкурентоспособности российской продукции на мировых рынках. Первый шаг в этом направлении уже сделан: еще летом 2006 г. Министерство экономического развития и торговли РФ предложило создать национальное агентство по поддержке экспорта¹³. Продолжения пока не последовало, и сейчас самое время для научной общественности, связанной с экономикой, поддержать и инициировать конкретные действия в данном направлении. В проекции на Корею здесь следует выделить три актуальные проблемы.

1. Популяризация опыта РК в деле государственной поддержки и продвижения экспортной продукции на внешние рынки.

2. Информационная поддержка российского и корейского бизнеса, направленная на стимулирование роста взаимной торговли и инвестиций с обязательным включение КНДР в круг рассматриваемых вопросов.

3. Тесное сотрудничество с государственными структурами, призванными содействовать развитию двусторонних торгово-экономических связей.

Возвращаясь к российско-южнокорейским торговым отношениям, вряд ли стоит рассчитывать на рост поставок машин, оборудования и транспортных средств, на которые в 2006 г. приходилось лишь 2,5% от экспорта. Так и не состоявшиеся продажи военной техники (подводных лодок типа «Кило», истребителей Су-35 и ракетных комплексов С-300) подтверждают, что весьма перспективный южнокорейский рынок вооружений остается закрытым для российского ВПК, а предложить что-либо конкурентное в области гражданского машиностроения мы пока не можем. Хотя подписание контракта о сооружении в 2007–2008 гг. на острове Наро в пров. Южная Чолла космодрома для запуска искусственных спутников Земли с использованием российских технологий может дать толчок в этом направлении.

Основные усилия следует сконцентрировать на постепенном повышении степени и глубины переработки поставляемых товаров. Это вписывается в общие контуры новой промышленной политики, которая только начинает реализовываться в России и которая предполагает развитие с органичной ориентацией на глобальные кооперационные связи. Вполне естественно, такая диверсификация потребует серьезных российских инвестиций, как частных, так и государственных, в рамках приоритетных национальных проектов. Это и перенос акцента с поставок необработанных цветных металлов на сплавы и изделия из них, и промышленное внедрение разработок еще советских НИИ в области композиционных материалов, которых у нас заметно больше, чем у РК. Это и переход от продаж хвойного леса-кругляка¹⁴ на продукцию с большей степенью обработки, например, фанеры. В этом отношении южнокорейский опыт был бы особенно интересен: ведь к концу первого 10-летия реализации экспортно-ориентированной политики РК превратилась в крупнейшего мирового экспортера фанеры, причем производимой в основном из импортного сырья. Это и локализация производства в РФ деталей и компонентов для автомобилей в соответствии с правительственным постановлением о промышленной сборке, в том числе и с возможной поставкой на материнские предприятия в РК или в Восточную Европу.

Важной составляющей расширения номенклатуры российского экспорта на рынки третьих стран, а возможно, и южнокорейский рынок, может стать привлечение в РФ частных капиталовложений из РК в рамках активизировавшегося выноса за границу сборочных производств. Буквально месяц назад сразу три ведущих южнокорейских олигарха Ли Кун Хи («Самсунг Электро-

никс»), Чон Мон Гу («Хендэ Моторз») и Ку Бон Му («Эл Джи Групп») почти одновременно заявили о снижении конкурентоспособности бытовой техники, электроники и автомобилей, изготавливаемой в РК, и о необходимости переноса этих производств в так называемые страны «БРИК» (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Дело в том, что в ряде промышленных отраслей (жидкокристаллические мониторы и телевизоры, мобильные телефоны, автомобили) южнокорейские компании смогли избавиться от «сэндвичной» зависимости¹⁵, создать собственную компонентную базу и сейчас, повторяя стратегию японских компаний полувековой давности, переносят сборку поближе к основным рынкам сбыта, минимизируя издержки на логистику и рабочую силу.

Как дополнительный канал проникновения на достаточно закрытый южнокорейский рынок можно рассматривать и КНДР [в частности, свободную экономическую зону Расон (Раджин – Сонбон) и Кэсонский промышленный комплекс, продукция которых освобождается от ввозных пошлин в РК]. Правда, при этом возникают неэкономические риски, которые должно брать на себя государство.

Думается, и российский частный капитал уже достиг такого уровня развития, когда ему стоит обратить внимание на возможность инвестирования в экономику РК и КНДР. Южнокорейский фондовый рынок в 2005 г. вырос на 70%, при этом акции многих южнокорейских компаний могли бы быть привлекательными для российских инвесторов как с точки зрения доходности, так и с точки зрения стратегического партнерства. Интересно, что когда российская «Северсталь» чуть было не приобрела крупнейший европейский металлургический актив «Арселор», в южнокорейской прессе появились сообщения об уязвимости крупнейшей металлургической компании «Поско» (4-й крупнейший производитель стали в мире) к недружественному поглощению в силу распыленности ее акционеров. Может быть, владельцу «Северстали» А. Мордашову после неудачного опыта в «старушке» Европе стоит повернуться лицом к активно пробуждающемуся в экономическом отношении Востоку, и прежде всего к Корейскому полуострову.

В заключение хотелось бы еще раз вернуться к основной идее, на которой акцентируется внимание как данной статьи, так и аналогичной статьи 2-летней давности о роли РФ в экономическом вовлечении КНДР. Российские специалисты по Корее не должны ограничивать свою роль констатацией тех изменений, которые происходят в экономике двух государств на Корейском полуострове. Важно инициировать конкретные практические шаги по активизации развития взаимного товарооборота и инвестиций, включая создание информационно-аналитического и консалтингового центра по Корее, распространение полезной деловой информации в бизнес-изданиях, на Интернет-ресурсах, в других СМИ, проведение семинаров типа «Инвестируй в Россию!» и т.п. Другими словами, использовать весь арсенал тех хорошо известных средств, которые в свое время помогли РК стать крупней-

шим мировым экспортером и позволили тем самым вытянуть ее экономику из глубочайшего кризиса.

Примечания

- ¹ В 2006 г. курс южнокорейской воны по отношению к доллару США укрепился на 9%.
- ² Korea in \$300 Billion Export Club // The Korea Times. 30.11.2006.
- ³ Индия обходит Корею и становится третьей экономической державой Азии // Ёнхаб Ньюс. 08.02.2007 (на корейском языке)
- ⁴ Remarks by President Roh Tae Woo of the Republic of Korea at a News Conference. Moscow. 15.12.1990. P. 8
- ⁵ По данным Таможенной службы РК, в 2006 г. взаимный товарооборот составил 9752,1 млн. долл.
- ⁶ Рассчитано по: www.global.kita.net
- ⁷ Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ и Таможенной службы РК.
- ⁸ Рассчитано по данным Ministry of Commerce, Information and Energy (www.mocie.go.kr/korean/pds/statistics/invest)
- ⁹ Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ и Таможенной службы РК.
- ¹⁰ На четверть серый // Коммерсант. 06.06.2006.
- ¹¹ Export Rise 11.3% to \$26.4 Bil. In February // The Korea Times. 01.03.2007.
- ¹² За газопровод в Китай заплатит Корея // Коммерсант. 18.10.2006.
- ¹³ Курс на Азию // Ведомости. 31.08.2006.
- ¹⁴ В 2005–2006 гг. на хвойный кругляк приходилось 3,7% российского экспорта в РК.
- ¹⁵ «Сэндвичная» экономика подразумевает импорт важнейших комплектующих из технологически более развитых стран и поставки готовой продукции на рынки третьих стран.

А. Ю. Старичков*

Реструктуризация газовой промышленности Республики Корея и перспективы российско-корейского энергетического сотрудничества

Республика Корея является одним из наиболее динамично развивающихся государств Северо-Восточной Азии и мира в целом. Так, в 2006 г. темпы роста южнокорейской экономики составили 4,8%, а величина валового внутреннего продукта, рассчитанная по паритету покупательной способности, достигла 1180 млрд. долл.

Одним из наиболее важных факторов, влияющих на динамику развития Республики Корея, является зависимость экономики страны от импорта энергетических ресурсов. Ежегодная потребность в энергоносителях превышает 220 млн. т нефтяного эквивалента, тогда как в 1970 г. это показатель составлял лишь 20 млн. т. В 2006 г. совокупная стоимость импортированных энергоресурсов составила 40 млрд. долл., а совокупный объем внешней торговли – 635 млрд. долл.

В топливно-энергетическом балансе Республики Корея важное место занимает природный газ. В 2005 г. потребление природного газа в стране составило 33,3 млрд. куб. м. Значимость природного газа для корейской экономики трудно переоценить, что подтверждают статистические данные, приведенные в табл. 1 и 2. Так, к 2006 г. доля природного газа в *топливном балансе* увеличилась до 13,2%, что в абсолютных величинах составило около 30 млн. т нефтяного эквивалента. Еще весомее доля природного газа в *энергетическом балансе* страны. В 2005 г. 14,7% всего объема произведенной в Республике Корея электроэнергии вырабатывалось с использованием природного газа, что едва ли не на 50% выше соответствующего показателя 2000 г. Эксперты прогнозируют увеличение доли природного газа в топливно-энергетическом балансе страны, несмотря на сокращение его доли в *энергетическом балансе* вследствие развития атомной энергетики.

Собственные запасы природного газа в Корее незначительны. Это месторождения «Донхэ-1», «Горэ-8» и «Горэ-14», расположенные на шельфе Корейского полуострова. В настоящее время осуществляется промышленная разработка мес-

Таблица 1

Топливный баланс Республики Корея, млн. т нефтяного эквивалента

Вид топлива	2000 г.		2001 г.		2002 г.		2003 г.		2004 г.		2005 г.	
	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%
Уголь	42,9	22,3	45,7	22,9	49,1	23,5	51	23,9	53,1	24,3	54,79	24,0
Нефть	100,3	52,0	103,1	51,8	102,7	49,1	102,4	48,1	100,6	46,0	101,55	44,5
СПГ	18,9	9,8	20,9	10,5	23,6	11,3	24,19	11,3	28,3	13,0	29,99	13,2
Ядерное топливо	27,2	14,1	25,6	12,9	29,8	14,3	32,42	15,2	32,7	14,9	36,69	16,1
Прочее	3,5	1,8	3,8	1,9	3,9	1,9	3,2	1,5	3,97	1,8	5,01	2,2
ИТОГО	192,8	100,0	199,1	100,0	209,1	100,0	213	100,0	218,6	100,0	228,03	100,0

Таблица 2

Энергетический баланс Республики Корея

Вид топлива	2000 г.		2005 г.		2010 г. (прогноз)		2015 г. (прогноз)	
	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%
Ядерное топливо	109,0	40,9	140,5	39,0	144,7	35,1	209,8	46,9
Уголь	97,5	36,6	141,3	39,3	192,0	46,5	172,9	38,7
СПГ	28,1	10,6	52,9	14,7	45,3	11,0	37,5	8,4
Нефть	26,1	9,8	14,3	4,0	11,6	2,8	8,1	1,8
Гидроресурсы и пр.	5,6	2,1	10,8	3,0	19,1	4,6	18,7	4,2
ИТОГО	266,3		359,8		412,7		447,0	

торожения «Донхэ-1», которое было открыто в 1998 г. Его разработку ведет Корейская национальная нефтяная корпорация (KNOC). Общие запасы месторождения «Донхэ-1» оцениваются в 7 млрд. куб. м. Это в 70 раз меньше запасов, к примеру, месторождений проекта «Сахалин-2».

Месторождения «Донхэ-1» не могут обеспечить и 2% потребностей внутреннего рынка Республики Корея в природном газе. По данным Корейской нефтяной корпорации, за все время промышленной эксплуатации месторождения, начиная с июля 2004 г., было добыто около 1,5 млрд. куб. м природного газа, т.е. 1/5 часть всех запасов уже освоена. «Донхэ-1» имеет для Кореи, на мой взгляд, не столько экономическое, сколько важное политическое и психологическое значение. Добыча природного газа на собственном месторождении «Донхэ-1» позволяет причислить Корею к числу газодобывающих государств. Правда, эффект этот распространяет-

* Дальневосточный государственный университет, Владивосток.

ся не дальше Корейского полуострова. К примеру, в «BP-Статистическом обзоре мировой энергетики – июнь 2006 г.» ни в разделе «Природный газ. Добыча», ни «Природный газ. Доказанные запасы» Республика Корея не упоминается, а разведанные запасы шельфа Корейского полуострова, вероятно, учтены в строке «Остальной Азиатско-Тихоокеанский регион».

Таким образом, в условиях почти полного отсутствия собственных запасов и изоляции страны от поставок природного газа по трубопроводам единственной возможностью РК удовлетворить возрастающий спрос являются морские поставки **сжиженного природного газа** (СПГ). В современных условиях роста и глобализации мировой экономики при увеличении спроса на энергоносители СПГ является одним из наиболее перспективных продуктов.

Торговля СПГ предполагает строительство газопровода от месторождения до завода по сжижению газа, который обычно располагается на берегу моря. Природный газ после сжижения на заводе уже в виде СПГ загружается в специальные суда-газовозы и доставляется покупателю на завод по регазификации, после чего затем по трубопроводам поступает в распределительную сеть. Преимущество торговли СПГ заключается в отсутствии естественной безальтернативной привязки производителей газа и его покупателей (как при поставках трубопроводным транспортом), исключение зависимости от транзитных стран и территорий и пр. Однако существуют и естественные ограничители развития торговли СПГ. Это, прежде всего, необходимость строительства заводов по сжижению газа и его регазификации, специальных судов, а также высокие (до 7–10%) потери на разных технологических этапах. Несмотря на указанные сложности, объем мировой торговли СПГ увеличивается. Так, его величина в 2005 г. достигла 188 млрд. куб. м, что составляло 26,17% от общего объема торговли природным газом. Согласно прогнозам, к 2010 г. промышленные мощности по производству СПГ планируется увеличить до 530 млрд. т в год. Крупнейшими мировыми экспортерами СПГ являются Индонезия (в 2005 г. объем экспорта составил 31,46 млрд. куб. м), Малайзия (28,52 млрд. куб. м), Катар (27,10 млрд. куб. м), Алжир (25,68 млрд. куб. м).

Республика Корея является крупнейшим в мире потребителем СПГ, уступая пальму первенства по этому показателю лишь Японии. Как видно из табл. 3, в 2005 г. в Республику Корея было импортировано 30,45 млрд. куб. м СПГ (22,23 млн. т), что составило около 16% мирового импорта. Япония импортировала 76,32 млрд. куб. м СПГ (в 2,5 раза больше Кореи), или более 40% мирового импорта. В целом на страны Северо-Восточной Азии в 2005 г. пришлось более 116 млрд. куб. м, или более 60% мирового рынка СПГ.

Основными потребителями природного газа в Республике Корея являются электрогенерирующие компании, их доля в совокупном объеме потребления составляет около 40%. Остальные 60% приходятся на 36 «городских газовых компа-

Таблица 3

Объем импорта СПГ основными потребителями в США в 2005 г.

Импортер	Объем импорта, млрд. куб. м
Япония	76,32
Республика Корея	30,45
Тайвань	9,61

Источник: по данным BP-Статистического обзора мировой энергетики. Июнь 2006 г.

Таблица 4

Потребление природного газа в Республике Корея, тыс. т

Потребитель	2000 г.	2004 г.	2005 г.
Энергогенерирующие компании	4 491	8 818	8 341
Городские газовые компании	9 528	12 510	13 861
Прочие	340	516	620
ИТОГО	14 359	21 844	22 822

Источник: По данным Korea Energy Economics Institute.

ний» (city gas companies), которые являются продавцами и поставщиками природного газа на розничном рынке. Статистические данные, характеризующие спрос на природный газ, приведены в табл. 4.

Городские газовые компании обеспечивают природным газом и бытовых потребителей (домашние хозяйства), которые используют его в основном для отопления, так и коммерческие компании, а также промышленные предприятия, не относящиеся к энергетическому сектору экономики. Эксперты Министерства торговли, промышленности и энергетики прогнозируют рост объема потребляемого природного газа к 2015 г. до 50 млрд. куб. м в год. Причем столь значительный рост будет обеспечен прежде всего возрастанием спроса со стороны городских газовых компаний, тогда как объем природного газа, потребляемого в электроэнергетике, не возрастет.

История развития газовой промышленности Республики Корея начинается с 1986 г., когда страна впервые импортировала СПГ для его использования в качестве топлива на электрогенерирующих предприятиях. В течение всего периода развития газовой промышленности страны монопольное право на импорт СПГ, его регазификацию, хранение, транспортировку внутри страны и оптовую продажу при-

надлежало корпорации «Когаз». В настоящее время инфраструктура газовой промышленности Республики Корея, почти полностью принадлежащая корпорации «Когаз», состоит из трех терминалов по приему, хранению и регазификации СПГ и сети газопроводов общей протяженностью 2 500 км. Терминалы расположены в городах Инчхоне (мощностью 3 300 т в час), Пхентхэке (мощностью 2 566 т в час) и Тоньяне (мощностью 1350 т в час). Еще один терминал построен компанией POSCO в г. Кваньяне.

В настоящее время поставки СПГ в Республику Корея осуществляются из 6 стран. В 2006 г. корпорация «Когаз» импортировала 24,6 млн. т СПГ, что на 7% больше показателя 2005 г. (23 млн. т). Корпорация имеет 8 среднесрочных и краткосрочных контрактов на импорт СПГ в РК и контракт с корпорацией KNOC на трубопроводные поставки природного газа месторождения «Донхэ-1». Основные условия договоров поставки приведены в табл. 5.

Помимо корпорации «Когаз» импорт СПГ в Республику Корея осуществляют также сталелитейная корпорация «POSCO» и энергетическая компания «K-power», являющаяся совместным предприятием SK и British Petroleum. Эти компании, а также энергетическая корпорация GS, получили лицензию на импорт СПГ в 2005 г., что стало ознаменованием важного этапа реформирования газовой промышленности, ограничением 20-летней монополии «Когаз» на импорт. Однако, ни POSCO, ни «K-power» не имеют право на продажу СПГ на внутреннем корейском рынке, а импортируют его исключительно для собственных нужд.

Корпорация POSCO заключила в 2004 г. договор с компанией Tangguh Consortium на поставку СПГ из Индонезии сроком на 20 лет. Ежегодный объем поставок составляет 550 тыс. т. Прямые поставки СПГ без посредничества «Когаз» по расчетам специалистов POSCO позволят экономить до 39 млн. долл в год. Первая поставка состоялась во второй половине 2005 г. Корпорация POSCO намерена активно участвовать в газовой индустрии. С этой целью в 2005 г. POSCO завершила строительство собственного терминала по приему, хранению и регазификации СПГ в г. Кваньяне. Именно терминал POSCO использует корпорация «K-power», самостоятельно импортируя СПГ. Корпорация «K-power» планирует закупать ежегодно 800 тыс. куб. м СПГ для использования на своей электростанции в Кваньяне. Поставки СПГ «K-power» начались в 2006 г.

Энергетическая компания GS, как указано ранее, также имеет лицензию на импорт СПГ для использования в качестве топлива на своей электростанции в г. Пугок, однако поставки еще не осуществлялись.

Таким образом, в целом организационная структура газовой промышленности Республики Корея по состоянию на конец 2006 г. – начало 2007 г. выглядит следующим образом. Импортные поставки СПГ осуществляют корпорации «Когаз», POSCO и «K-power». POSCO и «K-power» импортируют СПГ исключительно для

Таблица 5

Контракты на поставку природного газа корпорации «Когаз»

Поставщик	Страна	Срок	Объем, тыс. т	Условия поставки
PERTAMINA	Индонезия	12.1986 – 11.2007	2 000	EX-SHIP
		1.1992 – 11.2007	300	EX-SHIP
		7.1994 – 6.2014	2 000	FOB
		1.1998 – 12.2007	1 000	FOB
MLNG	Малайзия	6.1995 – 3.2015	2000	FOB
		5.2003 – 3.2010	1500*	EX-SHIP
		10.2004 – 4.2008	360–780	EX-SHIP
		10.2004 – 4.2008	180–270	EX-SHIP
		1.2008 – 3.2028	1500*	DES
RASGAS	Катар	8.1999 – 12.2024	4920	FOB
		10.2004 – 4.2008	480–1140	EX-SHIP
OLNG	Оман	2.2000 – 12.2004	4060	FOB
BLNG	Бруней	7.1997 – 3.2013	700	EX-SHIP
Woodside Energy	Австралия	10.2003 – 3.2010	500	EX-SHIP
Donghae	Республика Корея	7.2004 – 7.2019	400	PNG
YLNG	Йемен	12.2008 – 12.2028	2000	FOB
SAKHALIN Energy		4.2008 – 3.2028	1500	FOB

Источник: Финансовый отчет корпорации «Когаз» за 2006 г.

собственных нужд и используют в электроэнергетике. Государственная корпорация «Когаз», обладая монопольным правом на оптовые продажи природного газа внутри страны, поставляет газ электрогенерирующим компаниям и 32 городским газовым компаниям. Последние, в свою очередь, перепродают газ на розничном рынке бытовым и прочим (неэнергетическим) потребителям. Городские газовые компании являются частными предприятиями (акционерными обществами). Причем ма-

жоритарными акционерами многих городских газовых компаний являются нерезиденты. Регулирование цен на природный газ и тарифов на услуги газораспределяющих организаций осуществляет Министерство торговли, промышленности и энергетики (MOCIE) после консультаций с Министерством финансов и экономики (MOFE) и корпорацией «Когаз». За основу принимается затратный метод ценообразования. При расчете величины тарифа учитывается контрактная стоимость импортируемого СПГ, расходы на его транспортировку, страховые расходы, пошлины, амортизация оборудования, расходы на заработную плату персонала и т.д. Также нормативно определяется прибыль корпорации «Когаз». Импортная пошлина на СПГ составляет 1%. Величина тарифа пересматривается несколько раз в год. В 2006 г., к примеру, средневзвешенный размер тарифа на природный газ на оптовом рынке составлял 433,05 воны за 1 куб. м. При такой цене маржа корпорации «Когаз» составляла 47,06 воны за 1 куб. м.

Начиная с конца 1990-х годов, правительство Республики Корея несколько раз предпринимало попытки реструктуризации газовой промышленности, ограничения роли государства в нем, приватизации корпорации «Когаз». Однако эти планы полностью реализовать не удалось, и газовая промышленность по-прежнему остается одной из наименее либерализованных отраслей корейской экономики.

«Основной план реструктуризации газовой промышленности», принятый в 1999 г., предполагал разделение корпорации «Когаз» на 3 компании, каждая из которых могла бы осуществлять импорт и оптовую продажу природного газа на внутреннем рынке. Затем 2 из вновь образованных компаний должны были быть приватизированы путем продажи их акций на фондовой бирже, а 1 компания под прежним названием «Когаз» осталась бы государственным предприятием. Основные активы в виде терминалов и газораспределительных сетей остались бы в собственности «Когаз», но доступ к ним частных компаний не был бы ограничен. Однако этот план полностью реализовать не удалось из-за мощного противодействия профсоюзных организаций, а также неопределенности относительно долгосрочных контрактов на поставку СПГ, которые ранее были заключены «Когаз». В итоге реализация «Основного плана реструктуризации газовой промышленности» состоялась лишь применительно к приватизации «Когаз», которая прошла в 1999 г. В табл. 6 приведены данные о структуре акционерного капитала корпорации «Когаз».

Из табл. 6 видно, что в настоящий момент государству принадлежит более 51% акционерного капитала корпорации «Когаз» (26,86% непосредственно и 24,46% через корпорацию KESCO). Владение нерезидентами ограничено 30% акционерного капитала, причем единоличное владение не может превышать 15%. Акции «Когаз» котируются на Корейской фондовой бирже. Общее количество акций составляет 70 815 тыс. штук. Текущая рыночная стоимость составляет около 35 700 вон за одну акцию.

Новая попытка реструктурировать газовую промышленность была предпринята

Таблица 6

Структура акционерного капитала «Когас»

	Доля в акционерном капитале, %							
	Правительство Республики Корея в лице Министерства торговли, промышленности и энергетики	KESCO	Провинциальные администрации	Работники компании «Когас»	KOGAS	Treasury	Прочие резиденты	Нерезиденты
Декабрь 1999	26,86	24,46		5,52	8,55		43,09	0,07
Декабрь 2000	26,86	24,46		5,47	9,65		32,42	2,24
Декабрь 2001	26,86	24,46		5,30			28,70	5,03
Июнь 2006	26,86	24,46	9,80	5,1		6,8	16,6	10,3

Источник: Финансовый отчет корпорации «Когас» за 2006 г.

в 2003 г. Некоторые положения этой реформы были реализованы, несмотря на противодействие профсоюзов. В частности, к импорту СПГ предлагалось допустить компании, являющиеся крупными потребителями газа. Как указано выше, лицензии на импорт СПГ получили корпорации POSCO, «K-power» и GS. Также допускается строительство этими компаниями терминалов по приему и регазификации СПГ. Однако оптовая продажа и сооружение газораспределительных сетей не разрешена. Эти сегменты рынка по-прежнему монопольно принадлежат корпорации «Когаз». Розничная продажа газа, в целом, свободна для участия в ней частных компаний, и роль государства сводится к контролю безопасности эксплуатации объектов газовой инфраструктуры и ценовому регулированию.

Оценивая перспективы дальнейшей либерализации газовой промышленности, эксперты в настоящий момент прогнозируют отсутствие серьезных сдвигов как минимум до окончания полномочий нынешней администрации Но Му Хёна.

Наряду с либерализацией топливно-энергетического комплекса современная энергетическая политика Республики Корея предполагает *диверсификацию* поставок углеводородных ресурсов, позволяющую максимально обеспечить энергетическую безопасность страны, что особенно важно для государства, зависящего от импорта энергоресурсов едва ли не на 100%. Одним из возможных направлений диверсификации, по мнению Республики Корея, может стать организация поставок

природного газа из России. Трубопроводные поставки российского газа могли бы дать РК дополнительные аргументы в переговорах с поставщиками СПГ относительно ценовых и прочих условий сотрудничества с ними. Первые попытки российско-корейского диалога относительно организации поставок природного газа пришлись на конец 1980-х – начало 1990-х годов. Инициатором их с корейской стороны был основатель группы «Хендэ» Чон Джу Ен, бывший большим сторонником экономического сотрудничества с Советским Союзом, а затем – с Россией. Для разработки экономического обоснования проекта строительства газопровода из Якутии через КНДР в Республику Корея общей протяженностью более 6000 км. был создан консорциум корейских компаний, по поручению которого работала корпорация «Когаз». Общая стоимость проекта оценивалась в 23 млрд. долл. Однако в итоге стороны отказались от планов его реализации. Другим проектом являлся проект строительства газопровода из России в Республику Корея, рассчитанного на Ковыктинское газоконденсатное месторождение. Лицензия на его разработку принадлежит компании «Русиа Петролеум». Интересно, что в июле 1996 г. корпорация «East Asia Gas Co.», являвшаяся дочерним предприятием крупнейшей корейской сталелитейной компании Hanbo Group, объявила о покупке 27,5% акций компании «Русиа Петролеум». Однако в 1997 г. группа Hanbo обанкротилась, и доля в «Русиа Петролеум» была продана российской корпорации «Сиданко», в свою очередь передавшей эти акции корпорации British Petroleum. Существует значительное количество экспертных прогнозов, по которым в ближайшее время право на разработку этого месторождения перейдет ОАО «Газпром», который уже несколько лет совместно с корейскими и китайскими компаниями разрабатывает различные варианты поставок газа в Китай и Республику Корея. Существует два основных варианта строительства газопровода. Один – через Китай в Республику Корея по дну Желтого моря, другой – через КНДР. Возможно, именно обсуждению проекта транзита российского газа через территорию КНДР был посвящен визит председателя правления «Газпрома» А. Миллера в эту страну в январе 2007 г. Однако, помимо маршрута, определения оператора с российской стороны, других нерешенных проблем, остается неурегулированным вопрос цены, которую были бы готовы платить Китай и Республика Корея за газ.

Более реальным представляются перспективы поставок в Республику Корея СПГ. До настоящего времени Россия, будучи одним из основных поставщиков природного газа на европейский энергетический рынок, не производила в больших количествах СПГ. Первым крупным российским проектом по производству СПГ является «Сахалин-2», разрабатываемый компанией «Sakhalin Energy». В начале 2005 г. компания «Sakhalin Energy» выиграла тендер на поставку в РК ежегодно 1,5 млн. т СПГ в течение 20 лет, начиная с апреля 2008 г. Общая стоимость сделки оценивалась в 16 млрд. долл. Этот контракт стал первым долгосрочным договором о поставках

энергоносителей из России в Республику Корея. За несколько месяцев до объявления результатов тендера в российских и корейских СМИ появились сообщения о том, что учредители «Sakhalin Energy» англо-германская Royal Dutch/Shell (55%), японские Mitsui (25%) и Mitsubishi (20%) пригласили «Когаз» в состав акционеров компании. Подробности этих переговоров достоянием общественности так и не стали. А в 2007 г. ведущим акционером Sakhalin Energy стал «Газпром», выкупивший за 7,45 млрд. долл. 50% акционерного капитала плюс 1 акцию. Доли трех других акционеров сократились соответственно в 2 раза. Несмотря на неудачную попытку корпорации «Когаз» войти в число акционеров Sakhalin Energy, необходимо отметить, что ей принадлежат доли в газодобывающих проектах в Катаре (3%), Омане (1,2%), Мьянме (два проекта по 10%) и Йемене (6%).

В октябре 2006 г. состоялась первая «спотовая» поставка СПГ «Газпромом» в Республику Корея. Дочерняя компания «Газпрома» Gazprom Marketing and Trading LTD приобрела СПГ у компании Mitsubishi Corporation и продала корпорации «Когаз».

Вопросы российско-корейского энергетического сотрудничества обсуждались в ходе визита председателя Правительства РФ М. Е. Фрадкова в Республику Корея 17 октября 2006 г. По результатам визита было подписано «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области газовой промышленности». Соглашение предусматривает, что «стороны будут способствовать развитию сотрудничества в... поставках трубопроводного природного газа из Российской Федерации в Республику Корея... развитии инфраструктуры месторождений природного газа, а также береговых терминалов для отгрузки сжатого и сжиженного природного газа...». Важным пунктом соглашения является также то, что «стороны отмечают, что Российская Федерация проводит политику *единого* экспортного канала для природного газа, добываемого в Российской Федерации».

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Природный газ занимает важное место в топливно-энергетическом балансе Республики Корея. Потребление природного газа имеет устойчивую тенденцию к росту. Потребность южнокорейской экономики в газе удовлетворяется за счет импорта СПГ. Основными поставщиками СПГ в Республику Корея являются Катар, Оман, Индонезия и Малайзия. Монополией на импорт и оптовую продажу на внутреннем рынке имеет государственная корпорация «Когаз». Также лицензией на импорт СПГ для использования исключительно в собственных нуждах обладают компании POSCO, «K-power» и GS. Розничный рынок природного газа открыт для участия в нем частных компаний, в том числе и с иностранным капиталом. Начиная с 2008 г., поставки СПГ будут осуществляться из России компанией Sakhalin Energy. В настоящее время обсуждаются проекты строительства газопроводов из России в Республику Корея, рассчитанных на природный газ Ковыктинского и других сибирских газоконденсатных месторождений. ■

М. М. Стеклов *

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И РК В РЕШЕНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ КНДР

В течение длительного времени КНДР испытывает хронический энергетический дефицит, сдерживающий экономическое развитие страны и рост уровня жизни населения. В 2000 г. потребление первичной энергии в Северной Корее составило только 8% от южнокорейского¹. В результате изношенности оборудования на действующих электростанциях генерирующие мощности сократились с 46 ТВт-ч в 1990 г. до 13 ТВт-ч в 2000 г.² Потребление электроэнергии в 2001 г. составляло 58% от уровня 1991 г.

Северокорейские энергетики выделяют следующие основные направления обеспечения энергетической безопасности страны: сокращение доли угля в энергобалансе, диверсификация источников энергии, разработка собственных нефтяных месторождений, развитие атомной энергетики. Однако в силу ограниченности финансовых ресурсов и слабости технической базы самостоятельно решать эти вопросы они не в состоянии.

Опыт получения КНДР международной энергетической помощи в рамках программы КЕДО с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС показал, что основной целью этой организации было свертывание северокорейской ядерной программы, а не создание новых энергетических мощностей. После «замораживания» строительства двух легководяных реакторов проблема энергоснабжения КНДР еще более обострилась. С 2002 г. в связи с нехваткой топлива и выходом из строя оборудования имеющиеся мощности по производству электроэнергии используют только на 30%³.

Каковы же могут быть перспективы энергетического оздоровления Северной Кореи в будущем? Имеется ли реальная альтернатива решения этого вопроса в формате, отличном от КЕДО?

Анализ показывает, что наиболее заинтересованными сторонами в решении северокорейской энергетической проблемы являются Республика Корея и Россия.

Республика Корея рассматривает энергетические трудности КНДР как серьезное препятствие для стабилизации положения на Корейском полуострове. Вопросы энергетического сотрудничества стали предметом обсуждения в ходе межкорейских контактов, начиная с декабря 2000 г. Оказание энергетической помощи Северной Корее является одной из важных составных частей диалога с КНДР, что нашло отражение во втором государственном энергетическом плане. При этом РК рассчитывает решить целый ряд важных задач, к которым относятся:

- обеспечение транзита энергоресурсов из России в РК через КНДР;
- удержание экономической неустойчивости КНДР в пределах, не допускающих резкой дестабилизации обстановки на Севере;
- обеспечение энергией предприятий, создаваемых в КНДР с участием южнокорейских инвесторов, а также объектов транспортной инфраструктуры, которые могут потребоваться для соединения Транскорейской железнодорожной магистрали с железными дорогами России и Китая;
- вовлечение КНДР в региональную экономическую интеграцию в СВА и АТР в целях нормализации обстановки на Корейском полуострове.

В близкой перспективе помощь предлагается оказывать на льготных условиях или безвозмездно с учетом необходимости не допустить дальнейшего обострения энергетического кризиса в КНДР. В качестве единственного условия выдвигается отказ КНДР от реализации ядерной программы. В более отдаленные сроки предполагается перевести передачу электроэнергии на Север на коммерческую основу. В частности, в августе 2001 г. правительство Южной Кореи рассматривало возможность использования железных дорог Северной Кореи для перевозок импортного китайского угля в обмен на поставки электроэнергии. В дальнейшем возможен переход к более сбалансированному взаимовыгодному сотрудничеству, основой которого может стать участие РК в строительстве энергетических объектов на Севере для снабжения энергией обоих корейских государств⁴.

Среди возможных направлений оказания энергетической помощи КНДР рассматриваются:

- Выделение для КНДР энергетических мощностей, расположенных на южнокорейской территории (в июле 2005 г. министр по делам объединения РК Чон Дон Ён заявил о готовности РК с 2008 г. начать передачу электроэнергии в КНДР общей мощностью 2 МВт) при условии отказа Пхеньяна от своей ядерной программы. Это позволит Сеулу усилить влияние на экономику КНДР и обеспечит благоприятные условия для активного проникновения южнокорейского капитала в северокорейскую экономику (пилотный проект отрабатывается в Кэсоне – в 2005 г. КЕПКО завершила строительство 25-километровой ЛЭП, через которую с Юга подается электроэнергия на предприятия комплекса)⁵.

- Реконструкция северокорейских электростанций и линий электропередачи.

* Центр международных исследований МГИМО (У) МИД РФ, Москва.

По оценкам южнокорейских специалистов, капиталовложения при этом составят 2,3 млрд. долл., а в случае подключения Севера к южнокорейским энергоблокам мощностью 2 МВт – 800 млн. долл. ежегодно⁶.

▪ Вовлечение КНДР в региональную энергетическую структуру, которая позволит не только снизить остроту энергетического голода в Северной Корее, но и будет способствовать развитию энергетической интеграции в СВА, в которой Сеул планирует играть одну из центральных ролей.

▪ Участие РК в международной энергетической помощи КНДР. Основная финансовая нагрузка ляжет на Южную Корею (доля РК в финансировании проекта КЕДО составляла 70% от общей стоимости проекта – 4,6 млрд. долл.)⁷. Единственным источником заемных средств на нынешнем этапе может быть только основанный в 2001 г. южнокорейский Фонд экономического сотрудничества между Севером и Югом⁸ (около 1,9 млрд. долл.⁹). Прочие источники (компенсации со стороны Японии за аннексию Кореи, прямые иностранные инвестиции) пока рассматриваются только гипотетически. Не являясь членом международных финансовых институтов (МВФ, МБРР, АБР), КНДР не может рассчитывать на получение от них льготных кредитов.

Следует иметь в виду, что независимо от формата международной энергетической помощи КНДР Вашингтон и Токио будут торпедировать любые решения, идущие в разрез с их интересами. Поэтому на нынешнем этапе оказание международной энергетической помощи Северной Корее возможно только при условии исключения атомной составляющей, что даст возможность разблокировать отношения КНДР с США и Японией.

Естественным партнером РК в оказании энергетической помощи Северу может стать **Россия**, что объективно соответствовало бы ее статусу единственного нетто-экспортера нефти и газа в Северо-Восточной Азии. Как в Сеуле, так и в Пхеньяне Россия воспринимается как один из ключевых факторов решения энергетической проблемы. Политические и экономические интересы России, РК и КНДР создают благоприятные предпосылки для развития энергетического сотрудничества в трехстороннем формате, которое одновременно могло бы стимулировать и многостороннее сотрудничество на региональном уровне. Для России Северная Корея хотя и не имеет самостоятельного значения как потребитель энергоресурсов в силу своей неплатежеспособности и относительно небольшого спроса, но представляет интерес как транзитная территория для экспорта энергоресурсов в Южную Корею и как объект международной энергетической помощи, в счет которой можно увеличить поставку в КНДР оборудования и материалов.

С учетом направлений энергетической помощи КНДР, которые наметила Южная Корея, объектами трехстороннего сотрудничества могут быть:

- транскорейская ЛЭП-500 (передача электроэнергии из Приморья в КНДР и РК);

- реконструкция действующих в КНДР электростанций, построенных при содействии СССР;

- транскорейский газопровод (поставки сахалинского газа в КНДР и РК, газификация КНДР);

- разведка нефти и газа на шельфе КНДР;

- восстановление нефтеперерабатывающего производства в КНДР;

- проработка вариантов безопасного использования в КНДР атомной энергии.

По всем этим направлениям имеются заделы, которые при благоприятных условиях могут получить дальнейшее развитие.

Транскорейская ЛЭП-500. Институтом энергетических систем им. Мелентьева (Иркутск) и проектным институтом «Дальэнергосетьпроект» (Владивосток) по заказу «Востокэнерго» подготовлено исследование «Экспорт и импорт электроэнергии и энергетический обмен между российским Дальним Востоком, КНДР и РК», получившее одобрение РАО «ЕЭС России». Развитию энергетического комплекса Дальнего Востока уже сейчас придается экспортная направленность. К 2010 г. производство электроэнергии на Дальнем Востоке достигнет 51 ТВт-ч, а спрос местных потребителей в южной части региона составит всего 25 ТВт-ч.

В сентябре 2002 г. между Россией, РК и КНДР был подписан протокол о взаимной заинтересованности в строительстве ЛЭП Приморье – Корейский полуостров. Наибольший интерес к этому проекту проявляет КНДР, так как его реализация позволила бы сократить северокорейский дефицит электроэнергии на 30% и стать альтернативой несостоявшемуся проекту КЕДО без нежелательного для Северной Кореи усиления энергозависимости от РК. Однако запланированная на 2004 г. подготовка ТЭО не состоялась в связи с нерешенностью вопроса о финансировании работ. Российская сторона не намерена брать на себя расходы по прокладке ЛЭП в КНДР до тех пор, пока РК не гарантирует закупку электроэнергии. Думается, эта позиция должна быть изменена в сторону долевого финансирования совместно с Южной Кореей. Расходы России на строительство ЛЭП в КНДР и оказание этой стране энергетической помощи могли бы в полной мере компенсироваться политическими и экономическими дивидендами в виде повышения влияния на Корейском полуострове и в СВА в целом, ликвидации очага напряженности у дальневосточных границ России, создания энергетического и транспортного коридора, выводящего грузопоток и энергоресурсы на динамично развивающийся рынок Южной Кореи и других стран АТР.

Хотя РК заинтересована в подаче электроэнергии на Север со своей территории, но экономические преимущества российского варианта, несовместимость энергосетей Севера и Юга, а также нежелание Северной Кореи быть энергетически зависимой от РК могут побудить южнокорейскую сторону склониться к принятию российского предложения¹⁰. Его реализация также отвечала бы и интересам Юж-

ной Кореи с учетом опасности возникновения дефицита электроэнергии (через 10–15 лет спрос на электроэнергию в стране возрастет на 100–150 ТВт·ч).

Транскорейский газопровод (поставки сахалинского газа в КНДР и РК, газификация КНДР). Для российского газа КНДР имеет в первую очередь транзитное значение. В связи с практически полным отсутствием газовой инфраструктуры в КНДР использование газа на Севере в близкой перспективе маловероятно. Но средства, которые Северная Корея может получить за газовый транзит, позволили бы ей постепенно перевести часть промышленного и бытового сектора на газовое топливо, а также обеспечить сырьем слабо загруженные заводы химических удобрений. Уже в близкой перспективе газ может потребоваться южнокорейским предприятиям, открывающимся в Кэсонском промышленном комплексе.

К наиболее организационно проработанным в трехстороннем формате можно отнести проект поставки в РК газа из Якутии. В 1992 г. проведены консультации с участием южнокорейских и северокорейских представителей. От КНДР получено заверение, подтверждающее беспрепятственную перекачку газа на Юг через северокорейскую территорию. В качестве платы за транзит Северная Корея согласилась получать часть экспортируемого газа. В итоге были подписаны двустороннее (Россия – РК), трехстороннее (Россия – Республика Саха – РК) и четырехстороннее (Россия – Республика Саха – РК – КНДР) соглашения, сформирован Объединенный комитет по координации работ и три взаимодействующих между собой консорциума. В российский консорциум вошли «Газпром», «Роснефтегазстрой», «Роснефтегаз», «Трансстрой», Международный союз металлургов и Российский союз промышленников и предпринимателей. Якутский консорциум образовали «Саханефтегаз» и «Якутгазпром», а южнокорейский – 11 компаний во главе с КЕПКО и КОГАЗ. Между КЕПКО, «Саханефтегаз» и ВНИИПИ «Газодобыча» было заключено соглашение о совместной подготовке предварительного ТЭО проекта. Финансирование работ по ТЭО взяла на себя южнокорейская сторона. На основании заключения, подготовленного в феврале 1996 г., РК отказалась от дальнейшей проработки проекта, сославшись на его нерентабельность в связи с необходимостью проведения большого объема геологоразведочных работ и прокладки газопровода большой протяженности (6,6 тыс. км) в сложных геологических и климатических условиях. Оценочная стоимость проекта варьировалась от 17 до 23 млрд. долл. Среди сдерживающих политических факторов наиболее существенными были отсутствие официальной поддержки со стороны российских федеральных органов и опасение попасть в зависимость от КНДР.

Однако интерес со стороны Северной Кореи к газовому транзиту сохранился и проявился в ходе последующей проработки Ковыктинского проекта. Для участия в обсуждении перспектив строительства газопроводов в СВА в 1998 г. было образовано Общество по исследованию проблем природного газа (ОИПГ), представители

которого участвовали в международных форумах по газу и трубопроводам в СВА в Улан-Баторе (1998) и Якутске (1999). В апреле 2001 г. ОИПГ подписала с датским консорциумом меморандум о намерениях относительно строительства газопровода по территории КНДР и трех ТЭЦ вдоль газового маршрута общей мощностью 500 МВт¹¹.

В ходе проработки маршрутов поставки в РК российского газа из Ковыкты эксперты КОГАЗ пришли к выводу, что транзит через КНДР мог бы стать наиболее экономичным. Аналогичной точки зрения придерживается и руководство ОАО «Газпром»¹². Северокорейский вариант получил активную поддержку со стороны администрации Ким Дэ Чжуна. Стремясь заинтересовать Северную Корею перспективами газового транзита, КОГАЗ в феврале 2001 г. предложил северокорейской стороне провести соответствующие совместные исследования¹³, а южнокорейский концерн «Хёндэ» в сентябре того же года объявил о намерении наладить газоснабжение промышленного комплекса в Кэсоне¹⁴. В сентябре 2002 г. во время пребывания делегации КОГАЗ в Пхеньяне северокорейская сторона подтвердила свой интерес к газовому проекту. Параллельно осуществлялись контакты между Пхеньяном и Москвой, в ходе которых Север предложил 2/3 газового транзита оплачивать поставками газа и газовым оборудованием, а остальную часть – валютой¹⁵.

Перспектива прокладки газопровода через КНДР обсуждалась на встрече руководителей ОАО «Газпром» и КОГАЗ (февраль 2003 г., Сеул), а также в ходе визита А. Миллера в КНДР (январь 2005 г.).

В качестве варианта, альтернативного Иркутскому проекту, рассматривался также газопровод Сахалин – Хабаровск – Владивосток – КНДР – РК в рамках проекта «Сахалин-3». В сентябре 2003 г. между ОАО «Стройтрансгаз» и компанией «Фаундейшн Системз Инкорпорейтед», представляющей трубопроводный консорциум «Ко-Рус», подписан меморандум о развитии нефтегазовой инфраструктуры в России и на Корейском полуострове. В документе предусмотрено предоставление гарантий финансирования, под которые «Стройтрансгаз» возьмет кредит на строительство газопровода с Сахалина до Республики Корея через КНДР длиной 3040 км. Стоимость проекта – 3,5 млрд. долл., ориентировочный срок реализации – 4 года. В его подготовке активно участвовали некоторые влиятельные американские политики, не согласные с действиями администрации Буша в отношении КНДР. В течение 2003 г. конгрессмен-республиканец К. Уэлдон и Директор Азиатской программы Центра международной политики в Вашингтоне С. Харрисон неоднократно вели переговоры с северокорейскими властями по данному вопросу. Администрация Но Му Хёна в рамках ведущихся шестисторонних переговоров также поддерживает проект поставки трубопроводного газа с Сахалина через КНДР по формуле «газ в обмен на мир» в качестве альтернативы программе КЕДО, что находит поддержку со стороны секретариата ООН.

Однако Вашингтон и Токио, руководствуясь своими стратегическими интересами, выступают против создания международного консорциума, альтернативного

КЕДО, и участия мировых финансовых центров в инвестиционных проектах в Северной Корее. В Белом доме опасаются, что успешная реализация газового или иных энергетических проектов в КНДР на фоне закрытия неудавшейся программы КЕДО приведет к резкому снижению влияния США в регионе и ослаблению контроля над ядерными амбициями Пхеньяна.

Реконструкция действующих в КНДР электростанций, построенных при содействии СССР. Руководитель КНДР Ким Чен Ир во время визита в Россию высказал мнение, что ленинградский Металлический завод (ЛМЗ) должен войти в число российских предприятий, которые будут участвовать в модернизации энергетики Северной Кореи¹⁶. При этом мог бы быть востребован имеющийся опыт сотрудничества российских и южнокорейских предприятий по совместному освоению рынков третьих стран (ОАО «Силовые машины» совместно с фирмой «Эйч Си Ди Энджин К^о» приняли участие в тендере на поставку генератора для дизель-электростанции в Греции¹⁷).

Восстановление нефтеперерабатывающего производства в КНДР. Отмечается интерес трех сторон к оживлению в Северной Корее нефтеперерабатывающего сектора, который ослабил бы зависимость КНДР от импорта нефтепродуктов, позволил бы расширить экспортную базу страны, в том числе для расчетов с потенциальными инвесторами из России и Южной Кореи. В частности, по линии ОАО «Российские железные дороги» прорабатывается план расширения железнодорожной колеи до северокорейского порта Раджин, где находится построенный при содействии СССР нефтеперерабатывающий завод «Сынни», с целью увеличения поставок в КНДР на переработку российской нефти¹⁸.

Разведка нефти и газа на шельфе КНДР. Так же, как Южная Корея, Россия проявляет интерес к участию в освоении обнаруженных на территории КНДР и на ее шельфе 7 перспективных нефтегазовых месторождений, что подтверждается высказываниями руководства ОАО «Газпром»¹⁹. Летом 1999 г. российские специалисты приступили к изучению ресурсов северокорейского континентального шельфа в Желтом и Японском морях. В ходе контактов северокорейская сторона проявила заинтересованность к поставкам российского нефтегазового оборудования, а также к созданию совместных предприятий по его производству²⁰. Объединение российского опыта разработок нефтегазовых месторождений и южнокорейских технологий могло бы дать положительный результат на этом перспективном направлении.

Проработка вариантов безопасного использования в КНДР атомной энергии. В случае если вопрос о северокорейской ядерной угрозе удалось бы снять, то могли бы открыться новые возможности для трехстороннего сотрудничества в этой области. Уровень развития ядерной энергетики в России и РК позволяет наладить сотрудничество по созданию ядерных реакторов нового поколения, которые не могут быть использованы в военных целях и имеют высокий уровень

защиты. Размещение таких энергоблоков в КНДР было бы полностью безопасным. Другой возможный путь – подача в КНДР энергии с плавучих АЭС, разрабатываемых в России (Южная Корея проявляет к этим работам повышенный интерес²¹).

Заинтересованность России и КНДР в сотрудничестве на этом направлении неоднократно озвучивалась на официальном уровне. Столкнувшись с жесткой позицией участников КЕДО в отношении ее национальной ядерной программы, КНДР предлагала включить Россию в состав участников этой организации. В 1998 г. министр атомной энергетики РФ Е. Адамов предложил в рамках проекта КЕДО построить АЭС в Приморском крае, которая снабжала бы электроэнергией Северную Корею и российский Дальний Восток. По мнению Минатома, этим была бы решена и проблема нераспространения ядерных технологий. В июле 2000 г. министр иностранных дел РФ И. Иванов в ходе саммита на Окинаве заявил, что российские эксперты изучают предложение руководства КНДР о присоединении к КЕДО. Однако российские технологии не были востребованы международным консорциумом, ориентированным на западных поставщиков.

Отношение РК к развитию ядерной энергетики в Северной Корее не столь категорично, как у США. Южная Корея, являясь самым крупным донором программы КЕДО (70%) и вложив в ее реализацию 1,54 млрд. долл.²², не заинтересована в полном отказе от планов строительства в КНДР двух легководных реакторов. В длительной перспективе Сеул видит возможность использования атомной энергии для решения энергетической проблемы Севера²³ и надеется, что при благоприятных условиях в будущем программа КЕДО может быть возобновлена под эффективным международным контролем. По мнению Пан Ги Муна, избранного на пост Генерального секретаря ООН, Северная Корея должна иметь право в будущем развивать невоенные ядерные программы в области энергетики.

Примечания

¹ Alexander's Gas&Oil Connections. News&Trends E & SE Asia. Vol. 9. Issue №15. 04.08.2004. <http://www.gasandoil.com/goc/news/nts43138.htm>

² Peter Hayes, David von Hippel, Jungmin Kang, Tatsujiro Suzuki, Richard Tanter, Scott Bruce. South Korea's Power Play at the Six-Party Talks // East Asia Science and Security Collaborative Special Report. The Nautilus Institute. 21.07.2005.

³ Korea Times. 12.07.2005

⁴ Чон У Чжин. Анализ экономического влияния межкорейского энергетического сотрудничества на Северную Корею (2004-18). Сеул: Корейский институт энергетической экономики (кор. яз.)

⁵ Единство. 2005. № 3/58. Международная корейская ассоциация «Единство».

⁶ Чон У Чжин. Указ. соч.

⁸ Korea Times. 12.07.2005

⁹ Ян Ы Сок. Исследование источников финансирования реконструкции и развития энергетичес-

кой промышленности КНДР (2004-17). Сеул: Корейский институт энергетической экономики (кор. яз.).

¹⁰ Сеульский вестник. 05.03.2005

¹¹ Peter Hayes... Указ. соч.

¹² *Keun-Wook Paik*. Pipeline Gas Introduction to the Korean Peninsula // Korea Foundation Project «Energy and Environmental Cooperation in the Korean Peninsula». Seoul, 2005.

¹³ Прайм-ТАСС. 24.10.2005.

¹⁴ Alexander's Gas&Oil Connections. News&Trends E & SE Asia. Vol. 6. Issue № 6. 22.03.2001, 2004.

¹⁵ UK Trade & Investment. Oil & Gas – South Korea Profile. http://www.uktradeinvest.gov.uk/oilandgas/south_korea/profile/overview.shtml

¹⁶ Промышленные ведомости. http://www.pv.derrick.ru/september_2003_08.shtml

¹⁷ http://srv1.nasledie.ru/naslHTTP/cs/OUT_DOC/ID/APL.php?h=/data/prensa/15/ni031101/ni1b3030.txt

¹⁸ База данных МЭРТ РФ. [http://www.exportsupport.ru/law.tv?n\\$docid=194594](http://www.exportsupport.ru/law.tv?n$docid=194594)

¹⁹ Единство. Март 2005. № 3 (58).

²⁰ Нефтегазовая промышленность России. 25.10.2005. <http://www.promgaztorg.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=429>

²¹ Российская бизнес-газета. 06.07.2004. <http://www.rg.ru/business/rinky/16.shtm>

²² http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=0ecfc3ee-6564-40f4-b728-c65e62cdcedc&_Language=ru

²³ Korea Times. 12.07.2005

²⁴ *Чон У Чжин*. Указ. соч.

Е. А. Шалда*

МОДИФИКАЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КНДР В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Экономические трудности, с которыми столкнулась Северная Корея в последние два десятилетия, порождены концептуальным подходом руководства страны к развитию народного хозяйства. В основе экономической политики северокорейского руководства лежит тезис о том, что экономическая независимость является базой политической самостоятельности. Исходя из этого, КНДР никогда не принимала участие в интеграционных и кооперационных мероприятиях с другими странами, а создавала замкнутое многоотраслевое хозяйство. Внешнеэкономическая деятельность КНДР рассматривалась руководством республики как второстепенная хозяйственная сфера, предназначенная осуществлять только взаимодополняющий обмен.

Обобществление средств производства, концентрация в руках государства всех рычагов воздействия на экономику позволили на начальном этапе развития – когда необходимо было восстанавливать разрушенное войной хозяйство – добиться определённых успехов. В процессе индустриализации, которая шла форсированными темпами на протяжении 14 лет (1957–1970 гг.), удалось заложить фундамент материально-технической базы народного хозяйства, создать костяк тяжёлой и лёгкой промышленности.

Вместе с тем уже на заключительном этапе индустриализации возникли серьёзные диспропорции в общественном производстве. В то время как отрасли тяжёлой и обрабатывающей промышленности демонстрировали рост, наметилось серьёзное отставание в развитии топливно-энергетической и сырьевой базы страны. Произошли существенные изменения в структуре занятости и ВВП Северной Кореи (табл. 1).

После достижения определённого экономического прогресса КНДР вынуждена была вступить в новую фазу индустриализации, но для этого требовались передовые технологии и новые капиталовложения. При незначительных географических размерах и малочисленности населения трудно удовлетворить запросы дальней-

* Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН, Москва.

Таблица 1

Структура ВВП и занятости населения КНДР, %

Годы	Доля промышленного производства в ВВП	Доля агропромышленного сектора в ВВП	Занятость в промышленном производстве	Занятость в агропромышленном секторе
1946	23,2	59,1	12	75
1956	40,1	26,6		
1965	62,3	19,3	42	40

Источник: Jong-Woon Lee. North Korea's trade expansion with Western countries in early 1970's and its implication on North Korea's current attempts at economic rehabilitation. Journal of international economic studies. 2002. № 2. P. 101.

шей индустриализации путём мобилизации внутренних ресурсов. В связи с разрывом между уровнем внутренних инвестиций и действительным уровнем потребности в технологиях стратегия строительства экономики с опорой только на собственные силы стала испытывать трудности. Поэтому в начале 1970-х годов руководство Северной Кореи пошло на изменение внешнеэкономической стратегии, которое выразилось в резком росте торгового оборота с несоциалистическими странами, прежде всего – с Японией и странами Западной Европы, в то время как доля торговли со странами социалистического блока резко снизилась.

Последствия расширения торговли с Японией и странами Западной Европы в начале 1970-х годов. Торговый оборот с Японией вырос с 31 млн. долл. в 1965 г. до 361 млн. в 1974 г. – в 12 раз за 10 лет. Северокорейская торговля со странами Западной Европы также резко выросла с 18 млн. долл. в 1965 г. до 378 млн. в 1974 г. По мере того как торговля с западными странами росла, торговый оборот с социалистическими странами постепенно снижался. Если в 1955 г. торговля с социалистическими странами занимала 99,8% от всей внешней торговли КНДР, то к 1975 г. – всего 45,5%. Напротив, доля торговли с несоциалистическими странами увеличилась к 1975 г. до 54,5%. Импорт из несоциалистических стран, который составлял 60% от всего импорта КНДР, превысил объём импорта из социалистических стран¹.

В начале 1970-х годов Северная Корея импортировала из Японии и Западной Европы оборудование для тяжёлой промышленности, транспортные средства, электрооборудование и продукцию химической промышленности, а экспортировала минеральное сырьё, изделия из металла, сельскохозяйственную продукцию. В СССР и Китае в начале 1970-х годов Северная Корея закупала нефтепродукты и зерно.

Расширение внешнеэкономических связей со странами Западной Европы объясняется острой необходимостью КНДР приобрести передовые технологии, которых не было в соцстранах.

Импорт оборудования из Японии и западноевропейских стран позитивно отразился на производительности в северокорейской промышленности в первой половине 1970-х годов, однако породил серьёзную проблему дефицита платёжного баланса. В результате массированных закупок западноевропейских промышленных товаров без соответствующего увеличения экспорта собственной продукции КНДР столкнулась с большим торговым дефицитом. Большое отрицательное сальдо торгового баланса сделало невозможным возврат займов западным кредиторам, и Северная Корея столкнулась с проблемой выплаты внешнего долга.

По мере увеличения торгового дефицита Северная Корея закупала оборудование из Японии и Европы за валюту, полученную в кредит у этих стран. Таким образом, возрастающий торговый дефицит, который в 1974 г. достиг максимума в 583,3 млн. долл., финансировался в большей степени западноевропейскими банками. К 1975 г. северокорейский долг западноевропейским странам составлял 1,2 млрд. долл. В 1976 г. Северная Корея не справилась с долговыми обязательствами в срок и стала задерживать платежи, что в дальнейшем заставило западноевропейских кредиторов заявить о неспособности КНДР выплачивать долги.

Из-за задержки выплаты кредитов и последующего дефолта по платежам кредитный рейтинг Северной Кореи оказался на низшем уровне, что не позволило КНДР делать новые заимствования у западноевропейских банков. Отсутствие доступа к капиталам сделало невозможным продолжение торговли с Европой. Таким образом, быстрое расширение торговых отношений с западноевропейскими странами в начале 1970-х годов оказало большой негативный эффект на экономическое развитие КНДР в долгосрочной перспективе из-за возрастающего торгового дефицита и внешнего долга.

В КНДР недооценили важность сбалансированного развития внешней торговли и экспортноориентированной промышленности на основе сравнительных преимуществ, поэтому в конце 1970-х в северокорейской экономике наступила стагнация. Северокорейское руководство вступило в торговлю с западноевропейскими странами с целью получения новых технологий и промышленного оборудования, недоступного внутри страны или у соцстран, а не с целью ускорения экономического роста посредством расширения экспорта, как поступили восточноазиатские новые индустриальные страны.

Нехватка валюты стала основным препятствием в приобретении современного технологического оборудования в западноевропейских странах. В ответ на дефицит торгового баланса северокорейское руководство ещё больше стало тяготеть к принципу экономической самодостаточности и независимости и сконцентрирова-

лось на использовании внутренних ресурсов и технологий, чтобы не допустить технологического отставания и замедления темпов экономического роста. Второй 7-летний план, который начался в 1978 г., был принят с целью достижения самодостаточности и технической модернизации.

Однако уже в начале 1980-х годов стало очевидным, что командно-административная система не способна самостоятельно решить вопрос модернизации экономики за счёт внутренних ресурсов, и высшее партийное руководство выдвинуло требование резко активизировать внешнеэкономическую деятельность КНДР, рассматривая её как один из важнейших факторов дальнейшего подъёма экономики. В связи с этим ставилась задача не только расширить торгово-экономические отношения со всеми странами мира, но и активно развивать с ними производственные и научно-технические связи, используя для этого новые, более эффективные формы сотрудничества, в частности совместное предпринимательство с привлечением иностранных инвестиций.

8 сентября 1984 г. был принят специальный Закон о совместном предпринимательстве, согласно которому как на территории республики, так и за её пределами разрешалось создание акционерных обществ и совместных предприятий с участием иностранного капитала. На первой стадии реализации Закона особую заинтересованность в создании совместных предприятий с КНДР проявили фирмы «Чхонрён» — Ассоциации корейцев, проживающих в Японии. В 1986 г. для координации деятельности совместных предприятий (СП), созданных с фирмами «Чхонрён», было образовано Корейское генеральное общество международных смешанных предприятий. В первый год его работы было подписано 20 контрактов и заключены соглашения о создании СП с 15 фирмами «Чхонрён». К 1989 г. число таких СП превысило 70.

Процесс создания СП с другими государствами и фирмами не получил достаточного развития из-за неуверенности зарубежных инвесторов в надёжности КНДР как партнёра и отсутствия у неё необходимой правовой базы для нормального функционирования СП и гарантий для иностранных капиталовложений. Экономическая система Северной Кореи оказалась неприемлемой для иностранных инвесторов ввиду отсутствия внутри страны промышленной инфраструктуры и законодательной базы, необходимых для развития бизнеса и привлечения инвестиций.

Последствия свёртывания экономического сотрудничества с Россией. Перестроечные процессы, начавшиеся в Советском Союзе и восточноевропейских социалистических странах, крайне негативно отразились на экономике Северной Кореи. Руководство СССР и других соцстран стало переводить экономические связи с КНДР в русло прямых рыночных отношений и переходить на новую систему международных расчётов в свободно конвертируемой валюте с учётом мировых

цен, что привело к резкому сокращению взаимного товарооборота и свёртыванию других форм экономического, производственного и научно-технического сотрудничества. Взаимные расчёты значительно осложнились из-за дефицитности инвалютных накоплений у КНДР и заметно выросшей внешней задолженности Советскому Союзу, которая к началу 1990-х годов достигла 2234,1 млн. руб.

С распадом Советского Союза КНДР потеряла не только главного, самого надёжного торгово-экономического партнёра, но и лишилась наиболее ёмкого рынка сбыта своей экспортной продукции, источника получения льготных кредитов и займов, большой материально-технической помощи и научно-технического обеспечения, игравших исключительно важную роль в укреплении и развитии экономического и производственного потенциала республики. Решающее значение советской помощи иллюстрирует тот факт, что прекращение скрытых советских субсидий в 1990–1991 гг. вызвало в Северной Корее острейший экономический кризис. За период с 1980 по 1990 г. ВВП Северной Кореи вырос с 13,5 млрд. долл. до 23,1 млрд. На протяжении 1990–1998 гг. ВВП КНДР сокращался и в итоге уменьшился почти в 2 раза, составив 12,6 млрд. долл.²

Изменение общественно-политического и экономического строя России неизбежно привело к ломке традиционно сложившихся форм и принципов межгосударственных отношений между Москвой и Пхеньяном. Руководство России в первые годы становления новой власти фактически приняло курс на свёртывание всех форм сотрудничества с КНДР. В 1990 г. объём товарооборота между двумя странами составлял 2,4 млрд. долл., а в 1992 г. он уменьшился более чем в 8 раз и составил всего 0,3 млрд. долл. В последующие годы товарооборот продолжал резко сокращаться, и в 1995 г. составил лишь 83,4 млн. долл.

Поставки сырой нефти из России в КНДР сократились с 855 тыс. т в 1986 г. до 40 тыс. т в 1991 г. В 1992 г. в республику поступило всего 25 тыс. т нефти и 20 тыс. т мазута, что привело к остановке крупнейшего в стране нефтеперерабатывающего предприятия, построенного при техническом содействии Советского Союза и рассчитанного на переработку 2 млн. т сырой нефти, поставляемой в основном из СССР. Резкое сокращение поставок в КНДР станков, нефти и нефтепродуктов, коксующегося угля и кокса, легирующих материалов, минеральных удобрений, сырья и материалов для лёгкой промышленности негативно сказалось на экономическом развитии республики.

С распадом СССР практически полностью были свёрнуты производственные и научно-технические связи в области станкостроения, энергетики и других отраслей экономики, прекратила свою деятельность Межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между СССР и КНДР. Все ранее подписанные соглашения о долгосрочном экономическом сотрудничестве фактически утратили силу или были заморожены на неопределённый срок. Подобное

положение сложилось и во взаимоотношениях КНДР с бывшими соцстранами Восточной Европы: её торгово-экономические связи с ними также резко сократились.

Влияние военного фактора на развитие экономики КНДР. Внешне неблагоприятные условия, связанные с нестабильностью в мировой экономике и жёсткие экономические санкции США против Северной Кореи дополнительно осложняли процесс завязывания внешнеэкономических связей. Политическая и военная обстановка на Корейском полуострове продолжала оставаться нестабильной, что резко снижало интерес к Северной Корее со стороны потенциальных иностранных инвесторов. В связи с неослабевающей военно-политической напряжённостью на Корейском полуострове КНДР, как и ранее, вынуждена была направлять значительные силы и средства на укрепление своей обороноспособности, отвлекая их от народнохозяйственных нужд.

По оценке зарубежных экспертов, в период с 1987 по 1993 г. военные расходы составили примерно 34,4 млрд. долл. Ежегодные военные расходы выросли с 4,22 млрд. долл. в 1987 г. до 5,62 млрд. в 1993 г.³ Таким образом, при бюджете Северной Кореи в 14 млрд. долл. в 1987 г. и 17,7 млрд. долл. в 1993 г. доля военных расходов в бюджете составляла около 30%. В начале XXI в. военные расходы КНДР продолжают оставаться на высоком уровне. Оборонной промышленности отдаётся приоритет при распределении ресурсов и инвестиций и, несмотря на то, что во всех секторах экономики произошёл спад производства, военные расходы не снижаются (табл. 2).

Огромный объём военных расходов является тяжёлым бременем для северокорейской экономики. Тем не менее руководство страны рассматривает военную силу в качестве единственного фактора, способного обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность страны. В правительственной стратегии приоритетности вооружённых сил указано, что КНДР не может и не будет сужать военный сектор, даже если его масштабы мешают восстановлению экономики⁴.

Оборонная промышленность КНДР приносит стране иностранную валюту. Однако, несмотря на то, что продукция военной промышленности находит сбыт в ряде стран Азии и Африки, на неё нельзя опереться для поддержания экономического развития. Во-первых, развитие военной промышленности привело к дисбалансу между тяжёлой и лёгкой промышленностью. Во-вторых, оборонная промышленность поглощает большую долю валютных поступлений на новые разработки, чтобы остаться конкурентоспособной. Ведь становится всё труднее удовлетворить спрос на внешних рынках. В-третьих, военная промышленность засекречена и изолирована от остальной экономики, что мешает проникновению технологий в другие отрасли.

Хотя военному сектору отдаётся приоритет при распределении ресурсов, инвестиции в него в абсолютном выражении заметно упали во второй половине

Таблица 2

Расходы на национальную оборону некоторых стран в 2005 г.

Страны	Затраты на национальную оборону, млрд. долл.	Военные расходы, % от ВВП
США	505,8	4,0
Англия	31,3	1,4
Германия	23,9	0,9
Франция	35,6	1,7
Китай	26,6	1,2
Япония	46,3	1,0
Республика Корея	16,4	2,1
Северная Корея	4,8*	20,0
Россия	13,1	1,7

* Млрд. вон.

Источник: SIPRI-2005.

1990-х годов из-за недостатка капитала, что неизбежно приведёт к отставанию военно-промышленного комплекса в будущем. В настоящее время Северная Корея использует стратегию приоритета вооружённых сил для усиления своих позиций в переговорных процессах с соседними странами, особенно – с США и Республикой Корея. Скорее всего, Северная Корея не отойдёт от стратегии приоритетного значения вооружённых сил до тех пор, пока Ким Чен Ир не убедится в отсутствии внешней угрозы. Поэтому в ближайшем будущем военный сектор останется тяжёлым бременем для северокорейской экономики.

Торгово-экономические отношения с Китаем. После того как Северная Корея лишилась своих бывших социалистических союзников, наибольшее влияние на неё стал оказывать Китай, для которого поддержание стабильности в КНДР важно как в целях усиления влияния на полуострове, так и для обеспечения национальных интересов в Восточной Азии. В середине 1990-х годов, когда КНДР столкнулась с массовым голодом и угрозой экономического коллапса, правительство Китая предоставило Пхеньяну значительную экономическую помощь. Ежегодно Китай поставлял 0,5 млн. т нефти, продукты питания и другие товары первой необходимости. Северная Корея ежегодно получала 300–600 тыс. т риса бесплатно или по льготным ценам⁵. Можно сказать, что альянс с Китаем сыграл важную роль в предотвращении коллапса северокорейской экономики.

На протяжении 15 лет Китай является основным торговым партнёром КНДР, а

Таблица 3

Основные торговые партнёры КНДР в 2005 г., млн. долл.

Страны	Экспорт КНДР	Импорт КНДР	Всего	Доля во всей торговле КНДР, %
Китай	499	1,081	1,580	41
Республика Корея	264	611	875	22
Таиланд	124	206	330	8
Япония	131	63	194	5
Россия	8	224	232	6
Индия	3	33	66	2
Всего по 6 странам	1,029	2,218	3,247	84
Вся торговля КНДР	1,264	2,611	3,875	100

Источник: Korean statistical information system. <http://kosis.nso.go.kr/>

с 2004 г. стал основным инвестором северокорейской экономики. В 2004 г. китайские компании инвестировали в Северную Корею 173,5 млн. долл., тогда как в 2003 г. объём инвестиций составлял всего 1,3 млн. долл.⁶ В 2005 г. товарооборот с Китаем достиг 1,580 млрд. долл., что составляет 41% от всей торговли КНДР⁷.

Несмотря на стремительный рост торговли с Китаем, внешнеэкономическая деятельность КНДР свидетельствует о том, что Северной Корее всё ещё не удаётся открыться внешнему миру и избавиться от существующей традиционной экономической системы, ориентированной на внутренний рынок.

Увеличение товарооборота между КНДР и Китаем оказывает существенный эффект на экономический рост в Северной Корее. Увеличение торговли с Китаем на 1% приводит к росту общего объёма внешней торговли КНДР на 0,485%, экономическому росту на 0,112% и росту национального дохода на 0,198%⁸.

Тенденции в торговле с Республикой Корея. Несмотря на нестабильность политической ситуации и слабость правовой базы КНДР, в последние 15 лет отмечается постепенный рост межкорейской торговли и инвестиций. Межкорейский торговый оборот вырос с нулевой отметки в 1989 г. до 875 млн. долл. в 2005 г.

Особенностью развития внутрикорейской торговли является процессионная торговля, которую ранее в период существования соцсистемы КНДР довольно успешно использовала в торгово-экономических отношениях с Советским Союзом,

ГДР и европейскими странами. Южнокорейские компании поставляют сырье на Север для переработки и затем реимпортируют готовую продукцию. В этом виде кооперации сейчас участвуют многие компании, число которых возросло с 10 в 1990 г. до 480 в 2003 г. Также можно отметить постепенную диверсификацию торговли. Перечень товаров, поступающих по линии процессионной торговли, не ограничивается одеждой, кожгалантереей и игрушками. В последнее время в ассортимент входят цветные телевизоры, телефонные аппараты, магнитофоны и прочая электроника. В 1990 г. обмен происходил по 25 позициям, а в 2003 г. – уже по 588⁹.

В 2005 г. объём межкорейской торговли составил 0,2% от всего объёма внешней торговли Южной Кореи, но удельный вес межкорейской торговли во внешней торговле Северной Кореи резко увеличивается. В 1990 г. межкорейская торговля составляла только 0,2% от всей внешней торговли КНДР, затем неуклонно росла, и в 2005 г. превысила 20%. Таким образом, Южная Корея занимает 2-е место после Китая среди основных торговых партнёров Северной Кореи и становится весомым игроком в её внешнеэкономической политике.

В 2004 г. из всего северокорейского экспорта 25% пришлось на Южную Корею, что свидетельствует о том, что Южная Корея, наряду с Китаем, стала основным рынком сбыта северокорейских товаров. С 1990 по 1997 г. Южная Корея в двусторонней торговле имела дефицит торгового баланса, который за этот период составил 900 млн. долл. После 1998 г. торговый баланс РК с КНДР стал активным, но если вычесть неторговые транзакции, то баланс по-прежнему остаётся пассивным. Если посмотреть на структуру торговли КНДР с другими торговыми партнёрами, станет очевидным, насколько важен положительный торговый баланс с РК. В торговле с Китаем в 1990-е годы и до последнего времени ежегодное

Таблица 4

Объём торговли между КНДР и РК, млн. долл.

Годы	Импорт из РК	Экспорт в РК	Торговый оборот	Баланс
1989–1999	635	1,466	2,101	831
2000	273	152	425	-121
2001	227	176	403	-51
2002	370	272	642	-98
2003	435	289	724	-146
2004	439	258	697	-181
2005	611	264	875	-347

Источник: Министерство объединения.

отрицательное сальдо торгового баланса составляет 300–500 млн. долл., в то время как положительное сальдо в торговле с Японией за период с 1990 по 2002 г. – всего 500 млн. долл.¹⁰

Заключение. Чрезмерное увеличение импорта промышленных товаров из стран Западной Европы в 1970-х годы без встречного расширения экспорта своих товаров привело к большому дефициту торгового баланса Северной Кореей, истощению её валютных накоплений и увеличению внешнего долга. Последующая попытка отгородиться от внешнего мира и продолжить экономическое развитие собственными силами окончательно убедила руководство КНДР в том, что только развитие внешнеэкономических связей с соседними странами, прежде всего с Китаем и РК, способно вывести страну из тупика.

Изменение внешнеэкономической стратегии в 1990-е годы привело к некоторому оживлению северокорейской экономической жизни. В последние 5 лет наблюдается заметный рост внешней торговли КНДР с РК, и особенно с Китаем. Северокорейский экспорт впервые после 1990 г. превысил 1 млрд. долл. Однако для того, чтобы не оказаться в ситуации середины 1970-х годов, Пхеньяну необходимо провести структурную реформу промышленного сектора с целью развития экспортноориентированных производств. Необходимо повысить качество экспортимруемых товаров и их ассортимент, без чего невозможно увеличить продажи на жёстко конкурентном мировом рынке. Увеличение притока прямых иностранных инвестиций посредством улучшения деловой среды также должно способствовать расширению экспорта и улучшению ситуации с валютными накоплениями.

Кроме того, чтобы избежать повторения неудачной интеграции с внешним миром, Северной Корее необходимо прекратить эскалацию напряжения вокруг продвижения своей ракетной и ядерной программ. Конфронтация с США по этим вопросам тормозит развитие межкорейского сотрудничества и отпугивает от сотрудничества с КНДР другие страны, в том числе западноевропейские. Снижение военного бюджета и проведение всесторонних реформ в КНДР является залогом успешного развития отношений с международным сообществом, без поддержки которого Северной Корее невозможно рассчитывать на восстановление полуразрушенной экономики.

Примечания

¹ Jong-Woon Lee. North Korea's trade expansion with Western countries in early 1970's and its implication on North Korea's current attempts at economic rehabilitation // Journal of international economic studies. 2002. № 2. P. 98.

² Korea Development Institute. The research forum of the North Korean economy. 31.12.2004. С. 6.

³ Грязнов Г. В. Актуальные проблемы экономического развития КНДР (1980–1990-е годы) // Корея на рубеже веков. С. 123.

⁴ Lee Young-sun. The Structure of North Korea's Political Economy: Changes and Effects // A New International Engagement Framework for North Korea. С. 54.

⁵ Jong-Woon Lee. North Korea's Economic Reform Under An International Framework. KIEP. 09/2004. С. 65.

⁶ Ibidem. С. 241.

⁷ Myung-Chul Cho. The Increase of North Korea's Economic Dependence on China and Its Implications of South Korea. 2005. С. 10.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Jong-Woon Lee. Указ. соч. С. 21.

¹⁰ Dongho Jo. The Changes of the North Korean Economic Policies and the Role of Inter-Korean Economic Cooperation. 2003. С. 231.

А. А. Санжиев*

КЭСОНСКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ РК И КНДР

На протяжении нескольких последних лет Республика Корея и КНДР продолжают совместную работу над созданием Кэсонского промышленного комплекса (КПК).

Руководители обоих государств уделяют особое внимание данному проекту, который занимает центральное место в процессе развития экономического сотрудничества между двумя странами.

В очередной раз это было подтверждено на межправительственных переговорах между Сеулом и Пхеньяном в феврале 2007 г. В итоговом заявлении, обнародованном по окончании встречи, было отмечено, что «стороны предпримут необходимые меры для ускорения строительства Кэсонского промышленного комплекса»¹.

План развития Кэсонского комплекса. КПК, согласно плану южнокорейских компаний «Хёндэ Асан» и «Кориа Лэнд Корпорэйшн»², будет располагаться на территории площадью около 2 тыс. га.

Таблица 1

План расширения территории Кэсонского промышленного комплекса компании «Хёндэ Асан»

Территория	Первый этап 2002–2007 гг.	Второй этап 2007–2009 гг.	Третий этап 2008–2012 гг.	Общая площадь, га
КПК	330	500	1160	1990
Городская зона	-	330	660	2310
Общая площадь	330	830	1820	4300

Источник: The Statistics of Gaeseong Industrial Complex. 09.10.2005. <http://www.mou.go.kr>

* Аспирант Института Дальнего Востока РАН, Москва.

Таблица 2

План развития Кэсонского промышленного комплекса компании «Хёндэ Асан»

Этапы	Годы	Количество предприятий	Объем инвестиций, млрд. долл.	Численность рабочих КНДР, тыс. человек	Годовой объем производства, млрд. долл.
I	2002–2007	300	0,9	100	2,5
II	2007–2009	700	2,3	120	11,0
III	2008–2012	1000	5,0	80	16
Всего	-	2000	8,2	300	-

Источник: The Statistics of Gaeseong Industrial Complex. 09.10.2005. <http://www.mou.go.kr>

В краткосрочном плане предполагается создать экспортно-производственную зону, а в долгосрочной перспективе планируется создание специальной экономической зоны комплексной формы, включающей в себя современные производства, финансовые и торговые структуры, а также туристические предприятия.

План развития зоны, рассчитанный на 10 лет и три этапа, с южнокорейской стороны предусматривает использование капитала, новейших технологий в управлении и технике, а с северокорейской стороны предоставляется квалифицированная и дешевая рабочая сила и земля, что создает взаимовыгодную систему как для Северной, так и для Южной Кореи.

Для достижения результатов *на начальном этапе* разработки проекта было запланировано производство, прежде всего, экспортноориентированной продукции, производство которой можно было наладить в короткие сроки с использованием дешевого труда и сырья. Данная продукция включает в себя ткани, медикаменты, обувь, изделия из кожи, электроприборы и другие товары, преимущественно относящиеся к сборочному производству.

На *втором и третьем этапах* развития зоны разработчиками планируется развитие вместе с производствами, освоенными на первом этапе, таких направлений, как электроника, автомобилестроение, химическое производство, информационные технологии и другие передовые отрасли. Таким образом, на втором этапе (2007–2009 гг.) вместе с развитием производственной инфраструктуры и расширением территории зоны КНДР планирует перейти в разряд экспортноориентированного развивающегося государства.

По завершении третьего этапа (2009–2012 гг.) экономика КНДР, как предполагается, создаст фундамент для строительства передового информационного общества, а вместе с этим – и промышленную основу, обеспечивающую продолжительный рост и развитие экономики страны.

Современное состояние Кэсонского комплекса. Первоначально были отобраны 15 компаний, производства которых планировалось организовать в КПК уже к началу 2005 г. Однако ввиду того, что стороны не могли достичь договоренности по аренде земли и другим вопросам, сроки реализации плана были сдвинуты.

Полномасштабные строительные работы были начаты вскоре после того, как обе стороны разрешили вопрос об аренде земельных участков в апреле 2004 г.³ Но к июню 2005 г. в Кэсоне действовали только 4 южнокорейские фабрики, но и они работали всего лишь на 30% от своей мощности. Основная причина этого – дефицит электроэнергии. В марте 2005 г. проблема электроснабжения была отчасти решена за счет прокладки Корейской энергетической корпорацией линии электропередач от подстанции в Мунсане до Кэсонского комплекса⁴.

В январе 2007 г. суммарный объем товаров, произведенных в КПК за 2 последних года, был равен 100 млн. долл.⁵ В 2005 г. данный показатель составил 15 млн. долл., а в 2006 г. – 74 млн. долл. Основная доля этой суммы – продукция предприятий текстильной (40 млн. долл.) и машиностроительной (29 млн. долл.) промышленностей⁶. Экспорт в третьи страны через Южную Корею товаров, произведенных в Кэсоне, за период 2005–2007 гг. составил 23,4 млн. долл.⁷

Численность северокорейских рабочих, осуществляющих трудовую деятельность в КПК, на январь 2007 г. составила 11 342 человек⁸. Следует отметить, что все рабочие имеют среднее образование, а 21% занятых в административном секторе – высшее. Подбором персонала занимается северокорейское Центральное агентство по развитию специальных зон (ЦАРСЗ), имеющее статус министерства. Южнокорейская сторона лишь проводит консультации с агентством в отношении подбора персонала.

Процедура найма рабочих сводится к следующему. Принятие решения о найме рабочего занимает приблизительно 3 недели. Южнокорейские компании посылают свой запрос в ЦАРСЗ. После подбора подходящих кандидатур северокорейской стороной с ними проводятся личные собеседования и тесты на профессиональную пригодность. Рабочие, которые еще не обладают необходимой квалификацией, могут быть приняты в качестве стажеров (при этом им выплачивается до 70% от минимальной заработной платы обычного рабочего предприятия).

Особо следует выделить систему оплаты труда. Заработная плата колеблется от 50 до 75 долл. Более того, северокорейским рабочим доплачивают надбавку в размере от 50 до 100% за сверхурочную работу⁹. Согласно Трудовым правилам по КПК¹⁰, заработная плата рабочих состоит из основного жалования, отпускных, сверхурочных и премиальных. За сверхурочные оплата рассчитывается, исходя из 50% от часовой оплаты в обычные дни и 100% в праздники и ночное время (с 22.00 до 6.00). Рабочим также могут выплачиваться премии, которые определяют непосредственно руководством компании.

30% от своей заработной платы северокорейские рабочие выплачивают государству в качестве социального налога. Поэтому в реальности рабочие в Кэсоне получают минимум 35 долл., что в перерасчете в северокорейские воны составляет 5250 вон¹¹. Для сравнения: килограмм риса, поставляемого через общественную систему распределения в КНДР, стоит 44 воны. На черном рынке его стоимость несравнимо выше. Но, так или иначе, зарплата кэсонских рабочих является весьма приличной, особенно если учитывать что средняя заработная плата в КНДР составляет 5–7 долл.

Экономическое значение Кэсонского комплекса. Развитие Кэсонской промышленной зоны имеет для Сеула и Пхеньяна весьма ощутимое значение как в экономическом, так и политическом плане.

С экономической точки зрения Кэсонский комплекс является привлекательным для инвестиций предприятием, в рамках которого возможно дальнейшее развитие инфраструктуры и освоение нереализованного потенциала КНДР.

Комплекс в Кэсоне может способствовать развитию малого и среднего бизнеса в РК, который страдает сейчас от высоких производственных издержек и низкой производительности. Как отмечают южнокорейские ученые, 26,5% малых и средних компаний со штатом рабочих более 50 человек планируют перенести свои производства в зарубежные страны¹². Две тысячи из них, согласно планам южнокорейской стороны, смогут разместить свои предприятия в Кэсоне. Следует отметить, что за первые две недели марта 2007 г. 86 малых предприятий обратились с заявками на открытие своих предприятий в Кэсоне¹³.

Куда более важное экономическое значение КПК имеет для Северной Кореи. По завершении первого этапа КНДР сможет получить в качестве прямого экономического эффекта, включая заработную плату, продажу сырьевых материалов и чистую прибыль в размере 100 млн. долл. ежегодно¹⁴. При окончании третьего периода прямой экономический эффект достигнет, по различным оценкам, от 1 до 3 млрд. долл.

Помимо чисто материальных выгод, северокорейская сторона отчасти сможет получить доступ также к южнокорейским технологиям, внедряемым в комплексе.

Кэсонский промышленный комплекс, в который инвестируется в течение 10 лет приблизительно 8,2 млрд. долл., получит также значительный положительный эффект от трудоустройства на южнокорейских предприятиях 300 тыс. северокорейских рабочих.

Нельзя исключать и создание на базе КПК мощного логистического узла, использование которого будет выгодно как Северной, так и Южной Корее. Так, во время визита в марте 2007 г. делегации Торговой палаты ЕС в Кэсон ее вице-президент Х. Б. Мерфорд заявил, что Кэсон расположен близко как к Сеулу и

Инчхону, так и к Пхеньяну и Нампхо. Поэтому в будущем он имеет все шансы стать крупным центром развития экономики Северо-Восточной Азии¹⁵.

Особую роль может сыграть также и привлечение иностранных инвестиций. Уже сейчас наблюдается осязаемая активность иностранных предприятий, которые изучают возможность и перспективы осуществления капиталовложений в зону. Определенные усилия на этом направлении прилагает южнокорейская сторона, активно привлекая в Кэсонскую зону группы иностранных предпринимателей и прессу. Примечательным событием в этом отношении стал визит в зону представителей Moody's Investors Service, одной из крупнейших в мире инвестиционных компаний¹⁶.

Дополнительный импульс развитию зоны придаст и то, что страны АСЕАН на проходившей в августе 2006 г. встрече согласились признать продукцию Кэсонского промышленного комплекса как произведенную в Южной Корее.

И, наконец, положительный опыт, полученный при создании Кэсонского комплекса как в законодательном, так и организационном плане, сможет создать основу для учреждения новых экономических зон и совместных проектов между РК и КНДР.

Политическое значение Кэсонского комплекса. Развитие экономической зоны в Кэсоне несет не только экономические выгоды для Севера и Юга. Для администрации Но Му Хёна успешное развитие комплекса является практически единственным результатом политики в отношении Северной Кореи. Южнокорейский президент придает очень большое значение развитию Кэсонского и Кымганского проектов.

Поэтому, по крайней мере, до избрания нового президента РК осенью 2007 г., а, скорее всего, и в последующие годы южнокорейское руководство, несмотря на противодействие США, будет отстаивать свое право на разработку совместного проекта с КНДР.

Об этом свидетельствуют заявления южнокорейского руководителя после ракетных пусков и ядерного испытания в КНДР. Но Му Хён заявил, что развитие Кэсонского и Кымгансанского проектов будет продолжаться, несмотря на политическую обстановку в регионе. Понимает это и южнокорейская оппозиция. Так, партия «Ханнара» была вынуждена несколько смягчить свою жесткую антисеверокорейскую риторику.

Другим подтверждением этого курса правящей партии «Ёллин Ури» стал визит в январе 2007 г. группы ее членов в составе специального комитета по разработке Соглашения о свободной торговле между РК и США в Кэсон, в ходе которого южнокорейская сторона призвала Вашингтон признать товары, изготавливаемые в КПК, как произведенные в РК¹⁷.

Неделей позднее КПК посетил новый министр национального объединения Ли Чжэ Чон, который в своей речи отметил политическую значимость данного проек-

та, заявив, что Кэсонская зона не является созданием просто промышленного комплекса, а представляет собой путь к достижению между Севером и Югом мира и ведет, таким образом, к объединению страны¹⁸.

В рамках стимулирования развития комплекса за счет привлечения иностранных инвесторов в КПК была также приглашена делегация из 50 южнокорейских консулов¹⁹, перед которыми и была поставлена задача по привлечению в Кэсон иностранного капитала.

Следует также обратить внимание на предложение бывшего лидера партии «Ёллин Ури» Чон До Ёна и бывшего премьер-министра РК Ли Хэ Чана провести в Кэсоне второй межкорейский саммит. Их заявления ясно показывают, что комплекс играет важную роль в налаживании межкорейских отношений. Более того, наравне с Пханмунчжомом он становится местом проведения двусторонних контактов в политической и экономической областях.

Проблемы развития Кэсонского комплекса. В то же время анализ деятельности Кэсонского комплекса показывает и наличие определенных барьеров, которые тормозят его развитие. В настоящее время темпы строительства этой экономической зоны даже приблизительно не достигают запланированных.

Согласно первоначальным расчетам компании «Хёндэ Асан», к концу 2007 г. количество предприятий в КПК должно составить 300, в то время как в 2005 г. в зоне реально действовало чуть более десятка производств, а на начало 2006 г. — около 40²⁰. В зоне на настоящий момент трудоустроено чуть более 11 тыс. северокорейских граждан вместо запланированных на первом этапе 100 тыс.

Достижение запланированных показателей сейчас практически невозможно, поскольку до завершения первого этапа осталось слишком мало времени. К тому же неизвестно, какие еще сюрпризы может преподнести Пхеньян. В то же время та позитивная тенденция развития, которая намечалась в зоне и сохраняется на протяжении последних лет, а также обособленность Кэсонского проекта от политических коллизий, происходящих между двумя странами, дает основания для положительного прогноза его развития в будущем.

Остаются также нерешенными некоторые вопросы, тормозящие развитие Кэсонской зоны. Так, до сих пор существует ограниченность управления предприятиями и недостаточное предоставление самоуправления в туристическом бизнесе. Например, существует запрет на использование биноклей и фотоаппаратов в туристических местах и на свободное общение с северокорейскими гражданами.

Однако куда более значительным препятствием на пути осуществления Кэсонского проекта может стать позиция США, которые ввиду продолжительной конфронтации с КНДР из-за ядерной проблемы в настоящее время лоббируют введение международных экономических санкций против Северной Кореи. Поэтому, не же-

лая дальнейшего экономического укрепления северокорейского режима, США вполне могут оказать давление на Южную Корею. Подтверждением позиции США стал категорический отказ последних включить в Соглашение о свободной торговле товары, произведенные в КПК.

В последнее время также регулярно появляются заявления о нарушении прав человека в КНДР, и Кэсонской зоне в частности. Так, специальный посланник США по правам человека в КНДР Джей Лефковиц особо выделяет систему оплаты труда в КПК, отмечая, что она не соответствует общепринятым нормам, поскольку заработная плата выплачивается северокорейским рабочим не напрямую, а через местные власти²¹.

Другим фактором, способным повлиять на развитие КПК, может стать возросшее экономическое влияние Китая в Северной Корее, чьи инвестиции в северокорейскую экономику за последние несколько лет резко выросли. По-видимому, китайское руководство осознало важность и выгодность экономической интеграции с КНДР и в настоящее время, по сути дела, проводит политику постепенной экономической экспансии. Поэтому не совсем ясно, насколько быстрое и успешное развитие Кэсонской промышленной зоны будет соответствовать интересам Китая.

* * *

Кэсонский комплекс является не просто буферной зоной, связывающей экономические системы Северной и Южной Кореи. Он также способствует реальной политической и экономической интеграции обоих государств. В перспективе его успешное развитие будет иметь не только большое экономическое значение, но также сможет повлиять на межкорейские политические связи, активизировать обмен визитами и создать экономическую основу для будущего объединения нации.

Примечания

¹ *Штефан Е.* В Пхеньяне прошли межкорейские переговоры // Сеульский вестник. 02.03.2007. <http://vestnik.tripod.com>

² *Штефан Е.* В Кэсоне началось строительство промышленного комплекса // Сеульский вестник. 03.07.2003. <http://vestnik.tripod.com>

³ Overview of Gaeseong Industrial Complex Development. <http://www.mou.go.kr>

⁴ *Штефан Е.* Южная Корея будет снабжать комплекс в Кэсоне электроэнергией // Сеульский вестник. 13.03.2005. <http://vestnik.tripod.com>

⁵ The Production at the GiC Exceeded US\$100 million. 02.02.2007. <http://www.mou.go.kr>

⁶ Key Statistics for Gaeseong Industrial Complex. 31.01.2007. <http://www.mou.go.kr>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ A second look required at the Gaeseong Industrial Complex. <http://www.mou.go.kr>

¹⁰ Labor Regulations for the Gaeseong Industrial Zone. <http://www.mou.go.kr>

¹¹ 1 долл. = 150 севкор. вон.

¹² *Nam Sung Wook.* Current Conditions at Gaeseong Industrial Complex and Future Tasks // East Asian Review. 2006. Vol. 18. No. 2. P. 29.

¹³ 86 companies apply to lease apartment-type factories. 20.03.2007. <http://www.mou.go.kr>

¹⁴ *Nam Sung Wook.* Ibidem.

¹⁵ An EUCK delegation paying a visit to the GiC: «The GiC has a great potential to leap forward as a hub for Northeast Asia's Economy». 20.03.2007. <http://www.mou.go.kr>

¹⁶ Moody's Investors Service visits the Gaeseong Industrial Complex (GiC) 28.02.2007. <http://www.mou.go.kr>

¹⁷ Members of the Uri Party's Korea-US FTA Special Committee Visit Gaeseong Industrial Complex. <http://www.mou.go.kr>

¹⁸ Unification Minister Lee Jae Joung visited the Gaeseong Industrial Complex (GiC). 24.01.2007. <http://www.mou.go.kr>

¹⁹ A delegation of South Korean consuls general from the Ministry of Foreign Affairs and Trade visited the G.I.C/ 13.03.2007. <http://www.mou.go.kr>

²⁰ The Statistics of Gaeseong Industrial Complex. 31.01.2006. <http://www.mou.go.kr>

²¹ *Lefkowitz Jay.* Freedom for all Koreans // Wall Street Journal. 28.04.2006.

Д. Н. Верховтуров*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УЗБЕКИСТАНА С КОРЕЕЙ

Республика Узбекистан имеет уже довольно длительную историю отношений с государствами Корейского полуострова. Независимость Узбекистана была признана почти одновременно обоими корейскими государствами: КНДР – 26 декабря 1991 г., РК – 30 декабря 1991 г. Быстро были установлены дипломатические отношения: с КНДР – 7 февраля 1992 г., с РК – 29 января 1992 г. Очень динамично развивались отношения с РК. Между лидерами двух стран было проведено 5 встреч на высшем уровне. В 1995 г. президент Узбекистана Ислам Каримов был награжден орденом «Мугунхва»¹.

Новые партнеры, в особенности Республика Корея, внесли большой вклад в развитие независимого Узбекистана. Тесное политическое, экономическое, технологическое и гуманитарное сотрудничество создало прочные связи между Узбекистаном и Кореей.

Автомобиль в центре партнерства. Экономические отношения между РК и Узбекистаном начались в 1992 г. с подписания двустороннего торгового соглашения. Интерес к развитию отношений был обоюдным. Узбекская сторона рассматривала РК как источник инвестиций и технологий для модернизации своей экономики. РК привлекала возможность развития связей с многочисленной корейской диаспорой в Узбекистане.

Уже в 1992 г. было создано одно из первых и на сегодняшний день наиболее крупных совместных предприятий – ЗАО «УзДЭУавто». 50% уставного капитала в размере 200 млн. долл. было внесено Ассоциацией предприятий автомобилестроения Узбекистана «Узавтосаноат», 50% – корпорацией Daewoo. В городе Асака был построен автозавод по выпуску автомобилей из серийного ряда Daewoo: Damas, Nexia, Matiz, Lacetti.

Автомобильный завод проектной мощностью 200 тыс. автомобилей в год был введен в строй в июле 1996 г. Стоимость строительства составила 650 млн. долл.

* АПН-Казахстан.

Таблица 1

Производство автомобилей в 2001–2006 гг.

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Производство автомобилей	28 432	34 716	40 505	70 070	101 000	142 000

Источник: Данные компании ЗАО «УзДЭУавто».

За прошедшие годы объем производства завода практически подошел к проектной мощности, которую запланировано освоить в 2008 г. (табл. 1).

Около половины выпущенных автомобилей экспортировалось в Россию, Казахстан, Украину.

В 1998 г. во время азиатского финансового кризиса корпорация Daewoo отозвала уставной капитал из ЗАО «УзДЭУавто»². В 2005 г. Ассоциация «Узавтосаноат» выкупила 50% акций, принадлежавших Daewoo Motors, и автомобильный завод стал полностью узбекским предприятием. В настоящее время обсуждается план его дальнейшего развития и продажи части акций другим компаниям, в том числе компании Hyundai.

Южная Корея как инструмент модернизации Узбекистана. Но проект строительства автозавода предполагал не только размещение отверточного производства автомобилей из корейских деталей. С 1996 г. началось создание предприятий с участием корейского капитала, которые обеспечивали производство нужных деталей и комплектующих на месте.

В настоящее время, кроме головного автомобильного завода, действуют 7 совместных предприятий, производящих такие детали и комплектующие для автомобилей данного типа. Совладельцем всех предприятий является Ассоциация предприятий автомобилестроения Узбекистана «Узавтосаноат» (табл. 2).

Основное количество продукции этих предприятий используется при сборке автомобилей в Узбекистане, но часть предприятий, в частности СП АОЗТ «УзКорам Ко», экспортирует пластиковые бамперы и панели приборов в Россию.

Создание такого комплекса предприятий демонстрирует стремление узбекской стороны к всестороннему развитию своей промышленности, в первую очередь химической и электротехнической.

Масштабы экономического партнерства. К 2006 г. в Узбекистане насчитывалось 138 предприятий с корейским капиталом, из них 17 со 100%-ным, что составляет 4,3% от общего числа предприятий с иностранным капиталом. Накопленный объем инвестиций составил 1,1 млрд. долл. (7,8% от общего объема

Таблица 2

**Совместные предприятия в составе Ассоциации предприятий
автомобилестроения Узбекистана «Узавтосаноат»**

Название предприятия	Совладельцы	Сфера деятельности
СП АОЗТ «Уз-ДонгВон К ^о »	«Узавтосаноат» (40,7%), АО «Авторемонтный завод № 6 (9,3%), корпорация ДЭУ (26%), компания «ДОНГВОН МЕТАЛ ИНД. К ^о . ЛТД» (2%)	Производство глушителей, противоудар- ных дверных балок и панельных частей для автомобилей АО «УзДЭУавто»
СП АОЗТ «Уз-СэМюнг К ^о »	«Узавтосаноат» (50%), компания «Сэ Мюнг Метал К ^о . ЛТД» (50%)	Выпуск топливных баков к Nexia, Tiko, Damas, Matiz и крупноштампованных час- тей, 9 разновидностей панелей к автомо- билям Nexia
СП АОЗТ «Уз-Тонг- Хонг К ^о »	«Узавтосаноат» (45,2%), «Андижонир- маш» (4,8%), компания «Тонг Хонг Элек- трик Ко» (50%)	Сиденья для автомобилей
СП АОЗТ «Уз-Донгжу Пэйтн К ^о »	«Узавтосаноат» (50%), компания «Донг Чжу Индастриал Ко ЛТД» (50%)	Обеспечение автомобильной промышлен- ности лакокрасочными материалами, гер- метиками двух типов для швов кузова и днища
СП АОЗТ «УзКорам К ^о »	«Узавтосаноат» (50%), компания «Сабр К ^о ЛТД», «Корам Пластик К ^о ЛТД» (сум- марно 50%)	Передние и задние бамперы Nexia, Tico, Damas, панели приборов для автомоби- лей Tico, Damas
СП АОЗТ «Уз Донгянг К ^о »	«Узавтосаноат» (40%), компания «Донг Сео Ки Еон К ^о . ЛТД» (60%)	Обеспечение деталями внутренней отдел- ки автомобилей Tiko, Damas, Nexia, Matiz.
ЗАО «УзКоджи»	«Узавтосаноат» (50%), компания «И-РАЕ К ^о . ЛТД», «Коджи Инд. ЛТД» (суммарно 50%)	Производство электрожгутов и электро- проводки

Источник: По данным Ассоциации «Узавтосаноат».

иностраннх инвестиций). Товарооборот между Узбекистаном и РК составил в 2005 г. 564,5 млн. долл., из которых импорт составляет 513 млн. долл.³

Корейско-узбекское сотрудничество развивается и в других направлениях. В последнее время корейские компании начали принимать участие в разработке полезных ископаемых. НК «Узбекнефтегаз» совместно с Корейской нефтяной компанией проводят геологоразведку нефтяных месторождений в Фергане и совмест-

но с газовой компанией «КОГАЗ» – разведку и подготовку к эксплуатации газовых месторождений на плато Устюрт. Создается совместное предприятие «УзКорея-майнинг» с уставным капиталом в 204,4 млн. долл. для развития добычи рудных полезных ископаемых.

Экспортно-импортный банк РК предоставил Узбекистану льготные кредиты на сумму 103 млн. долл., значительная часть которых пошла на модернизацию промышленности. В частности, из полученных кредитов 35,9 млн. долл. было израсходовано на создание производства автомобилей Matiz на «УзДЭУавто»⁴.

28-30 марта 2006 г., во время визита президента Узбекистана Ислама Каримова в РК, экономические отношения вышли на уровень стратегических соглашений. Была подписана «Совместная декларация о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Республикой Корея». Был создан Узбекско-корейский банк развития на базе УзДЭУбанка с капиталом 11 млн. долл.⁵

Вместе с этим соглашением Узбекистану был предоставлен льготный кредит в размере 30 млн. долл. и подписано четыре соглашения о сотрудничестве министерств труда, финансов, а также между Министерством внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан и Министерством коммерции, промышленности и энергетики Республики Корея, Узбекским агентством связи и информатизации и Министерством информации и связи Республики Корея.

Во время этого визита были заложены основы для передачи технологий. Корейские технологии получит ГАК «Узбеклегпром». Университет Хансо подписал соглашение с Ташкентским авиационным институтом и Ташкентским химико-технологическим институтом.

Развиваются также отношения в сфере СМИ. В рамках визита президента Узбекистана в РК подписано соглашение между национальными телерадиокомпаниями, в Сеуле в октябре 2006 г. начала выходить газета на узбекском языке «Корея Хурсандман»⁶.

Сотрудничество Узбекистана и КНДР. Между Узбекистаном и КНДР также сложились определенные экономические отношения. Несмотря на практически полное отсутствие договоров между двумя странами, в Узбекистане действуют 5 совместных предприятий с участием КНДР. Торговый оборот составил в 2005 г. 1,2 млн. долл., в том числе экспорт – 0,73 млн., импорт – 0,47 млн. долл.⁷

Некоторые выводы. Узбекистану определенно удалось реализовать в экономических отношениях с РК одну из основных целей: привлечение иностранных компаний к модернизации экономики страны. При этом были сформированы основы новой для Узбекистана отрасли промышленности – автомобильной.

Однако экономическим связям Узбекистана и РК присущи определенные серьезные проблемы. Во-первых, очень долго экономическое сотрудничество было

завязано только на корпорацию Daewoo, и разорение компании во время азиатского кризиса сильно ударило по развитию сотрудничества. Узбекистану требуется срочная диверсификация связей. Во-вторых, автозавод «УзДЭУавто» сформировал сильный дисбаланс в торговом обороте между двумя странами, резкое преобладание импорта над экспортом. С одной стороны, удовлетворительная степень локализации автомобильного производства не достигнута, с другой – другие отрасли узбекской промышленности практически не подключены к развитию отношений.

После визита Ислама Каримова в РК в 2006 г. начала складываться структура отношений, которая позволит выправить допущенные ранее ошибки.

Примечания

- ¹ По данным Пресс-службы Президента Республики Узбекистан. <http://www.press-service.uz/ru>
- ² Премьер-министр Республики Корея Хан Мёнг Сук: «Мы надеемся достичь роста в экономическом сотрудничестве» // Правда Востока (Узбекистан). 23.09.2006.
- ³ По данным МИД Республики Узбекистан. <http://www.mfa.uz/>
- ⁴ По данным МИД Республики Узбекистан. <http://www.mfa.uz/>
- ⁵ ИА «Жахон» при МИД Республики Узбекистан. 11 мая 2006
- ⁶ ИА «Жахон» при МИД Республики Узбекистан. 27 октября 2006
- ⁷ По данным МИД Республики Узбекистан. <http://www.mfa.uz/>

А. Ф. Синякова*

ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ: КОРЕЙСКИЙ ОПЫТ В ПРИВЛЕЧЕНИИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В июле 2005 г. правительством РФ был принят Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»¹. Ожидается, что реализация проектов в рамках создаваемых особых экономических зон будет способствовать развитию обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, транспортной инфраструктуры и производству новых видов продукции, а также формированию благоприятного инвестиционного климата.

Особые экономические зоны (ОЭЗ) – ограниченные участки территории с льготным режимом хозяйствования – широко распространены в международной практике, при этом опыт их создания в разных странах мира значительно различается. ОЭЗ как инструмент экономической политики создаются не только для стимулирования социально-экономического развития отдельных регионов, но в большой степени для достижения общеэкономических целей. Выделяют 4 типа особых экономических зон:

- зоны свободной торговли;
- производственные или промышленно-производственные зоны (зоны замещения импорта, экспортные зоны и экспорто-импортотзамещающие зоны);
- технико-внедренческие зоны (технополисы);
- сервисные зоны или зоны услуг.

Основными целями создания ОЭЗ являются расширение внешнеторговых связей, рост производства за счет привлечения иностранных и отечественных инвестиций, развитие наукоемких отраслей и сферы услуг. Согласно статистическим данным ЮНКТАД, в среднем объем вывоза товаров и услуг из страны при отсутствии экспортных зон возрастает на 7%, а в случае наличия экспортных зон – на 20%².

Функции ОЭЗ различаются в зависимости от уровня экономического развития страны. В развитых странах создание особых экономических зон часто выступает

* МГИМО(У) МИД РФ, Москва.

инструментом региональной экономической политики для развития отдельных территорий. В развивающихся странах основными функциями ОЭЗ являются обеспечение экономического роста страны, вовлечение ее в систему международных экономических отношений, индустриализация экономики страны и развитие научно-технологических отраслей. Основным источником привлекаемого капитала в ОЭЗ этих государств являются иностранные инвестиции (в том числе из-за недостатка национального капитала).

В период восстановления экономики после валютно-финансового кризиса конца 1990-х годов в Республике Корея ОЭЗ способствовали привлечению прямых иностранных инвестиций, улучшению инвестиционного климата страны и дальнейшей ее интеграции в мировое хозяйство. Опыт создания и функционирования южнокорейских ОЭЗ может быть полезен для российской практики.

Первостепенной целью создания в РК территорий с особым режимом ведения экономической, производственной и научно-технической деятельности стала потребность в формировании в стране благоприятного инвестиционного климата, который позволил бы расширить приток иностранных капиталовложений, в частности в высокотехнологичные отрасли промышленности.

Законодательством РК определено 5 различных видов территорий, в которых иностранным инвесторам, а в некоторых случаях – и корейским компаниям, предоставляется преференциальный режим ведения экономической деятельности, а именно:

- зона свободной торговли (Free Trade Zone);
- свободная экономическая зона (Free Economic Zone);
- зона иностранного инвестирования (Foreign Investment Zone);
- зона беспошлинной торговли (Customs Free Zone);
- индустриальный комплекс для иностранных инвесторов (Industrial Complex for foreign investors).

Деятельность каждой из этих зон регулируется отдельным законодательным актом. Кроме того, на функционирование всех этих территорий распространяется общий закон «О стимулировании иностранных инвестиций» № 5559 от 16 сентября 1998 г. (Foreign Investment Promotion Act)³.

В 2004 г. вступили в силу дополнения и изменения к данному закону, в соответствии с которыми вводится система выдачи иностранным инвесторам денежных субсидий («cash grant system»). Действие данного изменения распространяется на иностранные компании, инвестировавшие более 10 млн. долл. в производственную сферу или более 5 млн. долл. – в объекты научно-исследовательской деятельности. Размер этих субсидий планируется от 10 до 20% от общей суммы капиталовложений, при этом будет учитываться вклад инвестора в экономику РК. Получение денежных субсидий наличными, по мнению экспертов, упростит решение вопросов аренды земельных участков, строительства производственных объек-

тов, стимулирует инвестиции в недвижимость, в обучение персонала, работающего на предприятиях с иностранными инвестициями.

Все виды территорий с особым режимом ведения экономической деятельности, существующие в РК, различаются по условиям осуществления деятельности и по предоставляемым компаниям льготам и преимуществам.

Зоны свободной торговли (ЗСТ). Создание и деятельность ЗСТ в РК определяется положениями закона «О создании зон свободной торговли» № 7210 от 22 марта 2004 г.⁴ Данный закон заменил применявшийся ранее закон «О создании свободных экспортных зон», в результате чего существовавшие ранее свободные экспортные зоны получили статус зон свободной торговли. Это было сделано для того, чтобы стимулировать развитие внешнеторговых связей в целом, а не только экспортное производство.

В настоящее время на территории РК действуют четыре ЗСТ: Gunsan (Кунсан, 1254 предприятия), Masan (Масан), Daebul (Тэболь, 1158 предприятий), Iksan (Иксан) и четыре зоны свободной торговли в портах (Пусан, Кванъян, Инчхон) и аэропорту (Инчхон)⁵. Производственной специализацией ЗСТ Кунсан является автомобиле- и машиностроение; ЗСТ Тэболь – металлообработка, автомобиле- и машиностроение; ЗСТ Масан – производство электротехнической и электронной продукции, средств связи и оптических инструментов.

Министерство торговли, промышленности и энергетики РК вопрос о создании ЗСТ рассматривает на основании соответствующего представления мэра города центрального административного подчинения или губернатора провинции.

Приоритет в открытии представительства в ЗСТ получают иностранные компании или корейские компании с участием иностранного капитала, осуществляющие производственную и логистическую деятельность, направленную на экспорт или экспортно-импортную оптовую торговлю.

Льготы и преимущества в ЗСТ. В ЗСТ все компании освобождены от уплаты налогов на сырье и на импортируемое оборудование. В соответствии с законодательством страны, иностранные компании, расположенные в ЗСТ и инвестировавшие более 10 млн. долл. в производственную сферу или более 5 млн. долл. в развитие логистических центров, освобождаются от подоходного и корпоративного налогов на срок 7 лет либо до получения первой прибыли. На последующие 3 года они получают скидку в уплате налогов в размере 50%. Такие же льготы действуют и в отношении местных налогов (полное освобождение от налога на приобретение недвижимости и на регистрацию в течение первых 5 лет и скидка в 50% в последующие 3 года). Кроме того, в течение 3 лет импортируемые товары полностью освобождаются от уплаты НДС и акцизов, а также от уплаты таможенных пошлин. Лица, действующие в таких зонах, освобождаются от уплаты транспортных налогов.

Свободные экономические зоны (СЭЗ). Деятельность СЭЗ регулируется положениями закона «О создании и функционировании свободных экономических зон» № 6835 от 30 декабря 2002 г., вступившего в силу 1 июля 2003 г.⁶

В настоящее время функционируют три СЭЗ: Инчхон (Incheon), Пусан (Busan-Jinhae) и Кванъян (Gwangyang)⁷. Решение о создании свободной экономической зоны принимается Министерством финансов и экономики РК на основании соответствующего представления мэра города центрального административного подчинения или губернатора провинции.

Согласно данному закону, зарубежные компании, расположенные в СЭЗ, получают право нанимать иностранных рабочих для любого вида деятельности без ограничения срока (корейским компаниям с участием иностранного капитала разрешается нанимать иностранцев для работы в определяемых правительством 26 отраслях, на срок не более 2 лет).

Льготы и преимущества СЭЗ. Иностранные компании, расположенные в СЭЗ, вложившие более 10 млн. долл. США в производственную сферу, туристический бизнес или более 5 млн. долл. США в развитие морских и авиационных портовых сооружений, логистических центров, освобождаются от подоходного, корпоративного и местных налогов на 3 года и получают скидку 50% на уплату налогов в последующие 2 года. Импортные товары в течение 3 лет освобождаются от уплаты таможенных пошлин.

Компаниям сферы высоких технологий, включая био- и нанотехнологии, функционирующим в СЭЗ, предоставляются перечисленные льготы вне зависимости от объема инвестирования. Подоходный налог иностранных сотрудников, занятых на данных предприятиях, составляет 17%.

Следует отметить, что создание СЭЗ было неоднозначно воспринято деловыми кругами страны. Представители Торгово-промышленной палаты РК выразили озабоченность в отношении предоставления иностранным компаниям налоговых льгот. Федерация корейских промышленников также отмечает, что налоговые льготы, предоставляемые иностранным компаниям, являются дискриминационными по отношению к корейским компаниям, функционирующим за пределами СЭЗ. При этом подчеркивается, что появление этих зон вводит в заблуждение иностранных инвесторов, которые уже создали свои предприятия в так называемых индустриальных зонах или зонах беспошлинной торговли. Представители ТПП стран Евросоюза в Корею заявляют, что для достаточно развитой корейской экономики нет необходимости в создании СЭЗ. При этом приводятся негативные примеры создания подобных экономических зон в странах Европы в 1970-е годы.

Зоны иностранного инвестирования (ЗИИ). ЗИИ создаются с целью реализации определенного коммерческого проекта. Порядок создания и условия функционирования ЗИИ определяются законом РК «О стимулировании иностранных инве-

стиций» № 5559 от 16 сентября 1998 г.⁸ и дополнительными инструкциями. Полномочиями по созданию ЗИИ обладает мэр города центрального подчинения или губернатор провинции после получения положительного заключения Комиссии по иностранным инвестициям, возглавляемой Министром финансов и экономики РК.

Для создания такой особой экономической зоны зарубежный инвестор обращается к мэру города или губернатору провинции с просьбой определить конкретную территорию в качестве ЗИИ с целью реализации определенного коммерческого проекта. В случае если проект представляется значимым для регионального развития, необходимые документы направляются в Министерство торговли, промышленности и энергетики РК, которое после изучения направляет его в Комиссию по иностранным инвестициям РК. При получении положительного заключения Комиссии определяется конкретное место в качестве ЗИИ. При принятии решения предпочтение отдается проектам в области обрабатывающей промышленности и высоких технологий.

Начиная с января 2004 г., минимальный объем инвестиций для создания такого рода зон в промышленном секторе составляет 30 млн. долл. (ранее было 50 млн. долл.), в области туризма – 20 млн. долл. (ранее – 30 млн. долл.) и в области логистики – 10 млн. долл.

Льготы и преимущества ЗИИ. Компании, действующие в такой зоне, получают следующие льготы:

- освобождение на 5 лет от уплаты корпоративного налога и налога на прибыль и применение к ним 50%-ной ставки данных налогов в течение последующих 2 лет;
- освобождение от уплаты местных налогов (налога на приобретение, налога на собственность, совокупного земельного налога и налога на регистрацию) на срок 5 лет и применение к ним 50%-ной ставки данных налогов в течение последующих 2 лет;
- освобождение от уплаты таможенных пошлин, акцизов, НДС в течение первых 3 лет после осуществления инвестирования;
- освобождение от уплаты арендной платы в течение 50 лет и право продления аренды на последующие 50 лет на тех же условиях;
- оказание поддержки для создания социальной инфраструктуры.

В настоящее время в РК функционирует 12 ЗИИ (см. таблицу). Суммарный объем инвестиций в эти зоны составил в 2005 г. 2,26 млрд. долл.⁹ К числу основных инвесторов относятся Япония, США, Сингапур, Германия.

Зоны беспошлинной торговли (ЗБТ). Организация ЗБТ регулируется законом «О формировании и функционировании зон беспошлинной торговли» № 6305 от 29 декабря 2000 г.¹⁰ Задачей создаваемых зон является привлечение капиталовложений международных корпораций и дальнейшее формирование усло-

Таблица

Зоны иностранного инвестирования в РК

Местоположение	Наименование компании в ЗИИ	Наименование компании-инвестора	Сумма инвестиций, млн. долл.
1. Pyeongtaek	Dondwoo STI, Dongwoo Optical Materials	Sumitomo Chemical (Япония)	155
	NH Techno, Grass Korea	NH Techno Grass (Япония)	64
	Hoya Electronics Korea	Hoya Corporation (Япония)	52
2. Cheonan	Cheonan Film Culture Complex	КОАА Film (США)	36
3. Yeongi	Korea Autoglass	Asahi Glass (Япония)	66
4. Asan	S-LCD	Sony (Япония)	923
5. Eumseong	Dongbu Electronics	Toshiba (Япония)	240
6. Cheongwon	LINTEC Korea	Lintec Corporation (Япония)	40
7. Gumi	Asahi Glass Fine Techo	Asahi Glass (Япония)	150
	Toray Saehan	Toray Industries (Япония)	100
8. Yangsan	J.S.T.	J.S.T. (Сингапур)	32
9. Sacheon	Korea Taiyo Yuden	Taiyo Yuden (Япония)	103
10. Yeosu	Air Liquide Korea	Air Liquide (Франция, Япония)	59
11. Gunsan/Ulsan	BASF	BASF (Германия)	231
12. Gamcheon	MCC Logistics	Mitsui & Co. (Япония)	10

Источник: Investment Guide – FDI Incentive – Location Incentive www.investkorea.org

вий для превращения РК в крупнейший в Юго-Восточной Азии центр по обработке и перевалке грузов. ЗБТ могут быть созданы в крупных национальных аэропортах, морских портах и грузовых терминалах, обладающих развитой транспортной инфраструктурой и располагающих необходимым оборудованием для осуществления эффективного контроля за поступлением товаров в зону и вывозом из нее.

Вопрос создания ЗБТ решается Министерством финансов и экономики РК по представлению мэра города центрального административного подчинения или губернатора провинции.

Льготы и преимущества ЗБТ. Зарубежным компаниям, инвестировавшим более 10 млн. долл. в ЗБТ, а в логистический бизнес – более 5 млн. долл., предоставляются:

- освобождение от уплаты корпоративного налога и налога на прибыль на срок 7 лет и применение к ним 50%-ной ставки данных налогов в течение последующих 3 лет;

- освобождение от уплаты местных налогов (налога на приобретение, налога на собственность, совокупного земельного налога и налога на регистрацию) на срок 5 лет и применение к ним 50%-ной ставки данных налогов в течение последующих 3 лет;

- полное освобождение от уплаты таможенных пошлин и упрощение таможенного оформления грузов, поступающих в зону.

В настоящее время в РК функционируют 4 ЗБТ: международный аэропорт Инчхон, порт Инчхон, порт Пусан, порт Кванъян.

Индустриальные комплексы (ИК). ИК, объединяющие на одной территории предприятия ведущих отраслей, создаются в различных регионах РК с целью развития этих отраслей и привлечения прямых иностранных инвестиций.

На основании закона «О промышленном размещении и строительстве производственных объектов» № 6452 от 28 марта 2001 г.¹¹ в РК могут создаваться два вида ИК: национальные ИК и ИК местного подчинения. ИК учреждаются для повышения степени конкурентоспособности стратегически значимых отраслей национальной промышленности. Полномочия по созданию национальных ИК принадлежат Министерству торговли, промышленности и энергетики РК, а по созданию ИК местного подчинения – мэру соответствующего города центрального административного подчинения или губернатору провинции.

Льготы и преимущества ИК. Компании, осуществляющие деятельность на территории ИК, получают право на освобождение от уплаты некоторых местных налогов и сборов, им возмещается часть затрат на строительство производственных объектов, оказывается помощь в обеспечении инфраструктурой. Корейские компании с участием иностранных инвестиций могут осуществлять производственную деятельность в ИК на тех же условиях, что и иностранные компании.

По состоянию на 2005 г. в РК функционировало 37 национальных ИК общей площадью 414 кв. км.¹²

Закон «О промышленном размещении и строительстве производственных объектов» также предусматривает создание Министерством торговли, промышленности и энергетики РК ИК исключительно для иностранных компаний. Подобные комплексы могут быть созданы как в рамках национальных ИК, так и самостоятельно, при этом статус и предоставляемые инвесторам льготы являются одинаковыми. Кроме того, на ИК для иностранных компаний распространяется действие льгот, предусмотренных положениями закона «О стимулировании иностранных инвестиций» для компаний с участием иностранных инвестиций.

В настоящее время в РК функционирует шесть ИК исключительно для иностранных инвесторов:

- Куми / Gumi National Industrial Complex. Комплекс занимает территорию более 22 кв. км., основным видом деятельности является производство высокотехнологичной электронной продукции, в комплексе работают компании Samsung, LG, Daewoo.

- Очхан / Ochang Scientific Industrial Complex. В комплексе расположены компании, занимающиеся производством полупроводников. Территория, занимаемая комплексом, составляет 10 кв. км.

- Чинса / Jinsa National Industrial Complex. Компании, расположенные в данном комплексе, занимаются производством высокотехнологичной продукции.

- Тэболь / Daebul National Industrial Complex. Комплекс занимает территорию площадью около 0,96 кв. км. Компании производят преимущественно высокотехнологичную электронную продукцию.

- Чхонан / Cheonan National Industrial Complex. В данном комплексе представлены в основном японские компании, занимающиеся производством продукции сферы высоких технологий. Площадь ИК – около 0,7 кв. км, он был введен в действие в 1996 г.

- Кванчжу / Gwangju Pyeongdong National Industrial Complex. Территория комплекса составляет около 1 кв. км, он осуществляет деятельность с 1995 г. В комплексе располагаются компании из Японии, США и стран ЕС. Основной вид деятельности – производство высокотехнологичной продукции, в частности оптоэлектроники, биоинженерии.

- Кыми / Geumi Foreign Exclusive Industrial Complex. Занимает территорию 0,4 кв. км. Основной вид деятельности компаний – производство высокотехнологичной продукции.

- Инчжу / Inju Foreign Exclusive Industrial Complex. В ИК также производится высокотехнологичная продукция.

ОЭЗ в РК привлекли достаточно большое число инвесторов, в особенности –

в отрасли высоких технологий. Стратегия привлечения прямых иностранных инвестиций до 2015 г., разработанная Министерством промышленности, торговли и энергетики, выделяет ОЭЗ в качестве одного из важных инструментов как привлечения капиталов, так и механизма создания благоприятного инвестиционного климата. В 2006 г. приток прямых зарубежных инвестиций в Корею составил 11 млрд. долл., более 25% от общего объема было привлечено в рамках особых экономических зон¹³. Корейский опыт создания ОЭЗ считается успешным, он может быть учтен и в российской практике.

Примечания

¹ Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» №116-ФЗ от 22 июля 2005 г.

² ЮНКТАД. UNCTAD Trade and development report 2006. <http://www.unctad.org>

³ Закон Республики Корея «О стимулировании иностранных инвестиций» № 5559 от 16 сентября 1998 г. (Foreign Investment Promotion Act).

⁴ Закон Республики Корея «О создании зон свободной торговли» № 7210 от 22 марта 2004 г.

⁵ Investment Guide – FDI Incentive – Location Incentive <http://www.investkorea.org>

⁶ Закон Республики Корея «О создании и функционировании свободных экономических зон» № 6835 от 30 декабря 2002 г.

⁷ InvestKorea. <http://www.investkorea.org>

⁸ Закон Республики Корея «О стимулировании иностранных инвестиций» № 5559 от 16 сентября 1998 г. (Foreign Investment Promotion Act).

⁹ Investment Guide – FDI Incentive – Location Incentive <http://www.investkorea.org>

¹⁰ Закон Республики Корея «О формировании и функционировании зон беспошлинной торговли» № 6305 от 29 декабря 2000 г.

¹¹ Закон Республики Корея «О промышленном размещении и строительстве производственных объектов» № 6452 от 28 марта 2001 г.

¹² Investment Guide – FDI Incentive – Location Incentive <http://www.investkorea.org>

¹³ Министерство финансов и экономики Республики Корея. <http://english.mofe.go.kr>

Ю. М. Попов*

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

После окончания Корейской войны основные источники инвестиций в Республику Корея приходились на иностранную помощь, иностранные займы, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и на мобилизацию внутренних денежных ресурсов.

Правительство РК всегда придавало большое значение ПИИ. Для стимуляции притока ПИИ в 1960 г. был издан указ «О стимулировании иностранного капитала». Однако в течение 2 лет не было осуществлено ни одного проекта по привлечению ПИИ. Причиной этому послужила политическая и экономическая нестабильность начала 1960-х годов. Для преодоления сложившейся ситуации правительство в 1967 г. принимает новый документ: «Всесторонние меры по рационализации иностранного капитала». Однако из-за несовершенства административной системы его реализация не дала ожидаемых результатов. В стране не прижилась такая форма инвестирования, как совместное предпринимательство.

В 1969 г. правительством были приняты новые «Меры по стимулированию притока ПИИ и субсидий». В результате в 1970 г. была создана первая экспортная зона в Масане. Вследствие начавшегося инвестиционного бума, в 1973 г. правительство было вынуждено ограничить приток инвестиций. Приоритет отдавался совместному предпринимательству и отвергались инвестиционные предложения в проекты, конкурирующие с национальным производителем, или проекты, поддерживающие только в финансовом отношении существующие национальные предприятия. Доля иностранного капитала в совместных предприятиях была ограничена в пределах 50%. В некоторых случаях данное ограничение снималось, к примеру, при создании предприятий, полностью ориентированных на экспорт и не составляющих конкуренции национальным фирмам на мировом рынке.

Как источник накопления объема ПИИ по сравнению с иностранными займами на начальном этапе занимали достаточно скромное положение. К примеру, иностранные займы в 1972 г. составляли 3,5 млрд. долл., в 1977 г. – 12,65, в 1981 г. – 32,5 млрд.

долл. В то же время накопленные ПИИ в 1464 различных проектах к концу 1981 г. насчитывали лишь 1,86 млрд. долл. Причем ежегодный приток ПИИ колебался в широких пределах.

Инвестиционная привлекательность РК в тот период обуславливалась низкой стоимостью трудовых ресурсов. Однако опережающий рост стоимости трудовых ресурсов по сравнению с другими странами Азии делал РК менее конкурентоспособной.

Основными инвесторами РК были Япония и США. На Японию приходилось 55% общей суммы ПИИ и 76% иностранных фирм, действовавших в РК. Привлекательность РК для Японии обуславливалась множеством факторов: географической и исторической близостью, большим количеством корейских эмигрантов в Японии, дешевизной трудовых ресурсов в первой половине 1970-х годов и др.

Основные ПИИ японских компаний были направлены в трудоемкие отрасли, в отличие от американских и западноевропейских компаний, которые, в основном, осуществляли инвестиции в капиталоемкие отрасли, в связи с чем доля Японии в общем объеме ПИИ снизилась до 41,75% в 1977–1981 гг. против 71,30% в 1972–1976 гг., в то время как доля американских и европейских ПИИ постоянно увеличивалась.

В развивающихся странах наибольшую инвестиционную привлекательность составляют природные ресурсы, однако РК не обладала значительными их запасами. В данном случае для инвесторов наиболее интересны были дешевые трудовые ресурсы РК в сочетании с азиатским стилем управления. К концу 1981 г. лишь 1% от общего объема ПИИ был реализован в добывающих отраслях, 75% – в обрабатывающих отраслях, 24% – в сфере обслуживания. На распределение ПИИ по

Таблица 1

Иностранные инвестиции в экономике РК (1962–1996 гг.)

Годы	Доля в общем объеме инвестиций, %				Сумма ПИИ, тыс. долл.	Число проектов
	Япония	США	Западная Европа	Другие страны		
1962-1966	17,57	52,70	22,65	7,08	47 411	42
1967-1971	41,02	43,61	4,25	11,12	218 620	415
1972-1976	71,30	15,35	4,32	9,03	879 425	1261
1977-1981	41,75	32,70	12,39	13,16	720 649	596
1982-1986	49,57	32,90	9,95	7,58	1 767 729	948
1987-1991	37,65	26,04	28,44	7,88	5 635 994	2585
1992-1996	18,43	30,32	20,65	30,60	8 405 501	3391
Тыс. долл.	3 256 821	5 359 368	3 650 325	5 408 814	17 675 329	

Источник: www.minwon.mocie.go.kr

* Аспирант Института Дальнего Востока РАН, Москва.

отраслям основное влияние оказывала экономическая политика государства, которое создавало благоприятные условия для развития отдельных отраслей. В частности, для развития туризма были созданы особо благоприятные условия для размещения ПИИ в гостиничном бизнесе. Подобная политика на начальной стадии индустриализации в РК стимулировала ПИИ в отрасли, занимающиеся нефтепереработкой, производством удобрений, химической продукцией. На следующем этапе импортозамещающие ПИИ увеличились за счет инвестиций в нефтехимическую промышленность, производство синтетических волокон.

По мере наращивания экспорта основные ПИИ направлялись в швейную, электронную отрасли, а также в индустриальное машиностроение. Японские инвестиции вкладывались, в основном, в экспортные отрасли, технологически интенсивные и трудоемкие: швейную, бытовую электронику, которые после освоения начали конкурировать на мировом рынке с японской продукцией.

Рост объема притока ПИИ в 1980-х годах был обусловлен новой политикой либерализации доступа иностранных компаний в различные сектора экономики. В 1986 г. началось активное привлечение ПИИ в сферу мелкого и среднего производств. Были разрешены вложения в мелкий и средний бизнес при условии, что доля иностранного капитала не превышала 50%. Минимальный размер вложений, которым сопутствовала передача технологий, был снижен до уровня в 50 тыс. долл. В 1987 г. для ПИИ были открыты новые отрасли перерабатывающей промышленности, что позволило достичь уровня ее либерализации в этом секторе в 97,5%¹. В том же 1987 г. была предпринята попытка привлечения большего объема средств в сферу высоких технологий. Однако в то же время было принято решение о необходимости выравнивания условий бизнеса для иностранных инвесторов, что выразилось в снижении налоговых льгот, необходимых для поощрения инвестиционной деятельности на первом этапе. В результате, к началу 1990-х годов степень либерализации ПИИ составила 79,1%.

В 1989 г. продолжилась либерализация ПИИ в секторе услуг. Ограничение на участие в капитале иностранных компаний в данном секторе было ослаблено: если ранее им разрешалось иметь не более 10% акций компании, то теперь эта доля была повышена до 40%, а в 1991 г. – до 50%. В 1994 г. был пересмотрен Закон о привлечении иностранного капитала – суть нововведений заключалась в упрощении бюрократических процедур и улучшении инвестиционного климата.

Еще одним шагом по привлечению ПИИ стало то, что в начале 1990-х годов правительство стало проявлять интерес к компаниям, способным привнести в страну передовые технологии. Такая политика диктовалась необходимостью выхода на рынок высокотехнологичных товаров с целью повышения конкурентоспособности корейской продукции на мировом рынке. Для повышения доли ПИИ, направленных в высокотехнологичные отрасли, власти ввели ряд преимуществ при осуществ-

лении таких проектов. В то время как положение остальных иностранных компаний в Корее было уравнено, и они были лишены ряда льгот, предоставлявшихся ранее, фирмы, осуществлявшие высокотехнологичные проекты, освобождались от корпоративного и подоходного налога в течение первых 3 лет после осуществления инвестиций, а в последующие 2 года эти налоги взимались по льготной ставке. Аналогичные льготы предоставлялись при приобретении собственности.

Кроме того, компаниям, осуществлявшим совместные вложения в высокотехнологичные проекты, с 1993 г. стали предоставляться субсидии, причем особое предпочтение отдавалось компаниям в сфере электроники, информатики, машиностроения, химической и текстильной промышленности.

Среди льготных отраслей также числились машиностроение, электрическое и электронное оборудование и приборы, тонкая химия, производство новых материалов, биоинженерия, авиация и оборонная промышленность, охрана окружающей среды, сфера услуг.

Все эти шаги отразились на динамике притока ПИИ. В 1987 г. объем инвестиций впервые перешел отметку в 1 млрд. долл. – приток составил 1,063 млрд. долл. Вплоть до 1995 г. сохранялось относительно стабильное положение, без резких скачков. В 1995 г. объем ПИИ подошел вплотную ко второму миллиарду – приток инвестиций составил 1,947 млрд. долл. С этого момента наблюдались реальные результаты законодательной деятельности государства в области инвестиций, так как уже в следующем году объем их притока практически удвоился и составил 3,203 млрд. долл.

Экономический кризис 1997 г. привел к значительным изменениям в политике правительства РК по отношению к ПИИ: в частности, были разрешены слияния и поглощения; долгосрочные займы (более 5 лет) были приравнены к ПИИ.

Для упрощения притока ПИИ правительством РК в ноябре 1998 г. был разработан акт по «Привлечению иностранных инвестиций». Правительство пошло на существенное изменение законодательства. Была значительно упрощена процедура осуществления слияний и поглощений: иностранные компании могли участвовать в процессе слияний и поглощений с корейскими компаниями с разрешения совета директоров компании, а также с разрешения Министерства финансов и экономики при условии, что сумма сделки не превышала 2-х трлн. вон (около 2 млрд. долл.). Был снят ряд других ограничений на ПИИ: из 1148 секторов экономики полностью были открыты для притока ПИИ 1117 секторов, 18 секторов были частично открыты к концу 1998 г. Среди частично открытых отраслей оставались такие, как животноводство и рыболовство, алкогольная и табачная промышленность, электроэнергетика, азартные игры, некоторые сектора логистики, а также коммуникации и СМИ. Закрытые сектора в первую очередь были связаны с национальной безопасностью.

Фактически, иностранные инвесторы получили больше преференций, чем корейские, в частности в вопросах налогообложения. Основные льготы по освобождению от налогообложения приходились на отрасль высоких технологий, сферу услуг, а также на отрасли, расположенные в новых свободных экспортных зонах. Так, компаниям предлагалось 100%-ное освобождение от налогообложения в течение первых 7 лет после получения первого доход, и 50%-ное снижение налогообложения в последующие 3 года. Также для привлечения ПИИ правительство РК создало несколько новых свободных экономических зон в таких районах, как Кванджу, Чхонан и Инчхон.

В результате объемы ПИИ по сравнению с 1990-ми годами значительно возросли. Объем ПИИ в 1997 г. составил 7 млрд. долл. и достиг своего пика в 1999 и 2000 гг., составив 15,5 млрд. долл. и 15,2 млрд. долл. соответственно. Затем последовал спад, который был преодолен в 2004 и 2005 гг.

Следует отметить, что увеличение притока ПИИ после кризиса 1997 г. было вызвано двумя факторами. Первый – стимулирующий: меры, предпринятые правительством для стимуляции ПИИ (разрешение на проведение иностранными компаниями слияний и поглощений, льготная налоговая политика и др.). Второй – «подталкивающий»: обесценивание курса корейской воны по отношению к доллару США. Стоимость корейской воны сильно упала после кризиса 1997 г.: на 40,4% по отношению к американской валюте и на 33,2% по отношению к японской иене по сравнению с показателями на конец 1996 г. Реальная стоимость воны, рассчитанная на основе индекса потребительских цен, в последнем квартале 1997 г. упала на 17,6%, а в первом квартале 1998 г. – на 34% к уровню цен 1996 г.

Из табл. 2 видно, как изменялись отрасли – реципиенты инвестиций. Объем ПИИ в обрабатывающие отрасли в период с 1962 по 1996 гг. составлял от 53 до 65% от общего числа инвестиций. После кризиса 1997 г. большая часть инвестиций начала приходиться на сферу услуг и достигла своего пика в 2002 г. – 73,1%.

Причина изменения вектора направленности ПИИ с производства на сферу услуг связана с изменением конкурентоспособности РК. Большинство японских ПИИ было направлено в обрабатывающую промышленность, но в связи с ростом заработной платы РК уступила свои конкурентоспособные преимущества странам АСЕАН и Китаю. В противоположность Японии, доля ПИИ из США и стран ЕС возросла после кризиса, особенно в сферу услуг: финансовый сектор и рынок недвижимости.

Несмотря на то что в общемировом плане объем ПИИ постоянно увеличивается, основные потоки сконцентрированы на нескольких странах, таких, как Китай, США и Великобритания. В отчете UNCTAD «Мировой отчет по инвестициям-2006» подтверждаются основные тенденции ПИИ. Доля Китая в общемировой доле ПИИ возросла с 2,9% в 2000 г. до 5,4% в 2005 г.

Таблица 2

ПИИ в РК 1997–2006 гг.

Год	Всего		Тип, тыс. долл.		Страна, %				Отрасли экономики, тыс. долл.		
	Количество проектов	Сумма, тыс. долл.	Слияния и поглощения	Долго-срочные займы	США	ЕС	Япония	Другие	Производство	Услуги	Другое
1997	1 055	6 970 916	6 907 239	63 677	45,8	33,1	3,8	17,3	2 507 599	4 361 774	101 543
1998	1 401	8 852 566	7 769 215	1 083 351	33,6	32,6	5,7	28,1	5 829 882	2 591 012	431 672
1999	2 105	15 541 547	14 904 188	637 359	24,1	40,3	11,3	24,3	8 356 202	6 782 673	402 672
2000	4 140	15 216 711	14 870 968	345 743	18,6	28,0	15,6	37,8	6 847 878	8 110 301	258 532
2001	3 341	11 291 994	10 675 865	616 129	34,4	27,1	6,8	31,7	2 911 122	7 235 561	1 145 311
2002	2 408	9 102 512	8 906 931	195 581	49,4	18,3	15,4	16,9	2 336 434	5 132 086	1 633 992
2003	2 564	6 468 193	6 388 435	79 758	19,2	47,3	8,3	25,2	1 697 135	4 132 068	638 990
2004	3 068	12 785 417	11 750 669	1 034 748	36,9	23,5	17,7	21,9	6 210 456	6 141 117	433 844
2005	3 656	11 563 488	н/д	н/д	23,3	37,1	16,2	23,4	н/д	н/д	н/д
2006	н/д	11 200 000	н/д	н/д	15,2	43,8	18,7	22,3%	н/д	н/д	н/д

Источник: Данные рассчитаны на основе информации, представленной на сайте: www.times.hankooki.com и www.piiwon.tosie.go.kr

Таблица 3

ПИИ в мировой экономике, 2004–2006 гг., млрд. долл.

	2004	2005	2006	Изменение, %	Доля от общемирового показателя, %
Мир	710,8	916,3	1230,4	34,3	
Европа	217,7	433,6	589,8	36,0	47,9
Великобритания	56,2	164,5	169,8	3,2	13,8
США	122,4	99,4	177,3	78,2	14,4
Япония	7,8	2,8	-8,2	-395,5	0
Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия	138,0	165,1	186,7	13,1	15,17
Китай	60,6	72,4	70,0	- 3,3	5,6
Гонконг	34,0	35,9	41,4	15,4	3,4
Сингапур	14,8	20,1	31,9	58,8	2,6
Республика Корея	7,7	7,2	2,0*	- 92,6	0,1
Россия	15,4	14,6	28,4	94,6	2,3

* Данная цифра является прогнозом, сделанным на основе информации «Бэнк оф Корея», согласно которому за 11 месяцев 2006 г. объем привлеченных ПИИ составил 1,9 млрд. долл.

Источник: www.unctad.org

Последние изменения в направлении развития общемирового рынка ПИИ заставляют правительство РК искать новые пути в привлечении ПИИ. Согласно данным корейского правительства, в 2004 и в 2005 гг. было привлечено в общей сложности более 11 млрд. долл., и эта цифра показывает, что Корея оправилась от стагнации в сфере ПИИ, отмечавшейся в 2002 и 2003 гг. По объему притока ПИИ Республика Корея в 2005 г. находилась на 21-м месте, а общий объем привлеченных инвестиций к ВВП составил 8,0%. Средний общемировой показатель отношения ПИИ к ВВП составляет 21,7%.

Общий объем накопленных ПИИ в 2005 г. составил 115,4 млрд. долл., что в 4 раза выше, чем в 1997 г. (табл. 4).

Несмотря на то что правительство прилагает усилия для привлечения ПИИ, РК значительно отстает от ведущих развитых стран. Объем привлекаемых в корейскую экономику ПИИ составляет половину от показателей развитых странах. Объем накопленных инвестиций в РК составляет 8,1% от ВВП, тогда как в Сингапуре этот показатель составляет 150,2%, а в Гонконге 277,6%. Согласно исследованию, проведенному «Economic Intelligence Unit»², Корея находится на 25-м месте по объему привлекаемых инвестиций, тогда как Сингапур и Гонконг входят в первую десятку.

Таблица 4

Накопленные ПИИ в РК, тыс. долл.

Страна	К 2005 г.		1962–2005 гг.	
	Количество проектов	Инвестиции	Количество проектов	Накопленные ПИИ
Всего	3706	11 563 321	33 924	115 447 244
<i>в том числе:</i>				
1 США	496	2 689 773	7045	34 935 700
2 Япония	612	1 878 840	8888	17 398 668
3 Нидерланды	85	1 149 594	783	12 966 746
4 Малайзия	38	210 942	648	6 872 601
5 Германия	102	704 811	1122	6 767 824
6 Великобритания	95	2 307 734	731	5 781 378
7 Франция	58	85 181	589	3 536 122
8 Сингапур	90	388 713	620	3 495 109
9 Канада	48	192 524	389	3 407 544
10 Гонконг	64	819 715	807	2 720 619
...				
13 Китай	671	68 311	4891	1 755 238
...				
50 Россия	34	2 506	252	18 403
Другие	1313	1 064 677	7159	15 791 29

Источник: www.minwon.mocie.go.kr

Основной поток ПИИ был направлен в финансовую сферу и сферу страхования, электронику, оптовую и розничную торговлю, телекоммуникации и автомобилестроительную отрасли. Основными инвесторами в Республику Корея стали США, Нидерланды, Япония и Великобритания. Основным регионом по притоку ПИИ стал Сеул.

Согласно статистике по привлеченным ПИИ, начиная с 1962 г., на Сеул приходилось 67,6% от всех ПИИ. После финансового кризиса 1997 г. дисбаланс по привлечению ПИИ увеличился, и в результате в период с 1998 по 2005 г. более 71% объема ПИИ было привлечено в Сеул.

Основной объем привлеченных ПИИ в сфере услуг в настоящее время приходится на так называемые «бизнес-услуги» (инжиниринг, консалтинг и др.), транспорт, культурные мероприятия, в то время как в таких традиционных сферах услуг, как оптовая и розничная торговля, производство продуктов питания, наметилась тенденция к снижению объемов привлечения ПИИ.

Для увеличения объема привлекаемых ПИИ Южная Корея поставила 151 задачу, которые должны стимулировать рост ПИИ. В настоящее время данные задачи планомерно проводятся в жизнь, в результате показатель инвестиционной привлекательности страны постоянно увеличивается, и в период с 2004 по 2006 г. вырос с 27,4 до 37,4%. Одновременно с этим падает и неудовлетворенность инвесторов, так как данный показатель уменьшился за этот же период с 27,8 до 25,7% от общего числа опрошенных инвесторов.

Для увеличения объема привлекаемых ПИИ правительство РК разработало программу, которая, по его мнению, позволит стране стать одним из ведущих импортеров ПИИ.

Данная программа состоит из нескольких пунктов. *Во-первых*, планируется фундаментально улучшить условия для притока ПИИ. Эту цель правительство РК планирует достичь путем создания свободных экономических зон (СЭЗ) с ведущими экономически развитыми странами. Создание СЭЗ должно способствовать улучшению инвестиционного климата благодаря открытию рынка услуг, применению в РК наиболее продвинутых схем по управлению предприятиями, развитию конкуренции.

Кроме того, правительство РК планирует разработать долгосрочную программу по улучшению бизнес-среды для иностранных инвесторов. Уже сейчас в РК вкладываются значительные средства в развитие инфраструктуры для иностранных инвесторов.

Во-вторых, правительство РК планирует сделать более гибкой и эффективной систему по привлечению ПИИ. Разработана система льгот и преференций, которые будут предлагаться для различных проектов. Льготы будут рассчитываться отдельно для каждого инвестора. Причем каждый инвестор будет иметь выбор, какой тип льгот он хочет иметь.

Также принято решение по развитию корейского информационного агентства «Инвест Корея». Планируется, что данное агентство станет единым органом, который будет вести деятельность по привлечению инвестиций. Использование одного агентства позволит более эффективно вести работу по привлечению ПИИ, что, в конечном счете, должно увеличить их привлекаемые объемы.

Планируется активно действовать по улучшению имиджа Кореи не только внутри страны, но и за рубежом. Так, начиная с 2007 г., планируется открыть представительства «Инвест Корея» по всему миру, проводить семинары для представителей крупнейших ТНК. Это также должно повысить конкурентоспособность РК по сравнению с лидерами по привлечению ПИИ в данном регионе, такими, как Китай и Япония.

В-третьих, планируется организовать более тесную связь между ПИИ и ведущими отраслями экономики РК. Предполагается, что основной акцент по привле-

чению ПИИ будет сделан на развитие ключевых отраслей экономики и сферы услуг.

Кроме того, планируется максимально эффективно использовать ПИИ для сбалансированного развития всех регионов страны. Так, для компаний, которые будут инвестировать в наименее развитые регионы РК, будут предлагаться различные льготы и преференции.

Правительство РК планирует претворить в жизнь стратегию по привлечению ПИИ, предполагающую максимальный приток ПИИ из ведущих мировых экономик, таких, как США и ЕС. В частности, уже сейчас идут переговоры о создании СЭЗ с США. Ожидается, что основной объем ПИИ из США будет приходиться на сравнительно слабо развитые отрасли, такие, как аэрокосмическая и высокоточное машиностроение.

Основная цель РК – увеличение объема прямых иностранных инвестиций на 10% ежегодно до 20–25 млрд. долл. к 2015 г. Средства производства также будут улучшены благодаря иностранным инвестициям. Объем ПИИ в ВВП планируется увеличить с 13,9% до 15% к 2015 г.

Несмотря на амбициозные планы правительства РК, автор полагает, стране вряд ли удастся достичь запланированных показателей. С 2000 г. не наблюдается большого роста притока ПИИ в экономику РК. Это связано с тем, что после 1997 г. основной объем ПИИ приходился на слияния и поглощения. Пик пришелся на послекризисный период, когда обанкротились ряд чеболей, это вместе с либерализацией рынка ПИИ способствовало приходу иностранных компаний на рынок РК. В ближайшее время вероятность развития подобного сценария незначительна. Кроме того, стабилизировавшийся курс доллара не будет служить «подталкивающим» фактором в росте ПИИ. Таким образом, РК необходимо приложить значительные усилия для достижения 20–25 млрд. долл. ежегодного притока ПИИ к 2015 г.

Опыт РК по привлечению ПИИ может быть полезен для России. В настоящее время большинство иностранных компаний не считают Россию привлекательным рынком для инвестирования, исключение составляют отрасли добывающей промышленности, энергетики и, в последнее время, автомобилестроения. Однако несомненно, что РФ может перенять ряд практик правительства РК. Во-первых, весьма полезным может быть опыт по созданию единого информационного агентства по привлечению иностранных инвестиций. В настоящее время в России не существует такого единого органа, который бы целенаправленно занимался привлечением инвестиций в экономику страны.

Во-вторых, создание преференций для иностранных инвесторов в ряде регионов могло бы значительно увеличить объем притока ПИИ. Несмотря на то что в ряде регионов существует специальные программы, поддерживаемые на уровне правительств и администраций регионов, целенаправленной программы на разви-

тие притока ПИИ не существует. Создание такой программы при поддержке правительства РФ, несомненно, способствовало бы развитию регионов РФ.

Опыт РК в плане привлечения ПИИ в экономику может быть полезен для РФ в свете вступления страны в ВТО. Россия может избежать ряда ошибок, совершенных РК в своей политике по привлечению ПИИ, а также использовать опыт РК для наиболее рациональной деятельности в этом плане. Для этого РФ необходимо разработать четкую стратегию по привлечению ПИИ с использованием передовых мировых практик, упростить законодательство в сферах привлечения прямых иностранных инвестиций.

Примечания

¹ Чу Хан Кван, Ким Сын Чжин. Кукне вугун чикчоп тхучжа хёнхангва чончхэк тэын (Настоящее и будущее прямых иностранных инвестиций в Республике Корея). Сеул: Сеге кёнчже ёнгу-вон (Institute for Global Economics), 1998. С. 32.

² <http://newsroom.cisco.com>

А. Н. Федоровский*

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ ВАРИАНТ КОРПОРАТИВИЗМА

Мировой опыт показывает разнообразие форм корпоративистских отношений в обществе, а российская действительность демонстрирует рост влияния крупных корпораций на экономические и общественные процессы в стране. Это важное для пореформенного периода явление становится предметом изучения в России. В этом смысле анализ южнокорейского корпоративизма несомненно представляет интерес.

Корпорация представляет собой как рыночный институт, включенный в систему экономических отношений, так и социальный организм, «составляющие которого действуют не только сами по себе, но и как совокупность, имеющая общие интересы»¹. И в том, и в другом своем статусе корпорация взаимодействует с государством. Причем процессы, происходящие в самом корпоративном секторе, оказывают возрастающее влияние на экономические и общественные тенденции, влияют на содержание отношений между государством и ведущими корпорациями. В данном контексте южнокорейский крупный бизнес, представляя собой заметное явление не только национальной, но и мировой экономики, приобретает все больший потенциал влияния, одновременно испытывая растущее обратное воздействие со стороны государства и общества, притом что характер государственно-корпоративных отношений трансформируется.

Известный американский политолог Ф. Шмиттер, стоявший у истоков формирования корпоративистской школы современной политологии, определяет государственный корпоративизм как систему «представительства интересов, в которой составляющие ее субъекты организованы в ограниченное число монопольных, иерархических и функционально дифференцированных друг от друга категорий, призываемых, а иногда и создаваемых государством, которое гарантирует им указанную монополию в обмен на определенную степень контроля за подбором их лидеров, выработкой их требований и приверженностей»².

В качестве институциональной группы, отмечает С. П. Перегудов, крупные корпорации «чаще всего представляют собой не самостоятельные организации,

* ИМЭМО РАН, Москва.

формируемые самими гражданами или их объединениями, а институты и организации, встроенные в общественно-политическую систему и призванные, прежде всего, решать конкретные задачи в рамках данной системы»³. Во всяком случае, к южнокорейской корпоративной практике 1960–1990-х годов это определение подходит в полной мере.

Чэболи, или южнокорейский вариант бизнес-групп, в их законченном виде были созданы при поддержке и непосредственном участии государства и призваны функционировать на определенных, устраивающих государство условиях: политическая лояльность; участие в государственных программах развития; содействие в поддержании социальной стабильности. В системе общественных отношений *чэболи* представляли не только от лица их владельцев и высшего менеджмента (что подчас одно и то же), но, в определенной мере, и от лица наемного персонала. В решающей степени это прямое последствие политики южнокорейского государства: поощрявшегося им социального патернализма и насаждавшегося длительный период под административным давлением сверху «корпоративного» характера профсоюзов.

Характер южнокорейского корпоративизма достаточно уникален. В отличие, например, от Японии, в Южной Корее на период формирования национальной индустрии (до конца 1980-х годов) восторжествовал этап особой, той формы корпоративизма, для которой характерно ограничение политических и социальных свобод, поддержание жестко структурированных иерархических отношений. По мнению Сон Бён Нака, «корейский бизнес гораздо более иерархичен, нежели японский, что объясняется традиционной строгой иерархичностью корейских семейно-родственных отношений»⁴. Для корейской ментальности, в отличие от японской, характерна преданность скорее личности, чем институту, будь то политическая партия или коммерческая структура⁵. В основе южнокорейского корпоративизма лежит конфуцианство с его проповедью преданности работодателю и строгой системой старшинства⁶. По свидетельству авторитетных американских востоковедов Э. Рэйшауэра и Дж. Фэйрбэнка, «в Корее конфуцианство, хотя и представляет собой заимствованную идеологию, приобрело даже более ортодоксальные и жесткие черты, чем это имеет место в Китае»⁷. Конфуцианское учение считает ключевыми для общественных связей взаимоотношения между 1) отцом и сыном; 2) властителем и подданным; 3) мужем и женой; 4) старшим братом и младшим братом; 5) друзьями. Причем четыре из пяти этих взаимоотношений подразумевают жесткое подчинение младшего – старшему, женщины – мужчине⁸. В коммерческой практике наследие конфуцианства проявляется в иерархической вертикальной системе построения бизнеса.

Другим важным проявлением влияния конфуцианских принципов на организацию корейского общества стало большая роль тесных семейных связей в поддержании общественных и деловых отношений. Приоритет кровно-семейных связей,

при сохранении родственной иерархии, обеспечивающей старшему сыну вторую вслед за отцом ступень на властной лестнице вне зависимости от прочих обстоятельств, проецируется в бизнесе преобладанием семейных по своему характеру коммерческих предприятий, наследование которых должно происходить по сугубо мужской линии. В этом также проявляется существенное отличие Республики Корея от той же Японии, в которой родственно-семейные факторы оказывают менее заметное влияние на принятие коммерческих решений⁹.

Однако помимо иерархичности южнокорейская административно-управленческой культура характеризуется и другими особенностями, к которым в первую очередь можно отнести персонализм, своим действием дополняющий специфику корпоративизма в Республике Корея. Как подчеркивает в связи с этим К. Асмолов, корпоративность отражает «термин “чиптанджуй”, традиционно переводящийся как “коллективизм”, но означающий в действительности стремление не столько к объединению в единое целое, сколько к отчуждению небольшой группы от остального общества, разделению его по формуле “свои – чужие”». С этим связано «обособление корпорации от остального мира, приоритетность интересов “семьи” перед интересами нации и государства. Стремление помогать “своим” за счет “чужих”, а в отношении совершивших ошибку членов “своей” корпорации начинает срабатывать принцип снисходительности»¹⁰. В этих условиях возникала высокая вероятность конфликта между авторитарным государством и отдельными представителями крупного бизнеса. Одновременно для правительства создавалась возможность гибкого маневрирования и оказания на бизнес не только силового влияния, но использования межкорпоративных противоречий. Что касается персонализма, т.е. предпочтения неофициальных отношений официальным и замена служебных квазидружескими, культивирование внутрисемейного эмоционального климата, который стараются закрепить в служебной обстановке, то тем самым в системе южнокорейских общественных, в том числе корпоративных, отношений компенсируется «вызванное иерархичностью неравенство руководителя и подчиненных»¹¹.

Кроме того, как отмечает южнокорейский социолог Ким Гюн Дон (Kim Kyung-Tong), на особенности корпоративистских отношений в Южной Корее сказалось большое влияние военных на содержание социально-политических и экономических процессов. В 1960–1980-е годы в руководстве страной доминировали военные, более того, во многих как государственных, так и частных крупных коммерческих структурах отставные военные занимали важные посты. Распространенным явлением было создание в частных компаниях полувоенных подразделений (состоящих из персонала компаний), регулярно участвовавших в проводимых южнокорейской армией военных учениях¹². В этих условиях иерархические отношения между государством, бизнесом и гражданином приобретали черты полувоенной организации. Такого рода корпоративизм, по выражению американского социолога Ф. Дейо,

«основывается на отношениях экономической и политической субординации между государством и отдельными социальными группами и классами», что позволило ему использовать термин «авторитарный корпоративизм»¹³.

В связи с этим возникает принципиальный вопрос: в какой мере применим к Республике Корея (или к какому-либо её историческому этапу развития) термин «корпоративное государство»? Иными словами, насколько функционирование государственных институтов зависит (или зависело) от системы корпоративных отношений? Видимо, было бы преувеличением сводить сущность политического устройства в Республике Корея целиком к понятию «государственный корпоративизм». Вместе с тем представительство интересов важных социальных групп через корпоративистские отношения, очевидно, помогало решению тех экономических, политических и социальных задач, которые поставила перед страной правящая элита в 1960–1980-е годы: формирование конкурентоспособной рыночной экономики и обеспечение социально-политической стабильности.

Политическая система Южной Кореи в силу своей авторитарной жесткости не предусматривала эффективно действующую легальную систему представительства. В рамках функционального представительства *чэболи* за счет системы неформальных связей стремились оказать свое влияние на принятие государственных решений, выступая выразителями интересов, прежде всего, основателей-владельцев и окружающего их круга лиц. Однако одновременно, и с течением времени во все большей степени, через отстаивание интересов *чэболей*, пытались заявить о своих предпочтениях и лица наемного труда, занятые на предприятиях этих бизнес-групп. Со своей стороны, государство использовало неформальные корпоративистские связи не только для диалога с бизнес-элитой, но и для выстраивания опосредованных отношений с той наиболее продвинутой частью наемных рабочих, которые были сконцентрированы в крупнейших компаниях.

На тогдашнем (авторитарном) этапе южнокорейский корпоративизм включал в систему отношений государство – *чэболь* поддержание устойчивых коррупционных связей, превратившихся, по существу, в скрытый налог на бизнес. В данном случае речь шла не только о банальном чиновном поборе коммерческих структур, хотя это явление и приобрело значительные масштабы. Государство в ходе культивирования неформальных связей перекладывало на крупный бизнес финансирование ряда политических и социальных проектов (финансирование партий, общественных движений, пропагандистских компаний и т. д.), в которых был заинтересован правящий режим. В ответ *чэболи* могли рассчитывать на благосклонное к себе отношение со стороны правительства при решении тех или иных своих проблем. Это явление Дэвид Кан даже не считает корректным именовать «коррупцией», вводя в оборот другой термин – «денежная политика», в рамках которой, по его мнению, оказались неразрывно связаны дача взяток и финансирование легаль-

ных операций¹⁴. По его мнению, режим нуждался в лице *чэболей* не столько в политической поддержке, сколько в финансовой. Как бы то ни было, финансируя власть, крупный бизнес взамен имел возможность получать ренту, например, за счет права эксклюзивного доступа к льготным кредитам, импортным лицензиям или путем манипуляций с ценами¹⁵. В 1964 г. на долю 9 крупнейших *чэболей* приходилось 38% всех банковских кредитов. Примечательно, что все эти привилегированные *чэболи* располагали родственниками или близкими людьми на руководящих постах в правящей партии или на командных высотах в бюрократическом аппарате, что существенно упрощало механизм общения представителей бизнеса и власти. Получая доступ к кредитным ресурсам, *чэболи* вынуждены были возвращать коррумпированным чиновникам 10–20% от суммы кредита («откат» в терминах современной России)¹⁶. Однако, уступая первенство государству в политической сфере, *чэболи* оставляли за собой возможность побороться за право участвовать в решении экономических вопросов. Вместе с тем этот процесс был подконтролен власти и лежал в русле общей экономической стратегии.

И все же постепенное продвижение Южной Кореи по пути демократии усиливалось благодаря укреплению институтов гражданского общества. Это привело сначала к размыванию, а затем и к отказу от принципов «авторитарного корпоративизма», что стало причиной ослабления и деформации самих основ прежнего корпоративистского контроля над обществом со стороны государства. Однако процесс этот происходил не линейно и сопровождался противоречивыми явлениями. Элементы авторитаризма в южнокорейском обществе еще сохраняются, хотя характер их меняется¹⁷. При ослаблении авторитаризма и при начале перехода к демократии с конца 1980-х годов коррупция вырвалась из жестких рамок установленных при авторитарном правлении. В условиях сохранявшейся прежней схемы зависимости *чэболей* от (хотя и опосредованной) кредитной поддержки со стороны государства соблазнительной для крупного бизнеса стала возможность напрямую влиять на принятие политических решений, через «свои» группы политиков. С другой стороны, бюрократия, почувствовав в новых условиях «размытость» общих правил игры, перешла от тактики следования неписанным законам «денежной политики» к откровенному мздоимству. В результате усилилась конфликтность в отношениях между государством и крупным бизнесом. В тот период была заложена основа тех коррупционных скандалов, которые продолжали потрясать южнокорейское общество на протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов.

Между тем общие условия развития отношений между государством и крупным бизнесом шаг за шагом менялись. Постепенно складывалась система, которую Дж. Коэн и Дж. Роджерс относят к мезо-корпоративизму¹⁸. Обычно термин «мезо-корпоративизм» связан с корпоративистскими отношениями на отраслевом и региональном уровнях, в отличие от «микроркорпоративизма», характеризующего

двусторонние отношения государства и отдельной корпорации¹⁹. Однако в данном случае речь может идти, скорее, о другом – становлении своего рода «промежуточного корпоративизма» как этапа в процессе демонтажа прежних корпоративистских отношений. Появление такого «промежуточного корпоративизма» следует связать с устойчивым трендом, проявившемся в поэтапном продолжении демократических преобразований в стране. В частности, с реформой местных органов власти, проведенной администрацией Ким Ен Сама в первой половине 1990-х годов: впервые с начала 1960-х годов вводилась система прямых выборов местных органов власти, включая губернаторов провинций и мэров городов. Параллельно происходила децентрализация структур политических партий, вынужденных в новых условиях считаться с настроениями на местах. По свидетельству исследовавших эти тенденции политологов, реформа местного самоуправления чрезвычайно позитивно сказалась на процессе демократизации²⁰. Кроме того, укреплялось влияние профессиональных союзов, объединений малого бизнеса, создались благоприятные условия для становления некоммерческих организаций, рос авторитет и информационные возможности средств массовой информации. Важно, однако, и другое сопутствовавшее реформам обстоятельство. Укрепление позиций упомянутых институтов гражданского общества повышало их возможности противодействовать доминированию государства и крупного бизнеса в экономике, политике и социальных процессах, а значит, если не подрывало, то, по крайней мере, существенно ослабляло принципиально важные для существования корпоративизма иерархические принципы организации общества и коммерческой деятельности.

Помимо правовых и политических аспектов, на характере корпоративистских отношений отражалась и возрастающая роль *чэболей* в южнокорейской экономике. Их позиции стали столь значительными, что оказание жесткого давления на позиции крупного бизнеса может привести к негативным последствиям. Отсюда и «принудительная взаимозависимость» государства и крупного бизнеса, которые на определенном этапе начинают тяготиться взаимными отношениями, но не имеют достаточных предпосылок для разрыва сложившихся тесных связей.

Происходящие изменения побудили Сон Хак Тэ говорить о «демократическом корпоративизме»²¹. Однако едва ли данное определение можно считать в сложившейся ситуации адекватным, поскольку, несмотря на происходящую эволюцию, корпоративизм в южнокорейских условиях пока движется скорее к стадии плюралистической модели отношений. Для перехода к плюралистической модели, подразумевающей наличие множественности общественных групп и конкуренции между ними за доступ к власти, необходимы независимые от государства институты: союзы предпринимателей, профсоюзы и т.п. Что же до полноценной демократии и развитого гражданского общества, то можно говорить лишь об этапе их становления, завершение которого, скорее всего, будет связано с реформированием тра-

диционных *чэболей*, а также со стабилизацией ситуации на Корейском полуострове и снятием угрозы военного конфликта, ибо нестабильность внешнеполитической ситуации всегда несет в себе угрозу ограничения демократической и экономической свободы. Наконец, наследие правового нигилизма достаточно велико, демократическая правовая система слишком еще молода. Притом, распространение уважения к праву в обществе требует проверки временем.

На наш взгляд, эволюцию южнокорейского корпоративизма лучше охарактеризовать как переход от *жесткого корпоративизма* к *гибкому корпоративизму*, как промежуточное состояние общества, в котором активно развивающиеся элементы гражданского общества во все большей степени становятся заменой (или, во всяком случае, дополнением) традиционных отношений корпоративистского характера. Государство избавляется от зависимости от *чэболей* в реализации внутренней социально-экономической политики, а крупный бизнес избавляется от опеки бюрократии в проведении своей корпоративной политики, во все большей мере полагаясь на общепринятые лоббистские действия. Претерпевают изменения и внутрикорпоративные отношения. Однако полностью система неформальных взаимных обязательств в цепочке государство – *чэболь* – индивид в Республике Корея трансформируется в систему транспарентных общественных отношений не без издержек. Что и показал ход проведения реформ в отношении *чэболей* после кризиса 1997–1998 гг.

Южнокорейский опыт дает основания полагать, что корпоративизм на протяжении четверти века являлся одним из ключевых механизмов функционирования южнокорейского государства, однако к началу XXI в. он стал препятствием в оптимизации социально-экономического развития, а потому эволюционирует в иные, более открытые формы представительства групповых интересов, адекватные новому этапу развития страны.

Примечания

¹ Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука, 2003. С. 22.

² Цит. по: Полис. 1997. № 2. С. 15.

³ Перегудов С. П. Корпоративный капитал в мировой и российской политике. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 6.

⁴ Byung-Nak Song. The Rise of the Korean Economy. Oxford-New York: Oxford University Press, 2003. P. 223.

⁵ Ibidem.

⁶ Chan A. Confucianism and Development in East Asia // Journal of Contemporary Asia. 1996. Vol. 26. No. 1. P. 34.

⁷ Цит. по: Oh Tai K., Kim Eonsoo. The Impact of Confucianism on East Asian Business Enterprises /

/ Korean Business and Management. The Reality and the Vision. Ed. by Zusun Rhee, Eunmi Chang. Seoul: Hollym, 2002. P. 209

⁸ Ibid. P. 210.

⁹ «Исторически выживание семьи в Японии считалось самым важным. Поэтому подбор наследника главы семьи всегда ставил во главу угла его способности, тогда как кровные узы часто игнорировались. Старший сын не мог рассчитывать на наследуемое главенство в семье автоматически. Более того, наследники по крови любой очереди могли быть принесены в жертву способному аутсайдеру, который принимался в семью. Тем самым гарантировалось длительное существование этой институции... Этим Япония отличается от других восточно-азиатских стран, исповедующих конфуцианскую мораль» (Зайцев В. К. Япония: трансформация ценностных ориентиров социально-экономического развития // Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М.: Вост. лит., 2003. С. 102, 130).

¹⁰ Асмолов К. Административная культура Южной Кореи//Проблемы теории и практики управления. 2003. № 6. С. 38, 41.

¹¹ Там же.

¹² Цит. по: *Byung-Nak Song*. Указ. соч. P. 223.

¹³ *Deyo F.C.* Dependent Development and Industrial Order: An Asian Case Study. New York, 1987. P. 3.

¹⁴ *Kang D.C.* Bad Loans to Good Friends: Money Politics and the Development State in South Korea//International Organization. Vol. 56, No. 1, Winter, 2002, p. 178

¹⁵ Только на финансирование «Движения за новую деревню» группа Hyundai в 1971–1975 гг. пожертвовала 7,4 млрд. вон, Sumsung – 7,8, LG – 6,7, Daewoo – 4,85 млрд. вон. В случае отказа следовать соответствующим «рекомендациям» подконтрольные государству финансовые органы организовывали внеплановые проверки строптивых компаний, банки переставали их кредитовать, прекращалась выдача субсидий и лицензий. Седьмая по объему продаж Kukie group с численностью занятых в 38 тыс. человек за отказ участвовать в финансировании полугосударственных общественных организаций в 1985 г. по указанию президента Чон Ду Хвана была лишена доступа к кредитным ресурсам и доведена до банкротства. (*Kang D.C.* Bad Loans to Good Friends: Money Politics and the Development State in South Korea // International Organization. Vol. 56. No. 1. Winter, 2002. P. 188–189.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ По данным Д. Канна, в этот период резко увеличились и «добровольно-принудительные» платежи в фонды политических кругов, и значительно возросли бюрократические преграды, препятствовавшие коммерческой деятельности. Ibidem.

¹⁸ См.: *Cohen J. and Rogers J.* Associate Democracy//Associations and Democracy. L.: Verso, 1995. P. 237–251.

¹⁹ *Перегудов С. П.* Корпорации, общество, государство... С. 34.

²⁰ См.: *Steinberg D.* Continuing Democratic reform in the Republic of Korea: Issues and Challenges. Paper presented at the international conference held by the Ilmin International Relations Institute, Korean University International Forum for Democratic Study. Seoul, 19–20.06.1996. P. 1–23; *Sun Hak Tae.* The Political Economy of Democratic Consolidation. Seoul: Chonnam National University Press, 2002. P. 66–67.

²¹ *Sun Hak Tae.* The Political Economy of Democratic Consolidation. Seoul: Chonnam National University Press, 2002. P. 219.

В.Г.Пак*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РК

Развитие банковской системы Южной Кореи берет свое начало с первых лет японского господства. В 1878 г. Первый национальный банк Японии открыл свой филиал в Пусане, вскоре японские банки создали целую сеть своих филиалов в Корею. Национальный банк Кореи был создан в 1909 г. Он получил право эмитировать отечественные банкноты, перешедшего к нему от Первого национального банка Японии. В 1911 г. Корейский банк был переименован в Банк Чосон. В период японской колонизации были открыты многочисленные коммерческие и специализированные банки. Среди них Промышленный банк Чосон, основанный в 1918 г. Банковская система до 1945 г. включала в себя 2 коммерческих банка: Чосон и Чохын; Сберегательный банк Чосон, Федерацию финансовых ассоциаций.

После окончания корейской войны 1950–1953 гг. главной задачей, вставшей перед банками, было финансирование необходимых промышленных и сельскохозяйственных проектов экономического возрождения. С этой целью в 1954 г. был учрежден Корейский банк развития, капитал которого был полностью финансируван правительством, а в 1956 г. Федерация финансовых ассоциаций была преобразована в Сельскохозяйственный банк Кореи. В 1960-е годы началась реорганизация банковской системы, обусловленная потребностями ускоренного экономического развития. В 1961 г. большая часть акционерного капитала коммерческих банков была передана правительству.

Необходимо отметить, что на протяжении длительного периода времени кредитная политика банковских учреждений позволяла направлять ссудный капитал на развитие приоритетных отраслей экономики. Экономический взлет Южной Кореи во многом произошел благодаря жесткому контролю и целенаправленному распределению финансовых ресурсов государством. Пользуясь льготными условиями кредитов, национальная промышленность стремительно развивалась. Между тем «мобилизованные» на выполнение целевых правительственных программ коммерческие банки зачастую не были в состоянии осуществлять самостоятельную предпри-

* Центр корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, Москва.

нимательскую деятельность, ориентированную на максимизацию прибыли. Это затормозило развитие национальной банковской системы, относительная отсталость банковских институтов была очевидна при их сопоставлении с банковскими институтами развитых стран. По результатам сравнительного анализа кредитно-финансовых систем 41 страны мира, проведенного в начале 1990-х годов Швейцарским институтом управления развитием, Корея заняла лишь 39-е место. При анализе использовались такие критерии, как достаточность капитала, качество активов, доходность операций, доступ к международным финансовым рынкам, качество услуг, самостоятельность в управлении, степень развитости рынков капиталов¹. Уже в 1993 г. правительство задумывается о реформировании банковского сектора. В план были включены следующие положения:

1. Поэтапное сокращение объема целевого кредитования.
  2. Использование для целей финансовой поддержки предприятий приоритетных отраслей бюджетного финансирования, в частности выпуск облигаций.
  3. Постепенное сокращение Банком Кореи объема рефинансирования целевых кредитов и векселей промышленных предприятий.
  4. Установление правительством в 1993 г. для банков верхнего предела по целевому кредитованию, который не будет повышаться в будущем.
  5. Перевод в ранг бюджетных расходов ряда целевых кредитов, выданных коммерческими банками в предыдущий период.
  6. Полное выведение процентных ставок из-под административного контроля².
- План реструктуризации банков, рассчитанный на длительный срок, был пересмотрен в связи с кризисом 1997–1998 гг., и реструктуризацию пришлось проводить в максимально сжатые сроки.

В 1997–1998 гг. банковская система РК оказалась в кризисном состоянии. Этот период характеризовался отчаянными попытками банков рефинансировать свою краткосрочную задолженность. Опасно возросли кредиторские долги банков. По данным Банка Кореи, абсолютно безнадежные долги банкам на 30 июня 1997 г. составили около 5,5 млрд. долл. (или примерно 5 трлн. вон). Соотношение «плохих» кредитов к общему объему выданных кредитов составило 1,6% (в 1996 г. – 0,8%). Потенциально невозвращаемая сумма долгов южнокорейским банкам, с учетом возможного банкротства ряда крупных фирм, в октябре 1997 г. достигала 22 млрд. долл. (к концу ноября сумма «плохих» кредитов составляла уже 52 млрд. долл., или 17% общего капитала банков)³.

Большой объем «плохих» кредитов во многом объяснялся непомерным кредитованием чэболей. На протяжении нескольких десятилетий чэболи пользовались неизменной поддержкой правительства страны, более того они были гордостью Южной Кореи, ее «лицом» на мировой экономической арене. Но с середины 1990-х годов в их деятельности все отчетливее стали проявляться негативные моменты, отража-

ющие их монополистическое положение. В результате названных факторов, а также в силу близких связей с высшими эшелонами власти, они получили практически неограниченный доступ к банковским кредитам для финансирования своих высокозатратных проектов, охвативших почти все регионы мира. В итоге чэболи накапливали огромные долги, которые становились невозвратными, и объем которых так удивил наблюдателей, когда они стали явными в конце 1997 г. Невозврат долгов стал главной причиной кризиса банковской системы и банкротства ряда коммерческих банков⁴.

Опасаясь понести дальнейшие потери, банки перешли к практике предоставления «точных» кредитов индивидуальным доверенным клиентам. В результате была дестабилизирована торговля, потери экспортеров от приостановки финансирования составили в декабре 2007 г. 3 млрд. долл.

В конце 1997 г. было положено начало антикризисным реформам банковского сектора РК. Одним из направлений реструктуризации банковского сектора стало слияние финансово устойчивых банковских институтов с более слабыми и проблемными учреждениями или их поглощение. Альянсы между банками были основной тенденцией в развитии банковского сектора РК⁵. В ходе реструктуризации все учреждения были разделены на жизнеспособные и нежизнеспособные (в основу разделения был положен принцип достаточности капитала). При уровне капитала менее 8% банки сливались с другими учреждениями. В результате реформ средневзвешенная норма капитализации банков повысилась с 7,04% в 1997 г. до 10,9% в 1999 г. Оставшиеся жизнеспособные банки находятся под жестким контролем: как только уровень достаточности капитала снижается, в действие вступает сила быстрого реагирования, предусматривающая мероприятия вплоть до закрытия банка⁶. К концу 2004 г. исчезло более 500 нежизнеспособных финансовых учреждений, включая 14 банков, 29 торговых банков, 10 компаний по ценным бумагам и т.д. (табл. 1). Кроме того, такой банк Кореи, как Korea First Bank в 1999 г. был продан Newbridge Capital, а банки Hanvit, Peace, Kwangu и Kyongnam были объединены в Woori Finance Holding.

В ходе первого этапа реструктуризации банковской системы правительство РК затратило 18 трлн. вон для выкупа невозвратных долгов у проблемных банков, а также инвестировало свыше 20 трлн. вон в рекапитализацию банков с недостаточной степенью такой капитализации. Всего в 1998–1999 гг. на реструктуризацию банковского сектора было затрачено свыше 64 трлн. вон.⁷

Для создания стабильной банковской системы введены в применение 25 принципов международного банковского надзора, сформированных Базельским Комитетом. Они направлены на формирование устойчивости банков, гласности общей структуры активов при строгих требованиях к публичному раскрытию информации о них, классификации и условиям предоставления займов, взвешенных правил

Таблица 1

Изменение количества финансовых институтов с 1997 по 2004 г.

Институт	Количество институтов в 1997 г.	Принятое решение			Новые институты	Количество институтов в 2004 г.
		Отзыв лицензии	Слияние	Всего		
Банки	33	5	9	14	0	19
Торговые банки	30	22	7	29	1	2
Компании по ценным бумагам*	36	7	4	11	19	44
Трастовые компании по ценным бумагам	31	6	1	7	8	32
Страховые фирмы*	45	10	6	16	8	36

* Без учета иностранных филиалов.

Источник: Официальный сайт The Bank of Korea.

определения ликвидности и операций в инвалюте с учетом финансового состояния заемщиков в перспективе.

В конце ноября 2000 г. парламент РК утвердил программу дополнительного вливания в банковский и небанковский финансовые сектора страны дополнительно 50 трлн. вон, в том числе 25,2 трлн. вон – до конца 2000 г., из них: 5,9 трлн. вон – для улучшения финансового положения Korea First Bank; 7,1 трлн. вон – финансового баланса прочих 6 коммерческих банков, национализируемых государством и передаваемых в рамках государственного финансового холдинга под управление банка Hanvit; 8,3 трлн. вон – на восстановление финансового положения Seoul Guarantee Insurance Co; 2 трлн. вон – для улучшения положения в торгово-финансовых корпорациях (банках) и 1,9 трлн. вон – на укрепление государственных банков Korea Development Bank и Industrial Bank of Korea⁸.

К 2003 г. отрицательные тенденции снижаются, но все же остаются высокими: сумма «плохих» активов банков равна 13,7 трлн. вон, а коэффициент «плохих» займов составляет 2,7%⁹. Прибыли коммерческих и специализированных банков упали в 2003 г. почти в 2 раза по сравнению с 2002 г. и составили 2,7 трлн. вон.¹⁰

Банковская система РК на сегодняшний день представляет собой систему из Центробанка, коммерческих и специализированных банков.

Центробанк осуществляет контроль за эмиссией денежных средств в обращении, отслеживает деятельность частных банков, выдает разрешения на открытие филиалов зарубежных банков, осуществляет статистические и аналитические функции и т.д.

Коммерческие банки играют значительную роль в южнокорейской финансовой системе. В 1999 г. коммерческие и специализированные банки оперировали 60% всех южнокорейских фондов, используемых физическими частными лицами, и 28,3% всех фондов, сосредоточенных в крупном корпоративном секторе.

До наступления финансового кризиса 1997–1998 гг. функционировало 16 коммерческих банков национального значения. В ходе первого этапа перестройки банковской системы в ноябре 1997 г. была приостановлена деятельность 8 банков, а затем в июне 1998 г. правительство остановило действие лицензий 5 финансово неблагополучных банков – Daedong, Dongnam, Donghwa, Kyunggi, Chungchon, объединив их с финансово благополучными банками: Kookmin, Housing&Commercial, Shinhan, KorAm, Hana¹¹.

В 2006 г. коммерческие банки включали в себя 7 общенациональных, 6 местных, 36 филиалов иностранных коммерческих банков. Количество филиалов внутри страны составляет на 2006 г. примерно 4760. Виды деятельности, которыми могут заниматься коммерческие банки, ограничены: например, с 2003 г. им законодательно запрещено заниматься страховым бизнесом. К 2006 г. национальные коммерческие банки владеют активами на сумму, превышающую 767 трлн. вон, что составляет 80,3% активов всех коммерческих банков. Свои активы местных коммерческих банков и филиалов иностранных коммерческих банков составляют 76,8 трлн. вон (8,0%) и 112,09 трлн. вон (11,7%) соответственно¹².

На конец 2006 г. количество специализированных банков равно пяти: The Korea Development Bank, The Export-Import Bank, The Industrial Bank of Korea, The National Agricultural Cooperative Federation, The National Federation of Fisheries Cooperatives¹³.

В 2006 г. правительственные эксперты выделяют четыре основных фактора, которые могут привести к возникновению нестабильности на банковском рынке РК. Среди них следует назвать угрожающее накопление задолженности жителей страны по кредитам, стремительное расширение кредита для малого бизнеса, ухудшение экономического положения банковских институтов, а также постоянный рост задолженности крупных кредиторов. Что касается задолженности граждан страны по кредитам финансовых организаций и счетам за приобретенные товары, то она достигла в 2006 г. 440 трлн. вон. Долг граждан непосредственно перед банковскими организациями вырос в III квартале 2006 г. на 8,85 трлн. вон и достиг 245 трлн. вон.

Наиболее серьезной является проблема роста задолженности физических лиц по ипотечным кредитам. На данный момент доля этого вида задолженности во

всем объеме задолженности физических лиц составляет около 58% (или 275,7 трлн. вон). Главной причиной роста задолженности по ипотечным кредитам является рост цен на недвижимость в 2006 г.¹⁴

Центробанк призвал правительство принять меры к тому, чтобы облегчить гражданам выплаты по долгам, поскольку их увеличение вредит развитию экономики в целом. Как отмечают в Центробанке РК, несмотря на низкий рост задолженности, из-за растущего объема невыплаченных кредитов и снижения доходов финансовое благополучие граждан находится под угрозой.

Что касается невыплаченных кредитов, то в 2006 г. граждане не смогли рассчитаться по банковским кредитам в 2,27% случаев. С кредитными карточками то же самое произошло в 11,2% случаев, тогда как за год до этого не было оплачено только 5,1% карточных счетов. Общее число неплательщиков по кредитным картам в РК достигло 3,59 млн. человек¹⁵.

Последней тенденцией в банковском секторе является увеличение объема кредитования малых предприятий: к октябрю 2006 г. объем таких займов составил 296 трлн. вон. (примерно 300 млрд. долл.). С одной стороны, финансовые вливания благоприятно влияют на развитие малого бизнеса, но если же малое предприятие сталкивается с проблемами, банк может потребовать немедленной выплаты долга, и в этом случае большинство небольших предприятий будут вынуждены заявить о банкротстве. Именно поэтому бесконтрольное расширение кредитования для малого бизнеса — это повод для дополнительного беспокойства.

Правительство РК выпустило специальное предупреждение, в котором указало на то, что вероятность возникновения финансового кризиса очень велика. Чем обосновываются такие пессимистичные прогнозы? Если проанализировать, что происходило в финансовом секторе южнокорейской экономики после финансового кризиса 1997–1998 гг., то вплоть до 2004 г. финансовая нестабильность в той или иной форме возникала регулярно. После 1997 г. банковская система Республики Корея пережила целую серию мини-кризисов, таких, как крах на рынке кредитования небольших инновационных предприятий и массовые банкротства физических лиц, возникшие вследствие превышения допустимого порога накопления потребительской задолженности на кредитных картах. Только в 2004–2006 гг. ситуация оставалась относительно спокойной. На сегодняшний день, когда начался бесконтрольный рост цен на рынке недвижимости и объем кредитования малого бизнеса увеличивается быстрыми темпами, правительственные структуры, отвечающие за координацию национальной кредитно-денежной политики, подозревают, что началось постепенное вызревание широкомасштабного финансового кризиса.

Пытаясь держать под контролем банковскую сферу, правительство Южной Кореи разрабатывает план для предотвращения нового кризиса. В 2007 г. предложен новый пакет мер, направленный на то, чтобы снизить риск возникновения

полномасштабного финансового кризиса. Основными из мер являются: система раннего предупреждения банкротств, повышение финансовой дисциплины и т.д. Система раннего предупреждения банкротств должна не только предупреждать о появлении тревожных сигналов, но и побуждать к действиям, направленным на предотвращение финансового коллапса. Сейчас правительство РК работает над тем, чтобы побудить кредитно-финансовые организации к ограничению кредитования физических лиц и малых предприятий, а также к повышению финансовой дисциплины на всех уровнях.

Примечания

- ¹ Развитие корейской экономики: уроки переходного периода / Под ред. Н.В. Кузнецовой, И.А. Толстоулакова. Владивосток, 2001. С. 258.
- ² Там же. С. 259.
- ³ Там же. С. 48.
- ⁴ Воронцов А.В. Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ. М., 1998. С. 67–68.
- ⁵ Суслина С.С. Экономика Республики Корея в свете глобализации. М., 2002. С. 36.
- ⁶ Рубцов Б. // Рынок ценных бумаг. 2002. № 11. Интернет-издание.
- ⁷ Деловая Корея. Совет по внешней политике Комитета Госдумы по международным делам при участии МИД РФ, журнала «Коринф» Минэкономразвития и торговли РФ. М., 2002. С. 21.
- ⁸ Там же. С. 20.
- ⁹ Korea Annual. Seoul, 2004. P. 161.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Деловая Корея... С. 21.
- ¹² По данным официального сайта Банка Кореи.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Kbs radio.
- ¹⁵ Сеульский вестник.

Д. Г. Инчоль*

О ПРОБЛЕМАХ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Мир переживает «эру миграции». По оценкам ООН, за 2002 г. 185 млн. человек покинули родину и проживают за границей более одного года [1. Р. 37]. Миграционные процессы затронули все индустриально развитые страны, в которых привлекают возможность трудоустройства и более высокий уровень жизни. Выбирая жизнь за границей по разным причинам, международные мигранты существенно влияют на политику, экономику, общество и культуру принимающих стран. Прежде всего иностранные граждане обеспечивают принимающую страну рабочей силой; они нередко стремятся натурализоваться и пользоваться всеми гражданскими правами. Правительство страны-реципиента должно обеспечивать легальных мигрантов необходимым медобслуживанием и социальной защитой.

Однако многие из них сталкиваются с проблемами адаптации. В России, например, решение этих проблем происходит менее болезненно: так как большинство мигрантов приезжают из стран СНГ и ближнего зарубежья, то все они в той или иной мере владеют русским языком. Кроме того, Россия всегда была многонациональным государством, где терпимо относились к религиозным и культурным различиям.

Что касается Республики Корея, то здесь, в силу специфики страны, мигранты сталкиваются с многочисленными адаптационными проблемами. Во-первых, Корея – мононациональное государство, во-вторых, многие мигранты испытывают трудности в общении из-за незнания корейского языка, в-третьих, в Корее сильны традиции чистоты крови, из-за чего дети от смешанных браков подвергаются дискриминации. И, наконец, наибольшие трудности возникают у мигрантов, не имеющих легального статуса.

По данным Министерства юстиции РК, численность проживающих в стране иностранцев к концу марта 2006 г. превысила 800 тыс. человек. По состоянию на конец 2005 г. в Южной Корее насчитывалось 740 тыс. официально зарегистрированных иностранных граждан. Таким образом, за три месяца численность южноко-

рейской иностранной общины выросла на 60 тыс. человек. Если её рост продолжится такими темпами, то в течение ближайших 5 лет численность иностранцев в стране может вырасти до 1,5 млн. человек [2].

Для сравнения можно сказать, что в 1985 г. в РК проживало всего около 41 тыс. официально зарегистрированных иностранных граждан, а в 1995 г. – около 267 тыс. [2].

Среди мигрантов в Южной Корее на первом месте по численности находятся граждане КНР, в том числе этнические корейцы. Их в Южной Корее более 321 тыс. Второе место занимают граждане США, главным образом уроженцы Республики Корея. Их в Корее почти 109 тыс. На третьем месте стоят вьетнамцы – более 43 тыс. Далее следуют филиппинцы (42 325 человек), японцы (38 672 человека) и затем уже все остальные иностранцы [2].

Быстрыми темпами растёт число иностранцев, приобретающих южнокорейское гражданство. К концу 2005 г. таковых насчитывалось почти 17 тыс. (16 974 человека), хотя 5 лет назад число иностранцев, получивших корейское гражданство, не превышало 1650 человек. В конце марта 2006 г. на рассмотрении в иммиграционных органах Республики Корея находилось около 25 тыс. заявлений от иностранных граждан, желающих получить южнокорейское гражданство [2]. Эти данные свидетельствуют о том, что РК приступила к проведению такой миграционной политики, целью которой является управление привлечением и использованием необходимой рабочей силы. Кроме того, идёт разработка программ по социальной адаптации мигрантов.

Выходцы из стран Азии приезжают в РК в основном для работы и профессионально-технического обучения («рабочие-стажеры»).

Иностранные работники стали прибывать в Корею в конце 1980-х годов, чтобы занять рабочие места в малых и средних компаниях, испытывавших нехватку рабочих рук. С тех пор и до настоящего времени число иностранных трудящихся возросло до отметки свыше 400 тыс. человек [3. Р. 50].

Однако существуют опасения, что РК может стать убежищем для нелегальных мигрантов, не имеющих средств к существованию, что может вызвать негативное отношение многих корейцев, имеющих низкий заработок. На рынке труда нелегальные рабочие-мигранты составляют конкуренцию корейским рабочим. Вряд ли работодатели будут улучшать рабочую среду для трудящихся и повышать им заработную плату, если есть много желающих работать и за низкую оплату труда. Рабочее движение в РК в 1970–1980-х годах пыталось улучшить условия работы и гарантировать существенное увеличение заработной платы. Однако труд в мелком и среднем бизнесе почти не изменился, там осталось немало так называемых 3D (difficult, dirty and dangerous) – трудных, грязных и опасных производств [4. Р. 82].

Поэтому, по мнению корейских трудящихся, система, касающаяся занятости

* Аспирантка Сургутского Государственного университета, г. Сургут.

иностранных рабочих, устраивает только работодателей. К ним регулярно поступает дешёвая рабочая сила из Юго-Восточной Азии. По словам местных работников, на бирже труда нет подходящих рабочих мест из-за притока молодых иностранцев [4. Р. 82]. На плечи местных трудящихся ложится бремя поддержки нелегальных мигрантов и членов их семей. По словам Ким Чжэ Ена, правительство «не имеет права приглашать рабочих-иммигрантов на работу, а после, когда в них не нуждается, заставлять покинуть страну» [4. Р. 83].

По мнению профессора экономики университета Сонгюнван Чо Чжун Мо, общепринятая социальная система всё ещё плохо приспособлена к гармоничному сосуществованию с иностранцами. Восприятие «этнической чистоты» так сильно врезалось в сознание корейцев, что они не прилагают особых усилий, чтобы помочь иностранцам интегрироваться в корейское общество [3. Р. 50–51].

По словам Чо Чжун Мо, правительство всё ещё придерживается тактики заполнения рабочих вакансий мигрантами, что не является наилучшим решением проблем, существующих на корейском рынке труда. В то же время квалификация отечественной рабочей силы не решает проблему острой нехватки рабочих рук в отдельных секторах промышленности. По мнению Чо, отечественный рынок труда нуждается в реструктуризации: во-первых, необходимо повышать качество рабочей силы; во-вторых, следует активнее привлекать женщин и стариков к участию в экономической деятельности страны; в-третьих, нужно реформировать образовательную и профессионально обучающую системы [3. Р. 51].

Кроме того, Чо Чжун Мо отмечает, что следует выработать новую политику по использованию иностранной рабочей силы. В противном случае рабочие-мигранты будут занимать отечественные неквалифицированные рабочие места, увеличивая, таким образом, безработицу среди неимущего местного населения. В то же время отсутствие должного управления процессом использования рабочих-иммигрантов может привести к нарушению их гражданских прав и, соответственно, подорвать авторитет корейской нации в международном сообществе [3. Р. 51–52]. Иностранцы рабочие недостаточно ассимилировались в Корею, что может послужить поводом к социальной напряжённости в стране и росту числа преступлений. В связи с этим правительству следует проводить принципиально новую политику в отношении рабочих-иммигрантов.

Во-первых, в иммиграционной политике следует уделить внимание более активному привлечению высококвалифицированных иностранных работников и инвесторов, содействующих созданию внутреннего рынка труда.

Во-вторых, неквалифицированная рабочая сила должна использоваться только по мере необходимости и в рамках закона, гарантирующего должную защиту иностранных граждан. В то же время должна чётко действовать система предотвращения перехода мигрантов на нелегальное положение. Снижение чрезмерного спроса

на неквалифицированных иностранных рабочих не должно противодействовать процессу промышленной реструктуризации.

В-третьих, нужно обеспечить ведение точной статистики рабочих-мигрантов и проживающих в стране иностранцев [3. Р. 52].

В конце концов, по словам профессора Юн Ин Чжина, необходимо создать организацию, которая будет обеспечивать иммиграционный контроль над проживанием иностранцев в стране и их натурализацией, а также переселением корейских граждан за границу и возвращением корейских эмигрантов на родину [1. Р. 38].

Правительство уже приступило к реформированию миграционной политики. В частности, было реорганизовано Иммиграционное управление Министерства юстиции, чтобы решать вопросы в отношении корейцев с иностранным гражданством, отдельный департамент которого занимается проблемами мигрантов в стране и получением ими гражданства РК [1. Р. 38–39].

Таким образом, в настоящее время миграционная политика РК в большей мере, чем ранее, учитывает необходимость содействия профессиональной адаптации привлекаемых в страну иностранцев, добываясь одновременно более жёсткого контроля над условиями их жизни и труда, а также сокращения численности нелегальных рабочих-мигрантов.

Процесс глобализации в РК затрагивает сельские районы и местности, прилегающие к крупным городам. Определённая часть рабочих-мигрантов, особенно неквалифицированных выходцев из Юго-Восточной Азии, находит работу в сельскохозяйственном секторе. Как отмечает Хам Хан Хи, профессор антропологии Национального Университета провинции Северная Чолла, мигранты обычно проживают в отдалённых фермерских хозяйствах, рыбацких посёлках, а также недалеко от промышленных комплексов [5. Р. 45]. При этом мононациональное корейское общество не готово рассматривать трудности мигрантов, как свои собственные.

Среди приезжающих в РК иностранных рабочих значительную долю составляют женщины-мигранты. В последние годы в РК резко возросло число интернациональных браков. В период между 1990 и 2004 г. 127 762 иностранки связали себя узами брака с корейцами [1. Р. 37]. По состоянию на конец марта 2006 г., уже 77 тыс. граждан РК состояли в браке с иностранцами. Это в 3 раза больше, чем в 2001 г. [2]. Только в 2005 г. было заключено 43 121 интернациональный брак, что составило рост на 21,6% по сравнению с предыдущим годом [6. Р. 148]. Всего же в 2004 г. на международные браки приходилось 11,4% всех зарегистрированных браков в РК, и этот процент был особенно высок в сельскохозяйственных районах (27,4%) [1. Р. 37].

Члены национально-смешанных семей, как правило, обладают маргинальным сознанием. Но для создания полноценного поликультурного общества необходимо объединение и сотрудничество иностранцев и местного населения.

Особо следует отметить положение детей, рождённых от интернациональных браков. В настоящее время существует три категории метисов. Во-первых, это «Amerasians», родившиеся у американских военных и кореянок после Корейской войны 1950–1953 гг. Дети младше четырнадцати лет были отправлены за границу посредством агентств по усыновлению, а дети старшего возраста – в «Mixed Race Occupational Training Center» (Центр профессионального обучения метисов). Оставшиеся в Корее «Amerasians» подвергались дискриминации при устройстве на работу [4. Р. 75–76].

Вторую категорию составляют «Lai Daihans», которые появились на свет в 1960–1970-е годы у корейцев и вьетнамков. Слово «Lai» означает «смешанное воспитание», а «Daihan» – вьетнамское название Кореи в годы Вьетнамской войны. Эти метисы преимущественно проживают во Вьетнаме и, подобно «Amerasians», в Корее подвергаются дискриминации. И лишь небольшое число «Lai Daihans» вернулось на родину своих отцов, но и в Корее они остаются иностранцами [4. Р. 75, 78].

И, наконец, к третьей категории относятся «Korsians» – дети рабочих-мигрантов и кореянок или корейцев из сельских районов и женщин из азиатских стран (из Вьетнама, Таиланда, Китая, Пакистана, Монголии и других стран Азии), рождённые в 1990-е годы [4. Р. 75]. Подробнее рассмотрим проблемы адаптации метисов этой категории, так как они являются потомками национально смешанных семей.

В настоящее время, по данным общественных организаций, число метисов в РК достигает примерно 35 тыс. человек [7. Р. 40]. Однако правительство почти не проявляет интерес к их проблемам и даже не знает, как много метисов живёт в Корее. Как уже отмечалось выше, корейцы придают слишком большое значение однородности своей нации и традиции чистоты крови.

По данным Министерства образования РК, в настоящее время в начальных, средних и высших школах зарегистрировано 6052 человека из полиэтнических семей, их них 3469 человек – в городских районах и 2593 человека – в сельских. В сельскохозяйственных деревнях и рыбацких посёлках около 20% детей – «Korsian» [4. Р. 84].

Дискриминация в отношении метисов может привести к социальным проблемам. В корейских школах много таких детей, изолированных от своих ровесников. Трудности испытывают матери-иностранки, имеющие скудный словарный запас корейского языка, которые не могут помочь своим детям в учёбе. Дети-метисы, не имеющие доступа к установленной системе образования, не способны вырваться из порочного круга безработицы и бедности [7. Р. 41]. Дети и подростки легкоранимы и нуждаются в пристальном внимании. Корейцы африканского, юго-восточного или южно-азиатского происхождения сталкиваются с оскорблениями типа «помесь», «гибрид», «чернокожий» [4. Р. 79].

На данный момент практически не существует официальной политики для детей-метисов на правительственном уровне, ими занимаются общественные ор-

ганизации. В течение 20 лет с 1978 по 1998 гг. были предложены несколько пожизненных дотаций и стипендий этим детям благодаря корейской Pearl Buck Foundation. Но как только приняли Постановление Социального благотворительного совместного сберегательного фонда (Social Charity Joint Fundraising Act), такая поддержка, по условиям данного документа, совершенно прекратилась [4. Р. 79].

По исследованиям Pearl Buck Foundation, в 2001 г. 9,4% бросивших начальную школу детей – дети от смешанных браков, в то время как этот процент среди прочих корейских детей равен нулю. 17,5% метисов не могут добиться успеха в учёбе, и этот процент в 15 раз выше, чем среди других корейцев [4. Р. 79].

По мнению ректора Корейского Сельскохозяйственного Института Чхве Чон Соба, нужно создать благоприятные условия для детей, родившихся в национально смешанных семьях, чтобы помочь им адаптироваться в современном обществе [8. Р. 27]. Это мнение разделяет и профессор Хам Хан Хи, настаивающий на необходимости заложить фундамент образовательной программы для этих детей. По его словам, это должно стать приоритетной задачей [5. Р. 46].

В гораздо более тяжёлом положении находятся метисы, у которых нет легального статуса, так как их родители нелегальные мигранты. У этих детей, как правило, нет свидетельства о рождении и регистрации; по окончании учёбы в школе они не могут получить аттестат. Число подобных случаев растёт, так как иностранцы-нелегалы не сообщают о рождении детей, опасаясь депортации.

Теоретически они могут посещать занятия в средних школах с разрешения директора, но известны лишь несколько учебных заведений, которые вносят их в списки учащихся. Большинство же школ не готовы их принимать, не желая иметь неприятные последствия. Кроме того, чтобы получить образование в высшей школе или школе более высокого уровня, они должны иметь студенческую визу [4. Р. 80].

Сотрудник Центра по правам человека рабочих-мигрантов в Корее (Korea Migrant Workers Human Rights Center) Ха Чжон Сим говорит о том, что «даже если родители – нелегальные мигранты, их дети имеют право на образование, а если родители остаются в стране, детям необходимо давать право на постоянное жительство». Она добавляет: «В частных организациях и медицинских учреждениях должны быть предусмотрены денежные пособия, чтобы дети нелегальных иностранцев смогли получать медицинское обслуживание в больницах» [4. Р. 81].

В частности, право на здравоохранение для беременных женщин и младенцев – один из наиболее важных результатов работы Центра. Опасаясь быть депортированной на родину, женщина вынуждена прерывать беременность. Иногда беременная женщина скрывает своё положение и продолжает работать; если она не работает, то становится нелегальной иностранкой и не может получить пособие на ребёнка [4. Р. 82].

Сегодня многие корейцы, ранее скрывавшие факт принадлежности к интернациональным семьям, уже изменили к этому своё отношение. Растёт число иностранок, выходящих замуж за корейцев и воспитывающих детей в условиях социальной адаптации и интеграции.

Социальное обеспечение иностранных рабочих и содействие в получении образования их детям – область, которой необходима постоянная помощь со стороны властей и гражданского общества.

Примечания

- ¹ *Yoon In-jin*. New organization needed to deal with 700000 foreigners in Korea / The Dong-A Ilbo. Feb. 28, 2006 // Korea Focus. Spring, 2006. № 1.
- ² <http://vestnik.tripod.com/>
- ³ *Cho Joon-mo*. Foreign workers policy requires harmony of humanitarianism and national interests / The Dong-A Ilbo. June 9, 2006 // Korea Focus. Autumn, 2006. № 3.
- ⁴ *Kim Jae-young*. What can we do for education of racially mixed children? / Monthly NEXT. March, 2006. № 29 // Korea Focus. Spring, 2006. № 1.
- ⁵ *Hahn Han-hee*. Maria who married a Korean and lives in Jeongeup / The Chosun Ilbo. April 4, 2006 // Korea Focus. Summer, 2006. № 2.
- ⁶ *Lee Young-ah*. Shadow of graying society with falling birth rate / Monthly NEXT. August, 2006. № 34 // Korea Focus. Autumn, 2006. № 3.
- ⁷ Editorial The JoongAng Ilbo. From racial purity to ethnic diversity / The JoongAng Ilbo. Feb. 10, 2006 // Korea Focus. Spring, 2006. № 1.
- ⁸ *Choi Jung-sup*. Rural community experiencing future problems in advance / The Seoul Shinmun. April 7, 2006 // Korea Focus. Spring, 2006. № 1.

Раздел III

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Л. Р. Концевич*

РАЗНООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ: КОРЕЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ХРОНОЛОГИИ

В эпоху глобализации, да и в прошлом изолированное рассмотрение исторических и культурных явлений отдельных стран вне историко-культурного контекста Дальневосточного региона с его древней китайской цивилизацией не может создать полную объективную картину.

Между тем в современной корейской историографии господствует именно подход национальной самодостаточности. Такой «чужейский» подход в целом характерен для корейских историков и Севера, и Юга полуострова при освещении проблем хронологии истории Кореи.

Рассмотрение систем летосчисления и исторической хронологии Кореи в контексте дальневосточной, т.е. в тесной связи прежде всего с китайской и японской, принципиально важно для исторического описания.

Чем вызван интерес к этой теме? Составляя последние 25 лет фундаментальное научно-справочное издание «Хронология и календарь стран Восточной и Центральной Азии», первый том которого готовится к печати, а также будучи редактором второго тома русского издания «Самгук саги» и руководителем группы ученых при работе над третьим томом этого важнейшего источника, автор данной публикации многократно сталкивался с противоречивыми данными в различных исторических источниках разных стран, в том числе и Кореи.

В работе над справочным изданием по хронологии нами использованы все основные корейские, китайские и японские исторические источники, вся доступная историографическая литература по Кореи и Восточной Азии на восточных и западных языках, труды по хронологии и календарям.

В докладе будут затронуты три круга вопросов на примере Кореи, а именно: а) системы летосчисления в Кореи, б) проблемы хронологии и в) что, на наш взгляд, предстоит сделать для решения спорных вопросов в данной области, опираясь, прежде всего, на основной источник по древней истории Кореи — *Самгук саги*.

* Институт востоковедения РАН, Москва.

Корейское летосчисление

В Кореи в разные периоды ее истории использовались различные системы летосчисления.

1. По 60-летним циклам лунного календаря, как в Китае и других странах Восточной Азии. В корейских средневековых летописях названиям циклических годов, как правило, сопутствовали годы царствования корейских государей и китайских императоров или их девизы правления.

2. По годам правления корейских государей. Счет годов при этом велся от воцарения того государя, на правление которого приходился данный год. Этот способ применялся только по отношению ко времени правления уже умерших государей, которым посмертно присваивалось храмовое (династийное или историческое) имя (кит. *мяохао*, кор. *мёхо*), установленное в усыпальнице. Под этим именем государь обычно и известен потомкам. Храмовое имя нередко сопровождалось титулом (простым типа *ван* — «государь» или усложненным типа *тэван* — «великий государь» и т.д.). Храмовые имена были введены в 514 г. при силласком Чиджын-ване. До этого была распространена антропонимическая модель, состоявшая из личного имени и титула (местного или китайского). Эта модель сохранилась в ряде случаев и в более позднюю эпоху. Например, два правителя династии Чосон Ёнсан-гун и Кванхэ-гун, лишенные престола в результате дворцового переворота, не были удостоены храмовых имен.

3. По девизам (эрам) правления (кит. *няньхао*, кор. *ёнхо*), корейских государей; собственно корейские девизы правления употреблялись в Силла с 536 по 650 г., затем в начальный период Корё и в конце династии Чосон (их всего было чуть более 20); применительно к остальным годам обычно использовались девизы правления китайских императоров.

4. По годам и девизам (эрам) правления китайских императоров как основная система корейского летосчисления в корейских исторических памятниках. В средние века Корея, находясь в положении номинального вассалитета от Китая, должна была пользоваться официальной китайской хронологией, от которой отказалась лишь в 1896 г.

5. По корейским династиям. В Кореи были широко распространены две системы: по одной летосчисление велось со времени основания Древнего Чосона мифическим Тангуном в 2333 г. до н.э. (*Тангун кинён*, или сокращенно *Танги* — «эра Тангуна»), например, 2007 г. — 4340 г. эры Тангуна. По другой системе (с 1895 г.) — со времени основания династией Ли государства Чосон в 1392 г. (*Кэгук кинён* — «эра основания Государства»). С 1948 по 1962 г. в Южной Кореи летосчисление официально велось от начала «правления» Тангуна. В ряде южнокорейских изданий и документов эта эра принята до сих пор.

6. По буддийскому календарю (*Пульги* – «буддийская эра»), т.е. со времени рождения Будды Шакьямуни 8 дня 4 лунного месяца 544 г. до н.э. (дата условная), преимущественно среди корейских буддистов, например, 2007 г. – 2551 г. буддийской эры.

7. И, наконец, по европейскому календарю (*Соги* – букв. «европейская эра», или *яннёк* – «солнечный календарь», после 1582 г. по григорианскому календарю). Солнечный календарь в Корею был введен с 1 января 1896 г. по новому стилю.

Существует также ряд специфических локальных эр. Упомянем здесь две.

В одной из новых религий Кореи, возникших в начале XX в., – Чынсандо ведется отсчет лет со дня рождения основателя Кан Исика, признанного Верховным владыкой Чынсан (*Чынсан сандженим*). Это произошло в год «синми», т.е. 19 день IX лунного месяца 4204 г. «эры Тангуна», соответствующий ноябрю 1871 г. Среди последователей этой веры эта дата стала исходной для «эры Пути» (*Тоги*). Например, 2007 г. – 137 г. «эры Пути».

В КНДР после смерти Ким Ир Сена в 1994 г. получила распространение так называемая «эра *чучхе*» (*чучхе кивон*), приуроченная к дате рождения «великого вождя корейского народа» 15 апреля 1912 г. Теперь он стал еще и родоначальником нового календаря. Например, 2007 г. – это 96-й год «эры *чучхе*» (*чучхехэ* 96).

Кроме того, в обращении были еще разного рода календари: бытовой (с указанием праздников), сельскохозяйственный или сезонный (с подразделением года на 24 сезона), буддийский для монахов (типа русского месящеслова), гадательные (с указанием «счастливых дней» и т.д.) и др.

Таким образом, некоторые системы летосчисления в Корею были так или иначе копиями китайских или навеяны ими.

Корейская хронология

Корейская хронология, представленная в первом томе моей работы «Хронология и календарь стран Восточной и Центральной Азии», охватывает всех правителей (*ванов*, *гунов* и др.), начиная с легендарных (периода Древнего Чосона) и кончая современными главами государств (президентами, премьер-министрами и т.д., по сути, выполняющими те же функции, что и *ваны*), включая узурпаторов, временщиков и т.д. Хронологические таблицы построены в форме последовательной смены государств и династий. Указываются все имена (храмовые, личные и др.), титулы и прозвания правителей в транскрипции и китайском иероглифическом написании, точные даты вступления правителей на престол и их смерти или свержения в циклическом исчислении (циклические дни, лунные месяцы, циклические годы) с переводом на общий календарь (юлианский и григорианский). В комментариях к таблицам даются ссылки на источники и указываются противоречивые сведения в разных источниках, а также варианты имен и расхождения в датах.

Корейская хронология, равно как и японская, вьетнамская и т.д., является **составной частью хронологии дальневосточной ойкумены**, в которой центральное место принадлежало Китаю (Поднебесная империя с окраинными «варварскими» государствами, т.е. центр и периферия)¹. Она имеет черты как общие с дальневосточной (преимущественно с китайской) хронологией, так и свойственные только ей.

Многое в области хронологии и календарной системы Корея восприняла из Китая. Этому способствовали раннее проникновение китайского иероглифического письма и китайского письменного языка *ваньянь* (*ханмун* оставался на протяжении многих веков вплоть до конца XIX в. официальным языком, языком письменной культуры), конфуцианской идеологии и историографии. Китайское государственное устройство, основные атрибуты государственной власти (престолонаследие, титулатура и т.д.), особенно в период сюзеренитета (начиная с периода Корё), а также календарная система и ономастика всегда были образцами для подражания в Корею.

Вместе с тем в корейской традиционной хронологии сформировались свои **национальные** особенности.

1. Все основные храмовые титулы, имена и прозвания *ванов* были китайские. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, хотя и записывались они китайскими иероглифами, но читались по-корейски. Кроме того в исторических источниках сохранилось от периода Трех государств также множество древнекорейских имен, несколько титулов (типа *исагым*, *косоган*, *чхачхаун* и др.), географических названий в записи китайскими иероглифами. Несмотря на множество историко-этимологических исследований, эти древнекорейские наименования нуждаются в строгой лингвистической реконструкции.

2. В названиях чинов и титулов корейцами также была выработана по образцу китайской своя специфическая система. Для этого достаточно сравнить, например, названия чинов и должностей, приведенные в русском переводе третьего тома «*Самгук саги*»² или в работах С. В. Волкова³, Мориса Курана⁴ и в разных корейских энциклопедических изданиях, с работами по китайской титулатуре⁵.

3. Как уже говорилось в первом разделе, в Корею почти не использовалась датировка событий по девизам правления государей (кит. *няньхао*, кор. *ёнхо*), как это было характерно для других стран региона. В Корею их всего было около 20. В описании исторических событий нередки даты, совместимые либо с правлением корейского правителя, либо с девизом правления того или иного китайского императора.

4. Периодизация (историческая и династийная) Кореи также отличается от периодизации соседних стран. Кроме того, и в трудах по периодизации самой корейской истории существует немало спорных моментов, прежде всего в толкова-

нии ранних корейских государственных образований, созданных ханьцами, например, иньским Цзицзы (кор. *Киджа*) владения Чаосьян (кор. *Чосон*) и Вэй Манем (кор. *Виман*) владения с тем же названием. В некоторых корейских работах националистического настроения немало необоснованных попыток представить корейскую государственность как можно более древней. Это свойственно не только корейской историографии, но историографии любой другой страны Восточной Азии, большой или малой. Взять, например, мифическую эпоху Тангуна, считающегося родоначальником корейского нации и основавшего будто бы в 2333 г. до н.э. государство Чосон. На основании изложения мифа в «Самгук юса» и фантастических «реконструкций» 47 тангунов в «Кювон сахва» даоского автора Пугуджа (ок. 1675?) и в «Хвандан коги» Ке Ёнсу (1911), т.е. в произведениях, на которые опираются новые корейские религиозные учения *Тэджонгё* (*Хвангомгё*) и *Чынсандо*, Тангун объявляется реальной личностью, ставшей объединителем чуть ли не всей Восточной Азии, и т.д. Более того, в этих «учениях» история Кореи простирается еще глубже. Например, в хронологических таблицах Ким Сонджуна⁶ выделяется еще эпоха *Хвануна* (*Падальгук*) с 18 *ванами*, предшествующая эпохе Тангуна и «датируемая» им 3897–2333 гг. до н. э. На наш взгляд, это фантазия из области мистики и мифологии, которая ложится в русло мифологической традиции других народов региона.

Далеко не все ясно с этногенетическими корнями современных корейцев. Не сохранилось почти никаких письменных сведений о существовании отдельных владений типа Фууй (кор. *Луёгук*) и Чингук, которые выделяются в северокорейских исторических работах. В конце I тыс. до н.э. на территории Северо-Восточного Китая был целый конгломерат этнически разных племен. Конечно, некоторые из них внесли свою долю в формирование корейского этноса. Были ли они протокорейскими, прототунгусскими, или палеоазиатскими — большой вопрос. Археологические, этнографические и лингвистические (компаративистские, этимологические) исследования пока не позволяют составить четкую картину этнической принадлежности древних племен на территории Корейского полуострова и Северо-Восточного Китая. Данные же древнекитайских источников типа «*Саньго чжи*» («Истории Троецарствия») и др. фрагментарны и противоречивы.

Что касается разгоревшейся в последние годы дискуссии о Когурё, автор статьи, как и многие российские и зарубежные историки⁷, склонен считать его первым корейским государством. Однако и здесь масса противоречий, особенно в отношении раннего периода. Мы имеем дело с легендарно-мифологическими сведениями об основателе царства Ко Чумоне (Тонмён-ване), причем с разными генеалогическими ветвями. Традиционно условна и сама датировка основания Когурё. Имеются серьезные расхождения в отношении ранних *ванов* Когурё между северокорейскими и южнокорейскими историками. В некоторых северокорейских работах

по древней истории, вопреки историческим свидетельствам, неизвестно откуда появились еще пять лишних *ванов* и начальная дата возникновения Когурё, например, в «Полной истории Кореи» («*Чосон чонса*»). Т. 2. Пхеньян, 1987), отодвинута вглубь, к 279 г. до н.э., когда, якобы, начался процесс «объединения» 13 «малых владений» (*согук*).

В отечественном корееведении в области социально-экономической истории древней Кореи еще в 1960-е годы нашими историками — М.Н.Паком, М.В.Воробьевым, Ю.М.Бутиным, Рю Хакку (Ю.М.Рюриковым), Р.Ш.Джарылгасиновой и др. была разработана собственная концепция на основе изучения древних памятников (*Самгук саги*, *Саньго чжи* и др.) и критического осмысления работ корейских ученых нового времени⁸. Согласно этой концепции, история раннекорейской государственности фактически начинается с IV в. н.э. Весь период до этого следует считать «догосударственным» или «протогосударственным» (ср.: в японской исторической науке изложение достоверной истории Японии начинается с VI в. н.э., т.е. спустя тысячелетие после легендарного периода).

5. В корейской хронологии, как и в любой другой, встречаются несоответствия в разных источниках, спорные датировки (например, несоответствия в датах правления *ванов* Пэкче между корейскими и японскими хрониками и др.), противоречивые толкования отдельных исторических событий и т.д. Нет также, например, общей позиции среди ученых в вопросе об отнесении истории тунгусо-маньчжурского государства Бохай (кор. *Пархэ*) с происходящей из Когурё правящей верхушкой только к корейской истории. Это было самостоятельное полиэтническое государство народов, проживавших на территории Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока, и его история не является продолжением истории государства Когурё. Основную роль в становлении Бохая сыграл прототунгусский этнос сумо мохэ (кор. *мальгаль*). Как считают наши дальневосточные ученые Э.В.Шавкунов, О.В.Дьякова, Л.И.Гельман и др.⁹, включение части территории и жителей Когурё в состав Бохая оказало влияние на формирование его материальной и духовной культуры. Только в этом плане изучение Бохая можно рассматривать в плане корейской истории.

На наш взгляд, проблемы Древнего Чосона, Когурё, Бохая (кор. *Пархэ*) вполне закономерно могут рассматриваться как в корейской, так и в китайской историографии. Китай почти во все времена являлся полиэтническим государством, и история протокорейского этноса среди *дун* и «восточных инородцев», как других «малых неханьских народностей», составляет часть общей истории Китая.

6. В трудах по календарным системам имеются также расхождения при переводе дат с традиционного циклического календаря на европейский из-за неточностей в базовых расчетах дней. Следует также учитывать расхождения в датах корейского летосчисления с китайским или японским в отдельные годы. Для этого составлены целые таблицы.

О датировках в *Самгук саги*

И последняя часть моего выступления касается спорного характера датировок, приводимых в основном источнике по древней истории Кореи *Самгук саги* Ким Бусика.

Вопрос о пересмотре ряда традиционных дат ранней истории корейских государств, приведенных в *Самгук саги*, давно уже назрел. Американский ученый Джона-тан Бест лет десять тому назад показал спорность датировок по истории Пэкче (по его аргументации, многие даты в *Самгук саги* «удревлены» на полтора – два века)¹⁰. Недавно вышла его монография по этому вопросу с переводом раздела «Пэкче понги» – «Основные записи Пэкче» из *Самгук саги*. Эта работа может стать отправным пунктом для начала широкой дискуссии по этой важной проблеме с привлечением специалистов по разным отраслям – историков, археологов, географов, астрономов, специалистов по календарной науке и др. Было бы полезно, если бы в дискуссии приняли участие и ученые по смежным областям – историки, занимающиеся древним Китаем и Японией, так как и они сталкиваются с подобными проблемами.

На наш взгляд, при изучении ранней хронологии в истории Кореи необходимо предварительно предпринять следующие действия.

1. Использовать данные текстологического анализа разных изданий и вариантов корейских исторических хроник (прежде всего *Самгук саги*¹¹) и других памятников.

2. Провести сравнительно-сопоставительный анализ хронологических, географических и других данных, имеющихся в *Самгук саги*, с записями в ранних китайских династийных историях и японских хрониках, принимая во внимание и расхождения в календарях Китая, Корея и Японии.

3. Выяснить прежде всего причины расхождений, учитывая при этом:

а) возможность ошибок, описок и т.п. как в оригинальном тексте *Самгук саги*, так и в приводимых цитатах из других сочинений, т.е. проверить по списку разнописей и пропущенных иероглифов, нет ли среди них относящихся к датировке;

б) вероятность появления расхождений в циклическом летосчислении, вызванных неодинаковым составом авторов разных частей *Самгук саги*, которые могли пользоваться разными источниками и не всегда быть корректными;

в) наконец, возможность сознательного «удревнения» фактов и событий, имевших место в более позднюю эпоху, из-за общей концепции составителей *Самгук саги* – желание описать историю Кореи в духе китайской конфуцианской историографии, т.е. династийных историй, и искусственно создать видимость ранней «государственности» Трех Хан (исходя из принципа «мы должны походить на великую Поднебесную, т.е. Китай»).

4. Выявить все расхождения в датах между разными частями *Самгук саги* – летописями Силла, Пэкче и Когурё, хронологическими таблицами и биографиями; причем один и тот же факт мог быть повторен в разных частях памятника под

разными годами; в таких случаях, как правило, более поздняя датировка является достоверной, а все ранние упоминания следует считать реконструкцией составителей.

5. Сопоставить все записи о небесных явлениях (солнечных и лунных затмениях, кометах, метеорах и пр.) в *Самгук саги*¹² с имеющимися записями в китайских династийных историях; в определении дат затмений, не зафиксированных в китайских хрониках, ведь корейские придворные астрологи могли и ошибаться в своих подсчетах для ранних эпох.

6. Учитывать существование элементов устной (фольклорной) традиции в письменной истории. Устная традиция сохраняет в памяти исторические события (их датировки, географические координаты, персонажи и пр.) на протяжении примерно трех поколений назад и трех поколений вперед, т.е. оперирует временем в три 60-летних цикла. За пределами этого отрезка времени находится уже область искусственной реконструкции, и фольклор нередко начинает восприниматься как история. В основе исторических записей лежала устная генеалогическая традиция, которая для придворных историографов была достоверной и на которой держалась вся канва (непрерывная последовательность событий) исторического повествования. И там, где недоставало событий, историк мог либо добавить то или иное событие, требуемое законами жанра исторического описания и другими факторами, либо какое-нибудь событие позднего эпохи опрокинуть (перенести) в прошлое. Психика человека всегда гипертрофирует отдельные события, тем более если это необходимо для выполнения каких-либо политических целей или социального заказа. Что касается корейской истории, то, по мнению российских корееведов, достоверная генеалогия и хронология начинается вместе с формированием государства в Силла, Когурё, Пэкче и Кая, т.е. лишь со второй половины IV в. н.э., а не с I в. до н.э. согласно корейской традиционной хронологии.

7. Иметь в виду неравномерность (дисбаланс) в описании Ким Бусиком исторических событий в разных государствах – Силла (наиболее полное), Когурё и Пэкче (менее полное), Кая (фрагментарное). Исторические записи Пэкче и Кая в *Самгук саги* не только неполны, но во многом и противоречивы, т.е. менее достоверны, чем в летописях Силла. Этот момент тоже должен учитываться при решении спорных вопросов хронологии в *Самгук саги*.

8. Использовать максимум археологических, эпиграфических и нарративных памятников для уточнения дат в *Самгук саги*.

9. Наконец, рассматривать раннюю историю Кореи в контексте восточноазиатского историко-культурного и полиэтничного ареала.

Таковы самые общие направления в изучении хронологических проблем *Самгук саги* и других ранних корейских источников. Установление относительной хронологии и абсолютных дат для ранних периодов истории Кореи способны вывести исторические исследования по Корею на новый, более объективный и более фун-

даментальный уровень. Быть может, в целях эффективного исследования проблем древней истории Кореи было бы целесообразно выступить с инициативой создания международной комиссии из авторитетных ученых наподобие комиссии синологов, работающей уже несколько лет над международным проектом по пересмотру традиционных дат эпох Ся, Шан-Инь и Чжоу¹³.

Следует еще раз подчеркнуть, что в нынешнюю эпоху глобализации специалисты по конкретным областям знания не могут и не должны уподобляться сторонникам изоляционизма, образ которых хорошо выражен в корейской поговорке «*Сэн-муль ан кэгури*» — «Лягушка в колодце».

Примечания

- ¹ Об этом подробно см.: *Исаева М.В.* Представления о мире и государстве в Китае в III–VI вв. М.: ИВ РАН, 2000.
- ² *Ким Бусик.* Самгук саги. Разные описания. Биографии / Изд. текста, пер., вступит. статья, коммент., прилож. под общей ред. М.Н.Пака и Л.Р.Концевича. М.: Изд. фирма «Вост. литература», 2002.
- ³ *Волков С. В.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М.: ГРВЛ, 1987; *Он же.* Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: Изд. фирма «Вост. литература», 1999 и др.
- ⁴ *Courant Maurice.* Repertoire historique de l'administration coréenne. Paris, 1986.
- ⁵ См., напр.: *Бруннерт И.С., Гегельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910; *Hucker, Charles.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, 1985 и др.
- ⁶ *Ким Сонджун.* Хангук ёкса ёнпхё (Хронологические таблицы по истории Кореи). Сеул: Хосо чхульпханса, 1994.
- ⁷ Изложение взглядов китайских и корейских историков относительно Когурё см. в обзорах: *Байингтон Марк.* Создание «малой народности» в древности (Когурё в китайской историографии) // Российское корееведение. Альманах. Вып. 4. М., 2004. С. 91–117; *Петров Л. А.* Воссоздание героического прошлого: современная историография КНДР и древнее государство Когурё // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8. С-Пб., 2005. С. 175–197; публикации Института изучения Когурё (Сеул) и др.
- ⁸ Эта концепция была изложена в разделах «Всемирной истории» (например, в т. 3 в главах, посвященных древней истории стран Дальнего Востока и написанных акад. Н.И.Конрадом), во вводной статье проф. М.Н.Пака к первому тому его перевода *Самгук саги* — «Летописи Силла и вопросы социально-экономической истории Кореи» (1959), в предисловии М.Н.Пака к русскому переводу первого тома северокорейской «Истории Кореи» (1960), в его статье «Корея. Исторический очерк» в «Советской исторической энциклопедии» (Т. 7, 1965), статьях М.Н.Пака «О возникновении и утверждении феодализма в Кореи...» (в сб. «Историография стран Востока», 1969) и «О периодизации ранней истории Кореи» (в сб. «Историография стран Востока...», 1977), в первом томе коллективной работы «История Кореи» (1974), в книгах «Очерки ранней историографии Кореи» (1979) и «Очерки по историографии Кореи...» (1987). Эти взгляды были конкретно развиты в работах других ученых — Ю Хакку (псевдоним — Х.К.Пюриков) в статье «Освещение современными японскими историками

возникновения государственности в Кореи» (в сб. «Историография стран Востока», 1969) и книге «Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии» (1975), во многих работах М.В.Воробьева, Ю.М.Бутина, Ю.В.Ванина, Р.Ш.Джарылгашиновой и других. К сожалению, из-за языкового барьера эта концепция детально не известна в зарубежном корееведении. Следует упомянуть и тот факт, что она вызвала резкую критику со стороны *чучхейски* настроенных историков КНДР. Именно эти работы советских корееведов стали поводом для развертывания оголтелой кампании по «чучхеизации» исторической науки и установлению единомыслия в КНДР, которая проводилась по указанию секретаря ЦК ГПК Ким Чханмана. Особенно большую активность в этой области проявил ныне покойный акад. Ким Сокхён и др. (см., напр., брошюру «О серьезных ошибках в изложении истории Кореи во «Всемирной истории» Академии наук СССР». Пхеньян. 1963; его статьи по поводу предисловия к русскому изданию «Истории Кореи» в журналах «Новая Корея», 1961, №10 и «Ёкса квхак», 1961, № 3 и т.д.). По существу близки к этим взглядам и некоторые националистически настроенные историки Южной Кореи, которым чужд трезвый объективный подход к оценке исторического процесса.

- ⁹ См.: Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994; *Дьякова О.В.* Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998; Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / Дальневосточное отделение РАН. Владивосток, 2001; *Бродянский Д. Л.* Археология Приморья. Краткий очерк. Владивосток, 2004, и др.
- ¹⁰ Впервые по вопросу датировки ряда исторических событий IV в. н.э. на конкретном материале Пэкче и Силла выступил Дж. Бест в своих докладах на симпозиуме в Гонулулу (февраль 1996 г.) и на конференции AKSE в Гамбурге (1998), а также изложил аргументацию в статье «Redating the Earliest Silla-related Entries in the Paekche Annals of the *Samguk sagi*» (в журнале «Han 'guk sanggosa hakpo». 1996. Vol. 21). Его выводы заслуживают самого серьезного внимания специалистов, занимающихся древней историей Кореи.
- ¹¹ Критические тексты *Самгук саги* выполнены многими корейскими историками начиная с издания Ли Бёндо и кончая новейшим изданием Академии корееведения (1997), а также на CD-ROM 96 (Seoul, Hangeul & Computer). Кроме того, изданы индексы к *Самгук саги* (Сеул, 1956), *Самгук юса* (1980) и др., которыми следует также воспользоваться.
- ¹² Таблицы всех солнечных и лунных затмений, а также перечень контактов между корейскими государствами, зафиксированными в *Самгук саги* и других ранних корейских источниках, см. в ряде работ южнокорейских ученых. Солнечные и лунные затмения, отмеченные в китайских династийных историях, начиная с *Ши цзи* Сыма Цяня, также приведены в порядке и сопоставлены с астрономическими данными в работах китайских и зарубежных ученых. Поэтому материала в этой области более чем достаточно. При изучении и переводе *Самгук саги* на иностранные языки полезно было бы последовать примеру Homer H. Dubs'a, который к своему критическому переводу «The History of the Former Han Dynasty» (Baltimore, 1938) приложил к каждой главе Appendices астрономического и календарного характера — «The Conjunction of the Five Planets...», «The Han Dynasty's Earlier Calendar», «The Method Used in Checking Recorded Eclipses» and «The Eclipses during the Reign of the Emperor [Kaotsu, Ching, a.o.]».
- ¹³ См., напр.: China Launches an Ambitious Multi-year Xia Shang Zhou Chronology Project // Early China News. 1996. Vol. 9.

О. В. Дьякова*

КОГУРЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ВОЕННОМ ЗОДЧЕСТВЕ БОХАЯ И ЦЗИНЬ

Постановка проблемы

Из письменных источников, в первую очередь из китайских хроник, нам известно, что история средневековых этносов Корейского полуострова и тунгусо-маньчжурских племен российского Приморья была тесно переплетена между собой. Это обусловлено не только их географическим соседством. С когуресцами были связаны мохэсские племена, имевшие сильную конницу и регулярно оказывавшие когуресцам военную помощь, часто выступая в критических ситуациях на стороне Когуре против Китая. «...в 645 г. китайские войска воевали с Гаоли. На стороне Гаоли выступили мохэсцы, на китайской – турки... мохэсцы привели 50 тыс. вспомогательных войск...»¹.

Государство Бохай (698–926), будучи полиэтничным по составу населения, после падения Когуре впитало в себя значительное количество когуресцев. Более того, до сих пор не утихают споры исследователей об этнической принадлежности первого вана государства Бохай – был ли он мохэсцем или принадлежал когуресскому роду. Чжурчжэньские племена тоже были тесно связаны с корейскими этносами. Нарративные источники свидетельствуют, что отдельные чжурчжэньские племена, проживая на северо-востоке Корейского полуострова и на северо-востоке Китая, во многом заимствовали их культуру. Естественно, столь значимые исторические события не могли не отразиться в археологических источниках, и на это не могли не обратить внимание исследователи, пытавшиеся найти археологические свидетельства давно минувших дней. В дальневосточной медиэвистике эта проблема не нова. Она была поставлена еще русскими востоковедами в XIX в. – Н.Я.Бичуриным, В.П.Васильевым. Попытки разрешить данную проблему были предприняты в работах первооткрывателей дальневосточных окраин земли русской – Палладия Кафарова, В.К.Арсеньева, Ф.Ф.Буссе, М.В.Венюкова и др., попытавшихся сквозь призму восточных известий расшифровать историю увиденных ими в Приморье остатков городищ и крепостей. Палладий Кафаров считал, что часть фортификационных сооружений к северу от р. Суйфуна (Раздольная) возведена

корейцами, затем отнята чжурчжэнями. Остатки вала на правом берегу Суйфуна трактовались им как первый рубеж, отделявший корейцев от чжурчжэней. Большинство укреплений Палладий Кафаров относил к бохайским: «...по соображениям исторических данных и сличениях их с местностями, я положительно убедился, что древние остатки, рассеянные по Южно-Уссурийскому краю, относятся главным образом ко времени господства дома Бохай в Маньчжурии; после них в этом краю произошло столкновение между Кореей и чжурчжэнями (основавшими в Китае государство Гинь); та и другая нация оставили памятники воинственной жизни»².

Обращали внимание на корейско-тунгусо-маньчжурские связи в более позднее время и другие исследователи, привлекая для аргументации данного положения археологические материалы. Достаточно подробно эту проблему анализировал М.В.Воробьев, указавший на связь каменных крепостей Когуре и Приморья³. Определенные аналогии в материалах отмечались Э.В.Шавкуновым⁴.

За все время исследования городищ и крепостей Приморья открыто более 150 фортификационных сооружений, представленных тремя типами – горным, долинным и мысовым. Мысовый тип по своему происхождению является аборигенным и связан с палеоазиатами и тунгусо-маньчжурами, долинный тип соответствует китайским традициям⁵. Происхождение же горного типа мы намерены рассмотреть в данном докладе в свете фортификаций когуресского государства.

Горные городища Приморья

Горные городища – это особый тип укреплений, располагающийся на господствующих высотах, позволяющих контролировать окружающую местность и все подходы к ней. Такие крепости имеют военно-стратегическое значение, поскольку заранее предусматривают необходимость отражения нападения неприятеля. По микротопографии горные городища делятся на три вида: 1) на отрогах, с незамкнутым по периметру валом; 2) на перевалах, с замкнутым по периметру валом; 3) на отдельных сопках-гольцах, с каменным валом. В данной работе речь пойдет о городищах первого вида, т.е. расположенных на отрогах и не имеющих замкнутого вала. Такие городища определены исследователями как городища чжурчжэней периода государства Восточное Ся (1217–1234). В настоящее время их насчитывается 26 – Краснояровское, Смоляниновское, Скалистое, Шайгинское, Лазовское, Новонезжинское, Екатериновское, Юрковское, Кокшаровское-горное, Плахотнюкинское, Константиновское, Новогордеевское, Новопокровское, Орловское, Стоговское, Ананьевское, Известковое, Шкляевское, Горнохуторское, Дубовая Сопка, Щербаковское, Кишиневское, Стеглянуха-3, Сибайгоу, Куналейское, Сопка Любви. Горные городища с незамкнутым валом строились по жестким, однотипным канонам, они практически не имеют разновидностей и на территории Приморья не развиваются во времени, что свидетельствует о достаточно коротком периоде их существования.

* ДВО РАН, Владивосток.

Геоморфологические условия. Горные городища всегда располагались на горных отрогах в водоносном распадке, из которого, как правило, вытекал ключ, впадавший в горную, чистую и холодную речку. Городища находились в устьях притоков магистральных рек, в их нижнем течении, но не в низовьях. Основным условием при выборе места построения горного городища был крутой рельеф с выходом в долину и наличие большой реки. Все это свидетельствует об их расположенности в важных точках речных и сухопутных путей.

Географическая характеристика расположения горных городищ с незамкнутым валом обусловлена их назначением, т.е. военно-административным статусом и формой хозяйства. Безусловно, вода и отгороженная пойма необходимы были для содержания большого количества коней.

С трех сторон городища были окружены высокими горами или отвесными скалами, и только южный склон более полог. Оборонительные валы устраивались по гребню хребтов, начинаясь от вершины сопки и спускаясь вниз. Вход располагался в низовьях распадка.

Планиграфия. Планиграфическая структура горных городищ всегда жестко выдержана и максимально вписана в рельеф местности. Пространство городищ ограничивалось контуром оборонительного вала и делилось на три части: редут, запретный город (или несколько таких структур); жилая зона.

Жилая зона всегда располагалась в распадке. Для нее на склонах сопки строили специальные террасы различной высоты (8–10 м), что связано со степенно крутизна распадка. Модуль строительства террас во всех случаях одинаков: 1) врез в сопку и выравнивание площадки; 2) подушка (засыпка) с обожженным суглинком, служащая фундаментом; 3) почвенно-слоеная насыпка с чередующимися вязкими и сыпучими грунтами. Размеры террас разные, иногда рассчитанные на одно жилище, иногда – на несколько. Жилища стандартные с П- и Г-образной кановой системой. Жилая зона служила местом обитания населения городища, в первую очередь, видимо, военного состава.

Запретный город бывает один или их бывает несколько. Для него характерно: расположение на возвышенности вблизи хребта, обваловка прямоугольной формы, строительство по модулю террас и вала, расположение внутри колоннадных зданий, ориентированных по странам света. Запретный город являлся административным центром.

Редут. Имеет следующие особенности: обваловку квадратной формы, длину сторон – 19–20 м, ориентировку углами по сторонам света, 2–3 жилища с канами, ворота в виде 2–3-метрового разрыва с надвратной сторожевой площадкой, вал почвенно-слоеной структуры. Редут являлся местом расположения военной ставки.

Водоемы. Помимо ключа, текущего по распадку и часто имеющего специальные искусственные водосборные устройства в виде каменных запруд и различного

рода кладок, на городищах обнаружены искусственные пруды, колодцы, водоотводные каналы, позволяющие населению во время нападения неприятеля выдерживать длительные осады и не испытывать проблем с водоснабжением.

Фортификации. Особенностью горных городищ чжурчжэней являлся способ возведения валов. На всех городищах валы земляные и сооружены техникой Ханту, представляющей собой почвенно-слоеные насыпи, тянущиеся по гребню отрогов, иногда укрепленные сверху камнем. Для возведения валов традиционно использовались преимущества горного рельефа. Склон сопки с внешней стороны являлся естественным продолжением стены. С опасной стороны насыпи достигали 8 м высоты и выполнялись по единому строительному модулю – платформа из глины и камня, либо из чередующихся вязких и сыпучих слоев почвы, врезалась в склон сопки, на которой возводилась остальная часть стены. В нижней части стены предусматривались ступени в виде лестницы. Основание стены имело значительную ширину, иногда до 20 м. Поскольку вал насыпался по гребню отрогов, то, следовательно, повторял его форму, в том числе и повороты, что усложняло строительство углов, как правило, северных. В местах соединения валов обязательно устраивались башни или смотровые вышки. По самому валу с опасных для нападения сторон размещались башни, камнететные площадки, склады с каменными снарядами, караульные помещения, бойницы. Дополнительное укрепление сооружалось у ворот. Таким укреплением мог быть самостоятельный привратный вал, как на Куналейском городище, либо обвалованный участок подтреугольной, как на Сибайгоу, или подпрямоугольной конфигурации, как на Плехотнюкинском или Шайгинском городищах. Подобные сооружения препятствовали проникновению нападавших в крепость.

Русские дореволюционные исследователи отмечали связь горных крепостей и городищ с поселениями, расположенными в долинах. В случае нападения население укрывалось в крепостях. Действительно, во многих случаях прослеживается именно такая ситуация. Например, городище Сибайгоу и поселения, расположенные в пойме р. Зеркальной – Синегорье-1-2, Устиновские поля. Хотя следует отметить, что по археологическому материалу они во многом отличаются. Для городища Сибайгоу характерен материал культуры государства Восточное Ся, для поселений Синегорье 1-2 – бохайский и его более поздние вариации.

Когуресские традиции в средневековом градостроительстве Приморья (на примере горных городищ чжурчжэней)

Из 176 когуресских городищ, обнаруженных на северо-востоке Китая и в КНДР, исследовано 56. Из них 47 – каменные крепости, и только 9 – земляные: Соксон, Енсонджа, Тхапан, Кой, Пуксансонджа, Рендам, Сарихо, Мокки, Хонгенно, находящиеся в Маньчжурии, и одно городище Анхак – на территории КНДР.

О связи средневековых каменных крепостей российского Приморья и Когуре автору уже приходилось писать. Поэтому сейчас нет смысла задерживать на этом внимание. Напомним лишь, что строительная технология возведения каменных крепостей на северо-востоке Приморья (Шмырков Ключ, Заболотная, Ключи, Васьковское Озеро) явно повторяет когуресскую и по своему происхождению к ней восходит⁶. Тем более что керамический материал указанных приморских каменных крепостей сопоставим с мохэсскими и бохайскими традициями, существовавшими одновременно с культурой Когурё. Военные технические достижения, как известно, распространялись и заимствовались во все времена достаточно быстро.

Когуресские горные земляные городища, в отличие от каменных крепостей, в силу разных причин практически известны мало. Длительное время корейские, китайские и российские исследователи занимались изучением горных городищ на своих территориях. Это естественный этап накопления материалов. В настоящее время появилась возможность проанализировать и сопоставить полученные материалы в рамках проблемы происхождения и развития средневековых фортификаций Дальнего Востока и даже экстраполировать материалы в конкретные исторические события.

Геофизическая характеристика российского Приморья, северо-востока Кореи и северо-востока Китая достаточно близка, что не могло не выработать общие принципы выбора места расположения оборонительных сооружений у народов, населявших эти территории. Эти принципы определялись особенностями ландшафта. У когуресцев, как и у чжурчжэней государства Восточное Ся, основным условием при выборе места были крутой горный рельеф и наличие большой реки. В корейских письменных источниках указывается, что у когуресцев «как правило, горные городища располагались на возвышенностях и были обращены к низинам, и какие бы усилия не прилагали враги, им не удавалось добиться результата.

...Снаружи крепостей они насыпали земляные валы, чтобы невозможно было воспользоваться лестницами, и увидеть, что происходит внутри крепости... Даже если враги отважно бросались на штурм, пока они от подножия горы добивались до крепости, дыхание их становилось прерывистым, и воодушевление спадало, наши же воины имели возможность со спокойной душой и в хорошем настроении встретить противника, скатывая вниз большие камни – враги падали на бегу»⁷.

Ким Ги Ун пишет, что горные городища Когуре обязательно располагались в местах, где была вода. Вода являлась не только важным транспортным путем, но и естественной преградой, сдерживающей продвижение противника и ограничивающей его маневры⁸.

Когуресцы выбирали для горных городищ места, рядом с которыми располагались равнины и где, соответственно, жили люди, от которых можно было получить продовольственные и людские ресурсы, и которые в случае опасности укры-

вались в горной крепости. Аналогичную ситуацию с расположением укреплений мы наблюдаем и у чжурчжэней Восточного Ся. Но, в отличие от Когуре, государство Восточное Ся возникло как мятежное, в смутное время, на грани развала империи Цзинь, и ему нужно было внедриться, хотя и в родственную, но не обязательно дружественную, тунгусо-маньчжурскую среду, и не обязательно согласную поставлять продовольствие пришельцам. Тем более что в основном тунгусо-маньчжурские племена не были земледельцами. Поэтому чжурчжэньским горным городищам требовалось автономное обеспечение материальными ресурсами. Вследствие чего вблизи укреплений на террасах разбивались сельскохозяйственные угодья.

Безусловным правилом выбора места для когуресских городищ являлись удобные транспортные пути – водные и дорожные, позволявшие обеспечивать связь с соседними крепостями и осуществлять различные маневры. Этим же правилом, как мы отмечали выше, пользовались чжурчжэни.

Во всех когуресских горных городищах проходили русла рек (ручьев), либо имелись пруды и колодцы. Например, в когуресском городище Тэсон, помимо ручья, в соответствии с древними записями, было девяносто девять прудов. Чжурчжэни Восточного Ся для обеспечения себя водой пользовались таким же способом.

Для обеспечения боеспособности городищ когуресцы уделяли большое внимание упрочению крепостных стен и крепостных ворот, являвшихся основным элементом укреплений. Как и чжурчжэни, над крепостными воротами они располагали смотровые вышки и башни. Возле ворот крепостная стена обычно была двойной, а перед воротами устраивали защитную стену с бойницами по бокам, известными как «чоктэ». Смотровые вышки, как правило, укрепляли углы городищ и служили дополнительными командными пунктами. Подобные фортификационные сооружения характерны и для горных городищ чжурчжэней. Важную роль при обороне когуресских крепостей играли бойницы, расположенные на стенах в местах, с которых можно было обстреливать противника спереди и с боков. До внедрения бойниц невозможно было обстреливать врагов, подобранных под стены крепости.

Корейские исследователи считают подобные бойницы когуресским изобретением, а такие сооружения, как защитные стены, ворота в стене без башни, линии заграждения и двойные стены отличительными особенностями когуресских горных крепостей.

Таким образом, проанализировав приморские горные городища чжурчжэней государства Восточное Ся и горные когуресские укрепления, становится очевидным, что влияние когуресских фортификационных сооружений на формирование горных городищ чжурчжэньского типа было огромным. По крайней мере, чжурчжэни использовали когуресские принципы расположения крепостей в горах – с трех

сторон защищенных возвышенностями, а с одной, обычно с южной, имеющих водоносный распадок; характер сбора питьевой воды; расположение фортификационных сооружений – по стене, воротам и углам. В то же время чжурчжэньские горные городища несли в себе и китайские фортификационные традиции. В первую очередь это касается земляных валов, сооруженных способом Ханту. Известно, что китайские города с древности обносили земляными стенами, где земля насыпалась слоями, и каждый слой утрамбовывался специальными деревянными катками. В результате такие стены получались очень прочными и достигали 8-метровой высоты. Данная техника известна в Китае с IV в. до н.э., а с VI в. до н.э. китайцы применяли каменную облицовку куртин и сооружали башни⁹. Видимо, когуресцы еще в древности переняли способ возведения земляных стен от китайцев, но приспособили ее для горных ландшафтов.

Примечания

- ¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. 2. С. 69.
- ² Кафаров П. Дорожные заметки от Пекина до Благовещенска, через Маньчжурию в 1870 г. С-Пб., 1870. С. 95.
- ³ Воробьев М.В. Древняя Корея. М.-Л., 1961.
- ⁴ Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. С. 62–88.
- ⁵ Дьякова О.В. Городища и крепости Дальнего Востока (северо-восточное Приморье). Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. С. 172–173.
- ⁶ Там же. С. 171.
- ⁷ Манги ерам. Цит. по: *Ким Ги Ун*. Отдельный оттиск. С. 140.
- ⁸ *Ким Ги Ун*. Исследование особенностей когуресских горных городищ. Отдельный оттиск. С. 138–152. Аналогичную характеристику когуресским городищам на II международной корееведческой конференции в 2005 г. предложил проф. Университета им. Ким Ир Сена Нам Иль Рен.
- ⁹ Носов К.С. Замки и крепости Индии, Китая и Японии. М.: Рейттарь, 2001. С. 27.

А. Ю. Иванов*

ПРОБЛЕМА ОСТРОВА НОКТУНДО В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Возведение российской стороной дамбы на р. Туманган в районе, прилегающем к острову Ноктундо, вызвало беспокойство в средствах массовой информации РК. В южнокорейской прессе делаются замечания, что, проводя работы по укреплению береговой линии по р. Туманган, российская сторона максимально затрудняет возвращение корейской стороне острова Ноктундо, принадлежавшего Корею до второй половины XIX в.

Интерес к этому острову площадью 32 кв. км в устье р. Туманган подогревается громкими заголовками статей, такими, как «Ноктундо, Синдо и Приморский край – наши территории, о которых мы должны помнить»¹, «Потеря острова Ноктундо из-за нерадивых потомков»², «По нашим местам территориальных конфликтов. Исторические факты Приморского края»³ и т.д. Авторы подобных статей не стесняются в выражениях, говоря об оккупации корейских территорий великими державами в период империализма⁴, таким образом намекая на то, что между Кореей и Россией существует территориальная проблема, которая касается не только приграничных районов двух государств, но и части Приморского края.

Первые публикации в южнокорейской прессе, где поднимается вопрос принадлежности острова Ноктундо, относятся к 1972 г., когда профессор университета Тонгук Пак Тхэ Гын обнаружил в национальном книгохранилище географическую карту «Агукёчжидо», составленную в 1884 г.⁵ Спустя 30 лет в район местонахождения острова Ноктундо стали неоднократно направляться группы ученых-географов, историков и журналистов для того чтобы исследовать земли, которые, по их мнению, некогда принадлежали Корею. Профессор университета Корё Мун Мён Хо, видя тесную географическую, культурную и историческую связь района Ноктундо с Кореей, считает, что необходимость комплексного изучения не только острова Ноктундо, но и части Приморского края на данный момент заключается в возмож-

* ДВГТУ, Хабаровск.

ности инвестиций для развития данного региона. В дальнейшем, после объединения Кореи, южнокорейские ученые видят перспективу своих исследований в праве на предъявление претензий России на спорные территории⁶.

Южнокорейские ученые в попытке доказать изначальную принадлежность Кореи острова Ноктундо прежде всего обращаются к историческим документам, в том числе, и к хроникам правления династии Чосон, в которых остров Ноктундо упоминается 12 раз.

Действительно, впервые этот остров упоминается в корейских летописях «Сечжонсиллок» под названием Сачхамадо. В XV в. он был присоединен к Кореи и включен в состав уезда Кёнхын, когда по приказу Сечжона по северной границе были установлены «шесть боевых позиций». В летописях «Тонгукёчжисыннам» сообщается, а на карте «Агукёчжидо» отмечено, что остров Ноктундо находится в устье р. Туманган в 20 ли от горы Чосан (на территории Северной Кореи)⁷.

В летописях «Сечжосиллок» сообщается, что в 1455 г., в первый год своего правления, правитель государства Чосон Сечжо дал указания защищать от нападения чжурчженей корейских крестьян, занимавшихся на острове сельским хозяйством. Тогда впервые появилось название острова – Ноктундо. На японских картах и в документах остров также был обозначен под этим названием.

В 1514 г. корейский чиновник Ан Юн Док сообщал королю Чунчжону о необходимости обороны острова Ноктундо, а в 1542 г. военные из чосанского гарнизона просили установить на острове военный пост⁸.

Корейские ученые считают, что остров Ноктундо тесно связан с деятельностью корейского флотоводца Ли Сун Сина. В документах отмечено, что в 1587 г. в результате нападения чжурчженей было убито 11 корейских солдат, включая начальника военного поселения на острове Ноктундо Ли Гён Бона, а 160 мирных жителей было пленено. На следующий год Ли Сун Син, взявший на себя ответственность за этот инцидент и лишенный должности начальника гарнизона, дислоцировавшегося в Чосане, принял участие в сражениях с чжурчженями в районе острова Ноктундо в составе отряда численностью в 2500 солдат под руководством Ли Иля. Проявив доблесть в этом сражении, в результате которого было уничтожено более 400 человек противника, Ли Сун Син был восстановлен в своей должности, и в течение трех лет отвечал за оборону острова⁹.

Профессор Сеульского университета Ли Ги Сок, проводя в 2004 г. исследование острова Ноктундо, обнаружил земляной вал высотой 6–7 метров и длиной по окружности 4 км. В связи с этим Ли Ги Сок утверждает, что на острове Ноктундо располагалось военное поселение, гарнизон которого охранял границы государства и одновременно занимался обработкой сельскохозяйственных угодий. Подтверждение этому корейские ученые видят в летописях, где отмечено, что в 1586 г. от королевского двора на Ноктундо был направлен чиновник для того чтобы основать

военное поселение *тунчжонкван*, с передачей военным и крестьянам сельскохозяйственных орудий труда и рабочего скота¹⁰.

С начала XVII в. до второй половины XIX в. в документах не отмечено ни одного сообщения об о. Ноктундо. До этого периода по границе империи Цин и Кореи была проведена «зона отчуждения» с выселением оттуда местных жителей. По мнению корейских ученых, цинское правительство пошло на подобный шаг для того чтобы обезопасить свои границы и предотвратить сотрудничество приграничных жителей (в том числе и корейцев) с усиливающей свою экспансию на Дальнем Востоке Россией. Но, по словам профессора Института радиовещания и информации Но Ге Хёна, и в этот период Ноктундо по-прежнему принадлежал Кореи¹¹.

Как считает Но Ге Хён, проблема возникновения спора по поводу географической принадлежности о-ва Ноктундо начинается с того, что в определенный момент течение северного рукава р. Туманган (некоторые из корейских картографов предполагают, что это был приток р. Туманган под условным названием Ноктунган) прекратилось из-за намыва песка и ила с верховьев реки, а также понижения уровня воды в Японском море, в результате чего русло реки было изменено, и остров Ноктундо естественным образом соединился с Приморским краем. На карте, составленной в период династии Цинь в 1709 г., остров уже являлся частью территории нынешнего Приморского края. На корейской карте «Кёнхынпчи» конца XIX – начала XX вв. о. Ноктундо также был обозначен как часть левого берега р. Туманган. Но, несмотря на то что корейские власти реально перестали контролировать район о. Ноктундо, по мнению Но Ге Хёна, они по-прежнему считали этот остров находящимся под юрисдикцией Кореи.

Тем не менее, по мнению южнокорейских ученых, российская сторона, пользуясь слабостью Кореи, присоединила о. Ноктундо к Приморскому краю. Позднее, как считают южнокорейские ученые, российское правительство, понимая, что этот остров является юридически территорией Кореи, предложило обсудить с корейским правительством этот пограничный вопрос. В тот период Корея избегала внешних контактов с западными государствами, поэтому корейское правительство отказалось и от ведения переговоров с российскими властями, соглашаясь лишь на посредничество империи Цин¹².

Российская сторона, не оставив без внимания о. Ноктундо, впоследствии оказала давление на цинский Китай и заключила с ним в 1860 г. Пекинский договор, по которому остров юридически переходил к России. В 1861 г. пункты Пекинского договора были закреплены в ходе проведенных на озере Ханка переговоров по установлению границы между Китаем, Россией и Кореей¹³.

Таким образом, по мнению южнокорейских ученых, государственная граница между Кореей и Россией была установлена без участия корейской стороны и без официального уведомления корейского правительства в нарушение всех норм меж-

дународного права. По этому поводу профессор Инчхонского университета Но Ён Дон отмечает, что, несмотря на подписание Россией и Китаем Пекинского договора, цинский Китай без всяких на то полномочий самовольно передал России территорию Кореи. Таким образом, по его мнению, Пекинский договор не может быть для Кореи сдерживающим фактором при решении территориальной проблемы между двумя государствами.

Начиная с 1883 г. (по некоторым источникам, в 1889 г.¹⁴) корейское правительство, озаботившись потерей о. Ноктундо, предложило свой проект по урегулированию пограничного спора между тремя государствами, но это не было воспринято Россией и Китаем должным образом. После заключения русско-корейского торгового договора корейские власти 10 раз обращались к царской России с просьбой о возвращении острова, которая осталась без ответа¹⁵. В 1883 г. между Кореей и Китаем было проведено 3 раунда переговоров по поводу разрешения этой территориальной проблемы¹⁶. Цинское правительство прервало эти переговоры, сославшись на неверно составленные топографические документы в момент передачи России территорий к востоку от р. Туманган, и лишь выразило сожаление корейской стороне. Тем самым, по мнению директора научно-исследовательского института по территориальным вопросам в Восточной Азии Ян Тхэ Чжина (в прошлом начальника отдела правительственного протокола и директора научного общества по территориальным спорам «Тхомунхве»), официальные лица Китая косвенно признали «неблагоразумность заключения российского-цинского договора 1860 г.»¹⁷

Отмечая возросшую активность корейского правительства по возврату о-ва Ноктундо, Ян Тхэ Чжин ссылается на японские официальные документы, где зафиксировано требование королевского двора Чосон вернуть территории Кореи¹⁸. Так, в одном из секретных докладов японскому правительству от 15 ноября 1886 г. сообщается об обращении корейского правительства к России с просьбой вернуть о. Ноктундо. В докладе японского консула в Пусане Рицуда Кава Министерству иностранных дел Японии от 20 июня 1890 г. упоминается о встрече представителей корейского правительства с К.И.Вебером по поводу возврата территорий в районе Ноктундо, в которой российский консул пообещал передать предложение корейской стороны своему руководству¹⁹. Даже несмотря на неприязненное отношение корейцев к периоду оккупации Кореи Японией в 1910–1945 гг., авторы некоторых статей подчеркивают, что японский колониальный режим также считал районы вокруг острова Ноктундо «корейскими территориями»²⁰. Впрочем, в японских источниках, которые отмечали об оккупации корейских земель Россией, отражалось бессилие официальных властей Кореи в решении территориального спора²¹.

Таким образом, Ян Тхэ Чжин утверждает, что отсутствие официальных документов, в которых Корея признает демаркацию границы между цинским Китаем и

царской Россией, и (таким образом) то, что цинское правительство передало российской стороне не принадлежащие ей земли, является поводом для непризнания корейской стороной Пекинского договора, а отсюда – и официальной границы между Россией и Кореей²².

Намекая на изначальную принадлежность о-ва Ноктундо Кореи, в южнокорейской прессе обращается внимание и на то, что в районе данного острова издавна проживали граждане Кореи. Так, в докладе королю Кочжону от 1883 г. О Юн Чжун сообщает, что на о. Ноктундо проживают корейцы, которые соблюдают обычаи Кореи и не признают русские традиции. В этом докладе О Юн Чжун указывает, что остров является корейской территорией. Корейские эмиссары Ким Гван Хун и Син Сон Ок, направленные в этом же году в район о. Ноктундо для оценки нынешней ситуации на российско-корейской границе, сообщили, что на острове проживают 113 корейских семей общей численностью 822 человек²³.

По данным дневника одного из активистов движения за независимость Кореи от японского колониализма Син Пхиль Су, в 1921 г. на о. Ноктундо проживали 40 корейских семей, которые впоследствии были насильно выселены в Среднюю Азию в период сталинского режима²⁴.

Профессор Пхоханского университета Пак Сон Ён заявляет, что корейские специалисты, осознавая то, что передача по Пекинскому договору Китаем России Приморского края является большой ошибкой, сейчас проводят исследования, включающие и недавнюю передачу Россией Китаю островов на р. Амур. По его мнению, если удастся аннулировать Пекинский договор, территориальная проблема между Россией и Кореей вокруг не только о. Ноктундо, но и всего Приморского края, вступит в новый этап.

В качестве основного аргумента, указывающего на принадлежность Приморского края Кореи, корейские ученые приводят разграничительную стелу на г. Пэктусан, установленную еще до прихода русских на российский Дальний Восток. На стеле отмечено, что граница между империей Цин и Кореей проходит по некоей р. Тхомунган, притоку р. Сунгари (местонахождение которой до сих пор вызывает споры у корейских ученых). Это, по мнению корейских ученых, говорит о том, что территории к востоку от этой реки до 1860 г. фактически принадлежали Кореи²⁵.

Известно, что в 1990 г. между КНДР и СССР был подписан договор о границе, которая ныне проходит по фарватеру р. Туманган. Тем самым, северокорейской стороной признавалось право России на о. Ноктундо. Несмотря на это, в южнокорейской прессе северокорейский режим подвергается критике за то, что, подписав договор с бывшим Советским Союзом, КНДР тем самым заняла пассивную позицию в отношении проблемы о. Ноктундо²⁶.

В ситуации, когда в отношении принадлежности о. Ноктундо официальный Пхеньян не выдвигает никаких требований, Ян Тхэ Чжин считает, что южнокорей-

ское правительство должно высказать свое мнение по этому вопросу²⁷. Такое мнение южнокорейская сторона уже высказала, заявив в 1990 г. дипломатическому представителю СССР в Сеуле требование о возврате острова Ноктундо, которое советская сторона оставила без ответа²⁸. Кроме того, в Южной Корее создавались инициативные группы, выдвигавшие требование вернуть остров Корею. Так, во время визита президента СССР Горбачева в Республику Корея инициативная группа во главе с профессором Ли Хён Соком направила президенту Но Тхэ У петицию, где ему предлагалось потребовать от руководителя советского государства возврата о. Ноктундо. Подобная петиция позднее была направлена президенту Ельцину²⁹.

Наиболее радикально настроенные ученые, ссылаясь на «национально-историческое право»³⁰, требуют пересмотреть взгляд на отечественную историю, отраженную в учебниках по истории, и попытаться изменить сознание корейцев, заключающееся в том, что королевство Чосон в своем историческом развитии оставалось только в рамках Корейского полуострова. Для этого в средствах массовой информации Южной Кореи предлагают обратить внимание на пограничные прецеденты, возникавшие между Россией и Китаем. Так, заключенное недавно соглашение о передаче китайской стороне острова Тарабаров и части острова Уссурийский, наталкивают южнокорейские СМИ на мысль, что между Россией и Кореей еще существуют спорные вопросы³¹.

В связи с этим один из представителей Южной Кореи обратил внимание на то, что в 1999 г. на российско-северокорейских переговорах, наряду с вопросом о праве судоходства по реке Туманган судов третьих стран, обсуждалась проблема принадлежности острова Ноктундо³². Более того, ссылаясь на российские источники из Министерства иностранных дел, в южнокорейской прессе сообщается, что после того, как северокорейская сторона начала возводить дамбы на правом берегу р. Туманган, что привело к размыву и затоплению российского берега, в 2003 и 2004 гг. между российской и северокорейской сторонами были проведены переговоры, где обсуждался вопрос о пересмотре государственной границы вследствие изменения русла реки³³.

Но, несмотря на ситуацию, сложившуюся на данный момент, в решении территориального вопроса между Россией и Кореей корейскими учеными акцент делается именно на Пекинском договоре. Так как, по мнению ряда корейских ученых, Пекинский договор от 1860 г. не имеет для Южной Кореи юридической силы, этот вопрос возможно решить лишь после объединения Кореи³⁴. В этом случае профессор Ян Тхэ Чжин прямо заявляет, что, несмотря на то что остров Ноктундо был присоединен к России, он является исторической частью территории Кореи, который обязательно должен быть возвращен³⁵. Таким образом, объявляя остров Ноктундо исконной территорией Кореи, СМИ Южной Кореи, опираются прежде всего не на правовые документы, а на историческую принадлежность части территории

Приморского края, зафиксированную в летописях Кореи. При этом южнокорейские специалисты, обращая внимание на местоположение острова Ноктундо, видят очевидную экономическую выгоду, называя его «Манхэттэном Северо-Восточной Азии». В связи с этим специалисты из Южной Кореи, понимая важность освоения района р. Туманган, при обсуждении условий осуществления экономического проектов между КНДР, Россией и Республикой Корея утверждают, что корейской стороне необходимо выдвигать проблему принадлежности острова Ноктундо³⁶. Одним из предложений Ян Тхэ Чжина, например, является совместное проведение землечерпательных работ между островом Ноктундо и российским берегом р. Туманган и восстановление таким образом русла реки с последующим принятием мер по возвращению острова Корею³⁷.

На основе вышеизложенных материалов южнокорейских СМИ представляется возможным сделать следующие основные выводы.

1. В среде южнокорейских ученых-историков существует мнение о необходимости предъявления России серьезных территориальных притязаний. Под эту точку зрения путем проведения в течение достаточно долгого времени планомерных целенаправленных исследований подводится необходимая теоретическая база.

2. Возможность возникновения территориальной проблемы в отношениях с Россией не рассматривается в Республике Корея в качестве чисто научной, теоретической проблемы, а носит прикладной, практически направленный характер. Об этом свидетельствует то, что указанный вопрос представлен на широкое обсуждение общественности путем публикаций в наиболее авторитетных южнокорейских СМИ, в том числе центральных газетах, таких, как «Тонъя ильбо», «Чосон ильбо» и ряда других печатных и электронных СМИ. Таким образом производится постепенная подготовка общественного мнения к положительному восприятию территориальных претензий к России, в том числе и посредством игры на национальных и патриотических чувствах граждан страны.

3. Данная проблема если и не инициируется непосредственно органами государственной власти Республики Корея, то, по крайней мере, не находит с их стороны какого-либо серьезного противодействия. Это утверждение представляется возможным сделать уже хотя бы исходя из самого факта существования в РК «Научно-исследовательского института по территориальным вопросам в Восточной Азии». При этом также стоит отметить, что директор данного института, наряду с многими другими именитыми и влиятельными в научном мире учеными, выступает в прессе с заявлениями, подтверждающими факт существования территориальных претензий.

4. Авторами южнокорейских публикаций признается и представляется соответствующим действительности положение о том, что практическое выдвижение территориальных претензий является делом более или менее отдаленного будущего,

которое можно будет успешно инициировать и проводить до получения результата только после осуществления объединения РК и КНДР в единое корейское государство. Но в настоящее время в качестве основных задач, выдвигаемых южнокорейскими учеными, по-видимому, являются подготовка теоретической базы и общественного мнения.

Примечания

- ¹ Ли Чжэ Хван // Doosan Encyber. 17.07.2007.
- ² Чон Ви Ён // Тонья ильбо. 23.11.2006.
- ³ Тонья ильбо. Серия материалов.
- ⁴ Ли Чже Хван. Ноктундо ва Синдо кыриго Ёнхэчжу – киокхэ халь ури ёнтхо (Ноктундо, Синдо и Приморский край – наши территории, о которых необходимо помнить)// Doosan Encyber. 17.07.2006.
- ⁵ Им Хён Ду. Иропорин ттан Туманган Ноктундо (Потерянная земля Ноктундо на р. Туманган)// Ёнхап. 15.07.2004.
- ⁶ Мун Мён Хо. Ппзаткин ттан Ноктундорыль чхачжасо (В поисках потерянной земли Ноктундо)// Кванхун тхонсин. 11.08.2002.
- ⁷ Ли До Иль. Туманган Ноктундо // Чосон ильбо. 29.11.2006.
- ⁸ Ян Тхэ Чжин. Чосон сидэый Ноктундо кёнъякква квалли (Управление островом Ноктундо в период Чосон)// www.dokdocenter.org
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Ян Тхэ Чжин. Пуккён чоякква Ноктундо ёнсок мунчжее кванхан кочхаль (Пекинский договор и исследование проблемы принадлежности острова Ноктундо // Хангуксаёнгу, 1996.
- ¹³ Ян Тхэ Чжин. Халло куккён хёнсонгва Ноктундо норёнхваый пэгён (Образование корейско-российской границы и передача российской стороне острова Ноктундо)// www.dokdocenter.org
- ¹⁴ Дусансегетэбэкква (Большая мировая энциклопедия). Сеул: Дусан, 2003.
- ¹⁵ Ким Хын Сик. Пукчунно самгук Туманган туллоссаго кальтын. Пукноган Ноктундо панхванмунчже, чунын чхурхэквон ёгу (Трения между Китаем, КНДР и Россией вокруг реки Туманган. Требование Китаем права выхода к Японскому морю)// Ёнхап. 29.03.1999.
- ¹⁶ Сеге ильбо. 18.10.1991.
- ¹⁷ Ичхёджин сом Ноктундо. 14.02.2005.
- ¹⁸ Ян Тхэ Чжин. Вегё мунсое натханан Ноктундо кванге сахан (Отраженные в японских документах параграфы, имеющие отношение к острову Ноктундо) // www.dokdocenter.org
- ¹⁹ Ян Тхэ Чжин. Ноктундо норёнхвае ттарын панхван норёк // www.dokdocenter.org.
- ²⁰ Сеге ильбо. 18.10.1991.
- ²¹ Токё асахи синбун, Майнити синбун. 07.1890.
- ²² Ян Тхэ Чжин. Кукчепоп чхычмёнесой Ноктундо ёнсок мунчже (Проблема принадлежности острова Ноктундо с точки зрения международного права)// www.dokdocenter.org.
- ²³ Халло куккёнсонсаный Ноктундо (Остров Ноктундо на корейско-российской границе)// Хангук хакпо, 1980.

- ²⁴ Ичхёджин сом Ноктундо. 14.02.2005.
- ²⁵ Тхомунган туллосан чэчжом (Споры вокруг реки Тхомунган)// Тонья ильбо. 29.04.2004.
- ²⁶ Чон Ви Ён. Моннан хусонтхасе Ноктундо мацхо// Тонья ильбо. 23.11.2006.
- ²⁷ Ян Тхэ Чжин. Чхачжасояхаль Ноктундо (Ноктундо, который надо вернуть)// Вольган пукхан. 09.2002.
- ²⁸ Дусансегетэбэкква (Большая мировая энциклопедия). Сеул: Дусан, 2003; Ёнхап. 15.07.2004.
- ²⁹ Ли Хён Сок. Ури ттан Ноктундорыль иджонынга? (Потеряли ли мы свою землю – Ноктундо?)// Вольган ариран. 07.2003.
- ³⁰ Ян Тхэ Чжин. Чхачжасояхаль Ноктундо (Ноктундо, который надо вернуть)// Вольган пукхан. 09.2002.
- ³¹ Ури ттан ури хон ёнтхо пунчжэн хёнчжаныль када. Ёнхэчжуге ёксачжок чинсиль// Тонья ильбо. 12.06.2004.
- ³² Ким Хын Сик. Пукчунно самгук Туманган туллоссаго кальтын. Пукноган Ноктундо панхванмунчже, чунын чхурхэквон ёгу (Трения между Китаем, КНДР и Россией вокруг реки Туманган. Требование Китаем права выхода к Японскому морю)// Ёнхап. 29.03.1999.
- ³³ Хангёре синмун. 12.02.2004. Ури ттан ури хон ёнтхо пунчжэн хёнчжаныль када. Ёнхэчжуге ёксачжок чинсиль // Тонья ильбо. 12.06.2004.
- ³⁴ Ури ттан ури хон ёнтхо пунчжэн хёнчжаныль када. Ёнхэчжуге ёксачжок чинсиль// Тонья ильбо. 12.06.2004.
- ³⁵ Ким Хын Сик. Пукчунно самгук Туманган туллоссаго кальтын. Пукноган Ноктундо панхванмунчже, чунын чхурхэквон ёгу (Трения между Китаем, КНДР и Россией вокруг реки Туманган. Требование Китаем права выхода к Японскому морю)// Ёнхап. 29.03.1999.
- ³⁶ Хангуккёнчже синмун. 13.11.2000.
- ³⁷ Ян Тхэ Чжин. Кукчепоп чхычмёнесой Ноктундо ёнсок мунчже (Проблема принадлежности острова Ноктундо с точки зрения международного права)// www.dokdocenter.org

Н. Н. Ким*

В ПОИСКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА: ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ НА ЮГЕ КОРЕИ (1945–1948 гг.)

Освобождение Кореи силами советских войск, завершившееся капитуляцией японской армии 15 августа 1945 г., означало поворотный момент в политической истории Кореи. Долгожданный крах японской колониальной власти был воспринят корейской общественностью как начало новой эпохи в истории страны. Главная идея освобождения заключалась не столько в преодолении колониальной зависимости, сколько в возможности создания нового общества, так называемого «сэроун сахве», на основе антиимпериалистической, антифеодальной революции¹.

До 1948 г. корейские националисты, представители левых организаций жили надеждой, что будущее Кореи может и должно быть определено общими усилиями политических партий Кореи, а не международными конференциями и их участниками. Для реализации желаемого существовало множество препятствий, главное из которых заключалось в присутствии иностранных войск на территории Кореи. Освобождение не было результатом внутренней борьбы корейцев с японским милитаризмом. Оно было осуществлено с помощью внешних сил, претендующих на административную власть в оккупированной зоне. Корейцы автоматически оказались на положении аутсайдеров в самом главном вопросе – вопросе о власти.

Другим не менее важным препятствием было отсутствие политического единства между различными политическими партиями. Националисты и лидеры левых организаций были единодушны в своей ненависти к японцам, но совершенно разобщены в том, что касалось внутренней политики страны. Более того, они не могли прийти к согласию в том, кто действительно представляет законные интересы корейского народа. К их идеологической разобщенности стоит прибавить партийную фракционность, отсутствие общенационального лидера, политическую незрелость.

Важно также учесть, что большинство политических эмигрантов, активно возвращавшихся в Корею в 1945 г., покинули страну 20–30 лет назад². Большая

часть отправилась в Китай или СССР, меньшая в США. Сознательно или бессознательно, за это время они успели усвоить ценности, поведенческие установки страны пребывания. Таким образом, они могли быть американизированы, китайизированы или советизированы. Хотя они все еще оставались корейцами в душе, их поведение и мышление более не являлось типично корейским. Разный уровень политического сознания и культуры сыграл не последнюю роль в возможности политического объединения на основе общих идей и с одним национально признанным лидером.

Разделение Кореи по 38-й параллели первоначально с военной целью фактически закрепило политическое разделение страны еще в августе 1945 г. Политические процессы на Севере и Юге стали протекать независимо друг от друга, даже несмотря на тот факт, что тогда эта граница воспринималась как формальная и неокончательная. В таких условиях первой задачей, которую предстояло решить политическим партиям, было формирование единого правительства и только потом уже определение внутривнутриполитического курса.

Сразу после освобождения на юге Кореи политические движения разделились на три группы: первая была представлена правыми организациями, поддерживавшими Временное правительство Кореи и ожидавшими возвращения его членов; вторая – левыми партиями, выступавшими за создание Корейской Народной Республики; третья группа объединила тех, кто в период колониальной зависимости тесно сотрудничал с японцами («чхинильпха»). В отличие от первых двух, третья группа, все еще обладавшая экономической силой, но, будучи морально отвергнутой корейской общественностью и, следовательно, не имевшей массовой поддержки, не могла открыто участвовать в политическом процессе³.

Сначала наибольшую политическую активность проявили представители именно левых движений. Это объясняется несколькими причинами: 1) стремлением занять прочную политическую нишу до возвращения лидеров националистов; 2) активным участием в формировании рабочих союзов, крестьянских комитетов, занимавшихся задачами текущего управления на местах после ухода японцев; 3) неопределенностью политического курса американской военной администрации на территории Кореи первые три месяца, чем спешно воспользовались левые.

Левая идеология, социалистически ориентированная, пользовалась, как ни странно, широкой поддержкой не только в среде корейских интеллектуалов, но и среди простых граждан. За годы национально-освободительной борьбы заметно выросло разочарование в Западе. То равнодушие, с которым западные правительства отнеслись к колониальной политике Японии в Корею, заставило многих корейских интеллектуалов обратиться лицом к советской России. «Многим из них марксизм казался подлинно либеральной доктриной. Вероятно, тактика немедленного действия коммунистов, тактика борьбы за освобождение угнетенных народов при-

* Дипакадемия МИД РФ, Москва.

влекала их больше, чем далекие идеалы свободы личности. Они склонны были размышлять в понятиях нации, нежели чем отдельного индивида»⁴.

Ряд общественных опросов, проведенных в 1946–1947 гг. в Сеуле подтверждает тот факт, что социалистические идеи пользовались большой общественной поддержкой в исследуемый нами период. В 1946 г. американской военной администрацией был проведен опрос общественного мнения, опубликованный позже в «Тонья ильбо». На вопрос «Какой строй вы одобряете?» были даны следующие ответы: капитализм – 14% (1,189), социализм – 70% (6,037), коммунизм – 7% (574), «не знаю» – 8% (653)⁵. Другой опрос был проведен сообществом журналистов «Чосон Синмун» 3 июля 1947 г. На улицах Сеула ими было опрошено 2495 человек. Ниже приведен текст самого опроса.

1. Как вы относитесь к выступлениям 23 июня?⁶

а) путь к независимости – 26%; б) нет – 71%; в) воздержавшиеся – 3%.

2. Есть ли такие партии, социальные организации, которые должны быть исключены из участия в совместной советско-американской комиссии?

а) Есть (71%): Корейская Демократическая партия (1272), Партия корейской независимости (922), Южнокорейская рабочая партия (174), Конференция профсоюзов Южной Кореи (91), Народно-демократический фронт (9), Всекорейское объединение профсоюзов (14), Молодежный союз (19), другие.

б) Нет (14%); в) воздержавшиеся (4%).

3. Название страны?

а) Республика Корея (24%); б) Корейская Народная Республика (70%); в) другое (1%); г) воздержавшиеся (4%).

4. Форма политического правления?

а) как раньше (14%); б) народные комитеты (71%); в) другая (10%); г) воздержавшиеся (5%).

5. Земельная реформа?

а) платная конфискация земель с последующим распределением за выкуп (17%);

б) безвозмездная конфискация земель с бесплатным распределением (68%);

в) платная конфискация земель с бесплатным распределением (10%)

г) воздержавшиеся (5%)⁷.

Как видим, большинство опрошенных (около 70%) высказались в поддержку левой идеологии. Вряд ли кто-либо из них понимал, что такое социализм или коммунизм. Ситуация была такова, что оставшись без хозяина после ухода японцев, заводы, земли должны были перейти в народную собственность, а не в руки тех, кто активно сотрудничал с колонизаторами. Этого требовала социальная справедливость. Так называемые «чхинильпха», коллаборационисты, были представлены в основном буржуазией, чиновниками, военными высшего ранга, полицейски-

ми, менеджментом крупных предприятий, членами различных пропагандистских организаций, работавших в Корею на японское правительство⁸. Естественно, корейские рабочие, крестьяне, мелкие земельные собственники пытались отстранить от управления всех предателей («мегунно») и врагов народа. Чем последовательнее они были в своей ненависти к коллаборационистам, тем больше они склонялись в сторону левого движения и идеологии.

Итак, левые организации сразу после освобождения объединились вокруг деятельности Ён Хёна (лидер левого крыла националистов) и организованного им Комитета по подготовке к национальной независимости (15 августа 1945 г.). Ён Хён пригласил Сон Чжин У, лидера правых, к участию в комитете и в управлении страной, но тот отказался под тем предлогом, что еще не вернулось Временное правительство с Ким Гу. Отказ Сон Чжин У в сотрудничестве нанес серьезный удар попыткам Ён Хёна привлечь других видных представителей правых националистов, таких как Ким Чжан Ён, Чжан Ток Су, к участию в комитете. Они также воздержались, объясняя это тем, что не могут пойти против решения Сон Чжин У. В действительности общая позиция правых в вопросе сотрудничества с Ён Хёном сводилась к необходимости дожидаться возвращения Временного правительства, которое, по их мнению, было единственным законным представителем интересов корейцев. Ён Хён, в принципе, не был против Временного правительства, но он считал, что чрезвычайность ситуации, в которой оказалась страна, требует немедленных действий, тогда как сдержанность правых способна только усугубить политический и экономический хаос того времени.

6 сентября 1945 г. Комитет по подготовке к Национальной независимости собрал конференцию из 600 народных представителей, которые избрали 55 человек в комитет по подготовке проекта новой конституции. На конференции было провозглашено создание Корейской Народной Республики (КНР) и сформировано правительство: председатель Ли Сын Ман, вице-председатель Ён Хён, министр иностранных дел Ким Гу, министр финансов Чо Ман Сик, министр образования Ким Сон Су. Никто из членов провозглашенного правительства, за исключением Ён Хёна, никогда не принимали участия в деятельности Народной Республики, более того, не давали своего согласия на включение их в члены правительства.

14 сентября была опубликована программа Народной Республики:

1) создание политически и экономически суверенного государства;

2) быть искренне верными демократии, способной устранить пережитки японского империализма и феодализма и удовлетворить политические, социально-экономические нужды народа;

3) улучшить жизненный уровень рабочих, крестьян и других социальных групп⁹.

Провозглашение КНР шокировало лидеров правого движения, спровоцировав жесткую дискуссию по вопросу о легитимности ее существования. Оппозиция КНР

вынудила их создать единую партию, способную противостоять усиливающемуся левому движению. Так, 16 сентября была создана путем слияния нескольких партий Корейская Демократическая партия (КДП/ «Хангук минчжудан»). Но еще ранее, 7 сентября, члены-учредители партии приняли декларацию, где заявляли о своей оппозиции КНР. Лидерами КДП были объявлены Ли Сын Ман, Ким Гу, Мун Чжан Бом, Со Чже Пхиль, Квон Дон Чжин, О Сэ Чжан.

Программа КДП состояла из следующих положений: 1) гарантия основных прав человека; 2) установление демократии взаимной выгоды и равенства; 3) гарантия свободы слова, вещания, собрания и вероисповедания; 4) гарантия равных возможностей в получении образования и здравоохранения; 5) развитие тяжелой индустрии; 6) национализация или контроль крупных промышленных предприятий; 7) осуществление справедливой земельной реформы; 8) основание национальных сил защиты¹⁰.

КДП объединила консерваторов, либералов правого толка. Ее идейная платформа и политическая программа были выражением консервативных сил и философии. Под консерватизмом в данном случае понимается не приверженность монархическому прошлому, а в целом умеренный характер предлагаемой корейскими демократами социально-экономической программы. Революционность самого времени, в котором оказалась Корея, требовала революционных изменений в обществе, совсем необязательно связанных с применением физического насилия. Но в силу ряда причин представители КДП не могли принять революционный характер политики Народной Республики и левого движения.

По своему социальному составу члены КДП принадлежали к зажиточным слоям общества. Ядром КДП была Посонская группа, сформированная на базе университета Посон (ныне «Корё») и вокруг крупного земельного собственника Ким Сон Су. Ким обеспечивал финансовую помощь своим коллегам из КДП. Один из членов группы Посон – Сон Чжин У был председателем КДП. КДП включала также представителей корейской интеллигенции, получивших образование в США и Японии, членов движения за независимость как внутри страны, так и за рубежом, умеренных национал-социалистов, бывших земельных собственников, служащих американской военной администрации¹¹.

Представители КДП намного лучше, чем левые, понимали политическую конъюнктуру, складывавшуюся в Корее в 1945–1948 гг. Они четко уловили, кому принадлежит реальная власть на юге и с кем надо общаться – с американской военной администрацией (ВА). В итоге, их политическое поведение стало определяться в дальнейшем общим курсом американской администрации на юге Кореи, с которой они стали активно сотрудничать (Чо Бён Ок и Ю Ок Чжём были назначены директорами отдела полиции и образования при ВА, тогда как Ким Сон Су, Ким Ён Су и др. служили там в качестве советников). Союз КДП с американцами

фактически означал невозможность какого-либо длительного политического примирения между КДП, партией-лидером в среде правого движения, и теми левыми организациями, которые высказывались за создание единого корейского правительства.

Усиление политических позиций КДП благодаря тесным связям с американской ВА совпало по времени с ослаблением позиций Народной Республики. Народную Республику не признали не только правые организации во главе с КДП, но и вернувшиеся на родину члены Временного правительства. 27 ноября 1945 г. Хо Хон из Народной Республики встретился с членами Временного правительства, предложив союз. Но Ким Гу и Ким Гю Сик отказались от сотрудничества, так как были недовольны созданием Народной Республики прежде их возвращения. Неудачная попытка Хо объединиться с Временным правительством нанесла сокрушительный политический удар Народной Республике. Впрочем, ей оставалось жить совсем недолго – 12 декабря 1945 г. американская ВА объявила деятельность ее членов вне закона.

Думаю, с момента юридического непризнания Народной Республики американцы начали последовательное наступление на позиции левых на юге Кореи. Немного позже они объявляют вне закона деятельность Коммунистической партии Кореи в связи с «инцидентом Чжонпанса», 15 мая 1946 г.¹² Американская военная администрация отчетливо понимала, что без политического устранения ряда левых организаций ей не удастся подавить левое движение на юге, корни которого вели к многочисленным крестьянским и рабочим комитетам. Именно они были оплотом левого движения. Однако, в отличие от политических партий, народные комитеты невозможно было так просто запретить или ликвидировать. Они пользовались огромным влиянием на местах, что признавала сама американская ВА. Так, к примеру, результаты обширной инспекции сельской местности на юге Кореи, проведенной сотрудниками американской ВА в декабре 1945 г., показали, что не существовало такого органа в районах, который мог бы соперничать с народными комитетами как наиболее сильными и активно действующими организациями¹³.

16 октября 1945 г. вернулся в Сеул из 33-летней эмиграции Ли Сын Ман. Он отказался от всех руководящих постов, предложенных ему политическими партиями и социальными организациями. Две недели спустя, 25 октября он создает комитет по ускоренной реализации независимости Кореи («тоннип чхоксон чжунан хёбыйхве»), который с самого начала становится в оппозицию Народной Республике, а также Коммунистической партии Кореи, принимавшей активное участие в деятельности КНР¹⁴.

В отличие от Ли Сын Мана, вернувшиеся на родину из Китая 23 ноября 1945 г. члены Временного правительства Кореи Ким Гу и Ким Гю Сик выступали за союз с коммунистами. Известно, что еще до своего возвращения на родину Временное

правительство не было признано американской ВА в качестве законного. Но, несмотря на это, его члены сразу же по возвращении в Сеул активно включились в политическую борьбу. Теперь будущее корейской политической сцены складывалось из отношений четырех сил: Временного правительства, продолжавшего формально действовать, КДП, комитета Ли Сын Мана и левого движения во главе с Коммунистической партией Кореи.

Решения Московского совещания, прошедшего в декабре 1945 г. в Москве, вызвали кратковременное объединение всех корейских политических сил, которые единогласно выступили против установления режима опеки. Срочно 27 декабря при Временном правительстве создается комитет по борьбе с опекой. А 31 декабря в Сеуле и других крупных городах Кореи проходят массовые демонстрации против решений Московского совещания. Поначалу выступив единым фронтом, коммунисты неожиданно 2 января 1946 г. изменяют свою позицию, провозгласив линию на поддержку решения об опеке. Возможно, Пак Хон Ён предпринял такой шаг после консультаций с представителями советской военной администрации в Северной Корее. Коммунистическая партия на юге Кореи очень быстро потеряла свою независимость в принятии каких-либо важных политических решений. После открытия в октябре 1945 г. ее отделения в Пхеньяне коммунисты в северной части Кореи не без помощи СССР быстро завоевали роль лидера в корейском коммунистическом движении. Уже в начале 1946 г. коммунистическое движение на Юге стало своего рода частью коммунистических организаций на Севере, а не наоборот¹⁵.

Таким образом произошел раскол между левыми, поддерживавшими режим опеки, и правыми. Однако вскоре и правые разделились на две противоположные группы по вопросу об опеке.

20 марта 1946 г. открылось первое заседание совместной советско-американской комиссии. Согласно одному из решений, принятых на Московском совещании, в комиссии должны были участвовать представители различных корейских партий с тем, чтобы в дальнейшем сформировать Временное корейское демократическое правительство. Но участие в комиссии означало бы согласие с итоговой декларацией Московского совещания, следовательно, с необходимостью установления режима опеки. Левые организации, включая Коммунистическую партию, подписали декларацию. Но многие правые партии отказались это сделать.

В такой ситуации ряд политических лидеров сделали заявления, которые помогли разрешить сложившуюся дилемму. 18 апреля Ким Гю Сик объявил, что все политические партии должны сотрудничать с комиссией независимо от их позиции по вопросу об опеке. Четыре дня спустя Ли Сын Ман настоял на том, чтобы все заинтересованные лица приняли участие в работе совместной комиссии. А 27 апреля генерал-лейтенант Джон Р. Ходж, настойчиво требовавший участия правых в комиссии, сделал заявление, что подписание декларации не рассматривается

как поддержка режима опеки или оппозиция ему. Ободренные этими увещаниями, КДП, Партия корейской независимости и 20 других правых партий и общественных организаций представили подписанную ими декларацию совместной комиссии¹⁶.

Партии, согласившиеся поучаствовать в деятельности совместной комиссии, позже не могли договориться о том, чьи представители должны войти в состав будущего временного правительства Кореи. В результате политические лидеры условно разбились на три линии: линия Ли Сын Мана сводилась к формированию отдельного правительства на юге; Ким Гу считал, что необходимо сформировать единое правительство, решительно противостоящее режиму опеки; Ким Гю Сик и Ё Ун Хён высказывались за очередной созыв совместной комиссии с тем, чтобы создать коалицию различных политических сил.

Учитывая политические проблемы, с которыми столкнулась в своей работе совместная комиссия, Ли Сын Ман берет курс на создание независимого правительства на юге Кореи. 3 июня 1946 г. в селе Чжоньп пров. Северная Чолла он произносит свою историческую речь, впервые публично предлагая создание независимого правительства на Юге. Похоже, он торопился взять власть в условиях нарастающего давления со стороны левых, выступающих за формирование единого правительства, а также из-за раскола в среде правого движения. Ли Сын Ман, в принципе, был не тот политик, с помощью которого можно было добиться объединения политических сил. Еще в годы национально-освободительной борьбы он зарекомендовал себя как человек, неспособный на политический компромисс¹⁷.

Линия Ли Сын Мана органично совпала с политическими намерениями американской ВА. Американская позиция по корейскому вопросу выработывалась постепенно. Еще в годы Второй мировой войны ими высказывалась идея об опеке, но ничего не говорилось о разделении Кореи и формировании двух независимых правительств. Даже само решение об установлении 38-й параллели в качестве разделительной линии было принято только в августе 1945 г. Однако в силу ряда причин американское правительство постепенно пришло к идее создания независимого государства на юге Кореи.

Американцы всеми силами пытались сделать свою власть на Юге более легитимной. С этой целью они привлекали к управлению и консультациям лидеров правых партий. В феврале 1946 г. американской ВА был создан Демократический совет («минчжу ыйвон») во главе с Ли Сын Маном. По преимуществу состоявший из представителей правых партий, Совет подвергся критике со стороны умеренных и левых. Поэтому после консультаций с Коалиционным комитетом, сформированным при посредничестве Ким Гю Сика и Ё Ун Хёна еще в мае 1946 г. и представлявшим политический центр (союз правых и левых партий), генерал Ходж объявляет о создании Временной законодательной палаты (ВЗП/ «квадо иппоп ыйвон») в

качестве законосовещательного органа при американской ВА. Председателем ВЗП был назначен Ким Гю Сик. ВЗП, по сути, стала предтечей будущего правительства на Юге.

Но и на этот раз легальность выборов в ВЗП подверглась сомнению со стороны Коалиционного комитета и КДП. Ким Гю Сик потребовал вновь провести выборы, по крайней мере в определенных районах. Он обвинил американскую ВА в том, что при выборах в Сеуле не были дисквалифицированы депутаты, относящиеся к предателям и коллаборационистам, а также в исключении всех левых групп из участия в выборах.

КДП вообще решила бойкотировать открытие ВЗП, не признав действительность и правомерность выборов. Это объясняется тем, что выборы ряда депутатов от КДП (Ким Сон Су, Чан Док Су, Ким До Ён), избирающихся в Сеуле, из-за нарушений были объявлены не имеющими силы. Хотя они были переизбраны позже снова, престиж партии сильно пострадал. КДП все больше и больше теряла свою популярность. С целью восстановления престижа КДП принимает решение поддержать линию Ли Сын Мана на создание независимого правительства на Юге. В данном случае КДП исходила из нескольких соображений, главными из которых являлись: 1) тесные отношения Ли Сын Мана с американской ВА, которой принадлежала вся административная власть на Юге; 2) невозможность союза с Коалиционным комитетом, а следовательно, и Временным правительством Ким Гу и Ким Гю Сика как идеологически неприемлемым (КДП была не согласна ни с решением земельного вопроса, предложенного Ким Гю Сиком, ни с наказанием коллаборационистов, ни с идеей создания правительства на основе переговоров Севера-Юга)¹⁸.

Второе заседание совместной советско-американской комиссии открылось в мае 1947 г. Корейские партии, а также советское и американское командование, вновь не смогли договориться по вопросу о представительстве в корейском правительстве. В такой ситуации советская делегация вносит предложение об одновременном выводе из Кореи войск США и СССР и предоставлении корейцам возможности самим решать свои проблемы. Американская сторона отказывается принять предложение и в качестве контрмеры решает передать корейский вопрос на рассмотрение в ООН. В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию о создании Временной Комиссии ООН по Корею, которой было поручено контролировать проведение выборов в обеих зонах Кореи и создание корейского правительства. СССР был против данной резолюции, в связи с чем советскому командованию на Севере Кореи был дан приказ не допускать комиссию ООН в зону своей ответственности.

Таким образом, принятое решение ООН однозначно вело к национальному разделению. Если часть правых во главе с комитетом Ли Сын Мана, КДП готовы были с ним согласиться, то левые и политический центр, представленный на то

время Коалиционным комитетом, Временным правительством, выступили категорически против. 16 февраля 1948 г. Ким Гу и Ким Гю Сик направили письма Ким Ир Сену и Ким Ду Бону с предложением назначить встречу политических лидеров Севера и Юга. На этой встрече предполагалось обсудить возможность создания единого правительства и связанную с этим программу строительства нового демократического государства. Интересно, что в этих письмах неоднократно подчеркивается необходимость предоставить возможность корейцам самим решать свои дела («нашу проблему только мы сами можем решить», «хотя наша ситуация контролируется внешними силами, тем не менее мы сами должны решать наши дела»)¹⁹.

Ким Ир Сен выразил свое согласие на организацию встречи, состоявшейся в итоге в Пхеньяне 23 апреля 1948 г. На ней присутствовали представители различных политических партий и общественных организаций как с Севера, так и с Юга (под итоговой декларацией подписалось 44 организации). Был принят манифест, в котором делались следующие заявления: 1) немедленный вывод американских и советских войск с территории Кореи; 2) представители всех партий и социальных организаций Севера и Юга Кореи обещают обеспечить полную безопасность граждан и не допустить возникновения беспорядков, гражданской войны после вывода иностранных войск; 3) создание Временного демократического правительства Кореи путем созыва представителей всех политических партий и социальных организаций Кореи; 4) проведение сепаратных выборов на юге Кореи, против которых выступают все политические и социальные организации Кореи, а также огромное число избирателей, как не выражающих народную волю, будут считаться не более чем обманом²⁰.

Однако, несмотря на выраженную оппозицию, выборы в Национальное собрание все равно состоялись 10 мая 1948 г. Ни одна левая организация не принимала участия в выборах: они либо бойкотировали выборы, либо были отстранены от участия в них. В результате большинство мест получил организованный Ли Сын Маном комитет и КДП. 15 августа было провозглашено создание Республики Корея.

В конце июня – начале июля 1948 г. в Пхеньяне вновь прошло совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Оно не признало законность сепаратных выборов и приняло решение провести на Севере и Юге Корейского полуострова выборы в единый законодательный орган – Верховное Народное Собрание (ВНС), состоявшиеся в итоге 25 августа 1948 г. На первой сессии ВНС было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики.

Проведение сепаратных выборов на Юге, не представляющих политически активное большинство, означало неспособность корейской политической элиты

того времени прийти к какому-либо взаимоприемлемому консенсусу. Отсутствие политического единства на Юге сыграло не последнюю роль в разделении страны на два независимых государства. В условиях жесткой внутривнутриполитической борьбы и сильного влияния со стороны США Ли Сын Ман и политически близкие к нему группы руководствовались скорее стремлением к власти, нежели задачей достижения национального единства. Но за разделение несет ответственность не только правое движение, не говоря уже о роли США и СССР. Даже если бы на территории Кореи не было бы советских и американских войск, смогли бы политические партии и общественные организации, хаотично образовавшиеся после освобождения по всей стране, прийти к политическому компромиссу? Скорее всего, вряд ли. Еще до 1945 г. политические силы Кореи, участвовавшие в национально-освободительной борьбе, были сильно разобщены идеологически, территориально и персонально. Они не могли договориться до 1945 г., не смогли и позже. Разделение Кореи по 38-й параллели лишь усилило существующую разобщенность.

Именно на Юге, куда, главным образом, возвращались из эмиграции националисты, лидеры правого движения, разыгралась наиболее жесткая внутривнутриполитическая борьба по вопросам будущего политического устройства Кореи. Но даже столкнувшись с реальной возможностью национального разделения, политические партии Юга не смогли выступить единым фронтом. В итоге, тот шанс, который, в принципе, им был дан после освобождения для создания единого правительства, не был использован должным образом.

Примечания

- ¹ Кан Чжон Гу. Пунданква чончжен хангук хёндеса (Современная история Кореи: разделение и война). Сеул, 2002. С. 197.
- ² Lee Chong Sik. The politics of Korean nationalism. Berkeley, 1963. P.129
- ³ Цой Сан Ён. Мигунчжонква хангукминчжокчжуй (Американская военная администрация и корейский национализм). Сеул, 2005. С. 76.
- ⁴ Lee Chong Sik. Указ. соч. С. 154.
- ⁵ Тонья ильбо. 13.08.1946 // Цит. по: Кан Чжон Гу. Указ. соч.
- ⁶ Скорее всего, это была демонстрация против режима опеки, прошедшая в Сеуле в июне 1947 г. Видимо, небольшое выступление, поскольку не встречается ни в одном тексте по истории данного периода, также нет ссылок на нее в «Хангукса ёнпхё» (Хронология корейской истории. Сеул, 2003).
- ⁷ Чжарё Тэханмингукса (Материалы по корейской истории). Сеул, 1973. Т. 5. С. 21–22.
- ⁸ Цой Сан Ён. Указ. соч. С. 77.
- ⁹ Цой Сан Ён. Указ. соч. С. 88.
- ¹⁰ Pak Chi Young. Political opposition in Korea 1945–1960. Seoul, 1980. P. 31.
- ¹¹ Там же. С. 32.

- ¹² 15 мая 1946 г. американская ВА обвинила коммунистов в выпуске фальшивых денег в здании издательства «Чжонпанса». На этом основании ВА объявила деятельность Корейской Коммунистической партии вне закона.
- ¹³ Кан Чжон Гу. Указ. соч. С. 196.
- ¹⁴ 31 октября 1945 г. Ли Сын Ман встретился с Пак Хон Ёном, лидером Коммунистической партии Кореи. Между ними состоялся диалог, интересный с точки зрения понимания политической тактики Ли Сын Мана и коммунистов в период с 1945–1948 гг. Ли Сын Ман потребовал добровольно прекратить деятельность Народной Республики и распустить сформированное ими правительство. В данном случае он руководствовался заявлениями ген.-лейт. Ходжа, не раз декларировавшего незаконность создания НР, а также отсутствием признания со стороны правительств других стран. На что Пак Хон Ён выразил полное недоумение. «Не понимаю, на каком основании вы требуете роспуска НР? Не понимаю, на каком основании вы судите, что НР выступает против американской ВА, а также почему международное сообщество не может согласиться с правительством, созданным самими корейцами? Наконец, непонятно, по какой причине существование НР мешает вам и вашей политической деятельности?» См.: Ли Хён Чжу. Чосонконсанданый кволлёкусанква чосонинминконхвагук (Осуществление власти Корейской Коммунистической партии и Корейская Народная Республика) // Journal of Korean modern and contemporary history. 2006. Vol. 36. P. 96.
- ¹⁵ Materials on Korean communism. 1945–1947 / Ed. By Lee Chong Sik. P. 4.
- ¹⁶ Pak Chi Young. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁷ Подробнее о деятельности Ли Сын Мана, роли его в национально-освободительном движении см.: Lee Chong Sik. The politics of Korean nationalism.
- ¹⁸ Pak Chi Young. Указ. соч. С. 45–46.
- ¹⁹ Письма Ким Ир Сёну и Ким Ду Бону. 16.02.1948 // Намбукхан тхонильбананый чжонгева сурём (Программы по объединению Южной и Северной Кореи в их развитии и взаимной дополняемости) / Под ред. Сим Чжи Ён. Сеул, 2001. С. 105–106.
- ²⁰ Там же. С. 109–110.

М. Г. Волков *

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПРАВОСЛАВИЯ В КОРЕЕ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ

В историографии распространено мнение, что христианство впервые проникло в Азию в форме несторианства¹. Считается доказанным, что несторианское учение было в какой-то степени распространено в Корее в эпоху Силла (при археологических раскопках в храме Пульгукса, построенном в VIII в., были найдены несторианские каменные кресты²). Однако если принять во внимание церковное предание, согласно которому в пределах Китая проповедовал один из ближайших учеников Иисуса Христа – апостол Фома, нельзя исключать, что корейцы могли узнать о Христе задолго до этого.

На протяжении многих последующих веков сведений о контактах корейцев с носителями православной христианской веры не сохранилось. Пожалуй, одним из наиболее ранних свидетельств подобного рода являются сочинения известного европейского путешественника Плано Карпини, посетившего в XIII в. Монгольское государство. В частности он отмечал, что в ставке Великого хана видел много послов, в том числе Великого князя Киевской Руси Ярослава II Всеволодовича (1195–1246 гг., занял киевский престол в 1236 г.) и князя солангов (корейцев)³. В дальнейшем российско-корейские контакты, при посредстве которых корейцы могли получать сведения о православии, были редкими, косвенными и осуществлялись в основном через Пекин. Любопытно, что территория, на которой долгое время размещалась основанная Петром I Российская духовная миссия в Пекине, первоначально на протяжении около 320 лет (с 1408 г. по 1727 г., когда был заключен Кяхтинский договор между Россией и Китаем) использовалась корейскими дипломатическими миссиями, регулярно посещавшими «Срединную империю» в период правления в Корее династии Ли. Известно также, что входивший в период с 1830 по 1840 г. в состав XI Российской духовной миссии в Пекине архимандрит Аввакум (Честной) был направлен в качестве корабельного священника на фрегат «Паллада», обследовавший прибрежные воды Корейского полуострова в 1854 г.

* *Первый департамент Азии МИД РФ, Москва.*

Миссионерская деятельность русской православной церкви среди корейцев началась в 60-е годы XIX в., когда архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов, впоследствии – митрополит Московский и Коломенский, канонизирован русской православной церковью в 1977 г.), прославившийся миссионерской деятельностью среди малочисленных народов Приамурья, крестил первых корейских переселенцев, прибывших в Южно-Уссурийский край. Принявшие православие корейцы нередко возвращались на родину и фактически становились первыми «неформальными» проповедниками православия среди своих соотечественников.

Зарождение православной церкви в Корее связано с деятельностью Российской духовной миссии. Основание миссии было во многом обусловлено усилением позиций России в Корее в конце 90-х годов XIX в. В 1884 г. Россия и Корея заключили Торговый договор, п. 2 ст. 4 которого закреплял для русских подданных «право свободного отправления богослужения»⁴. Впервые идея об открытии духовной миссии была предложена российским дипломатическим представительством в Сеуле в 1889 г. После японо-китайской войны 1894–1895 гг. к делу создания миссии подключился министр финансов С.Ю.Витте, игравший большую роль в формировании российской политики на Дальнем Востоке. По его рекомендации император Николай II дал согласие на учреждение в Корее духовной миссии, открытой на основании указа Святейшего Правительствующего Синода в июле 1897 г. В задачи миссии входило удовлетворение духовных потребностей православного населения Сеула, состоявшего в основном из российских подданных – дипломатов, военных инструкторов, учителей русской школы, а также российских корейцев-переводчиков, большинство из которых прошли курс обучения в православной миссионерской школе Южно-Уссурийского края.

Первые российские миссионеры прибыли в Корею в начале 1900 г. Начальник миссии архимандрит Хрисанф (Щетковский) отслужил первую православную Божественную Литургию на корейской земле 17 февраля 1900 г. (ст. ст.) в одной из комнат резиденции российского поверенного в делах в Сеуле А.И.Павлова. 17 апреля 1903 г. было освящено церковное здание, построенное на приобретенном ранее отдельном земельном участке, смежном с дипломатической миссией.

Первый состав миссии прослужил в Корее до начала русско-японской войны. Вскоре после знаменитого сражения в бухте Чемульпо (Инчхон) 27 января 1904 г. (ст. ст.) с участием крейсера «Варяг», оказавшего героическое сопротивление японской эскадре, о. Хрисанф и другие сотрудники духовной и дипломатической миссий были эвакуированы в Шанхай. Это событие можно рассматривать как окончание первого относительно благополучного этапа истории духовной миссии.

Поражение России в войне с Японией оказало серьезное негативное влияние на деятельность миссии. Вместе с тем, несмотря на тяжелейшие условия, период

управления миссией архимандритом Павлом (Ивановским, 1906–1912 гг.) является одним из самых плодотворных. В это время были продолжены начатые архимандритом Хрисанфом работы по переводу богослужебных книг, созданию церковного хора, открыто несколько миссионерских станом и школ в провинции. О. Павел продолжал руководить миссией и после своего отъезда из Сеула, связанного с его архиерейской хиротонией во епископа Никольск-Уссурийского, викария Владивостокской епархии.

Положение духовной миссии серьезно ухудшилось после Октябрьской революции в России 1917 г. Тогдашнему руководителю миссии архимандриту Феодосию (Перевалову, 1917–1930 гг.) с трудом удалось уберечь свое учреждение от грозившего ему закрытия из-за потери источников финансирования. В этот период миссия была вынуждена практически прекратить собственно миссионерскую деятельность среди корейцев, ограничиваясь в основном усилиями по сохранению имевшейся православной общины и пастырским окормлением русских эмигрантов. Епископ Павел активно поддерживал идею переподчинения сеульской миссии токийскому архиепископу, полагая, что новые российские власти после отделения церкви от государства будут считаться с японской миссией по политическим соображениям. К 1923 г. был завершен процесс передачи миссии в ведение токийского архиерея на основании указа Священного Синода № 1571 от 4 ноября 1921 г. (ст. ст.). В 1924 г. недвижимое имущество миссии с целью предохранения его от посягательства советского правительства, раскольнической группировки «Живая церковь», а также приведения в соответствие с японским законодательством было перерегистрировано на имя Имущественного общества Японской православной церкви.

В условиях практического отсутствия связи с Москвой миссия установила контакты с Харбинско-Маньчжурской епархией, образованной в марте 1922 г. в составе Архиерейского заграничного синода русской православной церкви. В 1931 г. в Сеул из Маньчжурии прибыл священник Александр (Чистяков), прослуживший в миссии до 1935 г. (по другим данным – до 1932 г.). Примерно в это же время (не позднее 1935 г.) в эмигрантский поселок Новина на севере Кореи прибыл присланный из той же Маньчжурии священник Иоанн (Тростянский), прослуживший в Корею до 1945 г. (о. Иоанн осуществлял свою деятельность независимо от сеульской миссии). Имеются сведения о миссионерской деятельности на севере Кореи мирянина Павла Афанасьева, в период 1915–1922 гг. служившего в духовной миссии в Сеуле⁵. Подчинившись в 1931 г. харбинскому правящему архиерею, П. Афанасьев за два года (1931–1933) привел к православию 450 корейцев, живших в Пхеньяне. Впоследствии П. Афанасьев стал иеромонахом, имел домашнюю церковь. О его деятельности в Корею после принятия сана сведений не сохранилось.

Указом патриарха Московского и всея Руси Алексия I от 27 декабря 1945 г. № 31 Российская духовная миссия в Корею была включена в состав образованного в

пределах Маньчжурии и Кореи митрополичьего округа с присвоением митрополиту титула Харбинский и Восточно-Азиатский. Патриаршим указом от 11 июня 1946 г. № 664 митрополичий округ был преобразован в Восточноазиатский экзархат, который просуществовал до 1954 г. Согласно докладной записке председателя Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпова на имя заместителя председателя Совета Министров К. Е. Ворошилова «О заграничной работе русской православной церкви по состоянию на 1 мая 1948 г.», датированной 9 мая 1948 г., в состав Восточноазиатского экзархата входили 3 прихода в Северной и Южной Корее⁶.

Последним настоятелем Российской духовной миссии в Сеуле был архимандрит Поликарп (Приймак, 1936–1949 или 1932–1947 гг.). В июне 1949 г. (по другим данным – в 1947 г.) он был арестован и выслан из Южной Кореи. Полная картина этих событий до сих пор до конца не выяснена. Есть основания предполагать, что причины преследований о. Поликарпа южнокорейскими и американскими властями носили политический характер. Нельзя также исключать, что о. Поликарп сам отчасти спровоцировал эти преследования. Так, в частности известно, что настоятель миссии после ухода из Сеула японцев не скрывал своих симпатий к СССР, вывесил на крыше церковного храма красный флаг, а в январе 1949 г. принял советское гражданство.

К концу 1940-х годов единственным православным священником на территории Юга оставался о. Алексей Ким Ый Хан. Вся его жизнь была связана с миссией. Здесь он учился в 1907–1912 гг., принял крещение (в 1908 г.) и поступил на службу псаломщиком сначала в стан в селении Коха (1914 г.), а затем в сеульский храм. О. Алексей был предан миссии, не оставив ее даже в самые трудные послереволюционные годы. После смерти священника Луки Ким Хи Чжуна (1929 г.) о. Алексей оставался единственным клириком миссии из числа корейцев. В июле 1950 г. он был арестован вошедшими в Сеул северокорейцами. Дальнейшая судьба о. Алексия неизвестна. Корейские православные христиане с благоговением относятся к памяти о. Алексия. В феврале 2000 г. ему был открыт памятник на православном кладбище в окрестностях Сеула. Мученичеством о. Алексия увенчался второй этап истории православия в Корею (примечательно, что окончание первого этапа также было отмечено кровью, пролитой героями «Варяга», подавляющее большинство которых были православными).

В годы Корейской войны (1950–1953 гг.) богослужения для корейской православной общины совершали священники греческого воинского контингента, принимавшего участие в войне на стороне Юга в составе войск ООН. После войны в условиях отсутствия дипломатических отношений РК с СССР и Японией и на фоне укрепления связей с союзной Грецией местная православная община в декабре 1955 г. обратилась за поддержкой в Константинополь, который принял решение о

присоединении Православной церкви в Корею к Вселенскому Патриархату, структурно подчинив православные корейские приходы архиепископу Северной и Южной Америки.

В июле – августе 1957 г. Южную Корею в качестве спецпосланника Вселенского патриарха посетил архиепископ Фиатирский и Великобританский Афинагор. В ходе встречи с тогдашним президентом РК Ли Сын Маном он официально поставил вопрос об отмене решения правительства РК о национализации церковного имущества как принадлежащего бывшему врагу – Японии. Окончательному урегулированию этой проблемы способствовал визит в РК в 1962 г. экзарха Вселенского Патриархата в Корею, архиепископа Северной и Южной Америки Иакова, после которого власти РК официально передали «в дар» (фактически же в качестве компенсации за национализированную собственность) участок земли в сеульском районе Мапхо. На нем в конце 1960-х годов прошлого столетия был построен новый храм св. Николая, впоследствии ставший кафедральным собором вновь созданной корейской митрополии.

С 1970 г. православные приходы в РК перешли под управление митрополита Новозеландского Дионисия (Вселенский Патриархат). В 1975 г. в Сеул для пастырского служения прибыл клирик Вселенского Патриархата архимандрит Сотирий (Трамбас). В 1993 г. он был хиротонисан в сан епископа Зелонского, викария Новозеландской митрополии и фактически осуществлял управление созданным в рамках Вселенского Патриархата Корейским экзархатом.

В период с начал 1980-х годов в Южной Корею были построены и освящены новые православные храмы: преподобного Максима Грека в Сеуле, Благовещения Пресвятой Богородицы в Пусане, Апостола Павла в Инчхоне, Успения в Чонджу, Апостола Андрея Первозванного в селении Паланни, святого благоверного князя Бориса в Чхунчхоне. В 1988 г. в пригороде Сеула в уезде Капхён был освящен Преображенский православный монастырь.

В 2000 г. в РК был торжественно отмечен столетний юбилей православия в Корею. В мероприятиях, посвященных этой знаменательной дате, приняли участие православные иерархи, в том числе Вселенский патриарх Варфоломей и представлявший русскую православную церковь архиепископ Калужский и Боровский Климент. Вскоре вслед за этим Московский патриархат командировал в РК в ведение епископа Сотирия иеромонаха Феофана (Кима) для духовного окормления русскоговорящих верующих, число которых с начала 1990-х годов, после нормализации отношений между СССР и Южной Кореей, значительно увеличилось. Для них регулярно совершаются богослужения на церковно-славянском языке в отдельном храме (преп. Максима Грека). Здесь находятся завезенные российскими миссионерами богослужебные книги, церковная утварь, иконостас и другие реликвии, бережно сохраненные православными корейцами, несмотря на все испытания и гонения, а

также устроена витрина, где хранятся облачения праведного Иоанна Кронштадтского, присланные великим российским пастырем в благословение первым миссионерам. Из других святынь местной церкви необходимо упомянуть Тихвинскую икону Божией Матери, написанную специально для миссии иноками православного русского Свято-Пантелеймонова монастыря на горе Афон, а также икону преподобного Серафима Саровского, освященную на его мощах в день их открытия летом 1903 г. Богослужения для русскоговорящих прихожан совершаются также в Благовещенском храме Пусана. Постоянное количество русскоговорящих прихожан на воскресных и праздничных богослужениях в Сеуле составляет около 40–50 человек. Небольшое количество русскоговорящих прихожан имеется также в Пусане, Чхунчхоне и других городах.

В настоящее время клир православной церкви в Корею помимо митрополита Сотирия (Трамбаса) образуют викарий Корейской митрополии епископ Зелонский Амвросий (Зографос), о. Феофан, а также настоятель храма св. Николая в Сеуле о. Антоний У Чжон Хён, старейший (по дате рукоположения) на сегодняшний день священник из числа корейцев о. Даниил На Чхан Гю, являющийся настоятелем храма Апостола Павла в Инчхоне, и несколько других корейских священников. Кроме того, в богослужениях принимают участие православные священники из США, регулярно направляемые (обычно сроком на один год) для удовлетворения духовных нужд христиан в составе дислоцированного в РК американского воинского контингента, а также священники из Румынии.

В апреле 2004 г. Вселенским Патриархатом принято решение о преобразовании Корейского экзархата в Корейскую митрополию с возведением епископа Сотирия в сан митрополита Корейского. Владыка Сотирий совершил несколько поездок на Север, встречался с руководством Православного комитета Общества верующих КНДР, совершил богослужение во вновь построенном в Пхеньяне при содействии русской православной церкви храме Живоначальной Троицы. Южнокорейская православная община передала безвозмездно на нужды пхеньянского храма строительные материалы, кран, электрогенератор и другое оборудование.

По случаю 50-летия присоединения Православной церкви в Корею к Вселенскому патриархату Южную Корею в июне 2005 г. посетил Вселенский патриарх Варфоломей. Он имел встречу с президентом РК Но Му Хёном, освятил новый православный храм в городе Ульсане, где проживают несколько сотен румынских рабочих-контрактников, а также принял участие в открытии Православного дома милосердия в городе Чхунчхоне.

В 2002 г. во время пребывания в России председатель Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Ир выразил желание построить в Пхеньяне православный храм. В феврале 2003 г. Москву посетила делегация Совета Общества верующих КНДР во главе с его председателем Чан Чжэ Оном. По результатам

визита в составе Общества был образован Православный комитет, председателем которого стал Хо Ир Чжин.

С апреля 2003 г. по июль 2005 г. четыре студента из КНДР проходили обучение в Московской духовной семинарии. Два студента указанной семинарии, в свою очередь, в декабре 2004 г. окончили курс обучения корейскому языку в Университете имени Ким Ир Сена в Пхеньяне. В мае 2005 г. по благословению патриарха Московского и всея Руси Алексия епископом Егорьевским Марком в Москве были совершены диаконские хиротонии двух студентов Московской духовной семинарии – Феодора Кима и Иоанна Ра.

В сентябре 2005 г. Москву посетила делегация Православного комитета и Общества верующих КНДР. 6 сентября члены делегации приняли участие в патриаршем богослужении в Успенском соборе Московского Кремля. На богослужении также присутствовали посол КНДР в Москве Пак Ы Чун и сотрудники Посольства.

В августе 2006 г. состоялся визит в КНДР делегации русской православной церкви во главе с председателем Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом. 13 августа митрополит Кирилл в сослужении нескольких архиереев совершил освящение храма Живоначальной Троицы в Пхеньяне. На освящении присутствовали заместитель председателя Кабинета министров КНДР Квак Пом Ги, посол России в КНДР А.Г. Карлов, представители дипкорпуса, сотрудники аккредитованных в Пхеньяне международных организаций. Русская Православная Церковь изготовила в дар для храма в Пхеньяне колокола, иконостас и необходимую богослужебную утварь. В дар Православному комитету КНДР была передана необходимая для его деятельности техника. В помощь корейскому народу, пострадавшему от разрушительных наводнений, в дар от русской православной церкви передана партия медикаментов. В дни визита митрополит Кирилл рукоположил диаконов Феодора Кима и Иоанна Ра в сан священника.

Члены делегации русской православной церкви нанесли визит председателю Президиума Верховного Народного Собрания КНДР Ким Ён Наму и вручили ему послание патриарха Алексия на имя Ким Чен Ира, в котором предстоятель Русской Православной Церкви поблагодарил руководителя КНДР за принятое им решение о строительстве в Пхеньяне православного храма – символа российско-корейской дружбы. Были обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества и укрепления взаимодействия Московского патриархата с северокорейскими верующими и общественными кругами страны.

В настоящее время Пхеньян регулярно посещают архиереи и священники русской православной церкви для совместного служения с корейскими клириками. Для священников из КНДР планируется организация богослужебных практик во Владивостоке и других городах России.

Православная церковь на сегодняшний день занимает хотя и скромное, но прочное место в корейском обществе. Есть все основания предполагать, что дальнейшее развитие связей и контактов с РК и КНДР по линии поместных православных церквей, а также светских организаций государств с традиционным преобладанием православного населения будет способствовать росту интереса к православию со стороны местного населения.

Примечания

- ¹ Несторианство – течение в христианстве. Основано в Византии константинопольским патриархом Несторием (428–431), утверждавшим, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии стал Сыном Божиим (Мессией). Осуждено как ересь на III Вселенском Соборе в Эфесе в 431 г.
- ² *Накамура М.* Влияние христианства на корейское общество: Пер. с англ. // Вопросы истории Кореи: Сборник статей. С.-Пб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С. 29.
- ³ В ставке хана великий князь Ярослав мог встретиться с ваном Коджоном, правившим в Корё в 1213–1259 гг. Любопытное совпадение: последним реально правившим корейским монархом, при котором была основана Российская духовная миссия в Сеуле, был также Коджон.
- ⁴ АВПРИ. Ф. Японский стол. Д. 214. Л. 8 об. Рус. яз., копия, литография.
- ⁵ *Священник Дионисий Поздняев.* К истории Российской духовной миссии в Корею // История Российской духовной миссии в Корею: Сборник статей. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1999. С. 357–358.
- ⁶ *Фомин С.* Божией милостью архиерей Русской Церкви: Три жизни митрополита Нестора Камчатского. М.: Изд-во «Правило веры», 2002. С. 486–487.

В. Н. Дмитриева *

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Наш мир различен и един,
вершит свой вечный путь.

Уильям Вордсворт (англ. поэт XVII в.)

Каждая цивилизация и каждая национальная культура уникальны и характеризуются только им присущими особенностями. Национальный язык является основным отличием этнической культуры, и наряду с этим – своеобразным зеркалом этой культуры, а благодаря кумулятивной функции языка – «всенародным хранилищем» национальных ценностей духовной культуры и национального менталитета.

Известно, что нужда в «постороннем» начале при построении культуры характерна для многих народов¹. Корея входит в ареал Дальневосточной цивилизации, которую считают древнейшей сохранившейся цивилизацией на земном шаре, сохранившей свою духовную культуру до наших дней. Основой этой цивилизации была древнекитайская культура, где наряду с древнекитайской натурфилософией образовалось сочетание разных культурно-философских учений: конфуцианства, буддизма и даосизма.

Отличительной особенностью корейской этнической культуры, сформировавшейся под влиянием древней китайской культуры и иероглифической письменности, считается своеобразный синкретизм древних местных народных верований в разных духах природы, шаманизма и заимствованных из Китая духовных ценностей. Исследователи корейской культуры считают, что и современная национальная культура обращена в прошлое, не утратил своего значения и шаманизм.

Духовная культура – это область разума, мышления и сознания. И кроме того, – это мифы, сказания, религия, философия, идеология, литература и другие области, связанные с мышлением и сознанием.

Этнопсихоллингвистика опирается на исследования специфики мышления народов, принадлежащих к разным языковым группам, и на результаты социоллингвистических исследований.

Знакомство с культурой стран Дальнего Востока открывает перед исследователями дверь в иной мир системы логических построений, отличающихся от привычных для европейца логических категорий и духовных ценностей. Если духовную культуру корейского общества характеризовать кратко, то можно сказать, что Корея – страна традиций, ритуалов, символов, мифов и конфуцианских духовных ценностей.

Основанная на конфуцианских устоях дальневосточная цивилизация, к которой относится и Корея, в высшей степени традиционна, здесь сохраняются особые формы корпоративности и групповой идентичности.

С первых своих шагов ребенок попадает в некую обстановку, которая влияет на формирование его национальной культуры. Через родственников он воспринимает нравственные понятия, нормы поведения, эстетические представления. Общество, в котором он живет, создает «этномосферу» с его национальной спецификой.

Всякая культура имеет специфические черты, которые придают ей национальный колорит. Стереотип речевого и неречевого поведения – историческая категория национальной культуры. Он формируется не только на основе естественных коммуникативных неречевых и речевых актов. Согласно культурно-исторической теории Л. С. Выготского, в психологии различаются два плана поведения человека – натуральный и культурный. Они обусловлены особым развитием национальной культуры общества. Так, например, традиционная культура «заставляет» каждого корейца постоянно управлять собственным речевым и неречевым поведением. Корейская речь отличается особыми лексемами и формами предикативности, фиксирующими этнические нормы поведения участников разговорного процесса.

Этикет вообще играет важную роль в жизни корейского общества. Несоблюдение этикета может создать определенные трудности при контактах иностранцев с корейцами. Речевой этикет – одна из самых сложных категорий в корейском языке, что признают и корейские лингвисты. Так, например, в современном языке насчитывается 14 форм обращений к другому лицу, используемых в зависимости от статуса того, к кому обращаются, и от статуса того, кто обращается к собеседнику.

Вопрос речевого этикета является одним из самых актуальных в корейской духовной культуре. Иностранец, имеющий деловые или общекультурные контакты с корейскими партнерами, должен иметь четкие представления об этой стороне жизни корейского общества.

Каждый язык эквивалентен определенной системе специфического видения и понимания мира у данной нации, что может отражать определенную точку зрения

* МГИМО (У) МИД РФ, Москва.

данного народа на реальную действительность. Поэтому информация об окружающем нас мире у представителей разных культур может восприниматься по-разному. Концептуальная картина мира сложнее и богаче языковой картины мира. Это объясняется тем, что она создается разными типами мышления.

Каждый конкретный язык – это самобытная система, которая накладывает свой отпечаток на его «творцов». Важной составляющей концептуальной картины мира является психологическое и национально-культурное многообразие народов нашей планеты.

В последнее время много говорится о сложностях межкультурной речевой коммуникации. Нередко участники такой коммуникации «наталкиваются» на какой-то предел понимания. Это происходит, когда исключается из поля зрения такой основополагающий компонент, как особый склад мышления, национальная логика восприятия мира и иных ценностей, оценки происходящих событий. Кроме того, сложности понимания аргументации собеседников о конкретных явлениях могут возникнуть и в тех случаях, когда произносятся те же слова, формулы, а мыслятся за этими фразами весьма разное понимание.

Представитель другой нации может воспринимать мир иначе, чем мы. Необходимо принимать во внимание национально-историческую систему понятий и ценностей другого народа. Могут отличаться сами представления и не совпадать оценки.

Переводчикам известно, что двуязычная коммуникативная компетенция представителей разных национальных культур, например, культур Запада и Дальнего Востока, определяется не только знанием лексики и грамматической системы иностранного языка. Важное значение имеют фоновые знания, и особенно – знания речевого и даже неречевого поведения собеседников, логики изложения мысли, иного менталитета, в том числе и духовных ценностей представителей иноязычной культуры. Лингвострановедческий анализ иноязычного текста предполагает рассмотрение лексико-грамматических единиц с учетом национально-исторической системы понятий другого народа. И если не принимать во внимание склад мышления нации, национальной логики восприятия мира и его оценки, может возникнуть полное непонимание или мнимое взаимопонимание. Знания сами по себе еще не гарантируют взаимопонимание.

Образ мышления современного корейца «окрашен национальным колоритом»², основой которого являются многовековые религиозно-философские традиции.

Проблемы глобализации широко обсуждаются во всем мире, на разных конференциях и в СМИ, издаются монографии и сборники по этой теме. Эти проблемы XXI в. волнуют также ученых и деятелей культуры разных стран.

Глобализация в современном мире воспринимается по-разному. Ясно одно – мир становится более жестким, на всех направлениях главенствует принцип выго-

ды, который обычно называют прагматизмом. Выживание в новых условиях – главное направление внешней политики многих стран. Нормой мировой политики стала борьба партнеров за высокий рейтинг, а культурные различия стран игнорируются. Некоторые аналитики называют этот период эрой свободного маневра, другие – эпохой прагматизма, эпохой «реактивной» политики. Прагматическим интересом многих стран является национальная безопасность и устойчивость существующей системы.

Предметом серьезного анализа является мировоззренческий выбор общества в разных регионах нашей планеты. Модель развития в разных цивилизациях имеет свои особенности, а «гармония» социального развития трактуется по-разному. Система политических союзов накладывает на страны определенные обязательства.

Республика Корея стремится развиваться как часть международного сообщества. При этом, как считают некоторые аналитики, она руководствуется наставлениями Конфуция. «Благородный муж знает о своем превосходстве, но избегает соперничества. Он ладит со всеми, но ни с кем не вступает в сговор»³. В отношениях с остальным миром Корея будет длительное время использовать двойной стандарт – одна информация для внешнего мира, а другая – для внутреннего потребления⁴.

У корейской нации наблюдается поразительная способность к адаптации в новых жизненных условиях и удивительная способность синкретического восприятия чужих культурных, духовных и других достижений, что придает современной корейской культуре неповторимый, и в какой-то степени уникальный характер.

Фактически корейская культура и традиционный жизненный уклад современного корейского общества базируются на «многослойном» мировоззрении, где переплелись как местные этнические верования и традиции, так и заимствования верований и ценностей, достижений из других стран.

Совершенствование системы общественных институтов, активное освоение информационных технологий и широкое внедрение технологических новаций в жизнь свидетельствуют об активной вовлеченности Республики Корея в процесс глобализации.

Некоторые российские аналитики считают, что «РК в максимальной степени использует все выгоды, вытекающие из нынешней глобализации»⁵. При этом отмечается, что глобализация понимается не как утверждение однополярного мира, а как объективный процесс интернационализации социальной, моральной и даже культурной жизни общества.

Вопрос о глобализации мирового экономического и политического развития, по мнению учёных⁶, рассматривается как интеллектуальный вызов человечеству. В дискурсе «глобализация» присутствуют разные точки зрения, что можно объяснить

многовариантностью понимания этого слова и «многоосмысленностью» самого явления в мире.

В лингвистике значение слова понимается как образовавшаяся связь между звучанием слова и отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании. Мысль о предмете или явлении, выделяющая в нем общие и наиболее существенные признаки, т.е. понятие, соотносится с реалией.

Лингвистам известно, что между словом и реалией нет прямой корреляции, в соотношении участвует третий компонент – понятие: слово – понятие – реалия⁷. В этой триаде «понятие» может изменяться, тогда слова приобретают новые семантические значения.

Понятие отражает существенно общее, характеризующее предмет или явление, и отражает отличие любого предмета или явления от всего другого и закрепляется в слове.

Научные понятия отражают существенные и необходимые признаки, а слова, выражающие их, являются научными терминами.

В истории философии выявились расхождения в характеристике «понятия» – одни считают, что «понятия» объективны по своему содержанию, а другие – что «понятие» есть спонтанно возникающая мыслительная сущность, абсолютно независимая от объективной реальности.

«Понятие» включает в себе возможность дальнейшего развития на разных этапах истории.

«Понятие» в формальной логике – элементарная единица мыслительной деятельности, обладающая известной целостностью и устойчивостью, взята в отвлечении от словесного выражения этой деятельности. Вокруг определений «глобализации» происходили дискуссии среди представителей разных государств Запада. Культурологическое направление рассматривало глобализацию в широком цивилизационном аспекте. Экономическое направление – в контексте мировых рынков товаров, услуг, капиталов, труда. Экологическое направление – в контексте ухудшения экологической ситуации на нашей планете. Комплексный подход к глобализации охватывает все перечисленные направления, а также политический, информационный аспекты, проблемы борьбы с международной преступностью и бедностью.

Разное восприятие тех или иных сторон окружающего нас мира осложняется различиями в определенных понятиях. В качестве примера такого расхождения в картине мира может служить архетип «мир» в значении «земной шар» (от *лат.* *globus*). В русском языке слово «мир» означает также: «люди, население земного шара». Кроме того, есть и другие понятия этого слова. Здесь архетип понимается как коллективное представление, сформированное определенной духовной традицией, как тип национального мышления.

В корейском языке с русским словом «мир» соотносятся два разных слова: 1) *сеге* – два слога китайского происхождения: «мир людей», «общество» и «сфера», «мир» «круги»; 2) *чигу* – тоже два слога китайского происхождения: «земля», «место» и «шар», «мяч», «Земля».

Иероглифы, обозначающие эти понятия: 1) в китайском языке читаются «*шицзе*», а в японском – «*секай*»; 2) в китайском – «*дицю*», в японском – «*тикю*». О том, что за словом «глобализация» в разных языках закреплены разные понятия, «говорят» разные слова в странах Дальнего Востока: по-китайски образовано новое слово путем калькирования: «*цюаньцюхуа*», где первый иероглиф означает «весь», второй – «шар», а третий соответствует русскому слогу: «ция» («процесс»). Корейское чтение китайских иероглифов: «*чонгухва*». В японском языке понятие «глобализация» дается в транскрибировании английского слова *Globalization* японской азбукой и по-русски звучит как «*гуробаризэсэн*», где с трудом угадывается русское слово «глобус». А в корейском языке это же понятие «глобализация» передается иероглифическим словом «*сегахва*», образованным от китайского иероглифа «*сеге*» – «мир», «вселенная». Как видим, японцы не стали искать соответствий в своем языке, а ввели новое понятие в качестве чужеземного слова, отграничив его от национальной лексики.

В корейском языке понятие «*сегахва*» – «глобализация» появилось в печатных изданиях в последние десятилетия прошлого века. Однако от слова «*сеге*» – «мир» еще раньше были образованы другие слова, например: широко известное слово с негативной коннотацией «*сегечжуй*» – «космополитизм». В северном варианте корейского языка в Толковом словаре (Чосоно тэсачжон) 1981 г.⁸ в словарной статье «*сегечжуй*» говорится о том, что «это понятие свидетельствует о реакционной теории, где отвергается национальное самоопределение, а родиной народа провозглашается весь мир».

В двуязычных словарях до последнего времени не было слова «*сегахва*», были только производные слова от «*сеге*» – «мир». Например: «*сегечжуй*» переводится словом «космополитизм».

Слово «*сегахва*», которое сейчас обычно переводится словом «глобализация», впервые было внесено в Большой толковый словарь нормативного (литературного) корейского языка изд. 1999 г.⁹ где дается интерпретация «*сегахва*» как: «понимание и восприятие стран мира, понимание «*чихянь*» – «направления» традиционных культур». При этом подчеркивается, что существуют разные точки зрения на понимание этого слова. В качестве примера приводятся производные слова и словосочетания: «*сегахва-хада*» – «глобализировать», «*квахак сегахва*» – «глобализация науки».

В словарной статье «*сегечжуй*» дается новое понятие этого слова: «*глобализм* – означает такое самосознание и свой образ индивидуальности, когда чело-

век ощущает себя вне пределов государства и нации, а считает себя членом мирового общества». Здесь ставится знак равенства между словами «*сегечжужыча*» и «*сегейн*» – «сторонник глобализма» и «человек мира», «человек, впитавший в себя идеи глобализма». В этой же словарной статье дается юридическое обоснование порицания (наказания?) действий, «когда нарушается международный общественный порядок или когда выступают против общего дела многих стран, а также совершают преступление, унижающее достоинство человека; существует правило (принцип) применения уголовного кодекса по законам своей страны».

На рубеже XXI в. в научный оборот вошло понятие «международный имидж»¹⁰, хотя в этом словосочетании может скрываться различный смысл в зависимости от конкретной ситуации.

Имидж – это образ страны, города или какого-либо общественного деятеля, политика, возникающий спонтанно в процессе ознакомления со страной или чьей-либо деятельностью. Международный имидж – это комплекс представлений о стране, городе или о политике, целенаправленно формируемых для каких-либо внутренних или внешнеполитических задач. Поэтому у одной страны может быть несколько имиджей: один для «внутреннего использования», а другой – для международного. Такие имиджи создаются для конкретной цели и рассчитаны на конкретную аудиторию.

В Республике Корея придается большое значение роли исторического и национально-культурного образа страны в процессе воспитания подрастающего поколения. Содержание школьных учебников нацелено на воспитание патриотизма у молодежи. В качестве примера можно привести учебник «*Тоттонхан хангугин*» – «Кореец с чувством собственного достоинства», который много раз переиздавался с 1986 г.¹¹ На обложке – национальный цветок Кореи «*мугунхва*» – гибискус, символ вечности и стойкости корейской нации. На первой странице – государственный флаг «*тхэгыкки*» (мировоззренческий символ этнической культуры Кореи) и текст клятвы корейцев перед этим флагом:

«Перед флагом *тхэгыкки*, которым я горжусь, клянусь быть преданным гражданином отечества и отдать всего себя, и душу и тело вечной славе нашей нации»¹².

На следующих страницах: портрет вана Сечжона и других великих деятелей Кореи. В конце учебника текст и ноты государственного гимна РК «*эгукка*». Заключительная фраза последнего текста, которой заканчивается учебник:

«Объединенный Корейский полуостров как одно из главных действующих лиц истории возглавит Азиатско-Тихоокеанскую эпоху»¹³.

В публикациях и выступлениях политиков и общественных деятелей Республики Корея неоднократно отмечалось, что жизнь состоит из вызовов и ответов на них, так как мир в нашу эпоху стремительно меняется и Корея сталкивается с глобальным вызовом со всех направлений. Президент Ким Дэ Чжун в инаугураци-

онной речи выдвинул амбициозный тезис: «Наша энергия должна быть направлена на глобализацию корейской культуры в целом»¹⁴. В этом призыве к корейскому народу можно увидеть не только ответ на вызовы глобализации, но и стремление создать определенный образ своей страны на международном пространстве.

С наступлением эпохи глобализации на корейскую молодежь стала оказывать влияние западная, в основном американская, культура. В РК начали раздаваться голоса об угрозе традиционной культуре, утрате национальных ценностей. И такое беспокойство корейской общественности не кажется случайным, не имеющим серьезного обоснования.

История человечества знает немало примеров навязывания народу культуры другой нации, другой цивилизации; сознательного, целенаправленного регулирования духовной жизни, навязывания чуждых ценностей и правил общения. Так, в начале XX в. Япония под флагом идеи «Великой восточноазиатской сферы сотрудничества» насаждала на Корейском полуострове «японский дух»: были проведены реформы школьного образования, в результате усилился идеологический прессинг на подрастающее поколение. Колонизаторы понимали, что школа не только учит грамоте, наукам, но и формирует душу человека, его мировоззрение.

В наше время в РК придается большое значение системе школьного образования, воспитанию нового поколения в духе традиционных национальных ценностей и бережного отношения к национальным традициям.

На вызовы глобализации в области культуры в Республике Корея откликнулась Национальная академия корейского языка, выпустив в свет в 2002 г. фундаментальный труд, посвященный этнической культуре Кореи, – «Путеводитель по нашей культуре» (233 элемента традиционной культуры, которые обязательно должен знать каждый кореец)». Число 233 отнюдь не случайно, оно соотносится с символической для корейцев «исторической» датой – 2333 г. до н.э., которая в сознании каждого корейца ассоциируется с мифом о древнем корейском государстве *Чосон* и его правителе Тангуне.

В предисловии говорится о том, что в быстро меняющейся жизни современный человек утрачивает свою идентичность и испытывает чувство растерянности. Чтобы преодолеть такой дискомфорт многие граждане страны проявляют интерес к культурному наследию своих предков. Если XX в. называли веком науки, то XXI в. называют веком культуры. Ценности национальной культуры будут расти. «Волны больших перемен, которые называют “волнами информатики” и глобализации, могут стать прекрасным шансом для широкого распространения нашей культуры»¹⁵.

Эту книгу (479 страниц) можно назвать энциклопедией этнической культуры корейской нации. Она делится на 7 разделов: питание, одежда, жилище, обряды и традиции, народные верования и мифы, развлечения и музыкальные инструменты, символы Кореи. В ней 474 словарных статьи с фотографиями и рисунками.

Символами Кореи объявляются: государственный гимн *эгукка*, *тхэгык* – красно-синий круг, символизирующий происхождение космоса и две главные силы вселенной *янь* и *ым*, государственный флаг *тхэгыкки*, цветок *мугунхва*, национальный символ пернатых Кореи – птица сорока, символ здоровья – лекарственное растение женьшень, собака породы *чиндоккэ*. В основу этой книги легли 30 книг разных авторов, изданных в 1980–1990-е годы.

Глобализация корейской культуры в самом широком смысле проводится за пределами Корейского полуострова более 10 лет. Особенно большой вклад в эту деятельность вносят Департамент политики культуры при Министерстве культуры и туризма РК, Национальная академия корейского языка, Фонд соотечественников за границей (ДСЗ) при Министерстве иностранных дел и торговли РК, Министерство образования РК.

Для осуществления поставленной задачи с 2000 г. работает комиссия «Глобализация корейского языка» и издаются учебники для зарубежных школ. На иностранных языках издаются произведения корейских писателей, журнал «Кореана – корейское искусство и культура». Проводятся международные кинофестивали, концерты корейской музыки, конкурсы эссе о Корее и др. мероприятия, создающие комплекс представлений о стране и ее культуре. Это можно рассматривать как способ формирования и репрезентации международного имиджа Республики Корея и ее культуры.

В РК для иностранцев издаются разные справочники, где можно узнать некоторые сведения о философии, менталитете корейцев. В одном из них в разделе «Современная мысль» подчеркивается, что попытка разобраться в современной философии Кореи – задача рискованная, потому что не существует четкой границы, отделяющей мышление современного корейца от мышления его предшественников, а именно: образ его мышления «окрашен национальным колоритом», основой которого являются многовековые религиозно-философские традиции буддизма, даосизма и особенно конфуцианства. И даже в тяжелые годы колониального господства борцы движения за национальную независимость способствовали воспитанию в людях национального самосознания. Основоположник корейского языкознания Чу Си Гён и его последователи Чхве Хён Бэ и др. видели в родном языке средство воспитания национального духа и самосознания. Ученые лингвисты придавали большое значение чувству собственного национального достоинства.

«Чтобы найти новую философию, которая осветила бы путь в прекрасное будущее, необходим внимательный взгляд в прошлое».

Изучая культуру и жизнь современного общества Корейского полуострова, можно убедиться в справедливости вышеприведенного мнения. И в связи с этим уместно сослаться на мнение академика Д. С. Лихачёва о важности знаний своей культуры и истории. «Память и значение прошлого наполняют мир. Если мы не

видим за всем тем, что нас окружает, прошлого, то значит – слепы и глупы и не видим ничего».

Корея гордится своей традиционной культурой. Несмотря на многовековое влияние культуры великого соседа, корейцы сохранили свою самобытность, об этом часто говорят и ученые, и политики. Корейскому народу дарована способность защищать и сохранять себя. «Из всех народов, живших рядом с Китаем, только корейцы не были ассимилированы... Это чудо, что наш народ выжил, сохранил свою уникальную культуру, несмотря на то что две тысячи лет подвергался угрозам и вооруженным нападениям», – отметил президент Ким Дэ Чжун в своей книге «Новое Начало»¹⁶.

Политологи и ученые, рассматривающие концепцию будущего мироустройства нашей планеты, считают создание Единого мира в качестве конечного результата развития тенденции глобализации мировой экономики и персонализации международных отношений. Такое развитие процесса глобализации, как можно предположить, неизбежно ведет к подчинению национальных концепций развития общества и внешнеполитических доктрин, местных законов задачам создания новых законов стран «Единого мира». При этом национальная культура, национальные обычаи, местные жизненные устои, видимо, не принимаются во внимание или рассматриваются как второстепенные факторы. В связи с таким подходом к социально-культурной проблематике, возможно, будет полезно напомнить высказывание великого мыслителя эпохи Возрождения: «Весьма сомнительно, может ли изменение действующего закона, каков бы он ни был, принести столь очевидную пользу, чтобы перевесить то зло, которое возникает, если его потревожить: ведь государство можно в некоторых отношениях уподобить строению, сложенному из отдельных, связанных между собой частей, вследствие чего нельзя хоть немного поколебать даже одну среди них без того, чтобы это не отразилось на целом»¹⁷.

Примечания

¹ Лихачёв Д.С., Самвелян Н.Г Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М.1988.

² Корея. Справочник. Сеул. 1993.

³ Габрусенко Т.В. Эти непонятные корейцы М. 2003.

⁴ Там же.

⁵ Ким К.Е. Глобализация и институты трудового права РК // Корейский полуостров и вызовы глобализации. ИВД РАН М. 2006.

⁶ Михеев В.В. Глобализация и Азиатский регионализм. Вызовы для России. ИДВ РАН.М.2001..

⁷ Веденина Л.Г. Этнокультурное пространство семьи в ракурсе лингвострановедения // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. Второй межвузовский семинар по лингвострановедению. ч.2. МГИМО (У) МИД России. М.2005.

⁸ Хёндэ *чосонмал сачжон*. Толковый словарь современного корейского языка. Пхеньян изд. 2. 1981.(на кор. яз.)

⁹ Пхёчжун куго тэсачжон. Сеул. 1999.(на кор.яз.)

¹⁰ См.: Глумов Э.А. Международный имидж. М. 2003.

¹¹ Тоттонхан хангутин – кореец с чувством собственного достоинства (на кор. яз.). Сеул, 1991.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Ким Дэ Чжун. Новое начало. М. 1998.

¹⁵ Ури мунхва киллачаби, хангутини ккок араяхал чонтхонь мунхва 233 качжи. Путеводитель по нашей культуре. 233 темы традиционной культуры, которую должен знать каждый кореец. Сеул. 2002.

¹⁶ Ким Дэ Чжун. Указ. соч.

¹⁷ Монтень М. Опыты. М-Л., 1960. Кн. I. Изд. 3-е.

Л. Д. Подгорная*

Современная система высшего образования Республики Корея: проблемы глобализации и стратегии развития

Одной из комплексных и социально значимых проблем, требующих долгосрочных и объемных капиталовложений, считается развитие системы образования. Опыт решения данных проблем в Республике Корея может быть интересен для современных россиян.

Государственная политика в сфере образования

Вся история развития Кореи как государства сложилась таким образом, что она представляет собой страну, где **совершенствование государственного регулирования** является основой, фундаментом развития общества в целом и стержневым вопросом её экономического развития. Успехи последних трех десятилетий, несмотря на проблемы, ошибки и просчеты этого исторического периода, являются ярким подтверждением данного тезиса.

Национальная экономическая структура Республики Корея представляет собой соединение двух столпов экономической структуры – государства и частного бизнеса. Как отмечают ведущие ученые, занимающиеся изучением проблем государственного регулирования южнокорейской экономики, встроенность государства в экономическую структуру страны очень велика. Не составляет исключения и национальная система образования Республики Корея, поскольку в ней представлены оба блока образовательных услуг, имеющие как государственную, так и частную основу, которые ведут параллельное и взаимодополняющее существование. Однако необходимо отметить, что формирование образовательной политики, определение общих принципов и стандартов образовательного процесса остается прерогативой государства.

Главной государственной организацией, ответственной за формирование и претворение в жизнь единой образовательной политики, является Министерство образования. В провинциях и городах с особым статусом созданы советы по делам

* Международная Академия Бизнеса и Управления (МАБиУ), Москва.

образования, которые функционируют как представительные органы. Эти советы имеют своих представителей в каждом уезде и городе, отвечающих на местах за деятельность начальных и средних школ. Правительство дает им рекомендации по основным направлениям политики в области образования и оказывает финансовую помощь¹.

Система образования Республики Корея – достаточно сложная и разветвленная система. Она включает в себя несколько элементов, первым из которых является начальная школа, где обучение проводится в течение 6 лет. Следующий элемент образовательной системы РК представляет собой среднюю школу (3 года) и среднюю школу повышенной ступени (3 года). После получения аттестата об окончании средней школы молодые люди имеют возможность поступить в колледж или университет, где в зависимости от статуса учебного заведения и его учебной программы они будут обучаться в течение 2 или 4 лет. После окончания стандартного 4-летнего курса обучения в университете студенты поступают на следующий уровень образования – в магистратуру, по окончании которой может быть присвоена ученая степень магистра. Завершающей ступенью образовательной системы РК является аспирантура и получение ученой степени доктора наук.

Национальная система образования РК финансируется из единого источника – государственного бюджета страны, но система распределения финансовых ресурсов по отдельным ее сферам имеет неодинаковый характер. Так, например, бюджет школ в основном складывается из правительственных субсидий, и частные деньги составляют в нем только 15%². А вот университетский бюджет на 80% состоит из частных инвестиций, хотя необходимо оговориться, что наиболее престижные университеты Кореи имеют статус государственных, и в большей своей части финансируются государством. Примером могут служить Сеульский государственный университет и некоторые другие.

Система высшего университетского образования Республики Корея: история и современность

Анализируя национальную систему образования необходимо обратить внимание на характеристику ее центрального элемента: образовательной модели высшего учебного заведения страны.

Исторически в мировой образовательной практике сложились и сосуществуют две основных модели университетского образования:

1. Классическая модель университета, разработанная немецким ученым-лингвистом **Вильгельмом фон Гумбольдтом**;

2. Противоположная модель университетского образования, предложенная первым ректором Ирландского католического университета кардиналом **Джоном Генри Ньюменом**.

Классическая модель университета основывается прежде всего на действии *трех фундаментальных принципов*: синтез науки и образования; университетская автономия, а также полная академическая свобода. Свое реальное воплощение классическая модель получила при открытии в 1810 г. Берлинского университета.

Противоположный подход предполагает, что университет – это то место, где обучают универсальному знанию, поэтому цель университета состоит в распространении и приобретении знаний, а не в получении нового. Свой вывод Дж. Г. Ньюмен обосновывал тем, что познавать новое и обучать – это разные функции, предполагающие разные способности, которыми редко кто обладает одновременно. Отсюда вытекает необходимость разделения труда между академиями и университетами.

Корейская модель университетского образования складывалась под непосредственным японским влиянием. А поскольку японская образовательная модель, в свою очередь, была скопирована с немецкой, а точнее, с прусской модели³, то можно прийти к выводу, что и сегодня в корейской образовательной системе господствуют фундаментальные принципы европейской (немецкой) классической модели образования. Современная корейская университетская система начала складываться в конце 1940-х годов. В те времена Корея имела только одно высшее учебное заведение – «Кёнсонский (старое официальное название Сеула) Императорский Университет», и только 2% взрослых корейцев имели полное среднее образование. В 1952 г. в корейских вузах уже обучалось 34 тыс. студентов, но для страны с населением в 30 млн. человек – это была капля в море. К 1975 г. численность учащихся высших учебных заведений увеличилась в 9 раз и достигла 296 тыс. человек. В течение последующих 15 лет число корейских студентов увеличилось в 4 раза и превысило 1 млн. человек⁴. Эти цифры красноречиво подтверждают тот факт, что в Корее состоялась образовательная революция. Беспрецедентный рост числа студентов корейских вузов свидетельствовал также и о том, что к концу 1970-х годов даже представители бедных слоев населения Кореи имели шанс получить высшее образование. Огромное большинство студентов, поступивших в корейские университеты между 1960 и 1980 гг., были первыми студентами в семье. А многие из этих семей жили в бедных деревнях Кореи и относились к крестьянскому сословию.

В настоящее время система образования Южной Кореи переживает в своем развитии этап подъема и расцвета. Эксперты международной организации ЮНИСЕФ признали образовательную систему Южной Кореи самой эффективной среди индустриально развитых стран. Корея стоит на одном из первых мест в мире по числу студентов среди населения. Всего в Корею на апрель 2006 г. действовало 412 высших учебных заведений. Официально в стране (не считая военных и религиозных учебных заведений) существует 6 типов вузов: университеты, колледжи,

технические университеты, педагогические вузы, открытые университеты и заочные университеты. Из этого числа 175 учебных заведения принадлежат к собственным университетам, в которых обучалось немного менее 2 млн. человек (1 миллион 888 тыс. 436 студентов). Кроме этого, необходимо еще учитывать 14 индустриальных (industrial universities) и 17 университетов кибернетики (cyber universities). В стране также действуют более 150 колледжей, представляющих собой учебные заведения с 2–3-летним сроком обучения, где обучаются чуть больше 800 тыс. человек. Их выпускники имеют право, сдав специальные экзамены, перейти на второй или третий курс университета. В систему образования Республики Корея входят также 11 так называемых педагогических университетов (universities of education), которые готовят учительские кадры для среднего образования и обучают более 25 тыс. человек (25 881 студент)⁵. Сюда также включаются 19 открытых и 1 заочный университеты, которые готовят кадры специалистов без отрыва от производства и где обучается чуть меньше полумиллиона человек⁶.

Подавляющее большинство корейских вузов представляют собой частные учебные заведения, государственных среди них только 24. Однако в РК, в отличие, например, от США, государственные университеты ценятся гораздо выше, чем частные, и большинство способной и талантливой корейской молодежи стремится попасть именно в государственный, а не в частный вуз.

Типичный корейский университет представляет собой действительно универсальное учебное заведение, которое имеет в своём составе от 10 до 20 факультетов, которые по американскому образцу обычно называются «колледжами». В некоторых провинциальных университетах факультетов-колледжей может и не быть, и они состоят непосредственно из кафедр. В крупном университете обычно есть факультеты естественных наук, один или несколько инженерно-технических, медицинский, юридический, историко-филологический (иногда может существовать и отдельный факультет иностранных языков), музыкальный, изобразительных искусств. В состав многих университетов может входить и специфический факультет домашнего хозяйства, который предназначен для подготовки квалифицированных домохозяек (где в основном учатся барышни из богатых семей). Кроме того, при университете есть обычно и свои научно-исследовательские институты, которые скорее напоминают небольшие научно-исследовательские лаборатории. Специализированные вузы (типа советских институтов, например, МЭИ, МИСИ, МАДИ и др.) также существуют и в Корее, но количество их невелико и статус их, за некоторыми исключениями, не слишком высок.

Как и в России, в корейских университетах существует жесткая обязательная программа. Учебный процесс по различным направлениям и специальностям в высших учебных заведениях Республики Корея осуществляется на основе государственных программ.

Эгалитарный и элитарный характер высшего образования Кореи

Известный публицист и социолог современной Кореи Ли Кю Тхэ, считающийся одним из ведущих авторитетов в вопросах национального характера, в одной из своих книг пишет, что иерархичность является способом существования корейца, а выход из иерархической структуры равносильен выходу из корейского общества. Такая система отношений охватывает все сферы жизнедеятельности корейского общества, в том числе и сферу образования. Конечно, образование в Корее является одним из главных каналов социальной мобильности современного общества. Именно получение диплома дает возможность корейским студентам изменить свое социальное положение, свой социальный статус и перейти, если и не в ряды элиты, то уж, по крайней мере, в средний слой. Корейское правительство последовательно, сознательно и успешно проводит политику «равных возможностей» в доступе к высшему образованию. Поступление в вуз зависит в первую очередь от работоспособности и таланта абитуриента, а не от денежных возможностей или связей его семьи. И в этом в первую очередь проявляется эгалитарный характер высшего образования Республики Корея.

Но с другой стороны, в Корее существует четкая иерархия высших учебных заведений. Данная иерархия никак законодательно не закреплена, однако она общеизвестна, очень редко оспаривается и строго соблюдается. И главное, иерархическая пирамида корейских вузов создает ситуацию, когда дипломы разных университетов на рынке труда по-разному оцениваются, т.е. дипломы различных вузов могут в перспективе гарантировать своим выпускникам различный социальный статус в социальной структуре корейского общества.

Для выпускников престижных университетов успешная карьера обусловлена еще и тем, что они образуют сплоченную и иерархизированную (более ранние выпуски имеют преимущество перед поздними выпусками) корпорацию. Ее члены оказывают друг другу помощь в самых разных вопросах, в том числе, и в первую очередь, в трудоустройстве и карьере. Поэтому выпускники прежде всего самых престижных университетов Республики Корея в большом количестве представлены в деловой, политической и научной элите страны. Пожизненная принадлежность к такой корпорации гарантируется уже самим фактом поступления в престижный университет и приносит неоценимые преимущества. Такая ситуация поддерживает элитарный характер высшего образования в Корее.

На самой вершине иерархической пирамиды находится Сеульский Государственный университет, официально основанный в 1946 г. Второй уровень образуют несколько ведущих частных университетов столицы. К ним относятся университеты Коре и Ёнсе, которые уже долгое время соперничают между собой за неофициаль-

ное звание второго по значению университета Кореи. К данной группе можно также отнести женский университет Ихва, Пхоханский политехнический институт и еще 2-3 крупных сеульских вуза, но их претензии признаются далеко не всеми. На третьем уровне иерархической пирамиды находятся около 30 частных университетов Сеула и провинциальные государственные университеты. И, наконец, четвертую, самую многочисленную и наименее престижную категорию, образуют провинциальные частные университеты.

В настоящее время Министерство образования РК проводит процесс аттестации высших учебных заведений, создавая тем самым новую систему рейтинга университетов. Оценка «качества» того или иного университета проводится по нескольким параметрам, включая научную работу, соотношение числа преподавателей и студентов, материальную базу, финансовую состоятельность и др. Тем университетам, которые в результате аттестации получают 90 баллов и выше, будет присвоено звание «отличных». Вузы, набравшие 80 баллов и выше, будут считаться «хорошими», 70 баллов и выше – «аккредитованными», а остальные – «неаккредитованными». Университеты, которые займут более высокие позиции в рейтинге, могут рассчитывать на дополнительную финансовую поддержку правительства. Кроме того, их выпускникам будет легче найти работу или поступить в аспирантуру.

Необходимо также отметить, что в целом государственная политика РК в области образования носит явно эгалитарный характер, что соответствует внутриполитическому курсу на дальнейшую демократизацию политической системы страны и создание основ гражданского общества. Южнокорейские высшие учебные заведения в полной мере пользуются преимуществами академической самостоятельности и автономности. Преподаватели и учащиеся многочисленных вузов страны обладают достаточно высокой степенью независимости в решении организационных и академических проблем, которая ограничивается лишь общим национально-культурным контекстом. Учебный процесс, научно-исследовательская и воспитательная работа преподавателей, как и все направления учебной и внеучебной деятельности студентов, в полной мере допускают свободу творчества, убеждений и взглядов.

Некоторые особенности системы высшего образования в РК

Современная система высшего образования в Южной Корее имеет трехуровневую модель организации, где ее первый уровень соответствует бакалавриату (степень «бакалавр»), обеспечивающему первую ступень высшего образования, и где преобладают практические вопросы профессиональной подготовки специалиста, основанные на знании теоретических основ. Срок обучения на первой ступени высшего образования соответствует трем годам обучения, или шести семестрам. Второй уровень организационной системы высшего образования Республики Корея

представляет собой магистратуру (степень «магистр»), куда студенты поступают только после получения степени бакалавра и ориентируются на получение более углубленных научных знаний, овладение методикой проведения научных исследований. Протяженность обучения на втором уровне соответствует двум годам, или четырем семестрам, причем заключительный семестр посвящен написанию квалификационной дипломной работы, которую необходимо защитить, хотя данное требование и не носит обязательного характера. В итоге студент, успешно прошедший обучение в течение всех необходимых семестров, получает документ об окончании магистерского уровня образования и впоследствии может вернуться к обучению и защитить магистерский диплом, либо, защитив квалификационный диплом, он получает звание магистра. Третий уровень национальной образовательной системы представлен докторантурой (степень «доктор») и требует написания и защиты научно-исследовательской работы – диссертации.

Основой учебного процесса в южнокорейской высшей школе является преподавание отдельных учебных дисциплин. Его отличительной особенностью является формирование учебной программы обучения, ориентированной на широкий специализирующий профиль путем введения общеобразовательных и специальных предметов широкого профиля, тесно взаимосвязанных в структуре учебного процесса. В качестве конкретного примера можно привести опыт преподавания иностранных языков на магистерском этапе подготовки специалиста в Университете иностранных языков в Сеуле (Hanguk University of Foreign Studies). Учебный процесс в данном вузе организован таким образом, что обеспечивается синтез специализированных знаний по иностранному языку и углубленной подготовки в области социально-экономических, политических, культурных и других проблем развития той страны, чей язык выбран в качестве специализации.

Структура учебного процесса высшего учебного заведения южнокорейского общества также предполагает, что общеобразовательный и специализированный компоненты единой учебной программы в свою очередь подразделяются на обязательные учебные предметы и предметы по выбору вуза. Со второй половины 1990-х годов наблюдается тенденция к сокращению перечня общеобразовательных дисциплин в учебном процессе южнокорейских вузов. На сегодняшний день минимальный уровень общеобразовательных предметов, составляющих учебные планы, включает 36 предметов, как это можно наблюдать в Сеульском государственном университете и Университете Ёнсе; учебный план Университета Корё включает в себя 37 общеобразовательных предметов. Одновременно действует и другая тенденция – постепенное увеличение дисциплин специализации. Данные тенденции, набирающие в последнее время силу и эффективность, приводят к неуклонному росту самостоятельности вузов в вопросах организации учебного процесса, что значительно усиливает демократический принцип академической автономии⁷.

Отличительной особенностью системы преподавания в корейских вузах можно считать и то обстоятельство, что лекциям, особенно на старших курсах, присуща **конспективность**, т.е. значительная часть вопросов передается студентам на **самостоятельное изучение**. Самостоятельная учебная работа студента в южно-корейских вузах достаточно многообразна. Она требует написания ряда научных реферативных работ, эссе, курсовых работ, а также магистерских дипломов.

Важнейшей организационной проблемой любого высшего учебного заведения является осуществление **контроля за знаниями студентов**. Отличительной особенностью системы контроля знаний корейских вузов является ее **многоступенчатый характер**. Он включает в себя короткие опросы во время семинарских занятий в течение семестра; выполнение письменных заданий, рефератов; внутри-семестровые экзамены, которые иногда сдаются несколько раз в течение семестра для получения окончательной оценки по курсу. Итоговая оценка за семестр складывается с учетом **всех форм промежуточного и итогового** контроля как средневзвешенная. В данном контексте необходимо отметить и вопрос, касающийся самой шкалы оценок. В Корее используется 6-бальная шкала оценок, что делает её достаточно гибкой и взвешенной при оценке знаний студентов. При такой системе баллы отображаются латинскими буквами, где «А» соответствует оценке «отлично», «В» – «очень хорошо», «С» – «хорошо», «D» – «удовлетворительно», «Е» – «посредственно» и «F» – «неудовлетворительно». Такая система контроля знаний не является чисто корейским изобретением, скорее это заимствование из западно-европейской системы образования, но заимствование умелое и плодотворное.

Важным достоинством системы образования РК является её **гибкость**, которая позволяет повторно слушать какие-либо курсы, если они не были освоены и по ним получены плохие оценки. Причем такая система позволяет осуществлять обучение параллельно, т.е. слушать все курсы лекций, обеспечивающие организацию учебного процесса на основном курсе обучения и одновременно посещать один или два курса лекций, знания которых необходимо расширить и углубить. Отдельные студенты по объективным причинам (например, служба в армии, – а в РК каждый молодой человек обязан отслужить в армии 2 года) имеют возможность прерывать учебу на период одного-двух-трех семестров без ущерба для логики учебного процесса. После такого вынужденного перерыва студенты могут вернуться на тот же семестр, с которого им пришлось уйти, и продолжить свое обучение.

С конца 1980-х годов в Южной Корее развивается процесс демократического реформирования системы образования, нацеленный на внедрение в образовательную сферу демократических и либеральных начал. Сегодня реформа образования становится одной из первоочередных задач. Ее основной целью является формирование более сбалансированной системы подготовки технических и гуманитарных

кадров. Её немаловажной задачей можно считать и пересмотр существующей системы распределения рабочей силы.

Современная образовательная система РК в целом носит гуманистический характер, дает широкий простор для выбора жизненных целей и приоритетов. Она призвана обеспечивать культурное и социальное многообразие южнокорейского общества и ориентировать учащихся на общепринятые и признанные как государством, так и обществом установки и национально-культурные традиции.

Особенностью вузовского учебного процесса в РК является практическое отсутствие в нем дисциплин политико-идеологической направленности. По мнению ряда корейских специалистов и российских аналитиков, занимающихся исследованием данных проблем, одновременно с внедрением новых технологий и достижений научно-технического прогресса в высшей школе РК идет процесс деполитизации как самого учебного процесса, так и внеаудиторной деятельности студентов. В учебных планах высших учебных заведений РК практически полностью отсутствует перечень дисциплин, имеющих ярко выраженный идеологический подтекст, а внеучебная деятельность студентов учитывает различные интересы учащейся молодежи, начиная от инициативной общественно-политической работы до личного хобби. Итоговой задачей образовательной реформы является окончательный переход к гуманистическому образованию, характерному для большинства развитых стран, переживающих этап стремительной глобализации всех сфер жизнедеятельности общества – экономики и политики, культуры и образования.

Необходимо также отметить **демократичность системы** обучения в высших учебных заведениях Южной Кореи при бережном **сохранении уникальных национально-культурных традиций** страны. В качестве подтверждающего примера можно привести тот факт, что учебные планы крупнейших и престижнейших вузов РК (Сеульском университете, университетах Корё, Ёнсе и других) в качестве общеобязательных предметов называют родной язык, родную письменность, а также отечественную литературу⁸. В данном отношении нельзя не сказать о корейских студентах и отметить их особое трудолюбие, традиционно уважительное отношение к «Учителю» (преподавателю) и интерес в получении новых знаний. Велик интерес со стороны студенческой молодежи и к сохранению национальных традиций. Многие из них большую часть своего свободного от учебного процесса времени проводят в различных клубах или кружках по интересам, например, народного танца, песни, восточных боевых искусств, игры на народных инструментах и т.д. Таким образом, значительная часть внеаудиторной деятельности студенчества сосредоточена на сохранении и развитии национального традиционного танцевально-песенного, боевого и др. искусств.

Можно также обратить внимание на **систему ротации управленческих кадров** как на отдельной кафедре, так в целом в университете, которая складыва-

ется на основе строгих демократических принципов. Каждые 4 года в любом подразделении учебного заведения, будь то кафедра или в целом университет, проходят выборы руководителя. Данная система обновления руководящих кадров позволяет практически каждому авторитетному преподавателю кафедры в положенный срок осуществлять функции заведующего кафедрой и проводить свою политику развития вверенного ему подразделения.

Одним из важных организационных вопросов любого высшего учебного заведения является формирование **внеучебной деятельности студентов**. В высших учебных заведениях РК она вынесена за пределы официального образовательного процесса и носит характер самостоятельной творческой деятельности, организованной собственными силами учащихся по их интересам и личным предпочтениям. Организационно внеучебная деятельность южнокорейских студентов существует в двух основных формах: студенческие организации и студенческие клубы. Организованная студенческая молодежь в истории Кореи сыграла значительную роль. В своих студенческих организациях и клубах она проводила активную и в основном нелегальную в 1960-х и 1980-х годах политико-идеологическую работу. Такая работа была ориентирована на изучение марксистской теории, направлена на поддержку КНДР и связана с борьбой против военно-бюрократического режима в РК. Ценою многих личных судеб и даже жизней студенты смогли защитить демократию и отстоять гражданские права. В настоящее время нелегальный характер данных организаций практически полностью изжил себя, поскольку в 1985 г. Министерство образования и культуры РК окончательно передало права на создание и руководство студенческими организациями в руки самих учащихся⁹. Сегодня в южнокорейских высших учебных заведениях наблюдается рост количества студенческих клубов по интересам и активизация их деятельности. Направления работы таких студенческих клубов многообразны. Они могут посвящать свою деятельность научно-просветительской и общественно-политической работе. Такие студенческие организации могут иметь религиозную направленность, а могут заниматься организацией спортивной или культурно-просветительской деятельности. Столь широкий спектр деятельности позволяет студентам активно и интересно организовывать свое внеучебное время, а также использовать аудиторный фонд университета и его территорию до позднего вечера.

Компьютеризация высшего образования в РК

Проблемы информатизации всех сфер жизнедеятельности современного общества, в том числе и такой важной для его будущего развития как образование, становятся приоритетными для развитых стран. Республика Корея также является одним из мировых лидеров, успешно решающим проблемы информатизации современного общества. Согласно данным Корейского агентства компьютеризации,

она находится на 16-м месте в мире по уровню информатизации, а в 2000 г. в стране насчитывалось 18,62 млн. персональных компьютеров (население Южной Кореи в 2000 г. не превышало 48 млн. человек)¹⁰. О том, что компьютер стал частью повседневной жизни молодежи, свидетельствует другая цифра: 98,3% корейцев в возрасте от 15 до 19 лет умеют пользоваться компьютером¹¹. В начале 2002 г. на 100 жителей приходилось 64 мобильных телефона, 24 млн. человек из почти 48-миллионного населения пользовались Интернетом. В 2000 г. 100% школ страны были подключены к Интернету. С 2001 г. Интернет-доступ для всех школ стал бесплатным¹².

Начало процессу информатизации всех сфер жизнедеятельности южнокорейского общества было положено в конце 1980-х годов. Тогда была сформирована долгосрочная государственная программа по информационным технологиям и коммуникациям, которые определили стратегические направления развития как национальной экономики, так и социальной сферы общества. Первой программой Кореи в сфере информационных технологий стала «Базовая национальная информационная система» (National Basic Information System (NBIS)), которая была разработана в начале 1980-х годов и начала выполняться в 1987 г. В начале 1990-х годов она была пересмотрена, и в окончательной редакции ее название звучало следующим образом: «Корейская информационная инфраструктура» (Korea Information Infrastructure (KII-1995 г.)). В декабре 2000 г., на 5 лет раньше запланированного срока, было закончено строительство общенациональной высокоскоростной сетевой инфраструктуры – 144 крупных города и 190 мелких населенных пунктов Кореи были соединены оптоволоконными кабелями¹³.

Осуществление данного долгосрочного плана, по мнению правительства страны, является главным звеном при переходе Южной Кореи от развивающейся индустриальной экономики к экономике развитого государства. Программа увязала повсеместную компьютеризацию и развитие информационных технологий с экономическим ростом страны, ее социально-культурным развитием. Она также определила основные направления государственного инвестирования: компьютеризация важнейших сфер деятельности общества, строительство новых информационных и телекоммуникационных сетей и современных линий связи. Приоритетными сферами развития современного корейского общества стали такие направления, как экономика, политика, образование и др. Данная программа определила создание двух высокоскоростных национальных информационных сетей: государственной и частной. Информационная сеть, создаваемая для частного сектора, предложила интерактивные мультимедийные широкополосные сетевые службы для компаний и рядовых граждан. В цифровой режим были переведены практически все виды экономической деятельности, начиная от биржевых операций, обеспечения планирования, менеджмента, ведения бухгалтерии до организации поставок выпускае-

мой продукции. Причем компьютеризация различных видов деятельности коснулась как крупного бизнеса, так и предприятий малого бизнеса.

Государственная информационная сеть создавалась для внедрения сложных мультимедийных технологий в сферу политики, образования, медицины и т.д. В ноябре 2002 г. начал функционировать интегрированный портал «Корейское электронное правительство» (www.egov.go.kr), объединивший два сервиса: информационную службу и электронную службу «Правительство для граждан». Портал предоставляет около 400 интерактивных услуг для граждан и информацию по 4 тысячам категорий¹⁴.

Высокоскоростная информационная сеть государственного характера обеспечила повсеместное подключение к Интернету практически всех школ, университетов, библиотек страны. Такое положение дел способствовало созданию и внедрению в корейское общество национальной системы электронного образования. Данная система способствовала развитию самого учебного процесса, поскольку и учебная, и самостоятельная работа студентов была переведена в цифровой режим. Учебная и научная деятельность преподавателей также претерпела изменения, компьютер прочно занял в ней свое место. Учебные занятия, контроль знаний студентов, помощь в организации самостоятельной работы и т.д.: во все виды учебной деятельности тем или иным способом проникли информационные системы. Компьютеризация не обошла стороной и организацию стандартизированной и комплексной вспомогательной работы, обеспечивающей функционирование и развитие всего учебного процесса. Все делопроизводство было переведено на цифровой режим. Можно вспомнить только один конкретный факт, подтверждающий вышесказанное, — что преподаватели выставляют студентам зачетные семестровые оценки не в ведомостях, а на компьютерах. Таким образом, внедрение высокоскоростной информационной сети содействовало совершенствованию образовательной сферы в общенациональном масштабе.

Заключение

В итоге можно прийти к выводу, что система высшего образования РК в последнее десятилетие претерпевает бурное развитие. Идет процесс **реформирования образования**, когда, бережно сохраняя древние традиции страны, отмежевываясь от идеологической направленности, оно впитывает в себя новые достижения и открытия.

Второй вывод, к которому можно прийти, анализируя общую систему высшего образования РК: обеспечение **государственного регулирования** является основой, фундаментом развития южнокорейского общества в целом и стержневым вопросом его развития в образовательном плане. Вопросы формирования образовательной политики, определение общих принципов и стандартов образовательно-

го процесса в обществе в целом остается прерогативой государства. И учебный процесс по различным направлениям и специальностям в высших учебных заведениях РК осуществляется на основе государственных программ. Поэтому, на наш взгляд, РК имеет шанс представить миру оригинальную модель системы высшего образования, где оптимально сочетаются элементы частного финансирования с системой косвенного государственного регулирования образовательными процессами в общенациональном масштабе.

Следующий вывод заключается в том, что и сегодня в РК одновременно **сохраняются эгалитарные и элитарные тенденции** формирования и развития национальной системы высшего образования.

И последний вывод состоит в том, что выполнение стратегической программы «Корейская информационная инфраструктура» позволило добиться стране **выдающихся успехов в области информационных технологий**. Эти достижения не обошли стороной и такую сферу жизнедеятельности южнокорейского общества как образование. Уже сегодня среди позитивных факторов, которые существенно повлияли на развитие образовательных стратегий, можно назвать ее высокоразвитую технологическую базу, которая стала основой одной из самых передовых в мире сетевых инфраструктур широкополосной связи.

Примечания

- ¹ Education in Korea. Ministry of Education & Human Resources Development, Republic of Korea. Seoul, 2006. P. 23–30.
- ² Эксперт. 2003. № 46.
- ³ Ланьков А.Н. Как устроен корейский университет? // Сеульский вестник. 2007.
- ⁴ Ланьков А. Университетская лихорадка // Сеульский вестник. 2006.
- ⁵ Education in Korea. Ministry of Education & Human Resources Development, Republic of Korea. Seoul. 2006. P. 210–211.
- ⁶ Study in Korea. 2006–2007. National Institute for International Education Development. Ministry of Education & HRD, Republic of Korea. Seoul. P. 8.
- ⁷ Пак Хису, Толстоулаков И.А. Образование в общественно-политической системе государств Корейского полуострова. Владивосток, 2005. С. 188–189.
- ⁸ Там же. С.188.
- ⁹ Там же. С.190.
- ¹⁰ Сеульский вестник. 2000–2002. <http://vestnik.tripod.com>
- ¹¹ Ланьков А. Корейцы и компьютеры в зеркале статистики // Сеульский вестник. 2002.
- ¹² media.utmn.ru/library_view_book.php?chapter_num=5&bid
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.

Е. Б. Цой, А. М. Гущина, Ю. А. Баденкова *

Ретроспективный анализ результатов научно-образовательного сотрудничества с Республикой Корея на примере Новосибирского государственного технического университета: проблемы и перспективы

2004 г. стал качественно новым этапом в отношениях между Россией и РК. Этому способствовали два важных события. Во-первых, в сентябре 2004 г., по приглашению Президента России В.В. Путина, состоялся официальный визит Президента Республики Корея Но Му Хёна. Результатом встречи двух президентов стало подписание Совместной декларации, которая коснулась практически всех сфер сотрудничества между двумя странами, и в первую очередь сотрудничества в области науки, образования, культуры и экономики. Вторым, не менее важным событием, стало празднование в 2004 г. 120-летия Договора о дружбе и торговле между Россией и Кореей и 140-летия начала добровольного переселения корейцев на российскую территорию, что говорит о глубоких исторических традициях российско-корейских взаимоотношений. Таким образом, можно заключить, что обе страны рассматривают друг друга как стратегически важного партнера, отношения между которыми необходимо всемерно укреплять и развивать.

Последние полтора десятка лет Корейский полуостров является регионом, с которым Сибирский федеральный округ (СФО) и его столицу – Новосибирск связывают наиболее динамично развивающиеся торгово-экономические, научные и образовательные связи¹: внешнеторговый оборот между Южной Кореей и регионами Сибири в 2005 г. составил 470 млн. долл., увеличившись по сравнению с 2004 г. в 1,7 раза². На это имеются объективные причины. Прежде всего, это выгодное географическое положение Новосибирска в самом центре Евразии, на перекрестье современных транспортных коммуникаций (Новосибирск с Сеулом связывают регулярные прямые авиарейсы, а Транссиб в скором времени сольется в одну трансконтинентальную магистраль с Транскорейской железной дорогой). Наконец, за Уралом находится крупнейший научно-образовательный комплекс, включающий в себя филиалы трех Академий наук и более 30 высших учебных заведений. Конечно

же, Академгородок, славящийся во всем мире высочайшим уровнем своих научных разработок, привлекает внимание многих стран мира: корейцы крайне заинтересованы в трансферте наукоемких технологий и рассчитывают на огромный потенциал сибирской науки. Привлекает Новосибирск и большими перспективами в области экономического сотрудничества, и своей уникальной культурой. Конечно, нельзя не сказать и о таком факторе, как наличие достаточно крупной и активной корейской диаспоры, которая появилась в Новосибирске с 1926 г. и активно формировалась в середине 1950-х годов³. По итогам переписи 2002 г., численность корейцев в Новосибирской области составляла более 2 тыс. человек.

Активное многоплановое сотрудничество Новосибирска с Республикой Корея началось в 1995 г., когда администрация Новосибирской области подписала Соглашение о дальнейшем расширении торгово-экономического, инвестиционного, научно-технического и культурного сотрудничества с Республикой Корея.

Но любой официальный документ, будь то договор или соглашение о сотрудничестве, так и останется простой декларацией добрых намерений, если не найдутся люди, заинтересованные, активные и, главное, ориентированные на развитие этого сотрудничества.

На первых порах таким «двигателем» сотрудничества между Новосибирском и РК были вузовские работники, прежде всего сотрудники Новосибирского государственного технического университета.

Почему так сложилось? В январе 1989 г. корпорацией «Хёндэ» был сделан первый шаг, а именно: подписан Протокол о неправительственном экономическом сотрудничестве между Республикой Корея и Советским Союзом.

В качестве проводника этого сотрудничества корейской стороной был выбран университет города Ульсан⁴. По профилю подготовки специалистов и по своему масштабу он во многом соответствует Новосибирскому государственному техническому университету (НГТУ).

Президент университета Ульсана профессор Ли Сан Чжу приложил немало усилий для развития отношений с НГТУ. В июле 1995 г. был подписано Соглашение о сотрудничестве между двумя университетами в сфере образования, науки и студенческих обменов – один из первых междууниверситетских договоров в истории сотрудничества наших стран.

Это Соглашение послужило отправной точкой развития и расширения регионального сотрудничества вузовской и академической науки не только Новосибирска, но и Западной Сибири с Республикой Корея. Опираясь на принципы корейской деловой этики⁵ и широкие партнерские связи НГТУ, университет Ульсана знакомился, устанавливал связи и подписывал соглашения о сотрудничестве с различными вузами и академическими институтами нашего региона, а также привлекал к этому сотрудничеству университеты и научные центры, деловые круги РК. Не вда-

* Новосибирский государственный технический университет.

ваясь в подробный анализ состояния развития партнерских научно-образовательных связей региона с Республикой Корея в целом, следует отметить, что точкой отсчета процесса сближения Западной Сибири и Южной Кореи, отражающегося в том числе и в подписанных Соглашениях о городах-побратимах (Новосибирск – Тэчжон, Томск – Ульсан, в ближайшем будущем Омск – Пусан), является именно Соглашение о сотрудничестве между НГТУ и университетом Ульсана.

На разных этапах своего развития научно-образовательное сотрудничество НГТУ и университета Ульсана, а затем и вовлеченных в орбиту этого сотрудничества других вузов и научных центров, имело различные акценты.

Прежде всего, на первом этапе, оно представляло собой подробное знакомство корейской стороны с уровнем развития научных разработок и технологий в Новосибирске и в Томске и обсуждение перспектив и планов сотрудничества. Так, для примера, только за 1995–1997 гг. более 60 профессоров обоих университетов обменялись научными визитами, при этом подавляющую часть этой обменной программы составляли визиты делегаций корейских профессоров. Результатами этих поездок были многостраничные отчеты корейских делегаций: в них детально излагались сведения об ознакомительных визитах и встречах; делались выводы о потенциальных направлениях сотрудничества; а также, что немаловажно, представлялись мнения членов делегации об их опыте межкультурного общения и эмоциональной составляющей этих первых посещений в абсолютно новую для них страну – Россию⁶.

Этот первый период сотрудничества можно охарактеризовать как время надежд и ожиданий. Такой позитивный настрой подкреплялся следующими обстоятельствами. Прежде всего российские университеты, получившие право самостоятельного ведения внешнеэкономической деятельности и столкнувшиеся с необходимостью обеспечить финансовую устойчивость вуза, были нацелены на экспорт образовательных услуг и результатов НИОКР, проведение совместных исследований и т.д. С другой стороны, 90-е годы – время начала реформ в системе высшего образования Республики Корея. Отставание в качестве подготовки специалистов в высшей школе, недостаточное внимание к уровню научно-исследовательских работ, спрос на квалифицированных специалистов в наукоемких отраслях со стороны рынка труда привели к пониманию того, что необходимо повысить конкурентоспособность и привлекательность высшего образования Республики Корея на мировом рынке. Правительство страны через свои государственные программы (в частности программа BRAIN KOREA) стало оказывать поддержку развитию международного академического сотрудничества.

В НГТУ и университете Ульсана начали проводиться совместные исследования в области электроники, самолетостроения и машиностроения. Появились первые прямые научные договоры о совместных научных исследованиях между факультетами НГТУ (в частности факультетом радиотехники и электроники) и научными лабо-

раториями университета Ульсана. Было положено начало академическим обменам: профессора и научные работники НГТУ приглашались корейской стороной для чтения лекций, проведения научных семинаров и работы по контракту. В свою очередь, профессора и научные сотрудники университета Ульсана проходили стажировку в НГТУ, читали лекции и проводили семинарские занятия для наших студентов и аспирантов.

Такая интенсивность научных контактов привела к тому, что летом 1996 г. ректором НГТУ было выдвинуто предложение о проведении трехстороннего (Новосибирск – Томск – Ульсан) международного российско-корейского научного симпозиума при участии вузов и академических институтов Новосибирска и Томска. Организаторами симпозиума стали университеты-партнеры – Новосибирский государственный технический университет, Томский политехнический университет и университет Ульсана.

Эта идея получила поддержку не только в трех университетах-партнерах, но и в научных и деловых кругах Южной Кореи; вызвала положительную реакцию в правительстве Республики Корея⁷. В декабре 1996 г. был сформирован международный Оргкомитет будущего симпозиума КОРУС, который стал первым в истории межгосударственных отношений научным мероприятием подобного типа.

Работа первого симпозиума КОРУС состоялась 27 сентября – 5 октября 1997 г. в Ульсане. Значение этого научного форума в том, что, с одной стороны, он давал возможность выхода на международную арену прогрессивным разработкам сибирских научных сотрудников, с другой – отвечал интересам экономики Республики Корея. Поэтому основной акцент был сделан не только на естественнонаучные направления (математика, физика) но и на прикладные наукоемкие технологии в области самолетостроения, механики, гидродинамики, мехатроники, электроники, материаловедения и металлургии, информационных систем, химии, промышленного менеджмента.

В работе первого симпозиума КОРУС принимала участие объединенная делегация Томска и Новосибирска, включавшая в себя 30 ученых и представителей промышленности и деловых кругов нашего региона. В рамках симпозиума была проведена выставка-презентация сибирской вузовской науки, а также фирм и предприятий Новосибирска и Томска, занятых выпуском наукоемкой продукции. По окончании симпозиума было принято решение, что КОРУС станет ежегодным научным мероприятием с последовательным чередованием принимающих сторон.

С каждым последующим симпозиумом возрастали как количественные показатели представленных докладов (табл. 1), так и география участников.

Начиная с 1999 г., в КОРУС регулярно принимал участие Монгольский университет науки и технологии; в 2002 г. участниками симпозиума были представители университетов – партнеров НГТУ из ФРГ, Франции и Польши. Благодаря контракту, заключенному между НГТУ и Институтом инженеров по электронике и электро-

Таблица 1

Количество докладов, представленных на КОРУС

Год	Количество докладов	Место проведения симпозиума
1997	82	Ульсан
1998	111	Томск
1999	196	Новосибирск
2000	208	Ульсан
2001	219	Томск
2002	243	Новосибирск
2003	265	Ульсан
2004	311	Томск
2005	336	Новосибирск
2006	398	Ульсан

технике (IEEE) США, сборники научных трудов КОРУС попадают в библиотеку Конгресса США и заносятся в каталоги IEEE, что делает их доступными широкой международной научной общественности.

В связи с неуклонным ростом интереса международных научных кругов к работе этого симпозиума, университетами-организаторами было принято решение о том, что, по истечении 9-летнего цикла работы, международный российско-корейский форум КОРУС должен принять новый формат. В октябре 2006 г. было подписано Генеральное соглашение по Международному форуму по стратегическим технологиям (IFOST), ставшему «правопреемником» КОРУС. Подписали это соглашение, помимо трех университетов-основателей (НГТУ, ТПУ и университета Ульсана) еще и Монгольский университет науки и технологии, Харбинский университет науки и технологии (КНР), Ханойский технологический и Хошиминский технологический университеты (Вьетнам), технопарк Ульсана.

Однако сотрудничество между нашими университетами не следует сводить лишь к одному, пусть и такому существенному, мероприятию как КОРУС. Подробный анализ направлений и результатов этого сотрудничества сделан авторами в ряде публикаций⁸. Важнее, на наш взгляд, проанализировать причины, по которым это сотрудничество не оправдало тех ожиданий и надежд, которые возлагали на него как российские университеты, так и корейская сторона.

Подоплека этого разочарования связана с недостаточно эффективной стратегией корейской стороны (стремление к быстрому получению информации; нежелание вкладывать средства в развитие совместных исследований; односторонняя ориентация на академическую науку в ущерб вузовской; непродуктивное распыле-

ние средств между различными российско-корейскими фондами; отсутствие целостной информационной картины об уровне и направлениях исследований в регионе). Она начала проявляться еще на первом этапе сотрудничества, а в последние годы такая стратегия стала причиной резкого снижения интереса российской стороны к сотрудничеству с Республикой Корея.

Чем характерен последний 5-летний этап российско-корейского научного и образовательного сотрудничества? Научная составляющая междууниверситетского сотрудничества, к сожалению, стремительно сокращается. Это, на наш взгляд, связано с тем, что традиционно российская академическая и вузовская наука опирается на научные школы. В Корею, в силу специфики развития научных исследований, понятие «научная школа» полностью отсутствует. Поэтому многочисленные попытки корейской стороны приглашать российских ведущих научных сотрудников, «вырванных с корнем» из сложившегося научного коллектива, в котором каждый из его членов специализируется на решении отдельных научных задач, зачастую заканчивались неудачей.

Кроме того, сдержанное отношение российских научных сотрудников и вузовской профессуры в последние годы определяется и совокупностью таких факторов, как, с одной стороны, увеличившееся финансирование научных исследований и возможность проведения хозяйственных работ по заказу отечественных компаний и фирм, что позволяет не искать лихорадочно, как прежде, возможность подзаработать за рубежом; а с другой — ужесточившееся законодательство по охране интеллектуальной собственности и экспортному контролю заставляет лишний раз перестраховаться при заключении контракта.

В свою очередь, в РК пришли к пониманию того принципа, который сформулировали американские исследователи: наука создается руками аспирантов и магистрантов. Поэтому в последние годы замечен резкий перекоп в образовательном сотрудничестве в сторону приглашения на учебу (совмещенную с очень интенсивной работой в лабораториях) бакалавров, магистров и аспирантов российских университетов. Если в 2000 г. в рамках правительственной программы BRAIN KOREA 5 студентов НГТУ получили стипендии на обучение в Высшей школе механики Еннамского университета, то в последующие годы количество предложений корейских университетов на обучение в своей магистратуре студентов увеличилось. Для примера: только университет Ульсана предлагает ежегодно более 60 стипендий на обучение в своей магистратуре студентов НГТУ. В рамках государственной программы «Korean Government IT Scholarship Program for Foreign Graduate Students» осенью 2003 г. НГТУ посетили представители сразу 12 корейских университетов, которые не только провели презентацию образовательных услуг и представляемых на обучение стипендий, но и устроили бесплатный языковой тест (аналогичный экзамену на сдачу TOEFL) для всех желающих.

Однако такая односторонняя направленность образовательного сотрудничества не отвечает интересам ни НГТУ, ни других российских университетов: такой отток студентов чреват снижением нагрузки на штатных преподавателей и научных руководителей наших университетов. Выход из этой ситуации видится не в официальном сдерживании и запретах, а в развитии обоюдных форм образовательного сотрудничества: прежде всего – двойного руководства магистерскими и аспирантскими диссертациями; согласование учебных планов и развитие включенных форм обучения; подготовка студентов по программам двойных дипломов. Такая форма образовательного сотрудничества может стать, на наш взгляд, «азиатским ответом» Болонскому процессу.

Второй характерной чертой последнего 5-летнего периода сотрудничества, на наш взгляд, является активное создание российско-корейских фондов, которые призваны содействовать научной кооперации и внешнеэкономическим связям на региональном уровне. Показателен в этом отношении пример Новосибирска. В Академгородке Новосибирска действуют: Российско-корейский центр науки и технологий (директор г-н Пак Хэ Чжо), который представляет интересы Корейского Института науки и технологий (KIST); Сибирское подразделение Института передовых технологий Самсунг (SAIT Siberian Research Hub) и открытый в сентябре 2006 г. Корейский центр развития бизнеса КЦРБ (директор – бывший научный сотрудник НГТУ А. Бердинский). Этот центр будет представлять интересы Корпорации по поддержке малого и среднего бизнеса Кореи (SBS)⁹. Поскольку КЦРБ ориентирован на содействие установлению партнерских связей между малыми предприятиями наукоемких отраслей (информационные технологии, электроника, биотехнологии и т.п.), то он, в силу своей специфики, должен быть нацелен и на информационное сотрудничество с региональными университетами. Благодаря договору о побратимстве с Тэчжоном, Новосибирск стал членом Всемирной Ассоциации городов-технополисов, в которую входят 35 городов-«наукоградов» из 15 стран мира. Сейчас в Тэчжоне расположена постоянно действующая выставка наукоемкой продукции новосибирских предприятий и фирм, ориентированных на развитие внешнеэкономической деятельности с Кореей. Осенью 2003 г. в Новосибирске было открыто представительство торгового отдела Посольства Республики Корея КОТРА.

Казалось бы, такая мощная структура по поддержке и развитию научно-технического и внешнеэкономического сотрудничества между Сибирью и РК должна обеспечить мощный качественный рывок и поднять это сотрудничество на новый уровень. Однако, как показывает практика, этого, к сожалению, не происходит.

На наш взгляд, основными причинами этого являются следующие:

1. Республика Корея реализует свои научные интересы, строго ориентируясь лишь на академическую науку России (в частности, на академические институты Сибирского отделения Российской академии наук). При этом практически полно-

стью игнорируется потенциал вузовской науки, высокий уровень прикладных исследований, осуществляемых известными научными школами сибирских университетов.

2. Научное сотрудничество представляет собой дорогу с односторонним движением, и основное его содержание сводится к трансферу технологий. Корейская сторона не намерена вкладывать средства в развитие академической и вузовской науки Новосибирска. Отсутствие необходимого уровня инвестиций в развитие материально-технической базы науки определяет уровень результатов исследований.

3. Корейская сторона по-прежнему неэффективно расплывает значительные финансовые средства между различными, зачастую повторяющимися деятельностью друг друга, фондами и компаниями. Необходима согласованная между обеими сторонами взаимовыгодная и перспективная стратегия совместной научной и образовательной деятельности.

4. Нельзя рассматривать Сибирь, и в частности Новосибирск как неиссякаемый источник интеллектуальных ресурсов. Проблема «утечки мозгов», разумеется, носит глобальный характер, но в мировой практике наряду с понятиями brain drain («утечка мозгов») и brain gain («приток мозгов») все больший вес набирает понятие brain circulation.

Именно такой «круговорот мозгов»; совместная работа в международных «научных командах», основанная на равноправном партнерстве и защите прав интеллектуальной собственности; концептуально взвешенная и согласованная стратегия развития научно-образовательного сотрудничества при равных «условиях игры» для всех участников – как представителей академической, так и вузовской, науки; целенаправленная политика инвестирования исследовательских центров и отдельных научных школ; баланс интересов между экспортом и импортом образовательных услуг и, наконец, создание общего «информационного пространства», в орбиту которого будут включены как действующие, так и потенциальные партнеры, отражены их интересы и их достижения станут основой для взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами.

Сделать шаг от намерений по развитию взаимовыгодного научно-образовательного и культурного сотрудничества между нашими странами к реальным результатам как раз под силу представителям высшей школы и науки России и Кореи.

Примечания

¹ Новосибирск и Корея: движение навстречу друг другу: сотрудничество в экономике, науке и образовании // Цой Е.Б., Гушина А.М., Хван А.Н. Россия и Корея: диалог культур. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005. С. 47–84.

² Коммерсант-Сибирь. 12.09.2006.

- ³ Моя жизнь (интервью, воспоминания, странички биографии) // *Цой Е.Б., Гущина А.М., Хван А.Н.* Россия и Корея: диалог культур. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005. С. 99–183.
- ⁴ Университет Ульсана (www.ulsan.ac.kr) – частный университет, учрежденный корпорацией Хён-дэ и являющийся одним из ведущих научно-образовательных центров Южной Кореи. Расположен в крупной экономической зоне Южной Кореи, где сосредоточены такие отрасли промышленности, как химическая, нефтеперерабатывающая, автомобиле- и судостроительная.
- ⁵ Как известно, традиционная мораль в корейском обществе ставит личное общение, личный контакт, без которых в Корею невозможно решить ни одной проблемы, на первое место. Налаживать контакт через письменное обращение к фирме у корейцев не принято – необходима личная встреча, о которой договариваются через посредника. Посредник, хорошо знающий обоих потенциальных партнеров, может проинформировать о предложениях и статусе фирмы, идущей на установление контактов.
- ⁶ Авторы имели возможность ознакомиться с отчетами первых двух делегаций профессуры университета Ульсана, визиты которых состоялись в середине 1995 – начале 1996 г.
- ⁷ В истории межгосударственных отношений России и Республики Корея научно-технический симпозиум КОРУС является первым совместным мероприятием подобного типа.
- ⁸ См., например: *Цой Е.Б., Гущина А.М.* Новосибирск и Корея: движение навстречу друг другу. Итоги и проблемы научно-образовательного сотрудничества // 9-й российско-корейский симпозиум по науке и технологиям: Сб. тр. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005. Т. 1. С. 1056–1058; *Цой Е.Б., Гущина А.М., Баденкова Ю.А.* Развитие международных связей Новосибирского государственного технического университета с университетами Республики Корея (1996–2006 гг.): предыстория, анализ и влияние на развитие регионального сотрудничества // Доклады АН ВШ/ Гуманитарные науки. 2007. № 1 (в печати).
- ⁹ Одновременно с Новосибирском представительство SBS было открыто в Москве // Коммерсант-Сибирь. 12.09.2006.

Е. А. Похолкова*

ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СВЕТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Вопросы терминологии – одно из актуальных направлений современных лингвистических исследований. Хотя терминология не является единственным источником новых слов, научные понятия (в широком понимании) составляют значительную часть новых лексических единиц в языке.

Терминологизация языка – объективный процесс, суммирующий влияние таких факторов, как научно-технический прогресс, модернизация средств массовой информации, изменение общественно-политической ситуации в стране, регионе и мире, развитие многостороннего сотрудничества в экономике и науке. Еще несколько десятилетий назад специальная лексика была предметом изучения лишь ученых-терминоведов, в настоящее же время термины различных областей знания выходят за рамки специализированного употребления и становятся частью повседневной языковой действительности. Всплеск интереса к терминологии вызван, помимо перечисленных факторов, и усиливающейся интернационализацией терминов, и необходимостью выработки адекватного подхода к изучению этого явления в языке.

Однако, несмотря на лингвистический «ажиотаж» вокруг специальной лексики, очевидно, что вне круга внимания исследователей остается ряд вопросов, которые по мере углубления научно-технических знаний и роста требований практики становятся все более важными для изучения. Южнокорейская экономическая терминология находится в состоянии активного формирования, пополнения и эволюции. Это объясняется многочисленными лингвистическими и экстралингвистическими причинами¹, а также тем, что язык стремится соответствовать требованиям современных экономических знаний и тем самым отражает необходимые для данного времени концепты.

* *Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза.*

Отечественное терминоведение относится к числу лучших в мировой лингвистической науке наряду с канадской, австро-германской и чехословацкой школой². По мнению одного из ведущих отечественных терминоведов В. А. Татарина, для того чтобы какая-либо совокупность теоретических и практических знаний оформилась собственно в науку, она должна иметь следующие составляющие: 1) предмет и объект исследования; 2) обширные письменные исследования коллектива ученых по данному предмету; 3) научные сообщества: добровольные объединения ученых, ведущих исследовательскую работу; 4) научно-исследовательские институты для проведения научных исследований и разработок; 5) теорию, т.е. строго структурированную и целостную систему основных идей; 6) собственные методы исследований, т.е. обобщенную совокупность приемов и методик, связанную с теорией³.

Отечественная школа в целом обладала вышеперечисленными характеристиками к середине 1930-х годов, именно это время принято считать началом формирования терминоведения как науки. Предпосылками для этого стали научная и философская мысль XIX в., а также беспрецедентно быстрое развитие науки и техники, которые привели к терминологизации языка и речи. Это непосредственно отразилось на том, что термин был выделен из общелитературного пласта лексики, были проведены первые попытки его анализа и классификации. Немаловажной причиной огромного интереса к специальной лексике в России являлось и то, что она относилась к числу промышленно развитых стран.

Английский философ и экономист Дж. Стюарт Милль одним из первых (во второй половине XIX в.) обосновал важность изучения терминологической лексики, рассмотрел несколько основных признаков термина. Его умозаключения легли в основу учения об «идеальном термине», впоследствии развитого советской школой. Русский философ А.И.Введенский (1856–1925) впервые провел разграничение естественных (основанных на существующих корнях), искусственных (вновь созданных) терминов, а также обосновал такое требование к термину как строгость значения, которое в идеале должно было быть единственным.

Д.С.Лотте считается отцом академического подхода к терминологическим исследованиям, создав концепцию «идеального термина» и обозначив его ключевые признаки. Однако в своих работах он также указывал на невозможность придания термину абсолютно идеального характера, поскольку сознавал, что термин является такой же языковой единицей, как и слово, поэтому признавал и синонимии терминов (например «лингвистика» – «языкознание»), и отраслевую многозначность (например «морфология» в языкознании и биологии)⁴.

Идея о системном характере термина и об упорядочении терминологии нашла отражение в работах Н.В.Юшманова. Признаки термина стали рассматриваться с учетом его системности в силу того, что вне системы термин детерминируется и обретает свойства обычного слова. А.М.Терпигорев (1953) предъявил даль-

нейшие требования к термину: выражение сущности понятия, русскоязычную основу (иноязычный корень он считал недостатком термина) и краткость, тем самым исключив из числа терминов словосочетания⁵.

Огромный вклад в разработку идей терминологии в тот период внесли В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, А.А.Реформатский. Период отечественного терминоведения до 1960-х годов носил «предписывающий» характер и получил название **пре-скриптивного**⁶. Терминосистема противопоставлялась другим лексическим подсистемам в контексте семантики, а не структуры. В термине выделялись следующие признаки: 1) однозначность в пределах терминосистемы; 2) точность значения; 3) отсутствие экспрессии и стилистической окраски; 4) наличие дефиниции; 5) номинативность; 6) контекстуальная независимость. В то же время структура терминов признавалась неотличимой от структуры обычных слов (А.А.Реформатский). В прескриптивный период были введены понятия «идеальный термин» и «терминосистема» (Д.С.Лотте), «терминологическое поле» (Л.А.Капанадзе); рассматривались проблемы функционирования терминов в лексике и логосе (А.А.Реформатский), соотношения понятий «термин» и «терминология» (Л.А.Капанадзе); проводились попытки унификации терминов (Д.С.Лотте, Т.Л.Канделаки), упорядочения терминологии (Н.В.Юшманов)⁷.

Многие проблемы в тот период не были решены, так как их решению препятствовала сама специфика прескриптивного направления. К их числу относятся: определение природы термина, место терминов в лексике национального языка, проблема выполнимости требований к термину⁸.

Все эти проблемы встали перед терминоведами в начале второго, **дескриптивного**, этапа, для которого характерен отказ от предъявления к термину жестких семантических требований. Отечественные ученые начинают предпринимать попытки отделения терминов от остальной специальной лексики.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С.Ахмановой (1966) были окончательно разграничены понятия «термин» и «номен» (номенклатурная единица); сам словарь до сих пор является одной из наиболее цитируемых терминологических работ. В.А.Звегинцев в работе «Проблема знаковости языка» (1956) высказал особую точку зрения об отсутствии у термина лексического значения в том смысле, что термин – это не слово, а средство обозначения понятия. Поскольку содержание понятия со временем может изменяться, то изменяется и содержание термина. Межотраслевую многозначность терминов, признанную в свое время Д.С.Лотте, В.А.Звегинцев считал омонимией⁹.

В 1969 г. было официально принято название науки «**терминоведение**». Само слово «**терминология**», которое ранее относилось и к науке, и к некому количеству терминов, стало обозначать лишь «совокупность терминов определенной области знания», однако подразумевалось, что «**терминосистема** – это орга-

низованная совокупность терминов, а терминология лишь доступна сознательному упорядочению»¹⁰.

На терминологическом симпозиуме 1971 г. в Москве впервые было признано, что в одной терминсистеме термин может иметь более одного значения (что наглядно видно на примере экономической сферы). Сегодня некоторые ученые рассматривают многозначность термина не только как возможное, но и как неизбежное качество, возникающее вследствие ограниченных словообразовательных ресурсов языка.

Все большее число лингвистов убеждается в том, что требования, предъявляемые к «идеальному термину», на практике труднодостижимы. Как следствие, трактовка терминов все больше сближается с трактовкой слов. Еще в 1952 г. вышла работа Р.Г.Пiotровского «К вопросу об изучении термина», в которой автор пытался обосновать возможность коннотации у терминов. Эта статья вызвала полемику среди исследователей и нашла немало сторонников.

И.З.Котелова высказала более четкую точку зрения: «термины – слова, и ничто языковое им не чуждо». Таким образом, термин стал признаваться обычным словом, что подразумевает наличие у него всех признаков обычного слова, и все признаки термина считаются не более чем желательными.

Признание возможности многозначности термина в пределах одной терминсистемы повлекло за собой признание необходимости контекста для возможности интерпретации термина. Благодаря работе В.Н.Прохоровой «Об эмоциональности термина» от положения о контекстуальной зависимости и наличии у термина дополнительных значений был сделан шаг к признанию того, что значения могут быть оценочными.

Что касается вопросов структуры термина, то эволюция научных взглядов шла медленней, чем в сфере семантики. Согласно представлениям о номинативной природе термина, характерным для прескриптивного периода, «идеальными терминами» считались только имена существительные. А.А.Реформатский объяснял это тем, что от прилагательных труднее образовать однокоренные слова¹¹. Однако, памятуя о том, что «термины – слова, и ничто языковое им не чуждо», было признано, что термины не должны быть структурно ограниченными, и как следствие терминологический статус получили другие самостоятельные части речи, а также все типы словосочетаний.

Таким образом, в период дескриптивного терминоведения возникли новые направления: 1) изучение использования и функционирования терминов в художественном тексте и в других контекстах (Т.С.Коготкова, Н.Т.Михайловская, Т.И.Панько, В.Н.Шевчук); 2) изучение терминов в связанном тексте (В.П.Даниленко); 3) анализ семантических, морфологических, словообразовательных аспектов терминологии (Б.Н.Головин, Г.Н.Кобрин); 4) выявление особенностей терминсистем разных на-

учных дисциплин, а также принципов лексико-морфологического описания терминологий (А.С.Герд, М.А.Марусенко); 5) изучение проблем лингвистической терминологии, в рамках которой выделяются пласт общеязыковой лексики, общенаучной лексики (нетерминологическая лексика, используемая в языке науки) и собственно терминологии (школа О.С.Ахмановой)¹².

Отечественное терминоведение на современном этапе представляет собой комплексную науку, изучающую различные аспекты происхождения и функционирования терминов как в одном, так и в нескольких языках, а также направления, отражающие взгляды ученых на сущность и структуру термина вообще.

Общее терминоведение делится на теоретическое и прикладное. Теоретическое занимается анализом содержательной, формальной и функциональной природы отдельных терминов и их совокупностей; прикладное изучает вопросы получения и использования результатов терминологической деятельности, а также занимается обучением терминоведению. Теоретическое терминоведение подразделяется на сопоставительное и историческое. Сопоставительное уделяет внимание сравнению и анализу отдельных терминов и их совокупностей одной или близких специальных областей знания при различии естественных языков, на базе которых существуют эти термины и их совокупности, либо теорий, лежащих в их основе. Историческое (диахроническое) занимается вопросами формирования и развития совокупностей терминов в зависимости от формирования и развития специальных областей знания или деятельности, развития и смены теорий, описывающих их¹³. С сопоставительным и историческим терминоведением пересекается типологическое, которое изучает структурные, семантические, функциональные и исторические характеристики терминов и терминологий для установления их общих и частных особенностей¹⁴. Коммуникативное терминоведение основано на разграничении терминов языка и терминов речи, в рамках этого направления термины изучаются в реальной профессиональной и речевой коммуникации и в тексте.

Некоторые новые тенденции современного отечественного терминоведения позволили ведущему российскому терминоведу В.М.Лейчику сделать вывод о начале третьего «**постдескриптивного**» периода, для которого характерно рассмотрение терминов не как части словарного состава общелитературного языка, а как лексических элементов **языков для специальных целей**¹⁵.

Современное отечественное терминоведение характеризуется следующими признаками: прикладным характером исследований; ориентацией на реально существующие лексемы; вниманием к вопросу природы термина; анализом как семантических, так и структурных и функциональных характеристик термина.

Экстралингвистические факторы на настоящем этапе благоприятны для дальнейшего развития науки о терминах, разнообразие направлений современной науки приводит к тому, что специальная лексика в различных языках подвергается

пристальному вниманию. Однако, несмотря на многоплановость и иногда даже противоречивость лингвистических подходов, решающим компонентом научных исследований должны стать унификация и стандартизация терминологии.

Как правомерно указывал Н.И.Конрад¹⁶, «необходимо считаться и с тем, как представляли себе явления своего языка сами его носители. Пренебрегать поэтому национальным языкознанием нельзя, [...] история языкознания дает интересный материал для того, как воспринимался языковым сознанием народа его язык [...]».

Анализ деятельности «Национальной академии корейского языка»¹⁷ и других авторитетных лингвистических сообществ Республики Корея позволяет сделать вывод о том, что южнокорейское терминоведение не имеет четко разработанной теоретической базы, т.е. вопросы теоретической терминологии, которые, для сравнения, в России изучаются более 70 лет, не ставятся практически никем. Южнокорейское терминоведение имеет особенность, не характерную для более развитой терминологической традиции: в нем не выделяются практическая и теоретическая основы, более того, термины изучаются с точки зрения происхождения, структуры и функционирования в общем разделе лексикологии.

Для южнокорейской лингвистической науки в целом типична практическая направленность, которая диктуется необходимостью составления словарей, а теоретические разработки служат практическим целям упорядочения, классификации и описания материала. Таким образом, лингвистические работы корейских ученых являются фундаментом для лексикографии, которая довольно хорошо развита на настоящий момент в Республике Корея, однако система представлений о термине и терминологии лишена широты диапазона научных теорий отечественного терминоведения.

Для южнокорейской лингвистики характерно единообразие теоретических взглядов, а также «популярных» тем исследования. Одним из таких тем является вопрос стандартизации иностранных заимствований и неологизмов. Ежегодно выходит несколько работ, посвященных этим лексическим единицам. Выпускаются словари специальной лексики и сборники материалов по некоторым специальным отраслям знаний, однако в основном они построены по принципу, который был характерен для прескриптивного периода отечественного терминоведения: один термин – одно значение.

Достаточно обширны исследования и усилия южнокорейских ученых в области *국어 순화 國語 純化* [*күгү сунхва*], что дословно означает «очищение государственного языка», однако на иностранный язык деятельность лингвистических сообществ, которые занимаются так называемым «очищением» языка чаще всего переводится как «стандартизация, унификация» лексики (на наш взгляд из соображений политкорректности).

Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией Ярцевой дает следующее определение: «Термин (от латинского *terminus* – граница, предел) –

слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности». Для сравнения, соответствиями слова «термин» в корейском языке являются две лексемы (*학)술어 (學)術語* [*хак)сүрө*] (дословно «слова/язык (науки) и техники») или *용어 用語* [*ёнё*] (дословно «использующиеся слова/язык»). Как видно, этимология слов в корейском и русском языках отлична, а, следовательно, отличаются и подходы к изучению этих языковых явлений.

Хаксүрө/сүрө в южнокорейской языковой действительности используются только для терминов точных наук и, предположительно, являются калькой «technical word/scientific word», которые употребляются англо-американской школой для номинации понятия «термин». В свою очередь *ёнё* используется для лексических единиц, присущих любой отрасли знания или деятельности. Корейско-английский словарь¹⁸ дает следующее словарное значение *용어 用語* [*ёнё*]: 1) термин, терминология, терминосистема; 2) жаргон, язык, профессиональный язык; фразеология; лексика. В противовес южнокорейской школе, в советско-русской традиции друг другу противопоставляются термины и терминоподобные лексические единицы. Так, например, С.В.Гринева выделяет следующие виды специальных лексем: «термины, номены, терминоиды, предтермины, квазитермины, прототермины, псевдо-термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы»¹⁹. Корейско-русский словарь²⁰ толкует слово *ёнё* как «термин, терминология, номенклатура». Иероглифический компонент *어 語* [*ё*] имеет значение «слово, язык, речь». В свою очередь единица грамматики *ёнё* предполагает включение в свой состав всех лексем, которые потенциально могут «использоваться» (*용 用* (и [*ёнё*]) той или иной областью науки, знания, деятельности. По этой причине южнокорейское лингвистическое восприятие понятия *ёнё* автоматически исключает споры о том, что можно считать термином: простое, сложное слово, словосочетание, аббревиатуру и пр.; споры о центре и периферии в терминологии; о преобладании у терминов номинативной функции, о стабильности формы, о наличии у терминов многозначности, омонимии, синонимии, о независимости от контекста, наличии эмоционально-оценочной коннотации, споры обо всем том, что «отграничивает» (см. определение Лингв. энци. словаря) термин от слов общеупотребительной лексики.

Лингвистический термин *용어법 用語法* [*ёнёобёп*] (дословно «законы использующихся слов»), часто переводится на русский язык как «терминология, терминоведение». Однако термины корейского и русского языка не идентичны с точки зрения передаваемого понятия, так как в корейской лингвистике – это действительно лишь «законы», а не самостоятельный раздел в науке о языке.

В работах корейских лингвистов по лексикологии определение термина *ёнё*

встречается не часто, а если и встречается, то носит поверхностный характер. Пишущие о специальной лексике авторы ограничиваются самыми общими утверждениями, что, с одной стороны свидетельствует о недостаточной изученности вопроса, а с другой – убеждает в мысли, что теоретическая основа, на которую опираются в настоящее время южнокорейские ученые, занимающиеся терминами, еще только формируется под влиянием англо-американской школы. Эти обстоятельства пока не позволили корейским исследователям сформулировать максимально емкое определение «термина», которое могло бы снять все существующие противоречия и недосказанности в работах корейских авторов.

Вывод таков: южнокорейское языкознание, в отличие от отечественной школы, не разграничивает ключевые понятия терминологии, и вследствие этого требования, предъявляемые к термину не строги, так как терминология находится пока на этапе систематизации и унификации, а не теоретического анализа. Поэтому можно говорить лишь о возникающих предпосылках к началу формирования терминоведения, как отдельной дисциплины в Республике Корея, в то время как отечественное терминоведение стоит на пороге качественно нового скачка в своем развитии.

Примечания

- ¹ Похолкова Е. А. Процессы интернационализации в экономической терминологии корейского языка // Корейский полуостров и вызовы глобализации: Доклады X научной конф-и корееведов России и стран СНГ. Москва, 29-30 марта 2006 г./ РАН, ИДВ. М., 2006. С. 278.
- ² Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. С. 24.
- ³ Татаринев В. А. Истории отечественного терминоведения Т. 2. Направления и методы терминологических исследований. Очерк и хрестоматия. Кн. 1. М.: Московский лицей, 1995.
- ⁴ Там же. С. 16.
- ⁵ Там же. С. 19.
- ⁶ Касьянов В. В. Сопоставительный анализ современной терминологии финансовой деятельности в английском и русском языках. Дисс... канд. филол. наук. М., 2001. С. 23.
- ⁷ Там же. С. 25.
- ⁸ Лейчик В. М. Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дисс... д-ра филол. наук. М., 1989. С. 2.
- ⁹ Татаринев В. А. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁰ Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 163–198.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Касьянов В. В. Указ. соч. С. 29.
- ¹³ Лейчик В. М. Указ. соч.
- ¹⁴ Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. С. 2.
- ¹⁵ Касьянов В. В. Указ. соч. С. 31.

- ¹⁶ Конрад Н. И. О национальной традиции в китайском языкознании // Вопросы языкознания. 1959. № 6. Цит. по: Алпатов В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979.
- ¹⁷ 국립국어연구원.
- ¹⁸ 에센스 한영 사전. 민중서림. 서울. 1997. Essence Korean-English Dictionary. Minjongsorim. (Корейско-английский словарь. 3-е изд. испр. 105 тыс. сл.) Изд-во Минчжуньсорим, 1997.
- ¹⁹ Гринев С. В. Введение в терминологическую лексикографию. М.: МГУ, 1986. С. 30.
- ²⁰ 한러 사전. 한국러시아문화회 편. 러시아어문학사. 서울. 2002. (Корейско-русский словарь. Сеул: Изд-во «Русская литература», 2002).

Н. И. Ну*

КОРЕЙСКИЙ МОДЕРНИЗМ

Корейский модернизм зарождался в условиях колониального режима (1910–1945). В тот сложный период корейские поэты знакомились с европейской культурой через японские переводы западноевропейской литературы. Многие получили образование в Японии – это был единственный путь, чтобы в колониальных условиях приобщиться к мировому культурному процессу. Поэтому не всегда новые европейские веяния воспринимались адекватно и правильно.

В поисках новых форм и образов поэты пытались отразить жестокое время, искали пути самовыражения. На смену традиционному опосредованному восприятию мира приходит смелое субъективное выражение своего внутреннего «я». Это был период, когда корейские поэты, несмотря на колониальную зависимость страны от Японии, писали на родном языке и использовали метрическое разнообразие и звуковое богатство корейского языка.

Поэты стали писать вольными стихами. Предшественниками вольных стихов были традиционный жанр корейской поэзии *каса* и популярные в начале века песни *чанга*. Обращение к песням *чанга*, положенным на западноевропейскую музыку, были очень популярны в то время. Все началось с пения протестантских гимнов: постепенно их стали петь по всей Корее. Песни *чанга* были вдохновенными патриотическими гимнами, в которых пелось о независимости, новом образе жизни, новой культуре¹. *Чанга* стали ступенью к вольному свободному стиху. Распространение протестантского направления христианства в Корее в начале XX в. помогло усвоению либеральных идей Запада. Христианство выступило в роли проводника европейской цивилизации в Корее. Миссионеры поняли, что концепция «Хананима» («Великого Единого Бога») в традиционных верованиях корейского народа удивительно схожа с идеей единого Бога в христианстве².

Япония была сторонницей светской культуры как основного элемента западноевропейской цивилизации, для которой любая из религий была устаревшей. В Корее подобные идеи в качестве современных ценностей не могли быть приняты из рук японцев³.

Становление модернизма в корейской поэзии тесно связано с такими именами, как Чон Чжи Ен, Ким Кван Гюн, Ким Ки Рим, Ким Су Ён и др. Новое направ-

* Институт востоковедения РАН, Москва.

ление в корейской литературе возникло в середине 1920-х годов. Южнокорейский исследователь Пак Он Ги в своей монографии пишет о событии, которое привлекло взоры корейской творческой интеллигенции: первой конференции «Школы поэтов», организованной в июне 1926 г. японскими студентами, обучавшимися в Сеуле⁴.

Родоначальником корейского модернизма по праву считают Чон Чжи Ена (1903–1950). Как и многие образованные корейцы того периода, он получил образование в Японии. Стихотворение «Кафе «Франция»» Чон Чжи Ена написано под влиянием модных модернистских течений, в нем мы видим субъективную оценку поэтом происходящих событий.

Привезли и посадили пальму,
Под ней стоит кривой фонарный столб,
Пойдем в кафе «Франция».

Этот негодник в рубашке,
Другой – в богемном галстуке.
Впереди всех выскочил сухой и бледный тип.

Моросит ночной дождь, как змеиные глазки.
На мощеной дороге хнычут блики огней.
Пойдем в кафе «Франция»

Голова этого негодника – гнилое яблоко,
Сердце другого – роза, изъеденная тлём.
Ласточкой порхает какой-то мокрый тип.

«О, жених Пьеро, good evening!»
«Good evening!» (Что делать с этим другом?)
Девушка-цветок и этой ночью
За шелковым занавесом дремлет!?
Я – сын дворянина ничего не значу.
Выделяюсь белыми руками, и от этого грустно.
Нет у меня ни страны, ни дома.
В грусти к мраморному столику прикоснулась щека.

О, заморский щенок,
Оближи мои ноги,
Оближи мои ноги!

Стихотворение «Газовый фонарь» Ким Кван Гюна впервые напечатано в 1939 г. в газете «Чосон Ильбо», вошло в сборник с одноименным названием «Газовый фонарь» (Васадынь), изданный в том же году. Одиноким огонь в пустынном небе – знак, показывающий дорогу в неизвестность. Страх в обществе, у страха появились очертания – длинная широкая тень или большой огромный зверь, имя которому ТЕМНОТА, она сидит в человеке и душит его изнутри. Темнота в душах, в умах людей, она заслонила веру и надежду в свободу. «Куда же идти?» – спрашивает поэт и не видит ответа.

После освобождения страны (1945 г.) и Корейской войны (1950–1953) в обществе намечаются преобразования. Нищая полуфеодалная страна становится на путь политических преобразований. В результате противодействия мировых супердержав Корейский полуостров был разделен по 38-й параллели.

Многие видные поэты и писатели оказываются на Севере. Судьбы многих сложились трагически (Ли Гван Су, Ким Ки Рим, О Джан Хван и др.). Среди них и Чон Чжи Ен, который был арестован на Севере и умер в тюрьме.

С этого периода поэзия модернизма и зарождающегося постмодернизма продолжает развитие на Юге. Экономические реформы, прямая возможность корейцев познать европейскую культуру стали влиять на духовное развитие корейского общества. Народ, живущий в условиях анархии в период авторитарного правления Ли Сын Мана, а затем в жестких рамках военной диктатуры Пак Чжон Хи, стал более свободен в выражении демократических идей. В корейской поэзии модернизма появляются новые имена.

Среди них Ким Су Ен (1921–1968), творчество которого оказало большое влияние на поэтов последующих поколений. Его поэзия динамична, в ней большое внимание уделено ценности человеческой личности.

Крутится волчок

Жизнь моя, будучи круче любого романа,
Все вывернула наизнанку.
Размышляя о грузе прожитых лет,
Наивными глазами
Смотрю, как ребенок раскручивает волчок.
Вдруг волчок постепенно становится черным...

Появляется серая мгла.....
Внезапно привиделся мир неземной.
Но крутится волчок
Крутится волчок

Ради независимого существования – ты и я тоже
в круговороте движения.
Ставшая общей идея – быть в вечном движении, чтобы
выстоять и не плакать.
Но постепенно, останавливая движение?!
Крутится волчок
Крутится волчок.

В стихотворении «Шалости Луны» (1959) появляется ирреальный мир, воплощенный на уровне воображения, чувствования. Прием нагнетания, лексические повторы создают атмосферу тревоги. Серая мгла заслоняет собою реальный мир, где беззаботно резвится ребенок. Но это уже не та безысходная черная «темнота», которая присутствует в стихотворении Ким Кван Гюна «Газовый фонарь». Серая мгла исчезает, а волчок продолжает крутиться. Волчок – знак постоянного движения. Два мира – две реальности: волчок – серая мгла. Поэт призывает к движению вперед: чтобы выстоять и не плакать. В этом утверждении сплелись конфуцианский стоицизм и протестантская этика.

В 1960–1970-х годах создается поэтическое общество «Хёндэ си» (Современная поэзия). Поэты этого направления, широко образованные люди, экспериментировали в области поэтического языка и формы, изучали литературоведческие труды на западноевропейских языках. В их произведениях появляется недостающее корейской поэзии светское восприятие западной культуры. Поэт становится более свободной творческой личностью. Поэты данной группы, восприняв модернистские элементы, органично ввели их в свое творчество, не отказавшись от традиции.

Ли Сын Хун, Чон Хен Чжон, О Кю Вон и др. – поэты нового направления в корейской поэзии, для них характерны новаторские поиски в использовании звуковых возможностей корейской стихотворной речи. Поэтические сборники Ли Сын Хуна «Объект А» (1969), «Твой портрет» (1981), «Предметы» (1983), Чон Хен Чжона «Сны вещей» (1972), «Нет времени для любви» (1989), а так же О Кю Вона «Лирические стихи, созданные на этой земле» (1981), «Иногда я хочу быть незаметным» (1978) демонстрируют новый поэтический мир⁶.

Эти поэты отличаются друг от друга в изображении поэтического объекта и в своем отношении к происходящему, но похожи в своих поисках.

Поэзия постижения внутреннего мира, второго скрытого «я», подсознания человека – тема нетрадиционная для корейской культуры. «Каждая личность индивидуальна», – говорят эти поэты, что характерно для даосской философии и идеологии протестантизма. Революция в чувствах – так можно охарактеризовать их поэзию.

Стихотворение «Крик души» из сборника Ли Сын хуна «Объект А» (1969).

Исхожу багровым ором,
Убежать – самоочиститься.
Увидели кровь – испугались два глаза,
Долго и безнадежно глядя в микроскоп.

Кто на этой земле родился,
Цветущие звезды прибил.
В моей голове изнутри – громкий ор,
Каждый раз возникает и куда-то уходит.

Исхожу багровым ором...
Лазурное море обмелело.
Даже ночью прохладной изнутри душит плач.

Длинные мухи хитры изворотливы.
Живые стебли травы пытаются отнять нож
Из мерзких рук мужчины.
Тепленький, страшный сверкающий нож...
Увидели кровь – испугались два глаза.

Отчаяние мое затянулось.
Беспорядочно падают юные звезды...
В детское время – протяжный крик
Огненный язык целует.

Словно голодный и жаждущий пить,
едва стою на ногах, держась за хлипкую стену...
Убежать – самоочиститься.
Жиром заплывшая цивилизация
Каждый раз, появившись, куда-то уходит...

Произведения из этого сборника Ли Сын Хун назвал «Стихотворениями без объекта». Это разговоры с самим собой, отрешенные монологи. В эссе «Объект А», который является и названием этой книги, Ли Сын Хун описывает обезглавленную белую курицу, подпрыгивающую во дворе. Это не описание реального случая, а скорее всего модель писательского сознания, которое опустошено и не находит себе места.

Сборник О Кю Вона «Лирические стихи, написанные на этой земле», опубликованный в 1981 г. издательством Мунхаккванджисоньса, точнее всего можно назвать «стихами наоборот».

В композиции книги не соблюдена временная последовательность написания стихотворений, а скорее, напротив: первая часть содержит стихотворения, созданные в 1981 г., вторая – написанные в 1980 г., третья – созданные с 1978 по 1979 г., четвертая состоит из произведений, написанных между 1969 и 1977 гг. Книга раскрывает позицию автора, который разоблачает обычные традиционные представления. Автор в иронической манере показывает мир твердо устоявшейся рутины, который легко можно разрушить. Ему свойственно художественное манипулирование образами. Он критикует замкнутое материальное пространство, в котором старается жить обыватель.

Хоть и «дверь», – говорят:
«Не открыть, не закрыть,
Постучишься – не открывают».
В каждом доме есть дверь...
Дверь – в каждом доме.
Проломив забор или стену, можно войти,
Но забор и стена –
Для другого...

Да, проломив забор или стену, можно войти,
Хоть и предназначение им
Другое...
Забор и стена – не способ войти.
Есть более верный способ – войти,
Это – дверь!

В отрывке из стихотворения «Дверь» перед нами – образец иронии, пародии, обычная вещь материального мира становится предметом художественного изображения.

Во второй половине XX в. поэты первыми почувствовали перемены, происшедшие в общественном сознании. Модернизм, принесший определенные новшества в корейскую поэзию, не нарушил традиционного восприятия в сознании поэтов, конфуцианская логика в изображении поэтического образа оказалась сильнее стихийных модернистских новшеств.

Примечания

- ¹ Иванова В. И. Новая проза Кореи. ИВ АН СССР. М.: Наука, 1987.
- ² *Mamoru Nakamura* (Stockholm, Sweden) The influence of Christianity on the mind of Korean and Japanese people. *Мамору Накамура*. Влияние христианства на корейское общество // Вопросы истории Кореи. 2004: Сб. статей / Под ред. С. О. Курбанова. С-Пб., 2004. С. 28–47.
- ³ Там же. С. 40.
- ⁴ *Пак Он Ги*. Модернизм в современной корейской поэзии (на кор. яз.). Хангук хёндэ си-ьи модониджым ёнгу. Сеул: Тандэ чхульпханбу, 1988. С. 24–25.
- ⁵ *Долин А. А.* Новая японская поэзия. ИВ АН СССР. М.: Наука, 1990.
- ⁶ The 100 years of Modern Korean Literature [100 лет современной корейской литературы]. Сеульский Государственный Университет, 2000, (CR-2000). С. 1–23.

Г. А. Аманова*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ В ПЕРИОД ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА (1896–1908 гг.)

Выход Кореи в конце XIX в. на международную арену, отказ от политики самоизоляции, возникновение культурных и деловых отношений с иностранными государствами, и прежде всего с Японией, дали импульс к серьезным сдвигам в культурном развитии страны.

Период 1896–1908 гг. стал важным этапом в развитии корейской литературы и рассматривается как переходный от старой, традиционной литературы к современной. На становление литературы переходного периода большую роль оказали несколько факторов. Это распространение в стране христианства, подъем просветительского движения, создание газет и журналов, активная переводческая деятельность.

В начале 1880-х годов христианские миссионеры активно занимаются социальной, образовательной и просветительской деятельностью, и их влияние в Корею растет. Они играют важную роль в становлении национальной периодики. Распространению христианства способствует и большая переводческая и издательская деятельность миссионеров. Она начинается с перевода в 1882 г. Евангелия от Луки Джоном Россом, изданного в следующем году. Американское Библейское общество в Японии при помощи корейских студентов сделало перевод на корейский язык Евангелия от Марка, который вышел в свет в 1884 г. В 1910 г. Хорас Дж. Андервуд и Генри Дж. Аппенцеллер заново перевели Новый завет и сделали перевод Ветхого Завета.

В 1884 г. в Корею были известны лишь фрагменты нескольких христианских гимнов. В 1886 г. в женской школе Ихва учили христианские гимны на английском языке, а в 1890 г. гимны, переведенные на корейский язык, пели и ученицы школы Ёнхва. Однако эти гимны не были широко известны даже среди прихожан христианских церквей. Только с появлением сборника под названием «Гимны» (1892) под редакцией Джорджа Х. Джонса и Луизы Розвеллер корейские христиане познако-

* Институт востоковедения РАН, Москва.

мились с текстом 27 гимнов. В 1894 г. был опубликован второй сборник «Песни восхваления» под редакцией Хораса Дж. Андервуда, который содержал 114 гимнов, и третий сборник вышел в свет в 1895 г. под названием «Стихи восхваления» под редакцией Г. Ли и Гиффорда, который содержал 54 гимна. «Общий сборник церковных гимнов» был издан в Корею в 1908 г.

Эти сборники постепенно обрели популярность и имели широкое хождение не только среди прихожан церкви, но и в среде молодых корейских писателей и поэтов.

Просветительское движение конца XIX – начала XX вв. также рассматривало литературу как важный инструмент распространения своих идей. Многочисленные просветительские общества, школы создавали свои гимны, которые пелись на западные мелодии. Эти гимны получили название «чанга». Эта поэзия берет свое начало с «Песни патриотов» (애국 가), которая была опубликована в газете «Независимость» (독립) в 1896 г. Текст чанга обязательно носил нравоучительный или агитационный характер. Тематика песен сводилась к призыву к патриотическому действию, прославлению разного рода новшеств, способствовавших модернизации жизни корейского общества.

Газета «Независимость», которая стала выходить в свет в 1896 г. положила начало широкой публикации просветительских стихов и гимнов. Она выходила под редакцией Со Чан Иля – лидера движения за современную культуру в Корею. Вслед за «Независимостью» просветительские стихи и гимны стали публиковать газеты:

帝国新闻 Имперские новости (1898–1910) (Cheguk sinmun)

皇城新闻 Столичные новости (1898–1910) (Hwangsong sinmun)

大韩日报 Корейская ежедневная газета (1905–1910) 대한신문 (Taehan ilbo)

大韩每日新报 Ежедневные новости Кореи (1905–1910) 대한매일신 (일간) 신문 (Taehan maeil sinbo)

Национальная периодика стала самым важным инструментом в деле пропаганды просветительских идей. Именно с помощью газет и журналов просветительские стихи-песни получили быстрое и широкое распространение среди широких слоев населения.

Таким образом, церковь, просветительские общества, учебные заведения и периодика занимались одним делом – популяризацией новых идей. Это обстоятельство придало просветительскому движению массовый характер.

Принято считать, что вся поэзия переходного периода более или менее однородна, и ее обычно называют «чанга», однако специалисты по современной корейской литературе расходятся во мнении о природе, характере и хронологии этих песен и стихов.

Стихи и гимны, опубликованные в периодике, и песни, сочиненные в церквях

и школах, различаются по форме и содержанию. Их можно подразделить на три типа.

Первый тип включает песни, которые были сочинены по образцу текстов христианских гимнов. Например, песня «고종황제 죽가», которую исполняли в церкви Симеона в Сеуле на праздновании дня рождения короля Коджона в 1896 г. была сочинена по мотивам национального гимна Англии «Боже, храни короля!». Слова корейской песни похожи на этот гимн:

Божественный властелин,
Милосердный Бог,
С милосердием обрати свой взор на нас;
Храни это королевство,
Эту землю,
О, Властелин,
Спаси эту землю.

Песня Ким Ю Тхэка, под названием «Песня просвещения» «권학가», опубликованная в «Новостях Империи» (제국 신문), также была сочинена на мелодию христианского гимна № 078 Ch'ansyong-si:

Время течет безжалостно
Уйдя однажды, не возвращаемся вновь.
Вчерашние молодые парни
Сегодня быстро поседелели.

Припев:

Работай усердно, работай усердно;
Приложи все усилия в своем образовании;
Работай усердно для страны.

Второй тип состоит из песен, сочиненных на западные мелодии. Например, в 1896 г. студенты Падже в Сеуле на церемонии закладки камня арки Независимости пели песню сочиненную Юн Чхи Хо, мелодия которой была взята из шотландской народной песни «Песня старых времен» («Auld Lang Syne»). Первая строфа этой песни звучит так:

Святые сыны бога на протяжении пяти веков
Есть наша власть
Восточный полуостров с высокими горами и хрустальной водой
Есть наша родина.

Припев:

Прекрасный гибискус, земля в три тысячи ли,
Позволь нам, корейцам, хранить ее вечно.

Третий тип создан по образцу японских песен. Так, в 1908 г. Чхве Нам Сон написал песню в честь празднования железной дороги Сеул – Пусан, построенной в 1903 г. Как он писал позже, эта песня была сочинена по образцу японской железнодорожной песни «Tetsudo Shoka». Обе песни написаны размером 7-5, который долгое время был популярен в старой японской поэзии. Этот размер вновь стал широко использоваться в новой японской поэзии после 1882 г., когда сборник стихов нового стиля, под названием «Синтайси-шо», вышел в свет в Токио. Вот несколько строк песни Чхве Нам Сона «Песня железной дороги Сеул – Пусан» «철도가»:

Со звучным голосом парового свиста
Поезд оставляет позади Южные ворота
И стремится со скоростью ветра
Даже быстрее, чем летящие птицы.

Специалист по английской литературе Ким Бэк Чхоль, считает, что корейские христианские гимны были «движущей силой», которая оказала сильное воздействие на все поэтические песни, сочиненные в последней декаде XIX в., и вторым важным фактором он считает появление песен Чхве Нам Сона. Христианские гимны несли с собой новые идеи, образы, поэтическую лексику, их авторы широко использовали разбивку произведений на строфы, которые сильно менялись от гимна к гимну. Поэтому здесь встречаются размеры /5-5/, /6-5/, /4-5/ и др.

Большинство же песен переходного периода оставались традиционными по форме и имели строго установленный размер 4-4, который перешел из традиционных *каса* династии Ли. Оставаясь традиционными по форме, «просветительские *каса*» по своему содержанию соответствовали духу времени и озвучивали новые просветительские идеи. Второй немаловажный момент – это то, что авторы этих стихов не были профессиональными литераторами и поэтому, пропагандируя идеи просветительства, они использовали уже известные поэтические формы.

Некоторые корейские литературоведы разделяют эту поэзию на «просветительские стихи» (계화시) и «просветительские *каса*» (계화가시). Они считают, что «просветительские *каса*» появились позже, чем «просветительские стихи». Критик Сон Мин Хо полагает, что «просветительские стихи» в художественном отношении превосходят «просветительские *каса*». Он считает, что главное отличие «просветительских стихов» от *каса* династии Ли состоит в их строфической форме. Кроме

нескольких исключений, все «просветительские стихи», опубликованные в «Независимости», имеют пробелы между строфами в одну строку. Эти пробелы, обозначающие стихотворные единицы, использовались для удобства в пении. И в редких случаях мог быть использован рефрен, пришедший под влиянием христианских гимнов. Благодаря этим рефренам форма «просветительских стихов» потеряла однообразие. Но есть и «просветительские *каса*», где строфическое деление дается посредством пробела. Например в следующих произведениях:

«Песне о текущей ситуации» Каю. 30 сентября по 5 октября 1905 г.;

«Песне, поддерживающая преданность» Myonch'un-ga. 5 декабря 1905 г.;

«Неозаглавленная песня» 7 января 1906 г.;

«Песне демонстрантов» «운동가» Undon-ga. 2 июня 1906 г.;

«Песне 12 емкостей» Sibunuga. 7 июня 1906 г.;

«Песне патриотического движения» «애국운동가» Aeguk undon-ga. 13 июня 1906 г.

Однако нельзя согласиться с мнением, что разбивка стихов на строфы стала достижением поэзии переходного периода. Многие фольклорные песни имеют четкое деление на строфы. «Песня Сеула», написанная Хасан Коса и опубликованная в 1844 г., есть убедительное доказательство того, что строфическое деление существовало и до современной поэзии. (Эти песни печатались в характерной в двустроичной строфе, каждая строка имела две четырехслоговые фразы).

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что картина развития корейской поэзии 1896–1908 гг. интерпретируется корейскими литературоведами по-разному. Например, Пак Чхоль рассматривает поэзию переходного периода как более или менее однородную и называет ее «чханга». Он считает, что «чханга» пришла из христианских гимнов и, начиная с 1896 г., благодаря публикациям в газетах стала достоянием широкой общественности. Поэт Чо Чжи Хун подразделяет эту поэзию на «просветительские *каса*» (계화가시) (1896–1910) и «чханга» (창가) (1908), а критик Сон Мин Хо дает следующую хронологию: «просветительские стихи» (계화시) (1896–1899) – «просветительские *каса*» (계화가시) (1905–1910) – чханга (창가) (1908).

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что поэзия переходного периода развивалась под влиянием идей, пришедших извне.

Этот период в корейской поэзии завершился после создания первого литературного журнала «Юношество» («Сонен») в ноябре 1908 г., когда «стих нового стиля» (신시) совсем вытеснили «чханга».

Л. Б. Хван*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Являясь важным инструментом восприятия иноязычной культуры, литература всегда была универсальным ключом к познанию национальной ментальности, народных традиций и духовного уклада страны. Бытует мнение, что основанием для сближения или конфронтации наций являются единство или противоречие экономических интересов государств. И не духовное наследие народов, не их культурное богатство, а именно экономические отношения способствуют вспышке интереса к познанию национальных культур экономических партнеров. Бесспорно, что торговые отношения, предполагающие контакты носителей различных культур, способствовали их взаимопроникновению и взаимовлиянию. Однако, принимая возможность такого подхода лишь в рамках очень узкого периода, можно полностью его опровергать, исходя из временного и пространственного анализа истории.

Вместе с тем необходимо отметить, что процесс познания и восприятия иноязычной культуры может базироваться на близости и схожести ментальности ее носителей. С другой стороны, этот процесс может происходить и как естественное стремление наций к духовному совершенству через познание великих культур иноземцев.

Анализируя особенности русской и корейской литературных традиций, можно определить общие закономерности их схожести и различий. Схожесть, свойственная всем литературам мира, заключалась в том, что в центре литературных произведений стоит герой, выказывающий через свои мысли и действия свое отношение к окружающему миру, задумывающийся о смысле жизни и предназначении человека за отпущенное ему мгновение пребывания на Земле. Различие заключалось в художественных формах и тематике, преобладающих в тот или иной исторический период, которые не могли быть у разных носителей культур совершенно идентичными. Так, тема одиночества, свойственная русской литературе XIX в.,

была преобладающей в корейской литературе XX в. Русская дидактическая литература, получившая расцвет в XVIII в., была свойственна корейской литературе средневековья.

Анализируя особенности русской и корейской поэзии, можно отметить, что их различие базируется на особенностях ментального восприятия лирических литературных образов. Так, одни и те же представители флоры и фауны рожают у разных народов различные поэтические ассоциации и могут выражать различные чувства и переживания авторов.

Формирование и развитие корейской поэзии второй половины XX в. было обусловлено трагическими катаклизмами конца XIX – начала XX вв., экспансией мировых держав, агрессией Японии, порабощением ею Кореи (1910–1945 гг.), разделением страны на две части – Север и Юг, гражданской войной (1950–1953 гг.). По существу, с разделения и гражданской войны между Севером и Югом страны начался один из наиболее тягчайших периодов истории Кореи, период трансформации государственности, распад семейных, родственных связей, общей для народа истории, культуры, искусства. В атмосфере этих трагических процессов развивалась корейская литература, лишенная общей почвы, начавшая новый отсчет времени в двух противоположных направлениях. Пролетарская литература Севера (КНДР) основывалась на доктрине ортодоксального марксизма, и по настоящее время развивается под воздействием господствующей идеологии чучхэ. Литература Юга (Республика Корея) развивается с опорой на фольклорные, литературные традиции Востока и Запада.

С усилением демократической устремленности, связанной с апрельской революцией 1960 г., преодолением закрытости страны в развитии литературы начался период «оттепели», свободы творчества, дебютов новых школ и направлений. На развитие новой литературы традиционное влияние также оказали конфуцианство, буддизм, даосское учение. Философские и религиозные традиции, далекие от корневой системы русской литературы, с одной стороны, затрудняли восприятие корейской поэзии, с другой – притягивали внимание как область неизведанного и экзотичного.

Говоря о восприятии литературы Южной Кореи, необходимо определить, в чем заключалось ее своеобразие во второй половине XX в. Для поэзии рассматриваемого периода характерен отход от традиционности, появление новых групп и направлений модернистского толка, эволюция поэтических взглядов, неоднородность взглядов на мир и на вещи. Правы Ким Хен Тхэк и Л. Писарева, которые подметили, что особый мир корейской поэзии второй половины XX в. был сформирован «двумя направлениями: с одной стороны, произведениями в духе модернистских преобразований, в которых соединялось влияние традиций восточной лирики и западной поэзии, с другой – так называемым направлением “участвующей

* Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус.

поэзии»¹. Направления, обращающего высокое поэтическое слово к проблемам реальной жизни.

Таким образом, модернизм был заметным событием в корейской поэзии 1950-х годов. Это облегчало ее восприятие всеми культурами, в том числе русской, которая и ранее ощущала влияние этого направления. Представители корейского модернизма Ким Ги Рим, Че Чже Со, Ким Су Ен, Ким Гю Дон верили в разум, необходимость полноценной свободы человека для социального прогресса, духовного развития народа. Усиление этих тенденций обусловило появление группы молодых поэтов – экспериментальных формалистов. Ким Чун Су, Син Дон Чжип, Кан Чжон Сам и др. Реформаторы поэзии, они «перенесли в свои стихи такие характерные черты, как особое внимание к языку, оригинальный стихотворный ритм, живописность, являющиеся достоинством традиционной лирики»².

Более широкому восприятию корейской поэзии способствовала демократическая революция 1960 г., обусловившая взлет поэтической мысли, эволюцию взглядов. Известные представители модернистского направления Ким Су Ен, Ким Гю Дон мягко вошли в течение «народной поэзии». Сторонники этого направления Син Чен Рим, Син Дон Ен выражали чаяния народа, простых крестьян. Предметом их переживаний становится прошлое страны, поработанная Японией Корея, душевное состояние человека, отношение его к бытию, к окружающему миру.

На развитие поэзии данного периода заметное влияние оказало творчество «поэта поэтов» Кореи Ким Со Воля. Неподдельная любовь к родной земле, великая его скорбь по мученической жизни народа, жертвам японской агрессии, близкое ему даосское презрение к внешним проявлениям славы, утверждение им священной взаимозависимости людей, человека и природы, жизни и смерти – все это становится императивом, общим объединяющим принципом для поэзии второй половины XX в., которая, однако, при всей своей многоликости и стремлении к авангардизму, не сумела выдвинуть гения, подобного Ким Со Волю, хотя и заявила о себе во весь голос творчеством Со Чон Джу, Ким Гван Соба, Ким Сан Ока, Ким Ен Хо, Пак Дже Сама, Ким Джи Ха, Чон Сан Бена и многих других представителей интеллектуальной народной поэзии.

Они достигли поэтических вершин, потому что их слово исходило из глубин сердец, потрясенных бедствиями народа, японской оккупацией, гражданской войной, утратой общей родины. В поэзии, оказавшей «свое влияние на экзистенциальное состояние человека – между полюсами Добра и Зла, между старым и новым укладом жизни, между вечным и временным»³.

Раскол страны, разобщенность народа, неопределенность будущего – все это отозвалось острой болью, чувством одиночества, неизбывной тоской, грустью в сердцах людей и стало предметом поэтического творчества Ли Хен Ги, Чон Сан Бена, Ким Ен Хо и других.

Мотив грусти, одиночества составляет основной лейтмотив в лирике Ли Хен Ги (1933), автора сборников «Одинокие река и гора» (1953), критических статей «Логика чувств», «Оценка корейской литературы» (1961).

В его стихотворении «В обратный путь» (1954) герой с грустью вспоминает о прожитой им тяжелой жизни. Поэт показывает трагизм, предельную напряженность переживания, измученного и обессиленного героя, сравнивающего себя с сухим опадающим листом:

Пора
Спускаться с холма.
В том месте, где с кашлем выплюнул кровь,
Лишь ветра пронзительный свист.
Может быть лучше, что я одинок,
Как сухой опадающий лист.

Трагизм, щемящая горечь, печаль на фоне общего пессимистического настроения авторов является характерными мотивами корейской поэзии этого периода.

У черты горизонта, на небе, на земле,
Есть ли приют в этом мире,
Посреди беспросветной ночи? –

вопрошает Ким Гю Дон в стихотворении «Поэт» (Ду Бо).

Те же мотивы в стихотворении Ко Ына «Придя в деревню Муны»(1974):

Зимой, придя в деревню Муны, я увидел,
Что когда смерть обнимает жизнь,
Остается одна смерть.
Казалось бы, смерть уже ушла,
Но услышав, что человек где-то рядом,
Оглядывается с полпути.

Те же мотивы в стихотворении Мун Бён Рана «Цветочное семя»(1971):

Когда сложенный из скорлупы печали костер
Разгорается посреди осеннего дня,
...яркое одиночество медленно созревает
У меня в глубине души!..

С другой стороны, превалирующие в корейской поэзии рассматриваемого периода мотивы грусти, одиночества облегчают ее восприятие русской аудиторией, знакомой с лирикой М. Ю. Лермонтова, С. Есенина, Н. Рубцова и многих других.

Восприятию корейской поэзии второй половины XX в. способствует и тот факт, что русская диссидентская поэзия того же периода во многом с ней созвучна. Потому что объединительным мотивом служит тема утраченной родины, ностальгия по прошлой жизни на родной земле. Этим мотивам, которым посвящен большой цикл стихотворений периода эмиграции лауреата Нобелевской премии И. Бродского, созвучно творчество Ким Су Ёна:

Человек, испытавший
 Чувство парения в небе,
 Стремясь к свободе,
 Знает,
 На что с высоты полета взирает
 Жаворонок, когда поет свою песню,
 Почему к чувству свободы
 Примешан запах крови,
 И почему
 Понятие «революция»
 Неотделимо от понятия «одиночество»?
«Синее небо» (1960)

С творчеством В. Высоцкого созвучны строки стихотворения Чон Сан Бёна «Возвращение на небо»(1970):

Я на небо вернусь,
 За руки взявшись с росой,
 Исчезающей от прикосновения рассветных лучей.
 Я на небо вернусь,
 Поиграв на краю горизонта с вечерней зарей.

А строки Лим Кан Бина из стихотворения «Камыши»(1979):

Катят полную луну
 Камыши.
 Шелестя,
 Катят полную луну
 Камыши...
 Наконец, в тиши
 Распрямясь,
 Знают, что такое боль,
 Камыши.

порождают ассоциации со знаменитым российским бардовским произведением «Облака, плывут, облака».

Весьма актуальной для корейской поэзии рассматриваемого периода является тема человека и природы, экологических катаклизмов, связанных с ускоренной модернизацией, волюнтаристским отношением человека к природе, неблагоприятным ее освоением.

Ярким примером этому служит творчество Ким Гван Соба (1905–1970). Вершинным произведением поэта является стихотворение «Голубь Сонбукдона» (1968), в котором автор раскрывает трагическую сущность бездумного наступления человека на природу, в результате чего страдают сами люди. Образ птицы, «изгнанной из мира природы, разрушаемого день за днем в процессе развития материальной цивилизации и не принятого новым поколением жителей современного города, символизировал душевное переживание и смятение человека в эпоху ускоренной модернизации и перестройки корейского общества»⁴. Все это составляет основное содержание произведения. Трагичность судьбы «птицы любви и мира» раскрывается в антитезе первых строк стихотворения:

Когда на горе Сонбукдон появились новые дома
 У голубя, что был старожилом Сонбукдона, дома не стало.

С большой художественной силой автор показывает, что люди, изгнав любящую их птицу с родной земли, обрекли себя на несчастья, потеряли самое важное — любовь, веру в свою святость:

Птица любви и мира, голубь, который
 В прошлом считал людей святыми,
 Был рядом с людьми,
 Вместе с людьми любил,
 Вместе с людьми наслаждался миром.
 А теперь потерял и родную гору, и людей
 Стал изгнанником, птицей,
 У которой не может родиться
 Даже мысль о любви и мире.

Восприятию корейской поэзии, создаваемой в условиях противостояния Севера и Юга страны, способствует и то, что проблема судьбоносного выбора пути является одной из ведущих тем в мировой литературе.

Подлинным художником, широко раскрывшим эту тему в корейской поэзии, был Ким Ен Хо (1912–1973), переживший вместе с народом все тяготы драматических событий XX в. Особый пласт в его творчестве, наряду с произведениями, касающимися японской оккупации, гражданской войны, раскола страны (сборники «Река Нактон», «Незамерзающий порт»), составляет лирический цикл, связанный с послевоенным периодом. В него входит одно из лучших стихотворений Ким Ен Хо —

«Трактир» (1956), в котором раскрылся необычайный талант автора. Неугасимая боль поэта за судьбу разделенной страны, понимание им того, что «счастье обособленное – не есть счастье», возвращает к урокам прошлого, без которого, по его мнению, невозможно сориентироваться в настоящем и определиться в будущем. Трактир – реальный объект социальной сферы – закусовая, где человек, устав от житейских проблем, невзгод, страданий, раскрепощается, согревается «теплом чьей-то души».

Образ трактира становится центром скрещения человеческих судеб, отправной точкой для определения дальнейшего направления их жизненного пути.

Однако смысл понятия «трактир» у Ким Ен Хо расширен, в нем воплощена бесконечность пространства, животворящий символ – символ родной земли, часть вселенной, где своим чередом идет многотрудная и многоликая жизнь:

Здесь из поколения в поколение
Сходятся и расходятся печальные дороги.
Где-то далеко отсюда,
Над величественным монументом добродетели
Течет время, острое и горькое.

Философичность широко используемого в мировой литературе образа прибрежной мятущейся души находит отражение в заключительных строках стихотворения:

Время!
Закусив жизнью,
Которая, говорят, солонее, чем соль,
Покидаю трактир.
Предо мною дорога,
Освещенная косыми лучами заката,
Тонкой ниточкой уходящая в бесконечность.

Поэтический образ, ассоциирующийся с распадом страны, трудностями послевоенного времени, несмотря на общий печальный его колорит, эмоционально выражен посредством эпитетов и метафор, овеян высокой гражданственностью автора.

Стремление к единению народа, братству, основанному на счастье, становится одной из животрепещущих тем в корейской поэзии третьей четверти XX в. Об этом говорится в стихотворении «Туманган» Ким Гю Дона (1923). Его герой, испытывавший все тяготы противостояния народа, мысленно устремляется к воссоединению страны:

Если наступит воссоединение,
Ничто не остановит меня.
Вернусь на реку Туманган.

Чувство сожаления о разделенной стране, веру в братство выражает известный поэт Чон Рёль (1932) в лирических сборниках «Далекий гром» (1960), «Мир ветров» (1976). Так, в стихотворении «Юг и Север», обращаясь к читателю, он говорит о священном, кровном родстве разъединенного народа:

Бедные кровные родственники!
Даже цветущее дерево для нас
Разделено на Северную и Южную стороны.

Более поэтично о том же самом говорит Мун Бён Ран в стихотворении «Созвездие Вега» (1976):

Разлука слишком длинная.
Печаль слишком длинная.
Ты, любимая, машешь рукой,
Стоя на земле смерти,
Куда со всех четырех сторон
Закрыты пути.

Апофеозом стихотворений данной тематики можно считать строки поэтессы Син Гён Рим (сборники «Крестьянин», «Река Намхан», «Дорога»), которую по праву считают основательницей одного из направлений в корейской поэзии:

Потерявшие землю, изгнанники-старики,
Появляясь только в темных закутках переулка,
То ослабевают от одного вздоха,
То становятся гневом потомков...
Душа женщины, у которой время отняло потомков,
То скитается неприкаянно, став всхлипывающим плачем,
То становится обиженной душой потомков...
«Ночной дождь» (1988)

Мотивы пессимизма, свойственные значительной части корейской поэзии рассматриваемого периода вполне объяснимы в контексте времени их создания, как отклик на трагические события, выпавшие на долю нации в прошлом столетии.

Однако было бы ошибочным считать, что в среде творческой интеллигенции преобладали упадочнические настроения, вызванные явлениями общественно-политической жизни. То были реалии современности, которые осмысливались, и результаты этого осмысления выражались художественным словом. В самых печальных и скорбных строках поэтов того времени, рождается надежда, что

Встретит пением птица
Наступление нового дня.
Лепесткам суждено раскрыться
Уже без меня.
Но о жизни, любви, красоте
Время песен случится.
«Птица» (1959)

Именно любовь и спасающая мир красота являются залогом единения людских сердец, разделенных пограничными столбами. Об этом, исполненные гражданственности, строки современного корейского поэта Чон Хенгжона, вошедшие в цикл «Сеульских стихов»:

Я говорю о Корейском полуострове.
Твердите Вы: «ракеты», «ядерные бомбы»,
«Войны», «груды пепла».
И нет другого пути, как только
Возвести крепость из красоты.
И только таким образом
Возвысить душу и тело.

Как тонко подметила А. А. Гурьева, «Возвести крепость из красоты» — это не значит отгородиться от соседей. Красота универсальна, она не имеет границ и тем самым способствует объединению»⁵.

Принимая за данность, что проблема объединения нации — проблема политическая, экономическая и социальная, мастера слова призывают к объединению духовному, к сосуществованию, где нет места ненависти и страданиям:

Никогда
Муки ненависти не испытывал
Разве у горной вершины,
Когда она умывается чистым солнечным светом,
Могут возникнуть темные мысли?

Никогда
Чувства страдания не испытывал.
Разве над горной грядой,
Где течет, словно музыка, ветер,
У кого-то прольются разноцветные слезы?
Син Дон Ёп. «Никогда» (1963)

Изначальная сущность происхождения живого, когда материальное и чувственное — деревья, звери, любовь обретают свои имена и выходят из водной стихии, когда водораздел современности разъединяет нацию глубоким проливом политических разногласий, в душе поэта рождается оптимизм, рефреном прозвучавший в лирике О Гю Вона (1941):

Дождь все идет, но, несмотря на дождь,
Тот, кто промок, не промокает дважды.

И пусть этот оптимизм подобен тлеющему в сандале угольку, однако его не загасит дождем разногласий современности. Реальность жестока, и им, поэтам второй половины XX в., было известно, что преодоление этих разногласий — болезненный и длительный процесс. Но для поэзии нет временных и пространственных границ. Устремляя свои мысли в прекрасное будущее и лелея надежды на его скорейшее наступление, они пытались внушить людям оптимизм и веру в то, что мечта, какой бы неосуществимой она ни казалась, обязательно сбудется. Даже в том случае, если их пророчества современники сочтут художественным чудачеством и фантазиями. Символический образ старика в стихотворении Ли Сон Бу (1942), который задался целью вычерпать лопатой реку Ёнсан до самого дна. Это Сизифов труд, это недостижимая цель, но

Теперь нет смысла просить прощения,
Или искать, чья в прожитой жизни вина.
Но старик эту реку
В сердце своем упрямо вычерпывает до дна.
«Чолладо» (1966)

И хочется верить, что вычерпает.

По этим строкам можно судить о характерных чертах всей корейской поэзии второй половины XX в. Ее представители, являясь носителями традиционных духовных ценностей нации, искали и находили новые способы и формы художественного отражения жизненных процессов. Несмотря на принадлежность к разным

художественным направлениям, они проявляли единство в раскрытии исторического смысла эпохи, вобравшей ощущение пессимистического умонастроения людей, которые не утратили веру в единство нации, в то, что самые жестокие испытания не в силах истребить ее исконные духовные ценности. Как истинные поэты, они возложили на себя груз ответственности за все, происходящее на отчей земле. Груз, отягощенный чувством вины за несправедливость мира. Они несли и продолжают нести в сердцах эту ношу, с упорством продвигаясь к вершинам творчества. И не в глубинном смысле, не в замысловатой восточной метафоричности и фило-софичности, не в умении видеть «огромный мир в горсти песка, и небо в чашечке цветка», а именно в этом заключается главная особенность восприятия корейской поэзии.

Примечания

- ¹ Корейская поэзия второй половины XX в. / Составители Л. Писарева, Ким Хён Тхэк. М., 2004. С. 8.
- ² Там же. С. 6.
- ³ Русская литература XX в.: Очерки. Портреты. Эссе. М.: Просвещение, 1991. Ч. 2. С. 307.
- ⁴ Корейская поэзия второй половины XX в. Указ. соч. С. 7.
- ⁵ Гурьева А.А. Петербург как «произведение искусства» в восприятии современного корейского поэта Чон Хен Чжона // Корея в поисках мира и процветания. М.: ИДВ РАН, 2004. С.103. ■

Ли Сан Юн*

ВЗГЛЯД НА КОРЕЙСКУЮ ЖЕНСКУЮ ПРОЗУ (ТВОРЧЕСТВО ЫН ХИ ГЁН)

В 1980–1990-е годы в Республике Корея появилась целая плеяда молодых писательниц, творчество которых открыло новую страницу в литературе этой страны. В своих произведениях они обращаются к проблемам, которые касаются внутреннего мира женщины, поиска смысла жизни, стремятся показать изменения в обществе через судьбы своих героинь и исследовать пробуждение женского самосознания. Одной из самых популярных писательниц 1990-х годов можно назвать Ын Хи Гён.

Ын Хи Гён родилась в 1959 г. в городе Кочхан (пров. Северная Чолла). Филологическое образование она получила в университетах Сунмён и Ёнсе. В 1995 г. состоялся ее дебют: в «Тонья ильбо» (동아 일보) был опубликован рассказ «Дуэт» (이중주), получивший премию этой газеты. В этом же году после выхода в свет романа «Подарок от птицы» (새의 선물), удостоенного премии фонда «Мунхак тонне» (문학동네), имя писательницы стало известно широкому кругу читателей. В 1998 г. Ын Хи Гён получила первую премию имени Ли Сана за рассказ «Коробки моей жены» (아내의 상자), вызвавший восторженный отзыв в литературных кругах Южной Кореи. По литературным премиям, полученным писательницей, можно судить о признании ее таланта.

Кроме рассказов, собранных в трех сборниках, Ын Хи Гён является автором четырех романов, последний из которых – «Тайна и ложь» (비밀과 거짓말) был опубликован в начале 2005 г. В новом романе, написанном после трехлетнего «молчания», писательница обратилась к проблеме отцов и детей, традиционным отношениям в семье. В нем судьбы героев – представителей нескольких поколений одного рода – тесно переплелись с историей страны. Своим новым творением Ын Хи Гён заставила читателей взглянуть на себя другими глазами. Литературные критики увидели в романе «зрелость» писательницы, новое идейное содержание и новый стиль.

«Дуэт» – первый рассказ Ын Хи Гён. В нем показано «рождение» в корейском обществе новой женщины с нетрадиционным взглядом на жизнь. Рассказ построен на сравнении судеб двух женщин: матери Чонсун и дочери Инхе.

* РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

История матери описана в ее собственных воспоминаниях и воспоминаниях дочери. Выйдя замуж, Чонсун вынуждена была терпеть унижения и страдания от жестокой свекрови, которая была настолько недовольна рождением девочки, что, несмотря на декабрьский холод, не отапливала комнату, в которой после родов лежала мать с ребенком.

«...Не думая о себе, Чонсун мучилась, словно ее тело режут на кусочки, от звука стучащих десен замерзающей малышки, которая еле шевелила пальчиками. Чонсун лежала, прижав к груди девочку, укутанную в ватное одеяло, прижималась к холодной щеке несчастного ребенка еще более холодным своим лицом и шептала: “Если уж говорить о страданиях с самого рождения, то, конечно, они достаются дочке”»¹.

Много горя причинил Чонсун и ее муж, часто увлекавшийся другими женщинами, но она молча терпела боль и никогда не жаловалась на судьбу.

«Что оставалось делать, раз в такое время пришлось жить? Все так жили. <...> Да разве в наше время считалось зазорным, если мужчина заводил другую женщину?»², – говорит она.

В корейском обществе с давних времен по традиции жена и наложницы должны были мирно сосуществовать под одной крышей. На эту тему написано немало произведений («Скитания госпожи Са по югу», «Облачный сон девяти» Ким Ман Чжуна)³. Если наложница оказывалась коварной, то, как правило, добродетельная жена вынуждена была уйти из дома. Она не вступала в борьбу с соперницей, не пыталась разоблачить клеветников и доказать супругу свою невиновность. Задача «образцовой жены» – во всех ситуациях сохранить свои высокие нравственные качества. В результате, после того как открывались все подлые намерения наложницы, зло наказывалось, добродетель торжествовала, в семье устанавливалась гармония.

В рассказе «Дуэт» Чонсун ведет себя традиционно. Вся ее жизнь была отдана мужу и детям. Воздаянием за такое поведение можно назвать благополучие семьи.

Во времена молодости Чонсун были сильны патриархальные законы, замужняя женщина в семье подчинялась воле мужа и свекрови. Но ее дочь принадлежит уже другому поколению, которое стремится к независимости. В образе Инхе писательница показывает женщину, которая не хочет жить по старым правилам. Она с детства в душе осуждает поведение отца, в студенческие годы уже открыто выражает ему свое негодование по поводу несправедливого отношения к матери, и наконец, выйдя замуж, решается на развод, не желая повторять судьбу матери. Такой выбор может сделать только женщина с сильным характером, для которой право самой определять свой путь в жизни важнее сохранения семейных отношений без любви. Для корейской женщины развод – трагедия, после которой трудно устроить свою судьбу, но героиня делает этот шаг. При этом ей отдана явная симпатия автора.

Очевидно, Ын Хи Гён не случайно дала своему рассказу название «Дуэт». В толковом словаре это слово определено как «музыкальное произведение для двух исполнителей (музыкантов, певцов, танцовщиков) с самостоятельными партиями для каждого»⁴. Несмотря на то что судьбы матери и дочери похожи и их жизнь можно сравнить с печальной мелодией, каждая из них «ведет» свою партию, и в этом дуэте партия дочери звучит независимо.

О положении женщины в семье говорится и в рассказе «Моя бедная жена»⁵ (1996), где рассматривается проблема одиночества и отчуждения супругов, живущих по традиционным правилам. Автор дает картину жизни обычной семьи, где муж весь день работает, а жена, занятая хозяйством и детьми, вынуждена все время проводить дома.

Сюжет рассказа очень прост. Муж случайно находит дневник жены и начинает читать. Он узнает сокровенные мысли жены, которую воспринимал лишь как хозяйку дома и мать своих детей. Заинтригованный муж продолжает украдкой читать записи и не может не реагировать на них.

Повествование ведется от первого лица – мужа. В то же время, в дневниковых записях он представлен третьим, а жена, соответственно, первым лицом, поэтому создается впечатление, будто супруги ведут диалог. Таким образом, некоторые события рассматриваются с двух позиций. Б. Успенский, исследуя центральную проблему композиции произведения – проблему точки зрения – сравнивает такое движение авторской точки зрения с движением «объектива камеры в киноповествовании»⁶. Читатель имеет возможность сам «смонтировать» эти отдельные описания в одну общую картину.

Герои рассказа безымянны: муж и жена, упоминая друг друга, используют местоимения «он» и «она». Жена рассказчика – молодая женщина около тридцати лет. Она заботливая мать и бережливая хозяйка, отличается спокойным характером, терпением и рассудительностью. В молодости у нее было немало поклонников, но она выбрала себе в мужа именно этого человека, думая, что он всегда будет внимательным и заботливым, каким показывал себя во время ухаживания за ней. Однажды героиня признается мужу:

«Сегодня твой день рождения, но его можно считать и моим. Потому что если бы ты сегодня не родился, то не было бы смысла родиться и мне»⁷.

Жена начинает вести дневник 7 апреля, но муж читает записи урывками, не обращая внимания на даты. Если содержание дневника расположить в хронологическом порядке, то можно проследить процесс постепенного изменения женщины, «запертой» в стенах своего дома с заботами о детях и кухне. До замужества умная и красивая, она хочет быть счастливой в семейной жизни, мечтает о любви. Не сумев найти в муже отклика на свои чувства, но не желая смириться с тем, что их любовь уже прошла, все острее ощущая одиночество, героиня придумывает себе

любимого. Затем она пробует выпивать, пытаясь заглушить тоску. Постепенно женщина превращается в неряшливую *ачжумма* («тетку»), которая не следит за чистотой своих ногтей и не стирает свою одежду. В конце рассказа, не сумев найти выхода из этого круга однообразных дней, героиня сравнивает свою жизнь с экскрементами.

Несмотря на то, что записи в дневнике сделаны весной и летом, в них ни разу не упоминается природа. Мир за пределами дома, где растут деревья, поют птицы, стал недоступен героине. Отсутствие пейзажных зарисовок, связанных с природой, и каких бы то ни было красок, подчеркивает безрадостную однообразную жизнь героев. В рассказе нет ни одного момента, когда муж и жена чувствуют себя счастливыми.

Жизнь современных людей подчинена условностям общества, тем правилам, которые ограничивают их свободу, и они вынуждены приспосабливаться к таким условиям. «Почему-то грустной показалась мне жизнь», — говорит муж. «Грустно так жить», — как будто вторит ему в дневнике жена. В этих словах, как нам кажется, звучит безнадежность.

Рассказ не случайно называется «Моя бедная жена». Дословно слово *пинчхо* (빈처貧妻) переводится как «страдающая от бедности жена», но в данном случае, очевидно, имеется в виду «утрата внимания, сочувствия».

Произведение с таким же названием «*Пинчхо*» было написано в 1921 г. известным писателем Хён Чжин Гоном (현진건 玄鎭健) (1900–1943)⁸. В нем рассматриваются проблемы корейского интеллигента, который во время японской колонизации не смог найти себя в реальной жизни, не смог использовать свои знания во благо себе и своей семье. Единственной моральной опорой для героя становится его страдающая жена. У молодой женщины не остается времени подумать о себе, о своих желаниях. Она озабочена лишь тем, чтобы добыть еду для мужа. Её «я» неотделимо от мужа, она полностью растворилась в нем. Это чисто традиционный тип корейской жены.

Два рассказа с одним и тем же названием отличаются прежде всего тем, что Хён Чжин Гон, несмотря на название, главным героем представляет мужчину, и взгляд на поведение жены у него, естественно, «мужской». Ын Хи Гён главную роль в рассказе отдает женщине и описывает не только ее состояние души, но и мужчины.

Между этими двумя рассказами пролегло 75 лет. Но, несмотря на большие изменения в жизни общества, происшедшие за десятилетия, традиционный тип корейской жены сохранил свои черты. Как правило, жена верно и преданно служит мужу и сама справляется со всеми трудностями. Разница лишь в том, что в начале века проблемы были связаны с материальной стороной жизни, а спустя десятилетия — с духовными потребностями.

Нам кажется, показав современную женщину в образе «бедной жены», Ын Хи Гён выражает свое мнение по поводу назначения жены. Сейчас большинство женщин, особенно те, кто получил образование, воспринимают себя как личность, у которой есть свои запросы, и они стремятся реализовать себя, занять достойное место в обществе. Однако роль «незначительного существа», которую многие века должна была играть корейская женщина, порой не позволяет многим женам и в наши дни чувствовать себя морально «свободным» человеком, и это приводит к трагедии — женщина ощущает себя «отработанным продуктом», который сливают в унитазе.

В рассказе «Коробки моей жены»⁹ (1998) Ын Хи Гён продолжает развивать тему отношений между мужчиной и женщиной, живущими в современном обществе. Здесь на примере молодой супружеской пары рассматривается проблема одиночества и отчуждения людей¹⁰. Автор показывает атмосферу общества, которое уничтожает стремление человека к любому проявлению своего «Я», лишает его индивидуальности и истинных чувств.

В рассказе просматриваются два слоя: верхний, где мы видим трагическую историю молодой женщины, которая не может иметь детей, и внутренний, содержащий главную мысль произведения. Неискушенному читателю может показаться, что события в рассказе разворачиваются вокруг проблемы, связанной с невозможностью женщины стать матерью. Однако во внутреннем слое просматриваются более глубокие проблемы, связанные с неудовлетворенностью человека, живущего в бесплодном мире, где нет естественных чувств, где равнодушие окружающих людей, часто самых близких, лишает «живого» человека энергии, без которой невозможно зачать новую жизнь.

В рассказах Ын Хи Гён «сюжетные коллизии возникают на бытовой основе, но они потому и коллизии, что сама действительность изменяется, и нормы ее сменяются»¹¹. Писательница рассматривает проблемы, связанные именно с переменами, которые происходят в современной жизни. В ее произведениях представлены героини, стремящиеся вырваться из бесконечного однообразия жизни. В рассказе «Коробки моей жены» героиня хочет вместе с мужем обустроить новую квартиру, делиться с ним своими впечатлениями о прочитанной книге или телевизионной передаче, она мечтает поехать с мужем в лес, пока цветут весенние цветы. «Бедная жена» в одноименном рассказе занята воспитанием детей, но не хочет быть только матерью; она мечтает о любви. Но мужей обеих героинь не интересует, чем живут жены. Они зарабатывают деньги и считают, что делают все, что требуется для нормальной жизни. Постепенно чувство одиночества овладевает женщинами, им все трудней становится выносить равнодушие своих мужей. Недостаток внимания, любви и тепла заставляют их искать выход. «Бедная жена» в одноименном рассказе начинает вести дневник, в котором выражает свои желания,

а потом пытается с помощью вина заглушить печаль, в рассказе «Коробки моей жены» героиня идет на встречу с другим мужчиной, а в «Дуэте» Инхе совершает поступок, на который может решиться не каждая женщина – разводится с мужем.

Тем не менее в современном обществе женщина по-прежнему не пытается самоутвердиться, организуя свою личную жизнь. Для нее будущее всегда связано с браком, семьей, детьми. С давних пор брак рассматривался как «социальное рождение женщины»¹². Не случайно героиня рассказа «Дуэт» после развода встречает своего школьного друга, который сумел сохранить любовь к ней. С ним у нее связаны надежды на новую жизнь.

Традиционно корейская жена должна быть верна своему мужу, несмотря на то что он ведет себя достаточно свободно. Порой она терпит измены мужа, равнодушные и даже насилие с его стороны. Долг перед мужем, детьми и страх перед общественным мнением удерживают женщину в рамках морали, привитой ей с детства. Во всех рассмотренных рассказах героини хранят супружескую верность. Лишь в рассказе «Коробки моей жены» женщины выпадают из ряда верных жен. Однако главная героиня представлена психически нездоровой, а другая – соседка, оказавшая влияние на нее – позволяет себе завести любовную связь в то время, пока муж находится за границей. Но муж возвращается, и она ведет себя как заботливая верная жена, боясь, что он узнает о ее похождениях.

Таким образом, можно сказать, что в сознании современной женщины произошли изменения в сторону отхода от традиционного понимания верности, которую олицетворяет Чхунхян¹³, но конфуцианские законы, регулирующие отношения супругов, и в наше время нарушаются крайне редко.

Следует отметить, что в двух рассказах («Коробки моей жены» и «Бедная жена») повествование ведется от имени героя-рассказчика, мужа. Писательница пытается посмотреть на женщину глазами современного мужчины, т.е. извне. И этот взгляд обнажает не столько сущность героинь, сколько самих героев. Поведение женщины, которая ведет себя внешне пассивно, не пытается отстаивать свою свободу, ничего не требует от мужчин, заставляет еще острее почувствовать проблему отчуждения в современных семьях.

Таким образом, в рассмотренных рассказах Ын Хи Гён представлены три разные героини – современные женщины с новым взглядом на семейные отношения. Рассказ Ын Хи Гён «Дуэт» во многом напоминает другие произведения, написанные корейскими писательницами, где рассказывается о тяжелой женской доле, эгоизме мужчин, где в финале героини остаются с надеждой на лучшее будущее. Однако рассказы, написанные позже («Моя бедная жена» и «Коробки моей жены»), отличаются от первого своей нетрадиционностью, которая заключается в том, что в них нет решений на поставленный вечный вопрос, касающийся взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Эти рассказы пессимистичны, автор не оставляет

надежды своим героиням: судьба женщины, живущей в «коробке», трагична, а дневник «бедной жены» полон безнадежности и грусти. И только героиня рассказа «Дуэт» Инхе надеется изменить жизнь к лучшему, преодолеть свои неудачи и построить новую семью. В этом рассказе можно проследить, как изменились люди и современное общество, как постепенно меняется самосознание корейской женщины.

Как отмечал Н. А. Бердяев, «в основе самосознания человека всегда лежали два противоположных чувства – чувство подавленности и угнетенности человека и восстание человека против этой подавленности, чувство возвышения и силы...»¹⁴.

В рассказах Ын Хи Гён об изменившемся самосознании женщины говорит тот факт, что большинство героинь образованны, они работают или работали до замужества, и потребность чувствовать себя свободным человеком дает им силы самостоятельно делать свой выбор.

Несмотря на то что в этих произведениях говорится о жизни корейского общества, в них ставятся проблемы, которые встречаются и у современных европейских или японских авторов. Ын Хи Гён ставит общечеловеческие вопросы, волнующие мужчин и женщин, независимо от того, в какой стране они живут.

В статье, посвященной своему творчеству, писательница пишет, что стремится «к выбору многоликих персонажей»¹⁵. Она не хочет, чтобы ее произведения напоминали написанные по правилам жанра любовные истории или рассказы с обязательными положительными и отрицательными героями.

Ын Хи Гён присущ свой неповторимый стиль, который можно назвать «трудным». Писательница большое внимание уделяет форме, способам изложения событий в рассказе, экспериментирует, применяет различные композиционные построения. Чтобы понять замысел автора, нередко использующего знаки и символы, читателю самому приходится разбираться в их значении. Писательница признается, что порой ее манера повествования вызывает затруднение у читателей. «Хорошо это или плохо, но я в своих произведениях всегда стараюсь излагать мысли в ироничном тоне, противопоставляя одно другому и не навязывая свои суждения»¹⁶.

В своей книге «Второй пол» Симона де Бовуар отмечает: «мужчина реализует себя как личность в деятельности и работе, тогда как для супруги свобода не имеет зримого воплощения»¹⁷. На Дальнем Востоке положение женщины многие столетия оставалось без изменений, она воспринималась лишь в контексте семьи и не имела права и возможности для проявления своей индивидуальности и самостоятельности в обществе. Современная Южная Корея во многом сохранила прежние порядки, но сам факт существования женской литературы, ее популярность говорят о том, что теперь у женщины появились стремление и возможность реализовать себя как личность. Подтверждением этого служит творчество писательницы Ын Хи Гён.

Примечания

- ¹ Ын Хи Гён. Дуэт // Попытка заговорить с другим человеком (은희경.이중주//은희경 소설집 «타인에게 말 걸기» – 문학동네). Сеул, 1996. С. 286.
- ² Там же. С. 289.
- ³ См.: *Ким Ман Чжун*. Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян / Перевод А.Ф.Троцевич. М., 1960. С. 323–407; *Ким Ман Чжун*. Облачный сон девяти // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах / Перевод А.Ф.Троцевич. Л., 1985. С. 247–427.
- ⁴ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1996. С. 179.
- ⁵ Ын Хи Гён. Моя бедная жена // Попытка заговорить с другим человеком. Указ. соч. С. 163–184.
- ⁶ *Успенский Б.* Поэтика композиции. С-Пб., 2000. С. 105.
- ⁷ Ын Хи Гён. Моя бедная жена. С. 171.
- ⁸ *Хён Чжин Гон*. Моя бедная жена // Полное собрание корейских рассказов (면진건. 貧妻/한국단편문학대전집 – 동화출판공사 韓國短篇文學大全集 同和出版社). Сеул, 1982. Т. 1. С. 180.
- ⁹ Ын Хи Гён. Коробки моей жены // Сборник рассказов, удостоенных премии им. Ли Сана в 1998 г. (은희경. 아내의 상자//1998년도 제 22회 이상문학상 수상작품집). Сеул, 1998. С. 23–59.
- ¹⁰ См. подробнее: *Ли Сан Юн*. Человек в мире «одинаковых вещей» (Рассказ Ын Хи Гён «Коробки моей жены»). Материалы X научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 292–297.
- ¹¹ *Шкловский В.* Повести о прозе: Размышления и разборы. М.: Худ. лит-ра, 1966. Т. 1. С. 67.
- ¹² *Айвазова С.К.* К истории феминизма: Марксисты и женский вопрос // ОНС. 1992. № 6.
- ¹³ См.: История о верности Чхун Хян / Перевод А.Ф.Троцевич. М., 1960. С. 33–130.
- ¹⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. Л., 1991. С. 344.
- ¹⁵ Ын Хи Гён. Женственность парадокса // Что из себя представляет литература XXI в. (은희경.역설의 여성성// 21세기 문학이란 무엇인가 – 민음사). Сеул: Минимса, 1999. С. 354.
- ¹⁶ Там же. С. 353.
- ¹⁷ *Бовуар Симона де*. Второй пол. М.: Прогресс, 1992. С. 546.

**В 2005–2007 гг. Институт Дальнего Востока РАН
подготовил к печати следующие научные работы:**

- Ежегодник «КНР в 2004–2005: политика, экономика, культура». Справочно-аналитическое издание.
- Россия и Китай. Сотрудничество в условиях глобализации.
- Александрова М.В.* Российско-китайские приграничные экономические отношения.
- Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку.
- Энциклопедия «Духовная цивилизация Китая». Т. I.
- Корея: Новые горизонты. Доклады, представленные на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2005 г.
- Москалев А.А.* Нация и национализм в КНР.
- Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации Китая: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину.
- Бирюлин Е.В., Кранина Е.И.* Экологические проблемы КНР. Опыт правового регулирования.
- Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации.
- Ежегодник «КНР в 2006 г.: политика, экономика, культура». Справочно-аналитическое издание.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай–Россия 2050: стратегия соразвития.
- Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь.
- Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в.
- Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами (*Переиздание*).
- Галенович Ю.М.* Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае.
- Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества.
- Актуальные проблемы современной Японии.
- Кузнецов В.С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР.
- Жебин А.З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен.
- Корейский полуостров и вызовы глобализации. Доклады, представленные на X научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2006 г.
- Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы.
- Политическая система и право КНР в процессе реформ. Сб. материалов.
- Ганшин В.Г.* Формирование гражданского общества в Китае и России.
- Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы.
- ВКП(б), Коминтерн и Китай. Сб. документов. Т. V.
- Галенович Ю.М.* Российско-китайские отношения (конец XIX – начало XXI в.).

Более подробную информацию можно получить
в Научно-издательском отделе ИДВ РАН
по телефону: 8 (495) 124-09-15.

Научное издание

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института Дальнего Востока РАН*

КОРЕЯ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Доклады, представленные
на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ
Москва, 29-30 марта 2007 г.

Оригинал-макет и обложка *С.А. Суднициковой*

Институт Дальнего Востока РАН.
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Подписано к печати ???.11.2007.
Формат 60 x 84 /16.
Печ. л. 21,875. Тираж 300 экз.
Заказ № ??